САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНТР ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН
И ФИНЛЯНДИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

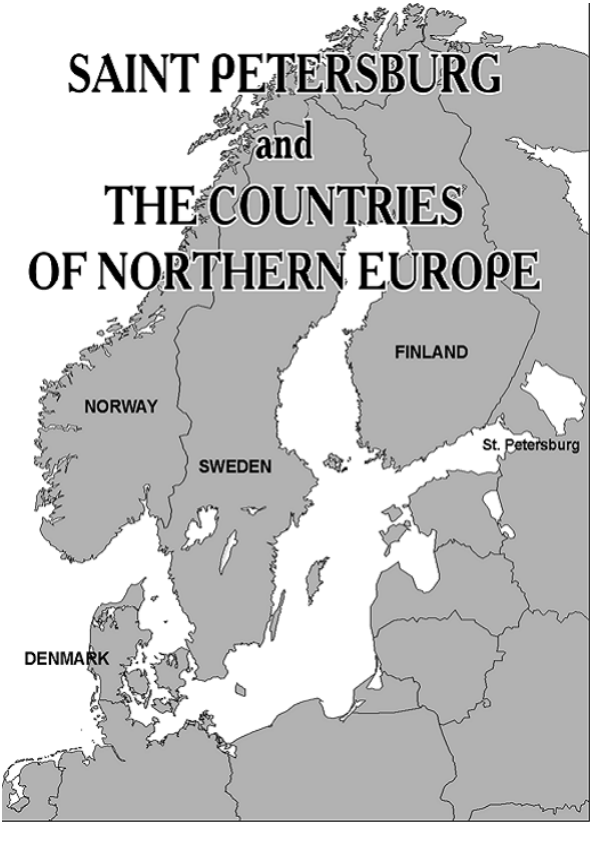
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

20 (2)

ISSN 2411-8796
Санкт-Петербург
2019

ST. PETERSBURG SCANDINAVIAN CENTER
SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY,
DEPARTMENT OF HISTORY
THE RUSSIAN CHRISTIAN ACADEMY FOR THE HUMANITIES

SAINT PETERSBURG and THE COUNTRIES OF NORTHERN EUROPE



20 (2)

ISSN 2411-8796
Saint-Petersburg
2019

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук, профессор В. Н. Барышников
(ответственный редактор),
В.-Т. Васара, доктор исторических наук, профессор В. Е. Возгрин,
доктор исторических наук, профессор П. А. Кротов
(зам. ответственного редактора), Д. Р. Лобанова,
доктор философских наук, профессор Д. В. Шмонин

Рецензенты:
кандидат исторических наук, доцент А. В. Лихоманов
(Российская национальная библиотека);
кандидат исторических наук А. И. Терюков
(Музей антропологии и этнографии РАН)

Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019. Вып. 20 (2): Материалы двадцатой ежегодной научной конференции / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. — СПб.: Изд-во РХГА, 2019. — 294 с.

ISSN 2411-8796

Журнал рассчитан на всех тех, кто интересуется проблемами отношений Санкт-Петербурга со странами Северной Европы.

Выпуск содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов двадцатой международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

© Авторы выпуска, 2019
© В. Н. Барышников, сост., 2019
© Издательство РХГА, 2019

The Editorial Board:
PhD in History, professor V. N. Baryshnikov (managing editor),
V.-T. Vasara, PhD in History, professor V. E. Vozgrin,
PhD in History, professor P. A. Krotov (assistant editor),
D. R. Lobanova, PhDoctor in Philosophy, professor D. V. Shmonin

Reviewers:
Candidate of Historical science A. V. Likhomanov
(The Russian National library);
Candidate of Historical science A. I. Teryukov
(The Museum of anthropology and ethnography
of Russian Academy of Science)

Saint-Petersburg and Northern European countries: Materials of the twentieth annual scientific conference / Edited by V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov. — SPb., RCHGA, 2019. — 294 p.

ISSN 2411-8796

The journal is intended for those who are interested in problems of relations between Saint-Petersburg and North European countries.

The issue consists of scientific articles based on the materials of the reports of the twentieth annual international scientific conference "Saint-Petersburg and North European countries".

© Authors, 2019
© V. N. Baryshnikov, edited, 2019
© Russian Christian Academy for the Humanities, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Журнал содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов двадцатой международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Конференция была организована под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре Скандинавских стран и Финляндии, кафедрой истории нового и Новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Русской христианской гуманитарной академией (РХГА), а также Историко-этнографическим музеем-заповедником «Ялкала».

Конференция проходила 24–25 апреля 2018 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения истории Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона. Традиционно на конференции принимали активное участие ученые Института истории СПбГУ, РХГА, а также исследователи Российской академии наук, ряда музеев и архивов.

Как в ходе работы конференции, так и в подготовке к изданию сборника большое внимание уделялось вопросам, связанным с юбилейными датами, характеризующими в 2018 г. отношения Санкт-Петербурга и России со Скандинавскими странами и Финляндией.

Материалы более ранних конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98–99», а также в последующих сборниках «Санкт-Петербург и страны Северной Европы»[1]. Все материалы конференций размещены на сайте — http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html.

[1] Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98–99: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб., 1999. С. 431–490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2001, № 2; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002, № 3; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2003, № 4; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004, № 5; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2005, № 6; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2006, № 7; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007, № 8; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2008, № 9; Санкт-Петербург и страны Северной Европы.

СПб., 2009, № 10; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2010, № 11; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2011, № 12; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012, № 13; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2013, № 14; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2014, № 15; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2015, № 16; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2016, № 17 (1); Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2016, № 17 (2); Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2017, № 18 (1–2); Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2018. № 19 (1); Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2019, № 20 (1).

PREFACE

The collection contains scientific articles prepared on the base of reports' materials of the twentieth annual International conference «Saint Petersburg and Northern European countries». The conference was organized by St. Petersburg Center for Research and Culture Of Scandinavia and Finland, the Modern history department of the the Institute of History of the St. Petersburg State University, Russian Christian Academy for Humanities (RCHGA) and the Historical-ethnographic museum-reserve «Yalkala» took part in organizing the conference too.

The conference was held 24–25 of April 2018. Historians, philologists, ethnographists, researchers of art and museums, culturologists, who make their research work in studying Petersburg and North-West region, participated in it. According to tradition scientists from RCHGA, many teachers and professors from historical, international relations faculties of the State University, also research workers of the Academy of Science, some museums and archives took part in the conference.

During the conference as well as preparation for it much attention was paid to themes concerning anniversaries characterizing relations between Saint-Petersburg and Scandinavian countries and Finland in 2018.

The materials of previous conferences were published in volume «Petersburg readings 98–99» and further editions called «Saint Petersburg and Northern European countries»[1]. All the materials can be found on site: http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html.

[1] Petersburg and North European countries // Petersburg readings 98–99. The materials of Encyclopedia's library "Saint Petersburg 2003". SPb., 1999. Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2001, № 2; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2002, № 3; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2003, № 4; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2004, № 5; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2005, № 6; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2006, № 7; Saint Petersburg and North European countries. SPb, 2007, № 8; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2008, № 9; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2009, № 10; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2010, № 11; Saint Petersburg and North European countries. SPb.,

2011 № 12; Saint Petersburg and North European countries. Pb., 2012, № 13; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fourteenth annual Scientific Conference. SPb., 2013; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2014, № 15; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2015 № 16; Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2016, № 17 (1); Saint Petersburg and North European countries. Vyborg, 2016, № 17 (2); Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2017, № 18 (1–2); Saint Petersburg and North European countries. SPb., 2018. № 19 (1); Saint Petersburg and North European countries.. Vyborg, 2019, № 20 (1).

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

С. Е. Ивлева

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТИПОГРАФ ГЕОРГИЙ ГОГЕНФЕЛЬДЕН (1828–1908). МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Гравер и типограф Георгий Васильевич Гогенфельден (1828–1908) внес значительный вклад в развитие русской ксилографии и искусства оформления книги. Многие годы он выполнял граверные работы для петербургских журналов и альманахов, принимал участие в оформлении самых известных иллюстрированных изданий 1840–1860-х гг. Его ксилографии с рисунков А. Оленина, А. Егорова, И. Иванова, Н. Львова к двум первым томам «Сочинений» Державина, изданным Академией наук в 1864–1865 гг., были признаны современниками «образцовыми». Между тем имя его до сих пор известно мало и любителям гравюры и книги, и специалистам. В 1923 г. известный искусствовед Константин Кузьминский назвал статью о Гогенфельдене в журнале «Среди коллекционеров» — «Забытый гравер». Он с сожалением отмечал, что «…Д. А. Ровинский и другие историки русской гравюры… совершенно упустили из виду такого прекрасного гравера, каким, несомненно, являлся Г. В. Гогенфельден»[1]. Гогенфельден так и остался «забытым», и многие факты его биографии не прояснены до сих пор. В первую очередь это относится к деятельности Гогенфельдена-типографа.

Георгий (Егор) Васильевич Гогенфельден родился в Петербурге 17 (29) марта 1828 г. Его мать — шведка по происхождению — была дочерью служащего технической части Экспедиции заготовления государственных бумаг. Отец — французский эмигрант, эльзасец Вильгельм (Василий) Гогенфельден рано умер, и юные годы Гогенфельден-младший провел в доме деда, в интернациональной среде художников и граверов Экспедиции, самого передового на то время полиграфического заведения России. Это, несомненно, повлияло на его выбор профессии гравера и определило интерес к типографскому делу. С Экспедицией Гогенфельден будет связан до конца жизни. Он выполнял различные работы как

гравер, заведовал разными отделениями и даже всю жизнь прожил в ведомственном доме Экспедиции на Фонтанке.

В мае 1860 г. Григорий Григорьевич Гагарин (вице-президент Академии художеств) в письме министру внутренних дел графу П. А. Шувалову просил «…разрешить граверу Гогенфельдену иметь в своей квартире скоропечатную машину, литографский пресс…и устроить соответствующее требованиям Академии техническое заведение»[2].

В августе 1860 г. был издан рекламный проспект, где сообщалось, что открывающаяся типография и литография Гогенфельдена принимает заказы на печатание обыкновенных книг и роскошных изданий с гравюрами на дереве. Особо отмечалось, что типография собирается заниматься работами, которые в обыкновенных печатных заведениях не исполняются. То есть приоритетным для нового заведения был выпуск изданий иллюстрированных, требующих мастерства не только печатника-типографа, но и художника-гравера. Гогенфельден обратился в Совет Академии с просьбой разрешить называться комиссионером Академии художеств.

Поддерживая просьбу типографа, Гагарин в письме министру императорского двора особо отмечал, что Егор Гогенфельден исполняет заказы для Академии художеств «по усовершенствованному им способу скоропечатания как в типографии, так и в литографии» и «…его работы служат важным вспомогательным средством к изящным искусствам»[3]. В ноябре Гогенфельден получил Высочайшее дозволение «…именоваться Комиссионером Императорской Академии художеств по типографской части и иметь на вывеске герб Академии художеств»[4]. Звание комиссионера давало ему возможность печатать все материалы Академии (годовые отчеты, каталоги академических выставок, технические учебные материалы), а также исполнять ксилографии с учебных и конкурсных работ учеников Академии.

Первоначально типография находилась на 8-й линии Васильевского острова за Средним проспектом, в дальнейшем, ближе к Академии, по адресу: 3-я линия, дом 44. Заведение совмещало типографию как таковую, литографскую и ксилографическую мастерские. Работали в ней несколько человек, включая владельца[5]. Первыми заказами, напечатанными по поручению Академии художеств в сентябре 1860 г., были «Указатель художественных произведений, выставленных в залах Академии, профессора А. П. Боголюбова»[6] и общий указатель «художественных произведений, выставленных в залах Академии художеств» — издания чисто текстовые, но выполненные с большим изяществом. В течение нескольких лет из типографии Гогенфельдена регулярно выходили годовые отчеты Академии, указатели годичных выставок, каталоги. В заведении Гогенфельдена были напечатаны два первых тома «Сборника материалов для истории Академии художеств за сто лет ее существования под редакцией П. Н. Пет-

рова». На титульном листе этого знаменитого, до сих пор необходимого всем изучающим русское искусство издания значилось: «В типографии Комиссионера Императорской Академии художеств Гогенфельдена»[7]. Вся продукция типографии отличалась высоким уровнем полиграфического исполнения и неоднократно получала одобрение руководства Академии.

Репутация типографии как высококлассного художественного заведения привлекла к Гогенфельдену многих издателей. Особо плодотворным было его сотрудничество с известным петербургским книгопродавцем и издателем Яковом Алексеевичем Исаковым[8]. В конце 1850-х гг. Исаков, выпускавший в основном учебники и детскую литературу, получил исключительное право на издание сочинений А. С. Пушкина. Он решил издавать не только собрания сочинений поэта, но отдельными брошюрами, доступными для массового читателя, иллюстрированные сказки и поэмы Пушкина. Для печатания пушкинских изданий Я. А. Исаков выбрал заведение Гогенфельдена. С начала 1860-х гг. по конец 1870-х гг. Исаков издал свыше 30 отдельных книжек поэм и сказок Пушкина[9]. Большая их часть была издана и переиздана типографией Гогенфельдена и снабжена его же гравюрами.

В ноябре 1860 г. Гогенфельден напечатал первую пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке». Тонкая 16-страничная книга в 8-ю долю листа была снабжена 5 черно-белыми политипажами-ксилографиями, гравированными Гогенфельденом с рисунков Александра Бейдемана. Уже в первой работе Гогенфельден показал себя мастером организации книжного пространства. Гравированные на дереве рисунки были вставлены в наборную полосу стихотворного текста не только для его сопровождения, но и для украшения страницы, составляя вместе продуманную композицию.

В феврале 1861 г. в его типографии была напечатана следующая сказка Пушкина — «Сказка о царе Салтане» с портретом Пушкина на обложке и 8-ю черно-белыми иллюстрациями в тексте, также гравированными с рисунков Бейдемана. В вышедшей в конце 1861 г. «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» 8 иллюстраций (черно-белые ксилографии с рисунков Константина Трутовского) были даны на отдельных листах — вклейках. Сказки выходили тонкими тетрадками, одного размера, тиражом от 3 до 10 тысяч экземпляров[10]. Цена колебалась от 10 до 25 копеек. В 60-е гг. все три пушкинские сказки несколько раз переиздавались в гогенфельдовской типографии и чрезвычайно быстро раскупались. В марте 1864 г. в типографии было напечатано одно из самых известных пушкинских изданий Исакова — «Евгений Онегин». Это изысканное (карманное) издание в 16-ю долю листа возвращало читателя к книгам эпохи ампира. Его украшали гравированный титульный лист и фронтиспис, выполненные Гогенфельденом с рисунков Валериана Крюкова.

В начале 1860-х гг. Гогенфельден печатал и другие произведения отечественных писателей, ставших достойными образцами книжного оформления.

В мае 1863 г. типография выпустила юмористическую поэму Я. Полонского «Кузнечик — музыкант»[11]. Титульный лист, авантитул, иллюстрации, заставки, концовки и инициалы Гогенфельден гравировал с рисунков Виктора Гартмана. Свободно расположенные на страницах книжные украшения создавали ощущение легкости, почти ажурности. Некоторые из заставок и буквиц были напечатаны коричневым тоном, что придавало книге особое изящество.

В начале 1864 г. вышло еще одно «литературное» издание, приумножившее славу заведения Гогенфельдена, — «Басни И. А. Крылова» с рисунками К. Трутовского[12]. В большеформатной, во 2-ю долю листа роскошной иллюстрированной книге Гогенфельден выступил художественным редактором. Он продуманно сочетал текст и иллюстрации (большинство гравюр издания выполнил М. Стариков[13]), гармонично организовав книжные страницы.

В 60–70-е гг. с маркой заведения выпускались чрезвычайно популярные у читающей публики иллюстрированные научно-популярные книги о «географических путешествиях». Первым из таких изданий стал выпущенный в середине 1862 г. иллюстрированный путеводитель по Волге. Назывался он «Волга от Твери до Астрахани». Инициатором издания выступило правление пароходной компании «Самолет», осуществлявшей основные пассажирские перевозки по Волге. Книга должна была исполнять роль своеобразного рекламного проспекта и убедить будущих путешественников в преимуществах поездки именно пароходами «Самолета». Иллюстрации для путеводителя было предложено сделать известному художнику-маринисту Алексею Петровичу Боголюбову (давнему знакомому Гогенфельдена), написать текст поручили его брату Николаю Петровичу, флотскому писателю. В книгу вошли 10 литографий, выполненных по путевым рисункам А. П. Боголюбова (иллюстрации-вклейки между страницами) и 31 ксилография — политипаж с его же рисунков, помещенных в полосу набора. Ксилографии гравировал Гогенфельден, литографии печатались в типографии под наблюдениям А. П. Боголюбова.

Детские «географические» издания стали в основном также результатом сотрудничества Г. Гогенфельдена и Я. Исакова. Для Гогенфельдена-типографа они давали возможность создать красивую иллюстрированную книгу, совместив в ней характерную для детских изданий повествовательность с достоверностью научной иллюстрации. В силу своего специфического содержания книги эти вызывали постоянный интерес у читателей всех возрастов и почти все были переизданы.

Занимательные «Рассказы американца Парлея о Европе, Азии, Африки и Америке» (первое издание — 1862 г., переиздано в 1873 г.) типография выпустила для самых юных читателей, иллюстрации были гравированы Гогенфельденом с рисунков Ивана Панова. Книги для детей старшего возраста (автором большинства из них был Михаил Чистяков[14]) состояли из очень подробных рассказов о географии и этнографии разных стран. Популярный двухтомник Чистякова «О странах и народах разных частей света» с гравюрами Гогенфельдена по рисункам В. Крюкова был издан в 1862 г. и переиздан в 1871 г. Его же книга «Живописные виды. Встречи и приключения» вышла в1866 г. и состояла из рассказов и повестей для детей «из истории и народного быта». При разработке характера оформления всегда учитывался возраст читателя, которому книга была адресована, это стало отличительной особенностью детских изданий типографии.

Еще одной интересной и даже неожиданной областью деятельности Гогенфельдена было издание книг по медицине. Большая часть из них — издания о первой доврачебной помощи, рассчитанные на самостоятельное изучение. Их названия заставляют вспомнить брошюры «санпросвета»: «О прививании оспы в деревнях» (1861) «Народный лечебник» (1865), «О знахарях и врачебной помощи в деревнях» (1865), «Сборник народно-врачебных средств» (1868), «Упрощенное лечение ран», (1876). Все книги были напечатаны на плотной «антивандальной» бумаге крупным шрифтом. Другое медицинское направление типографии — книги о гомеопатии с изящными цветными обложками и декоративными наборными линейками на страницах. Такой выбор типографа объяснялся просто. Все медицинские издания написал или перевел двоюродный брат Гогенфельдена, известный писатель и переводчик Владимир Дерикер, фанат распространения доврачебных медицинских знаний и популяризатор гомеопатии[15].

В общей сложности за два десятилетия (1860–1870) под маркой заведения вышло более 100 книг: художественная литература, издания для детей, книги о путешествиях, учебники, словари, справочники, книги по естествознанию, медицине, издания для Морского ведомства. Высокое полиграфическое качество изданий создали типографии потомка русских шведов Г. В. Гогенфельдена славу уважаемого и заметного печатного заведения Петербурга.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кузьминский К. С.* Забытый гравер // Среди коллекционеров. 1923. № 11–12. С. 54–55.

[2] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 789. Оп. 14. Д. 98-Г. Л. 4.

[3] Там же. Л. 8.

[4] Там же. Л. 9.

[5] *Гассельблат Ю.* Г. Гравирование на дереве в России // Вестник изящных искусств. Том 5. Вып. 6 СПб., 1887. С. 505.

[6] Гогенфельдена с А. П. Боголюбовым связывали давние дружеские отношения. Еще в 1854 г. для «Сборника известий, относящихся до настоящей войны» Н. Путилова Гогенфельден сделал несколько ксилографий с картин А. Боголюбова о Крымской войне.

[7] Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. СПб., 1864. Часть I, 1758–1811; Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. СПб., 1865. Часть II, 1811–1843.

[8] *Исаков Яков Александрович* (1811–1881) — петербургский книготорговец и издатель.

[9] Подробнее об этом: *Белов С. В.* Издатель Пушкина Я. А. Исаков // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987. Вып. 21. С. 173–181.

[10] *Либрович С. Ф.* Дело о рыбаке и рыбке: История одного пушкинского издания // Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольфа. 1915. № 12. Стб. 282–288.

[11] *Полонский Я. П.* Кузнечик — музыкант. Шутка в виде поэмы. С добавлением некоторых стихотворений за последние годы. СПб., 1863.

[12] Басни И. А. Крылова в IX книгах с биографией, написанной И. А. Плетневым. Рисунки академика Трутовского. Гравированные лучшими художниками. Восьмое издание. СПб., 1864.

[13] *Стариков Михаил Васильевич* (1835–1894) — ксилограф.

[14] *Чистяков Михаил Борисович* (1809–1885) — детский писатель-педагог. Соученик В. Г. Белинского и А. И. Герцена по Московскому университету.

[15] Самые известные издания типографии по гомеопатии: *Миллер К. М.* Домашний гомеопатический лечебник. СПб., 1865; Гомеопатическая фармакология: в 2-х томах. СПб., 1867–1869.

ЛИТЕРАТУРА

Гассельблат Ю. Г. Гравирование на дереве в России // Вестник изящных искусств. Том 5. Вып. 6. СПб.: Тип. М. М. Мтасюловича, 1887. С. 492–508.

Белов С. В. Издатель Пушкина Я. А. Исаков // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 21. Л.: Наука, 1987. С. 173–181.

Кузьминскикий К. С. Забытый гравер // Среди коллекционеров. 1923. № 11–12. С. 54–55.

Ивлева С. Е. Забытый гравер-иллюстратор Георгий Дерикер (1821/?/–1847) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2014. № 15. С. 21–26.

Ивлева С. Е. Иллюстрированные издания типографии Георгия Гогенфельдена. 1860-е гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2003. № 4. С. 351–356.

Либрович С. Ф. Дело о рыбаке и рыбке: История одного пушкинского издания // Известия книжных магазинов Товарищества М. О. Вольфа. 1915. № 12. Стб. 282–288.

Т. Г. Фруменкова

П. Г. ГАНЗЕН И ЕГО СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1899 г.

В 1902 г. в Петербурге вышла книга «Опыт оздоровления деревни», подготовленная П. Г. Ганзеном, датчанином, получившим российское подданство преподавателем. Этот труд ознаменовал поворот и в творчестве, и в практической деятельности П. Г. Ганзена. Его автор уже несколько лет проявлял интерес к социальной работе и наконец обратился к российским проблемам.

Удалось обнаружить всего несколько документов, предшествовавших появлению книги. Формулярный список П. Г. Ганзена, как выяснил исследователь М. А. Партала[1], сохранился в личном деле его сына Мануила, поступившего в Петербургский университет[2]. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) документов, связанных с назначениями П. Г. Ганзена, пока найти практически не удалось. Судя по формулярному списку, в 1899 г. П. Г. Ганзен был «уполномоченным Комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах»[3], но фонда этого комитета не существует. В отчете о домах трудолюбия в Вятской губернии (1900) сохранилась лишь копия доклада председателя Вятской губернской земской управы Вятскому земскому собранию. Автор доклада сообщает о «милостивейшем подарке», полученном в управе из канцелярии императрицы Александры Федоровны в апреле 1899 г. «Удостоивая внимания вопроса о призрении бедных и усматривая в применении трудовой помощи к воспитанию детей беднейших классов населения весьма важную меру», императрица поведала, что на собственные средства летом 1898 г. командировала П. Г. Ганзена, автора сочинения «Общественная самопомощь в Дании, Норвегии и Швеции», в названные страны «для собрания на месте возможно подробных сведений об оказании в них помощи к призрению бедных детей в видах здравого воспитания и подготовки их к честной рабочей жизни».

Отчет А. Г. Ганзена был представлен императрице, которая распорядилась составить по этим материалам особое сочинение и издала

его за свой счет. Работа была озаглавлена «Трудовая помощь в Скандинавских странах», и вся сумма, вырученная от ее продажи, поступала в пользу попечительства о домах трудолюбия, которое состояло под покровительством Александры Федоровны. При этом императрица, «в ознаменование особого своего благоволения к деятельности… учреждений трудовой помощи», распорядилась послать книгу П. Г. Ганзена в каждый дом трудолюбия, а один экземпляр канцелярия Александры Федоровны в связи с ее тезоименитством направила в Вятское губернское земство. Доклад сообщал, что в губернии работали по крайней мере 5 домов трудолюбия, в которых воспитывали, обучали грамоте и ремеслам детей представителей низших сословий[4].

Формулярный список сообщает, что 17 мая 1899 г. П. Г. Ганзен с разрешения министра внутренних дел был командирован в распоряжение действительного статского советника Л. Б. Галкина-Врасского, который отправлялся в губернии, пострадавшие от неурожая 1898 г., в качестве уполномоченного Комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах на три месяца. Позднее срок командировки был продлен до 1 сентября того же года. На службу в Электротехнический институт П. Г. Ганзен явился 31 августа[5]. Остальная информация о поездке содержится в его книге. Кстати, экземпляр сочинения, сохранившийся в фондах Российской национальной библиотеки, лишний раз подтверждает, что автор был весьма честолюбивым человеком. Книга имеет дарственную надпись, обращенную к литературоведу и историку академику А. Н. Пыпину.

Сочинение открывается вступительной статьей писателя-публициста Р. И. Сементковского под заголовком «Чем больна наша деревня?». Автор введения перечислил главные, по его мнению, проблемы деревни: малоземелье, общинное землевладение, невежество крестьян, отсталость сельскохозяйственных приемов, пьянство, тунеядство, отсутствие предприимчивости, неудовлетворительность приемов управления. Однако он утверждал, что в этом перечне, возможно, упущена главная проблема. Р. И. Сементковский отмечал, что П. Г. Ганзен касается этих проблем мимоходом. Он был призван «изыскать способы оказания помощи голодающему населению в некоторых приволжских губерниях» и сосредоточился на так называемой трудовой помощи, то есть решил не раздавать голодающим людям деньги или еду, а «доставлять им труд», оплачиваемый благотворителями. Однако и этот принцип не был выдержан до конца, так как в центре внимания уполномоченного оказались детские ясли-приюты, в которых взрослые могли оставить своих детей на время работы.

Важнейшим преимуществом П. Г. Ганзена являлся тот факт, что ему удалось ознакомиться с организацией трудовой помощи в странах «более культурных, чем Россия», опередивших ее в решении таких социальных

проблем: «Будучи родом датчанин, он прекрасно знаком с положением этого вопроса в Дании и других Скандинавских странах и прибыл на место действия с большим запасом не только добрых намерений и теоретических взглядов, но и практической опытностью». Изучение труда П. Г. Ганзена привело Р. И. Сементковского к выводу, что одним из главных недугов деревни является «отсутствие совместной дружной работы интеллигенции и народа»[6].

Сам П. Г. Ганзен утверждал, что для правильной организации помощи необходимо было знать и учитывать «местные экономические и бытовые условия». Автор признался, что заведование яслями-приютами в Малмыжском уезде Вятской губернии обогатило его бытовыми наблюдениями, но и при выполнении других работ по оказанию трудовой помощи ему удалось узнать немало интересного. П. Г. Ганзен резко критиковал даровую помощь, которую, по его убеждению, можно оказывать только в крайних случаях, в отличие от трудовой, которую предоставляется возможность получить в любое время. Он проанализировал свой опыт организации трудовой помощи в селе Кулыги Малмыжского уезда.

За несколько лет до появления уполномоченного уроженец села, лесопромышленник, предложил крестьянам осушить соседнее болото, для чего нужно было прорыть канал, провести в село воду из ключевых источников, проложить к селу более короткую и удобную дорогу. Собрался сельский сход, и после часа обсуждения его участники дружно отказались от участия в работах. Через председателя уездной земской управы и местного священника, у которого остановился столичный чиновник, он выяснил, что отказ крестьян не был бессмысленным. Во-первых, они опасались, что результаты их труда принесут выгоду только одному богатому односельчанину, который захватит осушенные земли, а неприятности с непродуманными переговорами у них уже были. Во-вторых, они не верили и в бескорыстие посланных П. Г. Ганзеном на сход представителей местной интеллигенции — техника и председателя уездной земской управы. Один из крестьян сказал председателю: «Известно, ты хлопочешь из-за того, чтобы угодить государыне и ее посланцам». Русский датчанин с удивлением отметил: «Крестьяне вообще не могут понять, что кто-нибудь, правительство или частные лица, могли делать им добро без какой-либо задней мысли». Автор, редко общавшийся с представителями низов русского общества, сначала поразился, но позднее, «познакомившись с опытом крестьян, перестал удивляться». Кроме того, он обратил внимание, что крестьяне нередко демонстрируют «умышленную наивность для замаскирования истинных причин тех или иных своих поступков»[7].

После долгих убеждений жители села все-таки подписали приговор, одобрявший работы по проведению воды, и петербуржец заявил им, что

очень доволен поездкой, так как убедился, что русские крестьяне «разумны и осмотрительны». К работам по расчистке ключей и проведению воды приступили немедленно, и чистая вода оказалась доступна жителям села менее чем через две недели. Затем был утвержден новый приговор, и сразу же начались работы по строительству узкого канала длиной 2 версты. За несколько недель крестьяне вырыли канал, им удалось подзаработать, и положение села улучшилось.

Трудовая помощь была использована и для спрямления дороги от Малмыжа до Вятки. Кроме того, был построен «дом труда» в Малмыже и «дом призрения и труда» в селе Кильмели, в нескольких самых бедных селах были созданы противопожарные запруды, оказана помощь кустарям-веревочникам и устроены 15 летних яслей-приютов.

В Вятской губернии П. Г. Ганзен осмотрел недавно организованные «дома трудолюбия», которые, по его мнению, не соответствовали рекомендациям попечительства, являлись не домами труда, а смесью богаделен с детскими приютами. Это обстоятельство он объяснял тем, что «наиболее обстоятельная нужда ощущается именно в этих учреждениях (яслях-приютах. — *Т. Ф.*), и за неимением их бессознательно присоединяют к этому назначению местные дома трудолюбия, не всегда возникшие в силу действительной потребности в них в данном месте»[8].

Ясли-приюты, по убеждению автора книги, имели большое значение для оздоровления деревни, на их организацию была назначена треть сумм попечительства, и П. Г. Ганзен в течение лета 1899 г. был директором малмыжских яслей. Приюты работали в летний сельскохозяйственный сезон. Крестьяне могли оставить малышей в яслях и не отвлекаться от сезонных работ. Ясли чаще всего размещали в пустующих летом земских школах. Надзирательницами яслей, как правило, становились сельские учительницы. При поступлении в ясли дети бедняков имели преимущество перед малышами из зажиточных семей.

П. Г. Ганзен считал, что Вятская губерния должна была показать пример всей России, и разослал надзирательницам яслей-приютов программу для наблюдений и отчета. При этом, естественно, можно было только пожалеть бедных руководительниц приютов, которым после тяжелейшего рабочего дня приходилось браться за перо, зато историки получили богатый материал по истории повседневной жизни крестьян Поволжья.

В целом работа была наполнена фактами, лишний раз доказывающими, что между народом и властью существовала глубочайшая пропасть. П. Г. Ганзен представлял попечительство, патронируемое императрицей, и не стремился акцентировать на этих примерах свое внимание, но обойти их не смог. По отчетам надзирательниц, крестьяне были преисполнены недоверия и подозрительности по отношению к чиновникам, включая

и земских деятелей. Автора-европейца такое отношение, как уже отмечалось, просто изумляло. Причину недоверия он видел в «непривычке крестьян видеть себя предметом особой и притом бескорыстной заботливости». Местные жители заподозрили в новшествах «чуть ли не ловушку со стороны начальства». Распространялись слухи, что ясли будут содержаться за счет крестьянских податей, что детей отберут, увезут в город, а родителей зачислят на казенную службу или вовсе сошлют в Сибирь, «более же темным из крестьян мерещились даже козни антихриста». При этом подобные слухи время от времени возобновлялись, например, когда в то или иное село приезжал сам П. Г. Ганзен или его начальник Л. Б. Галкин-Врасский. Общая подозрительность приводила к тому, что родители не доверяли конкретным действиям сотрудников яслей, не хотели, чтобы имена их детей вносили в списки, отказывались выполнять рекомендации медиков, муссировали слухи о плохом питании в приютах. Надзирательницам приходилось убеждать крестьян на сходах, обходить их избы, особенно при открытии яслей-приютов[9].

Огромные трудности вызывала организация яслей-приютов в старообрядческих и мусульманских деревнях. Преодолеть нежелание их обитателей отдавать детей на воспитание в большинстве случаев организаторы так и не смогли. Тем не менее им удалось открыть 15 яслей-приютов, которые посещали, нередко оставаясь в них и на ночь, от 9 до 160 детей. На каждый приют попечительство выделяло в среднем по 100 руб.

Наблюдения надзирательниц ярко рисуют проблемы и особенности повседневной жизни русской, марийской и удмуртской деревни (приюты работали в местностях, где проживало много черемисов-марийцев и вотяков-удмуртов). Видимо, эти печальные стороны крестьянской жизни также произвели на директора немалое впечатление, они и сегодня способны лишить иллюзий тех, кто идеализирует дореволюционную деревню в России. Автор наблюдал сам и получил от надзирательниц сведения о том, что характерными чертами деревенской жизни являлись грязь, несоблюдение правил гигиены, ужасающие традиции питания детей, спокойное, зачастую равнодушное отношение к их болезням и смерти.

Врачей в уезде было всего трое, но с помощью фельдшеров им удалось провести беглый предварительный осмотр детей. В одном из вотяцких сел многие дети оказались заражены сифилисом. Сам П. Г. Ганзен, приехав в большое село, увидел, как у красивого училищного здания собирается толпа маленьких грязных черемисов. Надзирательница сообщила, что в первые дни работы ей приходилось до полудня умывать лица ребятишек, промывать глаза, делать глазные примочки, потому что все дети были больны. Сначала процесс умывания вызывал у детей бурные слезы и плач, привычка умывать лицо, мыть руки, привычка к тому, что

их постоянно купают в доме и в бане, возникла у малышей лишь к концу лета. Воспитатели переодевали детей в казенную одежду, расчесывали и остригали им волосы, чтобы справиться с насекомыми, мазали, промывали, присыпали и т. п., борясь за чистоту[10].

Большие трудности вызывал наем прислуги из крестьянок. Жалование их было невысоким, жницы-поденщицы зарабатывали больше, кормили их гораздо обильнее и сытнее. Хлопоты с детьми, с одной стороны, являлись привычными и не считались работой, с другой — няньки были заняты и день и ночь. Надзирательницы по большей части предпочитали молодых грамотных нянек, но в уходе за младенцами находили преимущества и в помощи со стороны пожилых крестьянок. Однако среди нянек и кухарок нередко попадались темные, неграмотные, недисциплинированные женщины, они зачастую становились распространителями неблагоприятных для яслей слухов. Задачи, стоявшие перед надзирательницами, «бесконечно осложняла необходимость пользоваться помощью совершенно неподготовленной, неумелой и невежественной прислугой»[11].

Детей в яслях кормили 4 раза в день, давали обед и ужин, а утром и в полдник — чай с хлебом. Питание младенцев было организовано по представлениям тогдашней медицины. Отнятым от груди малышам давали кипяченое молоко, обычно разведенное кипяченой водой, жидкие молочные каши, — рисовую или манную. «Подростков»[12] кормили хлебом, кашами, овощами и молоком. Мясо (баранину, говядину) использовали преимущественно в деревнях с татарским населением, где «оно вообще в большем употреблении, нежели в русских деревнях», и в паре богатых русских сел. Обед и ужин состояли из похлебки на овощном или мясном бульоне или каши. Любимыми блюдами детей, кроме похлебки, были гречневая каша с молоком, горох, просяная и ячневая каши. Организаторы хотели, чтобы пища в приютах не отличалась от крестьянской еды. В остальное время проголодавшийся ребенок мог рассчитывать на кусок черного хлеба с солью.

Родители в основном были довольны питанием, но многие матери не соглашались с применением разведенного молока и старались угостить малышей, даже больных, разжеванными сушками или хлебом, а также ягодами. В «крестьянском быту» кормили «детей походя и чем попало», и многих родителей не устраивало определенное время приема пищи, некоторые считали, что так ребят «морят голодом»[13].

Ребятишки болели преимущественно желудочно-кишечными и простудными заболеваниями, причем помощницы сообщали П. Г. Ганзену, что в приюте дети чаще были здоровы, а после праздников возвращались больными, в первую очередь потому, что дома их беспорядочно кормили.

Так, 4-месячного младенца могли угостить ягодами калины. К болезни и смерти ребенка крестьяне, в отличие от переживавших надзирательниц, относились спокойно, по принципу, отмеченному и этнографами: «Бог дал, Бог взял», «Бог прибрал, не забыл». П. Г. Ганзен утверждал: «Общий процент смертности в яслях Малмыжского уезда был настолько ничтожен в сравнении с обычным процентом смертности грудных детей в деревне в страдную пору, что надзирательницы наши, не жалевшие своих трудов и сил, могут прямо гордиться результатами своих трудов. Из 786 детей, перебывавших в 15-ти яслях в течение двух месяцев, было 267 грудных, и из них умерло 8 чел., вообще же грудных детей в деревне в страду умирает от 40 до 70 %»[14].

Серьезно стоял и вопрос о том, чем занять малышей 3–5 лет с учетом того, что воспитательницы находились в непрерывных заботах о младших питомцах. В хорошую погоду дети проводили дни на свежем воздухе, во дворе, в саду или даже в ближнем лесу, возились в песке, играли с кубиками, брусками, совками. В плохую погоду «строительство» из кубиков и брусков дополнялось вырезанием из бумаги и лепкой.

В целом автор книги отмечал, что работа яслей заслужила признательность и благодарность со стороны крестьян-участников эксперимента и вызвала определенную зависть соседей из других уездов. Представители, как их называет автор, сельской интеллигенции (более образованные и зажиточные люди, в частности духовенство) из-за огромной занятости не проявили заметного интереса к приютам, зато их посещали жены и дочери духовных лиц, а также торговцев. Опыт организации яслей П. Г. Ганзен считал весьма ценным. Он составил конкретные рекомендации для будущих организаторов яслей-приютов, рассчитывая на развитие своей инициативы. В заметных масштабах этого не произошло, и, имея за спиной поддержку Александры Федоровны, датчанин начал сотрудничество с Ведомством учреждений императрицы Марии. В подчинении этого ведомства в сельских округах Петербургского воспитательного дома летние ясли действовали уже много лет[15].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Партала М. А.* От вершин телеграфного мастерства к вершинам литературного перевода // Петербургский журнал электроники. 2013. № 1 (74). С. 97–111.

[2] Сейчас находится в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.).

[3] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. 1912–1913. Д. 60696. Л. 19 об.

[4] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1839. Л. 1–5 об.; *Ганзен П. Г.* Трудовая помощь в скандинавских государствах. СПб., 1899.

[5] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. 1912–1913. Д. 60696. Л. 19 об., 21 об.

[6] *Сементковский Р. К.* Чем больна наша деревня? // Ганзен П. Г. Опыт оздоровления деревни. СПб., 1902. С. III–IV.

[7] *Ганзен П. Г.* Опыт оздоровления деревни. С. 13–14.

[8] Там же. С. 18.

[9] Там же. С. 31–40, 87–90.

[10] Там же. С. 31, 34, 38, 40.

[11] Там же. С. 44–58.

[12] *Подросток*, по В. И. Далю, это ребенок «на подросте» (Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. СПб.; М., 1882. Т. 3. С. 199). В воспитательном доме подростками называли детей, вышедших из младенческого возраста.

[13] *Ганзен П. Г.* Опыт оздоровления деревни. С. 59–66.

[14] Там же. С. 71–72.

[15] *Фрименкова Т. Г.* Детские сады и ясли в русской пореформенной деревне (сельские приюты и ясли Петербургского воспитательного дома во второй половине XIX — начале XX века) // Вестник Герценовского университета. 2008. № 5 (55). С. 70–73.

ЛИТЕРАТУРА

Ганзен П. Г. Опыт оздоровления деревни. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1902. [2], VIII, 3. 132 с.

Ганзен П. Г. Трудовая помощь в скандинавских государствах. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1899. [4], V, [3]. 279 [3] с.

Жаров Б. С. Телеграфист-переводчик-литератор-общественный деятель: П. Г. Ганзен в Санкт-Петербурге // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2010. № 11. С. 29–35.

История Дании с древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1996. С. 503.

Партала М. А. От вершин телеграфного мастерства к вершинам литературного перевода // Петербургский журнал электроники. 2013. № 1 (74). С. 97–111.

Сементковский Р. К. Чем больна наша деревня? // Ганзен П. Г. Опыт оздоровления деревни. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1902. С. III–VIII.

Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. СПб.; М.: Издание М. О. Вольфа, 1882. Т. 3. 555 с.

Фрименкова Т. Г. Русско-скандинавские контакты в истории воспитательных домов (вторая половина XVIII — начало XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2010. № 11 С. 301–310.

Фрименкова Т. Г. П. Г. Ганзен и его публикации по проблемам призрения детей-сирот и помощи бедным в странах Западной Европы и России (1892–1916) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018. № 19. С. 276–287.

Фруменкова Т. Г. П. Г. Ганзен и проект преобразования воспитательных домов (1905–1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2017. № 18 (1–2). С. 276–287.

Фруменкова Т. Г. Детские сады и ясли в русской пореформенной деревне (сельские приюты и ясли Петербургского воспитательного дома во второй половине XIX — начале XX века) // Вестник Герценовского университета. 2008. № 5 (55). С. 70–73.

Фруменкова Т. Г. Петербургские финны и столичный воспитательный дом (первая половина и середина XIX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2014. № 15. С. 232–243.

Фруменкова Т. Г. Финляндский округ Петербургского воспитательного дома во второй четверти XIX в. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2009. № 10. С. 393–403.

Д. А. Бажанов

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОРГАНОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЛАСТИ НА КОРАБЛЯХ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА ВЕСНОЙ 1917 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ ВИЗИТА А. Ф. КЕРЕНСКОГО В ГЕЛЬСИНГФОРС 9 МАЯ 1917 г.)*

Различным аспектам деятельности одной из ключевых фигур революционного процесса 1917 г. — А. Ф. Керенского — было посвящено значительное количество работ[1]. Внимание исследователей к Керенскому все больше связано с проблемами изучения феномена власти и ее восприятия различными группами населения, в том числе и военными. Используя ценный источник — письма, приходившие в Государственную думу, — обоснованно подвергла сомнению идею первенства А. Ф. Керенского как главного героя Февраля в первые недели революции в своей статье Е. С. Гавроева[2]. Проведенный количественный и качественный анализ позволили автору утверждать, что «первым гражданином» Февраля был именно председатель Государственной думы М. В. Родзянко. В то же время в рассматриваемый период ситуация уже поменялась, и роль новоявленного военного и морского министра как «примы» революции сомнению не подлежит.

Большое значение имеют работы доктора исторических наук Б. И. Колоницкого. Он ставил целью реконструкцию этапов складывания культа Керенского как лидера революции. Наметив в статьях приемы и стороны героизации «первого министра-демократа»[3], автор обобщил и систематизировал их затем в капитальной монографии[4]. В этом контексте Б. И. Колоницкий затронул и визит А. Ф. Керенского в столицу Финляндии 9 мая. Для него, однако, основное значение имели приемы выступлений военного и морского министра, отношение к нему представителей различных групп населения, в том числе и военных: солдат и моряков. Однако при таком подходе исследователь не рассматривал фактор «передаточного звена», то есть позицию тех лиц или органов власти, пытав-

шихся воспользоваться предлагаемой ситуацией в собственных целях. Определенные шаги в этом направлении были предприняты историком А. Б. Николаевым[5]. Его статьи рассматривают примеры, когда различного рода «деятели» пытались за счет влияния, которое получила в дни Февральской революции Государственная дума, добиться личных выгод, как материальных, так и связанных с участием во власти.

Предлагаемая статья рассматривает обстоятельства визита А. Ф. Керенского на главную базу Балтийского флота — Гельсингфорс — с позиции использования этого мероприятия различными политическими силами, представленными в столице Финляндии, для роста своего авторитета.

Практика посещения крупнейшей базы Балтийского флота различнми общественно-политическими и военными деятелями стала весьма распространенной с первых революционных дней. Уже логика первых дней нарастания революционных событий требовала присутствия авторитетных общественных деятелей. 2 марта командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. И. Непенин направил в Петроград начальнику Морского генерального штаба капитану I ранга графу А. П. Капнисту радиограмму для председателя Временного комитета Государственной думы (ВКГД) М. В. Родзянко с просьбой прислать двух представителей ВКГД «для переговоров и разъяснений». Далее он подчеркивал, что «мера эта крайне необходима возможно экстреннее»[6]. В ночь с 3 на 4 марта из Петрограда отправилась делегация, состоявшая из статс-секретаря по делам Финляндии Временного правительства Ф. И. Родичева, товарища председателя Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов М. И. Скобелева, а также трех членов Совета. 4–7 марта представители делегации выступали перед экипажами на кораблях, проводили митинги в порту и в городе. 9 марта Гельсингфорс посетила еще одна думская делегация: депутаты А. Г. Афанасьев и Е. И. Кедрин. В тот же день они выступали на заседании Совета. 10 марта они посетили 509-й Гжатский полк, а 11-го отправились в Северную гавань. Впрочем, предпочтение было отдано, по всей видимости, крупным кораблям.

Сохранившиеся документы позволяют выяснить, что думские представители побывали на линкорах 1-й бригады и на крейсере «Диана»[7]. 15 марта прибыла делегация Ревельского совета. На следующий день ее представители также посетили все дредноуты, проведя на них в течение второй половины дня митинги. Спустя еще три дня корабли, стоявшие в Гельсингфорсе, осмотрел первый представитель союзников — английский военно-морской агент Д. Гринфильд. 23 и 24 марта на крейсерах 2-й бригады побывали некий «лектор от Государственной думы», прочитавший лекцию о революции в России, а затем депутат Петроградского

совета Г. О. Биншток с выступлением «о социализме и тактике Совета Рабочих и Солдатских депутатов в текущих событиях». 30 марта смотр отдельным судам провел член делегации французской армии и флота капитан II ранга Б. Галю[8]. К. Салопенко, санитар на крейсере «Диана», впоследствии так вспоминал о тех днях: «К нам приезжали в те дни многие… И надо признаться, к стыду нашему, мы их на руках на корабль вносили»[9].

А. Ф. Керенский также посетил главную базу Балтийского флота 16–17 марта. Впрочем, тот его визит был ориентирован на знакомство с разными группами как русского, так и финского населения. Новое посещение столицы Финляндии было первым выездом в новой для него должности. В своих воспоминаниях Керенский впоследствии подчеркнул, что его интересовало состояние «большого флота», т. е. личный состав крупных кораблей[10]. Уже одно это подчеркивало значимость Балтийского флота, осознание им роли моряков в возможном возобновлении активных боевых действий. Судя по данным периодической печати, сведения о прибытии военного и морского министра в Гельсингфорс были получены буквально накануне. Наиболее раннее упоминание было обнаружено в «Известиях Гельсингфорсского совета» от 9 мая, т. е. в день приезда[11]. Оно было представлено небольшим объявлением, врезанным в правый верхний угол первой страницы газетного выпуска, что может говорить о его вставке в последний момент в уже сверстанный номер.

Если верить воспоминаниям П. Е. Дыбенко и Н. А. Ховрина, именно в это время произошло столкновение, ставшее «переломным в <…> взаимоотношениях с командованием флота»[12]. Речь шла о программе встречи министра в Гельсингфорсе. По версии мемуаристов, штабом вице-адмирала А. С. Максимова и или Областным комитетом депутатов армии, флота и рабочих Финляндии (мнение П. Е. Дыбенко), или Исполнительным комитетом Гельсингфорсского совета (мнение Н. А. Ховрина) такая программа была разработана[13]. Она предусматривала сбор представителей всех органов революционной власти на вокзале, а также проведение парада на Вокзальной площади. Центробалт, по воспоминаниям участника, «отменил эту церемонию, заявив: пусть каждый в Гельсингфорсе, встречать или не встречать Керенского», а командующий «не решился возражать»[14]. Однако мнение Н. А. Ховрина не вполне отражает сложность произошедшего. Благодаря такому решению ЦКБФ сложилась своеобразная ситуация, когда не только традиционные органы управления флотом (штаб командующего), но и органы революционной власти противоречили друг другу. Почему такое стало возможно?

Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть обстоятельства создания центрального органа военно-морского представительства

на Балтике. Традиционным поводом советские историки считали известную телеграмму 4 апреля от имени экипажей кораблей, несших боевое дежурство в Моонзунде — линейного корабля «Гражданин» и крейсера «Адмирал Макаров», — с предложением создать объединенный представительный морской орган на Балтике [15]. В то же время, оценивая ее значение, нельзя не отметить и мнение А. М. Блинова, указывавшего в своей специальной статье, что «фактически же создание общебалтийского комитета… началось задолго до обращения команд указанных кораблей, и не они явились инициаторами постановки этого вопроса»[16]. Полагаем, что можно отчасти согласиться с его оценкой проблемы, если принять во внимание деятельность органов матросского представительства крупнейших баз флота.

Еще 11–18 марта в Гельсингфорсе широкую известность получила деятельность Соединенного комитета 2-й бригады линейных кораблей. Во время заседаний комитета были рассмотрены хозяйственные вопросы, связанные с организацией обеспечения команд продовольствием, санитарно-моющими средствами, а также определены основы выборов и функционирования судовых комитетов[17]. В марте — апреле эти принципы были распространены и в Ревеле, и в Кронштадте. Однако в дальнейшем роль регулятора жизни экипажей взяла на себя матросская секция Гельсингфорсского совета. В Ревеле аналогичную роль выполнял Местный флотский комитет, созданный 6 марта. В течение марта он также неоднократно уделял внимание вопросам поддержания порядка на крейсерах, миноносцах и подводных лодках, базировавшихся в столице Эстляндии[18].

И в Ревеле, и в Гельсингфорсе пытались взять на себя роль координаторов процесса объединения военных моряков. После появления телеграммы команд «Гражданина» и «Адмирала Макарова» это стало весьма заметно. Так, Местный флотский комитет Ревеля 5 апреля ответил, что «такой [объединенный. — *Д. Б.*] комитет уже организуется»[19]. 7 и 10 апреля вопрос обсуждался на заседании ИК Гельсингфорсского совета. И если сначала его решение передали в штаб флота, то на втором заседании, куда прибыли ревельские представители, исполком, ради «сохранения выборного начала и демократических принципов», постановил образовать организационную комиссию из своей среды[20]. Благодаря этому Гельсингфорсский совет, оттеснив ревельцев, казалось бы, получил возможность влиять на создаваемый орган морского самоуправления. Однако уже на первом заседании ЦКБФ 28 апреля новый орган принял резолюцию: «Так как ЦКБФ рассматривает дела, касающиеся исключительно жизни флота, то ЦКБФ обсуждение своих постановлений должен представлять только матросской фракции, а не на всеобщее заседание»[21]. После этого

присутствовавший член ИК Гельсингфорсского совета покинул заседание. Результат Г. И. Силин, один из членов организационной комиссии ЦКБФ, входивший также в матросскую секцию Совета, охарактеризовал так: «Руководители Гельсингфорсского исполнительного комитета совета депутатов первое время были даже против такой организации»[22]. В дальнейшем эту тенденцию ЦКБФ продолжил реализовывать, в частности, в вопросе о следственно-судебной деятельности. 4 мая созданная следственная секция определила свои полномочия.

Признавая, что аресты «чинов и лиц морского ведомства» могут производиться по ордеру секции охраны народной свободы Гельсингфорсского совета, Центробалт приоритетными считал и свои ордера. Подтверждался этот подход и предписанием: «О всех возникающих недоразумениях относительно тех или иных лиц, принадлежащих к составу флота, Комитет просит сообщать в следственную секцию ЦКБФ»[23]. В результате к моменту рассматриваемых событий в столице Финляндии наметилось определенное соперничество между органами революционной власти. Косвенно в пользу именно этой причины позиции депутатов ЦКБФ свидетельствует и П. Е. Дыбенко. Он вспоминал, в частности, что встречать военного и морского министра должны были командующий флотом, представители Областного комитета Финляндии, ИК Гельсингфорсского совета. Особо мемуарист отметил: «…и в последнюю очередь — представитель от Центробалта»[24].

Еще одной причиной напряжения во взаимоотношениях двух органов революционной власти в Гельсингфорсе стали различия в партийном составе. В составе Совета, по данным петрозаводского историка Е. Ю. Дубровской, преобладало влияние «соглашателей» — социалистов-революционеров и меньшевиков, что подразумевает поддержку и беспартийных депутатов[25]. В Центральном комитете Балтийского флота вначале тон стали задавать более радикально настроенные депутаты. Это стало возможно в первую очередь за счет избрания многих из них в президиум Центробалта. Речь идет о большевиках председателе ЦКБФ П. Е. Дыбенко, товарище председателя матросе Ф. Ефимове и матросе И. Соловьеве. Также сюда необходимо добавить тогда беспартийного, но в основном поддерживавшего большевистских депутатов А. С. Штарёва[26]. Кроме них к радикальному крылу ЦКБФ можно отнести большевика председателя следственной секции Н. А. Ховрина, а также члена комиссии по подготовке общебалтийского съезда Г. И. Силина. Тем самым для части депутатов ЦКБФ приезд А. Ф. Керенского был возможностью продемонстрировать партийную принципиальность и добавить популярности представляемым течениям в столице Финляндии. Возможно, что решение не проводить сбор морских команд у вокзала принималось не полным составом

Центробалта, а его частью или президиумом. На это предположение наводит отсутствие протокола заседания, где было принято данное решение. Также П. Е. Дыбенко в своих воспоминаниях упомянул, что часть депутатов отсутствовала во время получения сообщения о прибытии А. Ф. Керенского[27].

Насколько серьезно повлиял на ситуацию этот демарш ЦКБФ? Можно согласиться с мнением исследователя Б. И. Колоницкого, который отмечал, что, несмотря на «дискуссии» между Советом и ЦКБФ, «визит Керенского проходил весьма торжественно»[28]. Военный и морской министр прибыл в Гельсингфорс около 10 часов утра. По воспоминанию очевидца этих событий, матроса Малолеткина, «к моменту прихода поезда на вокзале точно из-под земли в 15 минут выросла масса в несколько тысяч человек от разных частей войск, команд»[29]. П. Е. Дыбенко дополнил картину: «Навстречу — громовой раскат “ура”. Встречающие один за другим подходят с приветствиями»[30]. При этом показательно, что и сам председатель Центробалта обратился к А. Ф. Керенскому с приветствием, т. е. бойкотировать приезд министра ЦКБФ не собирался.

Несмотря на большое количество зрителей, А. Ф. Керенский не стал задерживаться для выступления на Вокзальной площади, и в автомобиле вместе с командующим флотом вице-адмиралом А. С. Максимовым отправился осматривать корабли. Начали они с 1-й бригады линейных кораблей, затем посетили наиболее активные в дни революции линкоры 2-й бригады «Андрей Первозванный» и «Республику». На последнем и произошел инцидент, наделавший шуму. После речи министра ему, по выражению участников, были заданы «вопросы», на которые он якобы дал «неудовлетворительные ответы». В таком виде эта история воспроизводилась и в мемуарах, и в исследовательских работах, в том числе новейших[31].

Однако содержание этих вопросов больше напоминало подготовленную заранее декларацию. Всего она включала в себя 13 пунктов, начинаясь призывом, который меньше всего подходил к вопросам: «Гражданин министр! Мы ждем скорейшего и энергичного приведения в жизнь нового демократического строя». Далее шло перечисление восьми требований, включавших уравнение пенсий и пособий, отделения церкви и школы от государства, поддержки пропаганды социалистических идей, прекращения травли представителей радикальных течений, создания крестьянских и рабочих комитетов, конфискации церковных, помещичьих и кабинетских земель, пропаганды за мир без аннексий и контрибуций, отправки делегатов в русские части на Западный фронт. Остальные пункты действительно являлись вопросами о пенсиях сенаторам, о характере войны, о голосовании А. Ф. Керенского в 1914 г.[32]

О заранее подготовленном характере такой встречи сообщал и Н. А. Ховрин[33]. Это может говорить о его причастности к составлению перечня. В то же время это скорее свидетельствует не о настроениях ЦКБФ, а о попытке использовать визит популярного политика для саморекламы своей партии.

Отметим, что схожим образом действовал член ИК Гельсингфорсского совета эсер-интернационалист П. И. Шишко, задавший А. Ф. Керенскому после его выступления перед исполкомом вопрос о переговорах с союзниками о возможности заключения мира без аннексий и контрибуций, а позднее — во время речи министра перед представителями Совета и комитетов в Народном доме — вопрос о возможности опубликования секретных дипломатических соглашений[34].

Что же касается Центробалта, то решением его председателя П. Е. Дыбенко депутаты отказались от приглашения явиться в штаб флота, куда после выступления перед экипажами кораблей и солдатами отдельных воинских частей, а также визита в ИК Совета и обеда отправился А. Ф. Керенский. На этот раз, судя по воспоминаниям участников событий, далеко не все депутаты ЦКБФ одобрили это решение. Особенно рьяно выступил против действий Дыбенко меньшевик член следственной секции унтер-офицер С. С. Магницкий, представлявший Ревельскую военно-морскую базу[35]. Однако он остался в меньшинстве после того, как председатель ЦКБФ умышленно или случайно сыграл на самолюбии депутатов, объясняя, что Центробалт является учреждением, таким же значимым, как и штаб флота или Совет.

После 16 часов вечера министр появился на транспорте «Виола», где и располагался Центробалт. Здесь наряду с обменом приветствиями и выступлением П. Е. Дыбенко, естественно, взял слово А. Ф. Керенский. Н. А. Ховрин вспоминал: «Надо сказать, ораторским искусством он владел неплохо… В нем чувствовался адвокат старой закваски, умеющий владеть вниманием публики»[36]. Далее произошло известное по воспоминаниям дискуссия Ховрина с А. Ф. Керенским, после чего его визит оказался скомкан. Причем, когда Керенский отбыл, часть депутатов, по словам Ховрина, «накинулась» на него. Только вмешательство беспартийного делегата матроса 1-го артиллерийского батальона Приморского фронта крепости Императора Петра Великого П. Крючкова[37] прекратило эти выступления. Однако это стало началом очевидного противостояния в самом Центробалте. В основном оно проявлялось между депутатами так называемых гельсингфорсской (более радикальная) и ревельской (соглашательская) групп.

А. Ф. Керенский после этого с большим успехом выступил вечером перед депутатами Гельсингфорсского совета и комитетов военных частей в Народном доме, а вечером уже он отправился обратно в Петроград[38].

Таким образом, визит А. Ф. Керенского попытались использовать в своих интересах основные органы революционной власти в Финляндии — Гельсингфорсский совет и Центральный комитет Балтийского флота. Обстоятельства создания последнего создавали между ними противоречия. Сила положения Совета заключалась в том влиянии, которое он имел как первый революционный орган власти, появившийся в Финляндии, а также в управлении значительными ресурсами (печатными, материальными и бытовыми) в Гельсингфорсе и его окрестностях. Центробалт потенциально мог рассчитывать на поддержку военных моряков как в Гельсингфорсе, так и за его пределами. Для этого было необходимо заявить о себе. Визит военного и морского министра для этой цели вполне подходил.

Аналогичные цели преследовали и радикальные политические силы — большевики и эсеры-интернационалисты, что объясняет акции на линкоре «Республика» и во время выступлений Керенского сначала перед депутатами ИК Совета, а затем уже и перед его общим собранием. В то же время можно согласиться с мнением Б. И. Колоницкого, что их усилий по дискредитации Керенского в тот момент не хватило — слишком была велика популярность «первого гражданина-министра»[39].

Несмотря на это, нужно признать, что усилия радикальной части депутатов ЦКБФ не остались совсем незамеченными теми, на кого они были рассчитаны. Именно после событий 9 мая о ЦКБФ стали чаще писать периодические издания Гельсингфорса. Впрочем, о визите А. Ф. Керенского на «Виолу» ни одна газета, не исключая большевистской «Волны», упоминать не стала. При этом конфликт, связанный с обстоятельствами приема Керенского в Центробалте, способствовал началу раскола в нем самом. Это приведет к его ослаблению как политического органа власти в июне 1917 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–09–00466.

[1] *Минц И. И.* История Великого Октября: В 3-х тт. М., 1967; *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967; *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980; *Старцев В. И.* Крах керенщины. Л., 1982; *Голиков А. Г.* Феномен Керенского // Отечественная история. 1992. № 5. С. 60–73; *Иоффе Г. З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995; *Федюк В. П.* Керенский. М., 2009; *Тютюкин С. В.* Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917). М., 2012. Развернутый историографический анализ см., например: *Никола-*

ев А. Б. Александр Федорович Керенский в 1917 году: краткая биография политика // А. Ф. Керенский: pro et contra, антология. СПб., 2016. С. 9–29.

[2] *Гавроева Е. С.* Письма во власть: солдаты и М. В. Родзянко (март 1917 г.) // Петербургские военно-исторические чтения. СПб., 2015. С. 112–117.

[3] См., например: *Колоницкий Б. И.* Культ А. Ф. Керенского и образы революционной власти // Отечественная история. 1999. № 4. С. 105–108; *Колоницкий Б. И.* «Взбунтовавшиеся рабы» и «великий гражданин»: Речь А. Ф. Керенского 29 апреля 1917 и ее политическое значение // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2014. N 7. P. 1–51.

[4] *Колоницкий Б. И.* «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март—июнь 1917 года) (далее — «Товарищ Керенский»…). М., 2017.

[5] *Николаев А. Б.* К вопросу об участии «темных личностей» в Февральской революции: заведующий Министерским павильоном М. М. Оверк // Герценовские чтения 2014. СПб., 2015. С. 133–149; *Николаев А. Б.* Самозванцы в Февральской революции: комендант Петроградской городской думы поручик Г. Корниде-Бад // Петербургские военно-исторические чтения. СПб., 2018. С. 129–141.

[6] Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГАВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 50.

[7] Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 9. Л. 230; Ф. 566. Оп. 1. Д. 62. Л. 76 об; Хроника // Известия Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих (далее — Известия Гельсингфорсского совета). 1917. № 3. 12 марта.

[8] РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 15. Л. 236; Д. 9. Л. 235; Д. 1. Л. 231; Ф. 566. Оп. 1. Д. 61. Л. 90, 91.

[9] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГАСПб). Ф. 9618. Оп. 1. Д. 108. Л. 73 об.

[10] *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 192.

[11] Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 9 мая.

[12] *Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм. М., 1966. С. 99.

[13] *Дыбенко П. Е.* Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., 2018. С. 84; *Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм. С. 99.

[14] *Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм. С. 99.

[15] *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М., Л., 1966. С. 78; *Хесин С. С.* Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 112.

[16] *Блинов А. М.* Центробалт // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 28.

[17] РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 102. Л. 5–9.

[18] *Козлова Е. А.* Местный флотский комитет Ревеля: создание и начало функционирования (март — апрель 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2017. С. 166–171.

[19] РГАВМФ. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

[20] Там же. Ф. Р-2063. Оп. 1. Д. 1. Л. 84.

[21] Там же. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

[22] *Силин Г. И.* Первый революционный штаб Балтфлота // Красный Балтийский флот. 1918–1923. Пг. 1923. С. 20.

[23] РГАВМФ. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

[24] *Дыбенко П. Е.* Из недр царского флота к Великому Октябрю. С. 84.

[25] *Дубровская Е. Ю.* Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих в 1917 году (март — октябрь). Петрозаводск, 1992. С. 47–48.

[26] *Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм. С. 96.

[27] *Дыбенко П. Е.* Из недр царского флота к Великому Октябрю. С. 84–85.

[28] *Колоницкий Б. И.* «Товарищ Керенский»… С. 279.

[29] *Малолеткин.* Приезд в Гельсингфорс воен[ного] и морск[ого] министра А. Ф. Керенского // Народная нива. 1917. 10 мая.

[30] *Дыбенко П. Е.* Из недр царского флота к Великому Октябрю. С. 85.

[31] См, например: *Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм. С. 102; *Мальков П. Д.* Записки коменданта московского Кремля. М., 1987. С. 23–24; *Хесин С. С.* Октябрьская революция и флот. С. 230, 232; *Колоницкий Б. И.* «Товарищ Керенский»… С. 279.

[32] Судовой комитет [«Республики»]. От линейного корабля «Республика» // Волна. 1917. 14 мая.

[33] *Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм. С. 102.

[34] [Б/а]. Экстренное собрание Исполнительного комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих по случаю приезда военного и морского министра А. Ф. Керенского // Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 14 мая; [Б/а]. Речь военно-морского министра Керенского в Народном доме // Там же. 11 мая.

[35] *Дыбенко П. Е.* Из недр царского флота к Великому Октябрю. С. 86; *Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм. С. 100.

[36] *Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм. С. 100.

[37] Там же. С. 102.

[38] Подробнее см.: *Колоницкий Б. И.* «Товарищ Керенский»… С. 280–283.

[39] Там же. С. 284–285.

ЛИТЕРАТУРА

Бажанов Д. А. Матросы и берег: 1-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в Гельсингфорсе (1914–1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2004. № 5. С. 155–164.

Блинов А. М. Центробалт // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 28–42.

Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М.: Наука, 1967. 413 с.

Гавроева Е. С. Письма во власть: солдаты и М. В. Родзянко (март 1917 г.) // Петербургские военно-исторические чтения. С.-Петербург, 21 марта 2014 г. СПб.: Элексис, 2015. С. 112–117.

Голиков А. Г. Феномен Керенского // Отечественная история. 1992. № 5. С. 60–73.

Дубровская Е. Ю. Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март-октябрь 1917 г.). Петрозаводск: Изд-во Карел. науч. центр РАН, 1992. 173 с.

Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М.: Наука, 1995. 238 с.

Козлова Е. А. Местный флотский комитет Ревеля: создание и начало функционирования (март—апрель 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб.: Элексис, 2017. С. 166–171.

Колоницкий Б. И. «Взбунтовавшиеся рабы» и «великий гражданин»: Речь А. Ф. Керенского 29 апреля 1917 и ее политическое значение // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2014. № 7. P. 1–51.

Колоницкий Б. И. Культ А. Ф. Керенского и образы революционной власти // Отечественная история. 1999. № 4. С. 105–108.

Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март—июнь 1917 года). М.: Новое литературное обозрение, 2017. 520 с.

Моряки-балтийцы в Гельсингфорсе в 1917 г.: Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Смолина // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 12. С. 246–251.

Николаев А. Б. Александр Федорович Керенский в 1917 году: краткая биография политика // А. Ф. Керенский: pro et contra, антология. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 7–95.

Николаев А. Б. К вопросу об участии «темных личностей» в Февральской революции: заведующий Министерским павильоном М. М. Оверк // Герценовские чтения 2014. Актуальные проблемы русской истории. СПб.: Элексис, 2015. С. 133–149.

Николаев А. Б. Самозванцы в Февральской революции: комендант Петроградской городской думы поручик Г. Корни-де-Бад // Петербургские военно-исторические чтения: Межвузовская научная конференция. С.-Петербург, 17 марта 2017 г. СПб.: Элексис, 2018. С. 129–141.

Петраш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.: Л.: Наука, 1966. 267 с.

Смолин А. В. Восстание в Гельсингфорсе 3–4 матра 1917 г. и убийство вице-адмирала А. И. Непенина // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2007. № 8. С. 22–33.

Смолин А. В. Независимость, рожденная в противостоянии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2018. № 18 (1). С. 219–227.

Смолин А. В. «Осетрина второй свежести»: К выходу Критического словаря русской революции: 1914–1921 / Составители Э. Актон, У. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев. СПб.: Нестор-История, 2014. 768 с. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2015. № 15. С. 226–293.

Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л.: Наука, 1980. 256 с.

Старцев В. И. Крах керенщины. Л.: Наука, 1982. 270 с.

Тютюкин С. В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917). М.: РОССПЭН, 2012. 309 с.

Федюк В. П. Керенский. М.: Молодая гвардия, 2009. 416 с.

Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М.: Наука, 1971. 487 с.

К.-Ф. Геуст

FINNISH AVIATORS IN THE IMPERIAL RUSSIAN AIR FORCE — RUSSIAN AVIATORS IN THE FINNISH AIR FORCE (SOME NOTES ON EARLY AVIATION HISTORY IN FINLAND)

The first demonstration of controlled flight in the Grand Duchy of Finland was performed by Russian Sergei Utochkin in Vyborg 11–12 May and in Helsinki 18–19 May 1912[1]. Utochkin was among the first aviation pioneers in Russia, and performed his first powered flight 15 March 1910 with a Farman-4 aircraft in Odessa. The same year he was awarded Russian Aviation Certificate No. 2. He performed long-distance flights to several European countries and to Egypt[2]. A full-scale replica of Utochkin´s aircraft is displayed in the Artillery Museum in Sankt-Petersburg.

As well-known the Russian Army and Navy constructed a strong chain of coast artillery forts at the mouth of the Gulf of Finland, in order to prevent the entrance to the Gulf and protect the Imperial Russian capital St. Petersburg[3]. Lesser known is is the fact that this *Naval Fortress of Peter the Great* also incorporated several naval aviation bases in Finland: Hermanni[4] (NE Helsinki), Lappvik (Lappohja, NE Hanko), Jungfrusund[5] and Vähä-Heikkilä[6] in the Turku region, Jurmo[7] in the archipelago between Turku and Åland islands and Granboda/Degerby[8] in the southern part of Åland, and also on the Estonian islands (Dagö/Hiiuma, Ösel/Saarema and Moon/Muhu).

After the separate Finnish Military was disbanded in 1901 (and replaced by a special tax applied to Finns) conscription (compulsory military service) in the Imperial Russian Armed Forces was not applied to citizens of the Grand Duchy.

Nevertheless, voluntary service in the Imperial Armed Forces remained rather popular among Finnish young men. Over 550 ethnic Finnish officers (of which 343 born in Finland)[9] served in the Imperial Russian Armed Forces during World War I. Most Finnish volunteers served in the Army, but several Finns served also in the Imperial Navy. Voluntary service in Army and Navy aviation units remained rather uncommon. However, at least six Finns served in aviation units[10], including Väinö Mikkola, Valfrid Nykänen and Arvi Pajunen.

Väinö Mikkola (1890–1920), who had studied electrotechnics in the German Mitteweide Technical Institute, applied in February 1915 for voluntary service in the Baltic Fleet. He graduated from Baku Naval Aviation School (Bakinskaja Ofitserskay Shkola Morskoj Aviatsii, BOShMA) in August 1916[11]. Mikkola served at the naval aviation station in Tallinn from February 1917 as Junior Liutenant. One month later Mikkola was transferred to the aviation unit onboard aircraft carrier Orlitsa, and already in August 1917 he was appointed head of this unit. In autumn 1917 he commanded Lappvik Naval Aviation Station for some time, and in December 1917 he was appointed Commander of Hermanni Naval Aviation Station[12].

Walfrid Nykänen (1894–1918) applied for voluntary service in the Imperial Army in October 1914. After graduation from Kazan Military School (Kazanskoye Voennoye Uchilische) in June 1915 he served in an infantry unit, until he was transferred to an aviation unit as observer, and later to pilot training in Gatchina Aviation School, graduating on 14 June 1917[13]. Thereafter he served in 7th Fighter Unit (aviaotryad istrebitelej) on the Galizian front.

Nykänen scored one air victory with a Nieuport-17 fighter near Gusyatin. On 13. September 1917 he shot down a German DFV C.V recce aircraft of Flieger Abteilung (A) 242 (German pilot Unterofficier Paul Phillip was killed, and navigator Hans Wangemann was injured). Nykänen performed 44 combat missions, flight time 68 h 35 min.

In mid-December 1917 Nykänen was demobilized and returned to Finland[14]. Upon arrival in Finland Nykänen joined the White army, and commanded Suojeluskunta (Skyddskår) in Lavia near Kankaanpää. Nykänen was killed by members of the Red Guard in Hämeenkyrö when he attempted to clandestinely reach Helsinki (held by the Reds as mentioned above) with the intension to capture an ex-Russian aircraft, and fly back over the front-line to the White side[15].

Arvi Pajunen (1895–195?) volunteered in autumn 1914, and entered the Cavallery School in Tver. After graduation he served in various Cavallery regiments, mainly on the Riga front. After recommendations from Nykänen in spring 1917 he was transferred to an aviation unit. Early autumn 1917 he entered Air Navigation School in Yevpatoriya (Aviashkola Letchikov-nablyudatelej). The October revolution interrupted the course, and in late 1917 Pajunen returned to Finland.

During the Finnish Civil war Pajunen served as the only skilled Finnish observer in the new Air Force. After the war Pajunen continued his aviation training in France, and got his Pilot´s Certificate in 1919. He got the Observer´s Badge on 20 October 1918, and the Pilot´s Badge on 26 November 1919. Pajunen served in the Finnish Air Force until 1925, and in other military units until late 1944.

Granboda Naval Aviation Station

Granboda Naval Aviation Station was headed by Senior Liutenant Georg Gerbert (1888–1980), graduate of Baku Naval Aviation Officers School (BOShMA) in 1915. After Granboda aviation station was disbanded Herbert remained in Finland, and 17 March 1918 he joined the Finnish Air Force (in Finland his name was translitterated with "H" as the first letter) [16]. Herbert served as flight instructor at Hermanni, and 7 November 1918 he was awarded Finnish Pilots Badge No. 3. In 1919 Herbert was transferred to the Finnish Navy, where he commanded torpedo boat S1, ex Russian *Navy Ryanyj*) until 1923.

The Soviet Arctic aviation pioneer *Vasily Molokov* (1895–1982, one of the very first Heroes of Soviet Union 20.4.1934) served at Granboda/Degerby as a young naval soldier. In his memoirs Molotov tells a rather peculiar story how Senior Liutenant Gerbert in early 1917 started to visit the soldiers´ barracks almost daily. H, asking questions about their living conditions, although he earlier did not take any notice what so ever of the privatees[17]!

Mikkola´s service during the Finnish Civil War

After the Russian revolution the Finns served prominently in the young Finnish Air Force. As mentioned Väinö Mikkola was Commander of the Russian Naval Aviation Station at Hermanni (approximately 10 km NE Helsinki). Although Väinö Mikkola had close contacts with the Suojeluskunta in Helsinki, he was strangely able to keep his position as Commander of Hermanni Aviation Station despite the Red Guard capture of power in Helsinki 27–28 January 1918 initiating the Civil war.

Mikkola performed 5 February 1918 a daring, albeit unsuccessful attempt to evacuate Senator (later President) P. E. Svinhufvud (disguised as engineer Carlsson) with an ex-Russian Farman M-16 naval aircraft. Because of engine malfunction Mikkola had to perform a forced landing immediately after take-off. Fortunately Svinhufvud was able to escape to his hideout in downtown Helsinki, while Mikkola was suspected to be a White agent. On 19 February 1918 the Finnish People´s Delegation (i. a. Red Government) issued an arrest order, and before Mikkola was able to escape to Vähä-Heikkilä near Turku he was arrested 4 March 1918 on board Orlitsa in Helsinki Western harbour[18].

Meanwhile Senator Svinhufvud escaped from Helsinki to Tallinn on 2–3 March 1918 on board icebreaker Tarmo, which was bravely captured by a voluntary White Commando Unit[19]. Mikkola was freed from Red arrest a few days before Helsinki was liberated by the Baltic Division (led by Maj.Gen. Count Rüdiger von der Goltz)[20]. Mikkola returned subsequently to the aviation station in Hermanni, and after a few days reported to Finnish General Paul von Gerich, Commander of the Finnish troops in southern Finland. Mikkola was entered in the Finnish Air Force register from 10 May 1918, and got Finnish Pilots Badge ("Wings)[21] No. 1 on 17 September 1918.

Mikkola was tragically killed 7 September 1920 in a catastrophy near Zollikon (Switzerland) during a ferry flight over the Swiss alps with three Savoia S.9 flying boats from Italy to Finland. Since Mikkola´s catastrophy the Finnish Air Force "Remembrance Day" is celebrated 7 September, honoring all Finnish pilots fatally perished or killed in action.

Red Guard aircraft 1918

During the Finnish Civil War the Red Guard used a few ex-Russian Nieuport-aircraft, based near Tampere. In late March 1918 Red officer Eino Rahja was evacuated from Tampere by aircraft. One Red aircraft was shot down near Vyborg in April 1918 — aviators Gusev and Baryšnikov were killed. No encounters in the air between the few White and Red aircraft took place during the Civil war.

Russian aviators arrive in Finland 10–11 April 1918

In spring 1918 Vyborg Suojeluskunta clandestinely recruited five Russian naval aviator officers to fly with their aircraft from Petrograd to Finland. After the revolution disorders and the Brest-Litovsk peace treaty of 3 March 1918, there was wide-spread disillusion in military circles, and many officers were disbanded. The aviators were recruited by Captain Aleksandr *Krashsheninin* (born in Viipuri 1886; had for a short period attended an aviation observer course in Gatchina). Recruitment terms were 100.000 Marks per aircraft, salary 3.000 Marks/months, Finnish passport and exit visa.

The first aircraft, a Grigoryevich M-9 flying boat piloted by Junior Lt. Mikhail Shablovich with Pioneer Lt. Vorobyev as passenger arrived 10 April 1918 from Oranienbaum to Antrea (now Kamennogorsk) on the Karelian isthmus, and landed quite unexpectedly on River Vuoksi. Thus Shablovich, who told the Finnish authorities about four aircraft due to arrive next day, was not trusted, but arrested.

On 11 April 1918 four Nieuport aircraft (two one-seater Nieuport-11 fighters and two two-seater Nieuport-10 recconnaissance aircraft) really arrived from Komendantskiy and landed on the ice of Patalahti at Antrea. Five escaping officers had served in naval aviation units[22].

Senior Liutenant *Mihail Safonov* (1893–1924) graduated from Baku Naval Aviation Officers School (BOShMA) in February 1916, after which he served at naval aviation stations in Kihelkonna and in Turku. Safonov was by far the most experienced of the Russian officers, and knew Mikkola very well as they had both been cadets at BOShMA. Safonov scored eleven air victories in WW I (of which five were "officially confirmed"), and was called "Baltic Eagle". He had been disbanded 19 March 1918[23].

Senior Liutenant *Igor Zaichevskiy* (1892–1970) graduated from the Naval Officers School in November 1914. He served on the cruiser "Gromovoi" until transfer to the Baku Naval Aviation Officers School (BOShMA), and graduated

in late 1915. He served also at the Kihelkonna naval aviation station. His brother Senior Liutenant *Oleg Zaichevskiy* (1894–1981) graduated 31 July 1915 from Gatchina Aviation School, from which he was transferred to Naval Aviation[24].

Senior Liutenant *Vladimir Parfenenko* (1893–193?). Graduated 25 May 1917 from Gatchina Aviation School, and was dispatched to the Black Sea Fleet. As promised the Russians were given new Finnish identities: Mihail Safonov — Mikko Vuorenheimo, Igor Zaitshevsky — Erik Ilmarinen, Oleg Zaitshevsky — Otto Ilmarinen, Vladimir Parfinenko — Valdemar Adlerheim, Mihail Shablovich — Mikko Heikkinen, Vorobyev — Auermaa, Aleksandr Krashsheninin —Aleksanteri Torikka. The Russian aviators served at first at the "international" aviation station in Lappeenranta (with German, Swedish, Danish and Finnish aviators). Recce flights were performed over Gulf of Finland and Karelian isthmus (including dropping of bombs); 27 April 1918 a Russian naval convoy retreating from Helsinki to Kronstadt was observed etc.

Parfenenko performed 18 May1918 the first looping in Finland. In June 1918 he served as flight instructor in Utti (instruction the first pilots trained in Finland), while the other Russians served at Turku flying various Russian and German aircraft. It is somewhat surprising that the Russians seem to have got rather well along with their former enemies — the German aviation officers in Finland! Apparently There was apparently a mutual professional understanding and respect, as all Russians were skilled and experienced aviators[25]. However, the service of Russians in the new Finnish Army become for various reasons increasingly difficult. On 11 September 1918 the Russian officers were dismissed, salary however paid until 1 November 1918.

Although the Russians were respected for their professionalism, and several Finnish officers supported their stay in Finland, there was also certain anti-Russian attitudes in Finnish military cirles. According to Mikko Uola the main opponent was the Military Minister Maj.gen. Wilhelm Thesleff, who considered their request for the promised (!)"compensation fee" being far too high. The sudden departure of the experienced Russian aviators caused a big problem for the Finnish AF — all flight training in Turku had be interrupted for some time because of lack of instructors[26].

The Zaichevsky brothers and Parfenenko (but for some unknown reason not Safonov!) were rather strangely only "post festum" awarded the Finnish Pilots´ Badge 6 February 1919. After departure from Finland the roads of the Russians parted: Mihail Safonov went to England and joined RAF. He served in Palestine and China, where he was killed during a test flight. Mihail Shablovich returned to Petrograd to see his mother, and was not seen again. Vladimir Parfenenko and the Zaitshevsky brothers went to Stockholm (with the intention to join Admiral Kolchak´s army). They became however involved in some illegal business of White-Russian General Khachelache, were arrested

and condemned to eight years captivity in Sweden. Parfenenko was able to escape from Sweden before arrest, and moved on via Vienna to Paraguay, where he apparently served as flight instructor in the 1930s[27].

After release from Swedish captivity after only four years Oleg Zaitshevsky emigrated subsequently via France and USA (where their parents escaped after the revolution) to Mexico. Igor Zaitshevsky remained in Sweden working as taxi-driver (own company from 1952). He was also a skilled oil-painter (specializing in portraits and religious motives).

Some twenty years later Aleksandr Krascheninin (who got Finnish citizenship in 1938, now surname *Torikka*) was to pay a high price for his anti-Bolshevik activities. When the new Finnish-Soviet border was established after the Winter war in spring 1940, he was captured by Soviet border-guards 28 May 1940, accused of espionage, and ultimately executed in Lubjanka 20 February 1941. Almost 60 years later, 24 January 2000, Aleksanteri Torikka was posthumously rehabilitated by the Military Procurator of Leningrad Military District.

To sum up — the promises given to the Russian officers were unfortunately not fulfilled — and after having risked their lives they too soon forced to leave Finland, where they are now almost forgotten.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Janarmo K. W.* Varhaisilmailumme 1753–1919. 1963. S. 60–62.

[2] Уточкин,_Сергей_Исаевич / Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/

[3] См.: *Амирханов Л. И.* Морская крепость Императора Петра Великого. СПб., 1995.

[4] *Heikkinen R.* Hermannin lentoasema // Suomen ilmailuhistoriallinen lehti. 2009, No. 3.

[5] *Söderlund Å.* Jungfrusunds flygstation — Ryska Östersjöflottans flygvapen i Söderlångvik 1916–1918. 2001.

[6] *Jokela A.* Wähä-Heikkilän kasarmialue ja Venäjän Itämeren laivasto // Rannikon Puolustaja. 2010. No. 4.

[7] Den kejserliga flygstationen på Jurmo — Jurmon keisarillinen lentoasema, n. d.

[8] *Gustavsson K.* Granboda Flygstation — Ryskt marinflyg på Åland under första världskriget. Mariehamn, 1991.

[9] *Harjula M.* ”Ryssänupseerit”. Ensimmäisen maailmansodan Venäjän asevoimien suomalaistaustaiset upseerit 1914–1956. Helsinki, 2013. S. 22.

[10] Ibid. S. 205.

[11] Baku Ofitserskaya Naval Aviation School was formed in November 1915 as a department of Officers Naval Aviation School (Ofitserskaya Shkola Morskoj Aviatsii, OShMA) located at Guguyevskiy ostrov in Petrograd. From July 1917 BShMA functioned as an independent institution (Zhuravlev et al p. 44–48).

[12] *Toivanen Y.* Väinö Mikkolan lentäjänuralta // Suomen ilmailuhistoriallinen lehti. 1993, No. 1; См. также: *Vallius S.* Väinö Mikkola — alppilentäjän elämä valokuvina ja esineinä. Tikkakoski. 2018.

[13] *Александров А. О.* Офицерская школа авиации: Свободная летопись. Ч. 2 (1914–1920). М., 2009. С. 173. Rather strangely Hairulin and Kulikov indicate that Nykänen graduated from aviation school in Sevastopol (*Хайрулин М., Куликов В.* Российские летчики-истребители Первой мировой войны. СПб., 2014. С. 251).

[14] *Хайрулин М., Куликов В.* Российские летчики-истребители Первой мировой войны. С. 238–243, 251–252, 259.

[15] *Janarmo K. W*. Varhaisilmailumme 1753–1919. Helsinki, 1963. S.74.

[16] *Gustavsson K.* Granboda Flygstation — Ryskt marinflyg på Åland under första världskriget. Mariehamn, 1991. P. 152.

[17] *Молоков В.* Родное небо. М., 1977. С. 11.

[18] *Toivanen Y.* Väinö Mikkolan lentäjänuralta // Suomen ilmailuhistoriallinen lehti. 1993, No. 2.

[19] *Mattson R.* The "Tarmo Affair". Helsinki, 2017. P. 8–10.

[20] The German Baltic Division landed in Hanko 3 April 1918, and advanced in eleven days to Helsinki.

[21] The first uniforms and decorations of the Finnish Army were designed by artist Akseli Gallen-Kallela, who served in General Mannerheim´s HQ. The Pilot´s Badge ("Wings") was approved by Regent P. E. Svinhufvud 28 June 1918. The central swastika element was adopted from the decoration of Finland´s first military aircraft, a Morane-fighter donated by Swedish Count Eric von Rosen. This aircraft landed in Vaasa 6 March 1918 and was solemnly received by General Mannerheim as Aircraft No.1 in "Finland´s Aviation Park". This date is considered as birth of the Finnish Air Force, and is celebrated as "Finnish Air Force Day".

[22] *Александров А. О.* Победы. Потери… Задачи, подразделения, начальствующий состав, летательные аппараты и вооружение морской авиации и воздухоплавания России, а также список побед и потерь с 1894-го по 1920 г. СПб., 2000. С. 81–82; *Журавлев В. В., Вабищевич. Е., Митюрин Д. В.* В небе Ораниенбаума: К 100-летию Морской авиации в Ораниенбауме, 2016. С. 93.

[23] *Йолтуховский В. М., Колесников Ю. Н., Щербина Г. Ф.* Морские соколы: Биографический справочник. СПб., 2016. С. 349–350.

[24] The father of the Zaichevsky-brothers Nikolai Zaichevsky was a nobleman, mining engineer and Governor of Zabajkalskaya Guberniya, Chita. См.: *Александров А. О.* Офицерская школа авиации. С. 159.

[25] The Finnish Air Force was commanded by German Captain Carl Seber 29.4–13.12.1918. He commanded the German garrison in Helsinki 1941–44, and simuntanenously served as Abwehr-representative. Seber was arrested and executed by Soviet authorities in Berlin 12.11.1945, and posthumously rehabilitated in November 1999. Lt. Conrad von Bülow (one of the most skilled German aviators in Finland; accidentally killed in Turku 11 August 1918) was a close friend of the Zaichevsky brothers.

[26] *Uola M.* Kotkanpojan lentoonlähtö. S. 138.

[27] См.: https://vk.com/topic-10712912_22650071

ЛИТЕРАТУРА

Александров А., Партиен К. Гидроаэроплан М-16. СПб.; Хельсинки: Без тит. л., 2001. 20 с.

Александров А. О. Победы. Потери… Задачи, подразделения, начальствующий состав, летательные аппараты и вооружение морской авиации и воздухоплавания России, а также список побед и потерь с 1894-го по 1920 г. СПб.: ИП «Комплекс», 2000. 182 с.

Александров А. О. Офицерская школа авиации. Свободная летопись. Ч. 2 (1914–1920). М.: Охотник, 2009. 192 с.

Журавлев В. В., Вабищевич. Е., Митюрин Д. В. В небе Ораниенбаума: К 100-летию Морской авиации в Ораниенбауме. Ломоносов: В. В. Журавлев и Г. Э. Вабищевич, 2016. 448 с.

Молоков В. Родное небо. М.: Воениздат, 1977. 141 с.

Никитин В. Финская армия: русский след. Люди и оружие. СПб.: Остров, 2017. 368 с.

Петров Г. П. Российский императорский воздушный флот. СПб.: Лики России, 2011. 264 с.

Хайрулин М., Куликов В. Российские летчики-истребители Первой мировой войны. СПб.: Гангут, 2014. 396 с.

Йолтуховский В. М., Колесников Ю. Н., Щербина Г. Ф. Морские соколы: Биографический справочник. СПб.: Свое издательство, 2016. 469 с.

Bremer A. Ilmavoimien osallistuminen Suomen vapaussotaan vuonna 1918. Helsinki: Otava, 1934. 258 S.

Gustavsson K. Granboda Flygstation — Ryskt marinflyg på Åland under första världskriget. Mariehamn: Ålandsforskarna. 1991. 207 P.

Harjula M. “Ryssänupseerit”. Ensimmäisen maailmansodan Venäjän asevoimien suomalaistaustaiset upseerit 1914–1956. Helsinki: Books on Demand, 2013. 501 S.

Heikkinen R. Hermannin lentoasema // Suomen ilmailuhistoriallinen lehti. 2009, No. 3. S. 4–11.

Janarmo K. W. Varhaisilmailumme 1753–1919. Helsinki: Otava, 1963. 120 S.

Jokela A. Wähä-Heikkilän kasarmialue ja Venäjän Itämeren laivasto // Rannikon Puolustaja. 2010, No. 4. S. 80–85.

Söderlund Å. Ryska östersjöflottans flygverksamhet i Finland under första världskriget: Jungfrusund och de övriga stationerna i ett jämförande perspektiv. Avhandling pro gradu i nordisk historia, Åbo Akademis humanistiska fakultet, Åbo 2000. 181 P.

Toivanen Y. Väinö Mikkolan lentäjänuralta // Suomen ilmailuhistoriallinen lehti. 1993, No. 1. S. 4–8; 1993, No. 2. S. 9–16; 1993, No. 3. S.4–7; 1994, No. 1. S. 4–8.

Uola M. Kotkanpojan lentoonlähtö. Porvoo: Koala, 2018. 368 s.

Vallius S. Väinö Mikkola — alppilentäjän elämä valokuvina ja esineinä. Tikkakoski. 2018. 207 S.

Д. В. Родин

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ПРОЕКТ «СЕВЕРНОГО ЛОКАРНО» РАФАЭЛЯ ЭРИХА

Идея «Северного Локарно», как и других проектов «новых Локарно», нечасто привлекала внимание исследователей, во многом в связи с тем, что им была уготована общая судьба: ни один из них так и не был реализован на практике. Тем не менее изучение подобных проектов представляется весьма важным, так как сам факт их появления демонстрирует поиск путей к выстраиванию системы общеевропейской безопасности в межвоенный период. Министр иностранных дел Латвии Х. Албатс заметил по этому поводу в конце 1925 г.: «Без умиротворения Восточной Европы Западный пакт остается всего лишь ничего не значащим клочком бумаги»[1]. Соответственно, в рамках данной статьи будет рассмотрена идея финского представителя в Лиге Наций Р. Эриха по созданию «Северного Локарно», являвшая собою попытку объединить страны Балтийского региона в рамках системы гарантийных пактов, способных обеспечить безопасность и территориальную целостность местным странам, а также причины, приведшие к краху этой идеи, в частности реакция со стороны СССР.

Сама идея объединения стран Балтийского региона зародилась практически сразу после обретения независимости «странами-лимитрофами». Сторонниками подобного объединения были такие политические деятели, как К. Р. Пуста, З. А. Мейеровиц, А. Скшиньский (министры иностранных дел Эстонии, Латвии и Польши соответственно), идея Балтийского блока обсуждалась на конференции в Булдури (август 1920), встречах министров иностранных дел в Хельсинки и представителей военных штабов Прибалтийских стран в Риге (январь и март 1925), Женевском совещании министров иностранных дел Эстонии, Латвии, Польши и Финляндии (сентябрь 1925). Наибольшим прорывом на данном направлении стало подписание в 1922 г. представителями Эстонии, Латвии, Финляндии и Польши Варшавского соглашения, предусматривавшего

совместные меры указанных государств в случае агрессии против любого из них. Однако в силу данный документ так и не вступил.

Советская дипломатия последовательно выступала против стремления Прибалтийских стран создать единый военно-политический блок. Вследствие того, что эти государства, как отмечает исследователь данного вопроса М. Ильмярв, оценивались не как самостоятельные образования, а «как государства, находящиеся под воздействием Британии, Польши, Франции и Германии и независимые лишь номинально», одна из главных задач внешней политики СССР заключалась в том, чтобы воспрепятствовать созданию на своей западной границе союза лимитрофов[2]. Отсюда и стремление добиться от стран Балтии нейтралитета во внешней политике, для чего использовались как экономические, так и дипломатические рычаги влияния.

Однако и среди самих балтийских стран не было единства. В частности, правительство и дипломаты Финляндии неоднократно выступали против объединения государств Прибалтики под эгидой Польши. Именно финское правительство отказалась ратифицировать Варшавское соглашение, так как договор, направленный не только против Советской России, но и против Германии, был бы, по словам исследователя А. Ф. Рубцова, «для правых элементов Финляндского государства совершенно неприемлемым»[3]. Спустя три года немецкий посол Г. Хаушильд сообщал в Берлин о позиции, занятой финским министром иностранных дел К. Идманом в ходе Женевского совещания: «Присоединение Финляндии к “Балтийскому союзу” полностью исключено»[4]. Заявление финского министра, в свою очередь, повлияло и на позиции министров Эстонии и Латвии.

Причиной нежелания Финляндии вступать в блок под контролем Польши являлось недоверие к польский внешней политике, казавшейся финнам крайне непредсказуемой, способной спровоцировать конфликт с Советским Союзом, чего Финляндия стремилась избежать. Кроме того, «Балтийский блок» сулил бы Финляндии нежелательный союз с заведомо более слабыми Эстонией и Латвией. Вместо этого Финляндия с все большей надеждой смотрела на Скандинавские страны и на Лигу Наций. Вступивший в феврале 1925 г. в президентские полномочия Л. К. Реландер, придерживаясь дружественной позиции в отношении Эстонии и Латвии, подчеркивал, что любые соглашения с Польшей уводят Финляндию от Скандинавии и поэтому более невозможны[5]. Интересам Финляндии отныне соответствовало поддержание контактов и координирование политики с «окраинными государствами», но без обязательств военно-политического характера.

Это привело к формированию важной дилеммы, проявившейся при выборе Финляндией внешнеполитической ориентации. Как отмечает

исследовательница М. А. Катцова, она заключалась в кардинальных различиях между прибалтийским и скандинавским вариантами регионального сотрудничества: «Интересам восточно-балтийских стран соответствовал “жесткий” вариант сотрудничества, нацеленный на заключение политического или военного союза с четкими взаимными обязательствами, Скандинавские же страны, напротив, стремились к налаживанию “мягкого” сотрудничества, основанного на общественных и гражданских связях»[6]. Попыткой Финляндии связать два варианта регионального сотрудничества на Балтике стала идея заимствования «опыта Локарно» странами Северо-Восточной Европы.

Нельзя не признать, что Локарнская конференция в целом оказала большое влияние на умы пацифистски настроенной общественности, породив в них надежду, что в скором времени аналогичные соглашения охватят всю Европу. Эти надежды подогревали «творцы Локарно». Например, британский министр иностранных дел О. Чемберлен в беседе с литовским посланником Е. Гальванаускасом 10 ноября 1925 г. говорил «о своем желании, чтобы другие государства последовали примеру великих государств и в том же духе заключили со своими соседями региональные пакты»[7]. В Хельсинки ухватились за подобные высказывания в надежде укрепить безопасность на Балтике путем подписания регионального гарантийного пакта стран, расположенных в Балтийском регионе. 17 ноября 1925 г. в финской газете «Хельсингин Саномат» было опубликовано интервью с финским представителем в Лиге Наций Р. Эрихом, в котором финский дипломат предложил распространить на Восточную и Северную Европу принципы Локарно, а именно создать систему гарантийных пактов в Балтийском регионе с участием всех Скандинавских и Прибалтийских государств.

В общих чертах им был обрисован проект договора, составленный по образцу Рейнского гарантийного пакта, имевший целью закрепление территориального статус-кво на Северо-Востоке Европы и предполагавший взаимные обязательства стран-участников по арбитражу, ненападению и нейтралитету. «Северное Локарно» мыслилось, по словам Т. Нормана, как своеобразный северо-восточный гарантийный договор, заключенный между «окраинными» и Скандинавскими государствами[8].

Проект Р. Эриха не исключал возможности присоединения к нему СССР, однако «Северное Локарно», как и оригинальные Локарнские соглашения, был тесно связан с Уставом Лиги Наций, вследствие чего участие Советского Союза в гарантийном пакте было возможно лишь при условии вступления СССР в Лигу. К такому шагу в 1925 г. советское руководство было совершенно не готово: об этом неоднократно говорилось и в официальных заявлениях, и в печати. Буквально за месяц до интер-

вью Р. Эриха, 17 октября 1925 г., в ответ на слова О. Чемберлена о том, что нужда в кредитах рано или поздно заставит СССР сблизиться с Лигой Наций, нарком иностранных дел Г. В. Чичерин официально заявил: «Я не вижу способа перекинуть здесь мост. Чтобы избежать возможных недоразумений, я хотел бы лишний раз подчеркнуть, что изменение политики СССР в отношении Лиги совершенно исключено»[9].

Впрочем, участие СССР в пакте, по-видимому, не было принципиальным для финского дипломата: он считал возможным создание «Северного Локарно» и без участия восточного соседа Финляндии. По своей сути приглашение СССР присоединиться к «Северному Локарно» являлось скорее формой соблюдения вежливости и попыткой избежать острой критики со стороны восточного соседа. Вместе с тем возможность создания гарантийной системы на Балтийском море без участия СССР придавала всему проекту антисоветскую направленность. В подобном проекте прослеживалась определенная аналогия с Рейнским гарантийным пактом: неучастие Советского Союза в подобных соглашениях означало изоляцию Советского государства на международной арене. И хотя сам финский представитель утверждал, что «острие гарантий не направлено против России», подобное положение вещей могло вызвать тревогу не только у советского правительства, но и в правительствах Скандинавских стран, опасавшихся, что подобные проекты могут спровоцировать агрессию со стороны восточного соседа. Впрочем, Эрих делал оговорку, что описанный им проект возможно реализовать лишь в том случае, если «по меньшей мере западный пакт сможет продемонстрировать хорошие результаты»[10].

Идеи, изложенные Р. Эрихом, являлись проявлением пацифизма, свойственного для деятелей, принимавших участие в заседаниях Лиги Наций. Инициатива финского представителя была поддержана президентом Финляндии Л. К. Реландером, который считал, что главной задачей «Северного Локарно» является укрепление мира в Северной Европе, чего невозможно достичь без присоединения к нему Советского Союза. Добиться этого, по его мнению, можно было лишь через принуждение и изоляцию последнего: «Настанет время, когда Россия присоединится к “Северному Локарно”, если другие страны на Балтийском море приступят к сотрудничеству во имя мира, которое не будет направлено против России, но будет иметь целью гарантию мира на Севере. Деятельность по созданию “Северного Локарно” следует начать без России, поскольку это единственный способ включить Россию в “Северное Локарно”»[11].

Однако еще до начала обсуждения большинством предполагаемых участников проект Р. Эриха был сочтен неприемлемым. Важную роль в этом сыграло отрицательное отношение к проекту Советского Союза,

видевшего в нем попытку создания в Балтийском регионе антисоветского блока на базе договоренностей «à la Локарно». В советской печати развернулась кампания по дискредитации планов Р. Эриха. Так, в газете «Правда» были опубликованы выдержки из шведских газет, в один голос утверждающих, «что единственный путь, ведущий к длительному улучшению отношений, есть политика искренних взаимоотношений с СССР»[12]. В другом номере смысл «северного гарантийного договора» раскрывался следующим образом: «Под северным гарантийным договором Финляндия понимает разоружение СССР»[13]. В ответ финская газета «Хельсингин Саномат» обвиняла советское руководство в том, что «если Россия выступает против подобного договора, то это можно рассматривать как подтверждение немирных устремлений России», в связи с чем Г. Хаушильд отмечал, что между советской и финской прессой в лице «Хельсингин Саномат» развернулась словесная перепалка по различным вопросам, касающимся реализации проекта Р. Эриха[14].

Во многом именно под влиянием сообщений в советской печати, равно как и в силу более чем вековой традиции нейтралитета скандинавская печать также выступила против проекта Р. Эриха. Газета «Известия» цитировала слова шведского официоза «Социал-Демократен»: «Как при заключении локарнского договора было необходимо участие Германии, так и при северном соглашении необходимо участие России и прибалтийских стран. Вряд ли возможно создать гарантию безопасности для окраинных государств без участия СССР, являющегося решающим фактором на Востоке»[15]. Датская газета «Берлингске Тиденде» утверждала, что «в странах Северной Европы нет потребности в гарантийных пактах; в пакте, согласно которому Россия гарантировала бы безопасность прибалтийским странам, советское правительство вряд ли примет участие, а во внимание может быть принят только пакт, охватывающий все прибалтийские страны, но никак не сепаратный, пусть и в отношении одной Финляндии»[16]. Политические круги в Норвегии в один голос заявляли, что финский проект «Северного Локарно» «приобретал черты союза, чье острие… направлено против России»[17].

Одновременно советская дипломатия попыталась выяснить «подоплеку этого вопроса, кем… этот шаг Эриха инспирирован»[18]. Высказывалось предположение, что за предложениями финского представителя в Лиге Наций «кроется весьма коварный план, составленный по рецепту Чемберлена и предназначенный для СССР»[19]. Однако подобная интрига британской дипломатии маловероятна: в британском парламенте проблема «Северного Локарно» не обсуждалась, а единственная статья в «Таймс», посвященная этому проекту, представляла собой перепечатку статьи «Известий» от 21 ноября, причем инициатором многосторонне-

го гарантийного пакта между Скандинавскими странами, Финляндией и Прибалтикой была названа Швеция, а Р. Эрих даже не упоминался[20]. Подобная неосведомленность британского официоза позволяет усомниться в «коварстве» Великобритании и предположить, что проект «Северного Локарно» был скорее частной инициативой Р. Эриха, нежели официальным проектом финского правительства, хотя он явно был поддержан (по крайней мере морально) финским президентом.

Тем важнее для советской стороны было узнать официальную позицию Финляндии по данному вопросу. Тема «Северного Локарно» была затронута в ходе беседы между полпредом СССР в Финляндии И. Л. Лоренцом и министром иностранных дел К. Идманом. Министр, считая интервью Р. Эриха «несвоевременным», все же выступал в его защиту, заявив, что «Эрих имеет в виду наше [то есть советское] эвентуальное участие в северном пакте». И. Л. Лоренц заявил, что о «широком северном пакте» речи идти не может, т. к. «наперед ясно было, что Швеция и другие скандинавские государства займут отрицательную позицию» и «при таких условиях широковещательный план Эриха сводится к воскрешению идей балтийского окраинного союза». Главной причиной отказа Скандинавских стран от участия в проекте И. Л. Лоренц называл его антисоветскую направленность, проявляющуюся в «сопоставлении и сравнивании плана с Локарнскими соглашениями, тесное связывание его со всей организацией и планами враждебной нам [т.е. СССР] Лиги Наций». После этого К. Идман предпочел сменить тему, еще раз подчеркнув, что «интервью Эриха дано без его согласия»[21].

Нападки прессы в различных странах и негативная реакция правительств Скандинавских стран и СССР вынудили правительство Финляндии дезавуировать действия Р. Эриха. Принимая 23 ноября шведского посланника К. Гамильтона, президент Л. К. Реландер подчеркнул, что, хотя Финляндия и дальше будет развивать отношения со Швецией, «не стоит забывать, что она стремится соблюдать свои интересы и в южном направлении»[22]. Тем самым президент давал понять, что Финляндия может вернуться к участию в переговорах о создании единого блока с государствами по ту сторону Финского залива и Балтийского моря. На деле же имел место отказ Финляндии от роли моста между Скандинавией, с одной стороны, и Польшей и Прибалтикой — с другой, что лишь усугубляло её «блистательную изоляцию», к которой ко второй половине 1920-х гг. привели страну «усилия собственной, запутавшейся во внешнеполитических пристрастиях, политической элиты»[23]. Все более очевидной становилась неопределенность внешнеполитического курса Финляндии, оправдываемая верой в возможность сохранения имеющегося европейского баланса сил, поддерживаемого Лигой Наций.

В странах Прибалтики, в частности в Эстонии, неудачу «Северного Локарно» восприняли с энтузиазмом: попытка Финляндии действовать обособленно от прибалтийских республик потерпела неудачу, следовательно, она должна была вернуться к развитию партнерских отношений с Эстонией и Латвией. Так, эстонские газеты «Ваба Маа» и «Кайя» писали о том, что проект «Северного Локарно» «в скандинавских странах восприняли прохладно, а в России — враждебно». Вместо неудавшегося плана Эриха они предлагали вернуться к «более тесному сотрудничеству балтийских государств, включая Финляндию… не беспокоя Скандинавию и Россию»[24]. В последующие годы эта тенденция проявится в предложениях о создании «Восточного Локарно», выдвигаемых в разное время видными политическими деятелями Польши, Эстонии и Латвии.

Вместе с тем инцидент с «Северным Локарно» наглядно продемонстрировал, с какими проблемами предстояло столкнуться сторонникам распространения «опыта Локарно» на Северную или Восточную Европу. Главной из них являлось противодействие со стороны Советского Союза, не желавшего видеть у своих границ объединения государств, прямо или косвенно направленного против него и стремившегося сохранить статус-кво в Прибалтике в надежде вовлечь Эстонию, Латвию и Литву в орбиту своего влияния. Отношение СССР к проектам наподобие «Северного Локарно» хорошо демонстрирует следующая фраза наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, произнесенная на пресс-конференции в полномочном представительстве СССР во Франции 15 декабря 1925 г.: «Мы всегда заявляли, что хотели бы иметь наилучшие отношения с каждым из прибалтийских государств, но мы не желаем тем или иным образом признать или содействовать созданию подобной федерации, образующей барьер от Ледовитого океана до Польши или, возможно, до Черного моря»[25].

Что могла противопоставить подобным проектам советская дипломатия? Адекватным ответом со стороны СССР стала политика «нейтрализации» советских границ. Договоренностям в Локарно Советский Союз противопоставил систему двусторонних пактов о ненападении со своими западными соседями, что должно было снизить вероятность войны в Восточной Европе и одновременно укрепить советское влияние в регионе. Об этом, в частности, писал Г. В. Чичерин полпреду СССР в Швеции В. С. Довгалевскому в письме от 5 января 1926 г.: «Наша политика именно состоит в стремлении к заключению индивидуальных договоров о дружбе со всеми государствами. В противовес Локарно и Лиге Наций, где сколачиваются группы и комбинации, друг другу враждебные, мы выдвигаем схему ликвидации системы политических союзов и групп, ведущей неизбежно к войнам»[26]. Плодами этой политики стали

договор о ненападении с Литвой (1926), договор о гарантиях с Латвией (не ратифицирован латвийской стороной) и соглашение о разрешении пограничных конфликтов с Эстонией (1927).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Hiden J., Salmon P.* The Baltic Nations and Europe. Estonia, Latvia and Lithuania in the Twentieth Century. London; New York, 2013. P. 69.

[2] *Ильмярв М.* Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М., 2012. С. 27.

[3] *Рубцов А. Ф.* Восточноевропейская политика Франции (Прибалтика). Ярославль, 1985. С. 67.

[4] The National Archives (далее — TNA). GFM 33/2349/5462/66/E373542. Telegramm von H. Hauschild. Helsingfors, den 9. September 1925.

[5] *Lehti M. A.* Baltic League as a Construct of the New Europe. Envisioning a Baltic region and small state sovereignty in the aftermath of the First World War. Frankfurt am Mein, 1999. P. 462, 469–470.

[6] *Катцова М. А.* Прибалтика или Скандинавия? К проблеме внешнеполитической ориентации Финляндии в 1920-е гг. // Управленческое консультирование. 2014. № 5. С. 122.

[7] Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. VIII. М., 1963. С. 810.

[8] *Norman T.* Right-Wing Scandinavianism and the Russian Menace // Contact or isolation? Soviet-Western relations in the interwar period: Symp. Organized by the Centre for Baltic studies, Oct.12–14, 1989, Univ. of Stockholm. Stockholm, 1991. P. 345–348.

[9] ДВП СССР. Т. VIII. С. 632–633.

[10] TNA. GFM 33/3639/K244/1/K072510.Telegramm von H. Hauschild. Helsingfors, den 17. November 1925.

[11] *Relander L. K.* Presidentin päiväkirja. Lauri Kristiar Relanderin muistiinpanot vuosilta. Osa I. 1925–1927. Helsinki, 1967. S. 140.

[12] Правда. 1925. 21 ноября.

[13] Там же. 27 ноября.

[14] TNA. GFM 33/3639/K244/1/K072514-K072515.Telegramm von H. Hauschild. Helsingfors, den 26. November 1925.

[15] Известия. 1925, 21 ноября.

[16] TNA. GFM 33/3639/K244/1/K072504-K072505.Telegramm von G. von Mutius. Kopenhagen, den 25. November 1925.

[17] Ibid. GFM 33/3639/K244/1/K072508. Telegramm von E. Rhomberg. Oslo, den 24. November 1925.

[18] Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0135. Оп. 8. П. 114. Д. 22. Л. 9.

[19] Правда. 1925. 12 декабря.

[20] The Times. 1925. November 25th.

[21] ДВП СССР. Т. VIII. С. 692–693.

[22] TNA. GFM 33/3639/K244/1/K072538. Telegramm von A. Köster. Riga, den 23. November 1925.

[23] *Рупасов А. И.* Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х — начало 1930-х гг. СПб., 2001. С. 8.

[24] TNA. GFM 33/3639/K244/1/K072568-072571. Telegramm von W. Frank. Reval, 5. Dezember 1925/

[25] ДВП СССР. Т. VIII. С. 725.

[26] Там же. Т. IX. М., 1964. С. 10.

ЛИТЕРАТУРА

Арумяэ Х. В. За кулисами «Балтийского союза». Таллинн, 1966.

Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в1930-е годы. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997. 352 с.

Барышников В. Н. Финско-эстонское военное сотрудничество в 1920–1930-е гг. и его оценка в СССР // Мавродинские чтения: Сборник статей. СПб., 2002. С. 398–403.

Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2012. 806 с.

Катцова М. А. Образование Северных Ассоциаций и их роль в становлении сотрудничества скандинавских стран и Финляндии в 1920-е гг. // Труды Кафедры истории нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2009. № 3. С. 79–92.

Катцова М. А. «Скандинавский блок» в Лиге Наций и особенности сотрудничества стран Северной Европы на международной арене в 1920-е гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 109–159.

Катцова М. А. Прибалтика или Скандинавия? К проблеме внешнеполитической ориентации Финляндии в 1920-е гг. // Управленческое консультирование. 2014. № 5. С. 118–124.

Катцова М. А. К проблеме истоков северного регионализма: феномен «практического скандинавизма» в последней трети XIX — первой половине XX вв. /часть I/ // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2011. № 6. С. 56–78.

Катцова М. А. К проблеме истоков северного регионализма: феномен «практического скандинавизма» в последней трети XIX — первой половине XX вв. /часть II/ // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2011. № 7. С. 45–60.

От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XX вв. СПб., 2016. 620 с.

Рубцов А. Ф. Восточноевропейская политика Франции (Прибалтика). Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1985. 80 с.

Рупасов А. И. Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х — начало 1930-х гг. СПб.: Европейский дом, 2001. 308 с.

Hiden J., Salmon P. The Baltic Nations and Europe. Estonia, Latvia and Lithuania in the Twentieth Century. London; New York: Routledge, 2013. 240 p.

Lehti M. A Baltic League as a Construct of the New Europe. Envisioning a Baltic region and small state sovereignty in the aftermath of the First World War. Frankfurt am Mein: Peter Lang, 1999. 550 p.

Norman T. Right-Wing Scandinavianism and the Russian Menace // Contact or isolation? Soviet-Western relations in the interwar period: Symp. Organized by the Centre for Baltic studies, Oct.12–14, 1989, Univ. of Stockholm. Stockholm, 1991. P. 329–348.

А. Б. Гехт

К. А. ВАЛЛЕНБЕРГ. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШВЕДСКОГО БАНКИРА

Кнут Агатон Валленберг появился на свет 19 мая 1853 г. в семье отставного моряка и начинающего финансиста Андре Оскара Валленберга и его бывшей горничной Катарины Вильгельмины Андерсон. Поскольку официальный брак между ними к тому времени еще не был заключен, в регистрационных документах новорожденного не было указано имя отца, а на церемонии крещения отсутствовали крестные родители[1]. Однако все подобные вопросы мало занимали отца ребенка, не придававшего особого значения общественным пересудам о своей личной жизни.

Потеряв мать в двухлетнем возрасте, на первых порах маленький Кнут преимущественно воспитывался своей теткой, но также большую роль сыграло и внимание со стороны старшей сестры Оскары Вельгельмины, с которой мальчик был очень близок. Отец же мальчика, интенсивно занятый коммерцией и политикой, по всей видимости, не особенно вникал в воспитание наследника. Именно к этому времени предприимчивый и инициативный Андре Оскар, обзаведшийся рядом связей в политических кругах королевства и накопивший определенный капитал, окончательно решил заняться банковским делом.

В результате 15 октября 1856 г. в Стокгольме был открыт банк с акционерным капиталом в 1 млн риксдалеров[2], получивший название «Эншильда банкен». Его создание стало краеугольным камнем для всех дальнейших финансовых операций семьи Валленберг в последующие десятилетия XIX в., пришедшихся на эпоху либеральных экономических преобразований и период активной индустриализации Швеции.

Весной 1864 г. одиннадцатилетний Кнут отправился в частную школу Нэсби, расположенную к югу от Стокгольма, однако уже через несколько месяцев его отец принял иное решение и отослал мальчика в частную школу в городке Кортналь (современный Кортналь-Мюнхиген), расположенном недалеко от Штутгарта[3]. Учебный процесс в школе во многом

строился на воспроизведении успешного британского опыта подготовки будущих джентльменов, накопленного в закрытых школах-пансионах наподобие Итона или Хэрроу.

Необходимо отметить, что в сохранившейся переписке с сыном Андре Оскар большой акцент делал на вдохновении наследника на дальнейшую успешную учебу, регулярно отмечая, что ему, стареющему отцу, нужен хорошо образованный и толковый помощник и что будущее их семьи в скором времени будет определяться им, Кнутом[4]. Отходя в сторону, отметим, что воспитание развитого чувства долга, ответственности перед своим семейством, его прошлыми и будущими поколениями — характерная черта семьи Валленберг, которой они придерживались на протяжении всего XX в.

Несомненно, старший Валленберг считал навыки и умения, полученные за годы морской службы, весьма полезными и за пределами капитанского мостика, например, в управлении банком и многочисленными другими коммерческими проектами. Иными словами, отец прочил сыну поступление в престижную Королевскую военно-морскую академию.

В 1874 г. учеба подошла к концу и, сдав все необходимые выпускные экзамены на максимально возможные результаты, Кнут Агатон Валленберг получил чин второго лейтенанта[5] и получил назначение на первый в Швеции винтовой паровой корвет «Gefle», на борту которого в 1875–1876 гг. совершил плавание по восточному Средиземноморью. Продолжив службу на других кораблях, Кнут Агатон оказался перед необходимостью отказаться от карьеры военного моряка в пользу работы под началом своего отца.

Приняв решение связать свое будущее с семейным предприятием, в сентябре 1877 г. Кнут Агатон Валленберг ушел со службы и отправился на стажировку в одном из крупнейших европейских банков того времени — французском «Crédit Lyonnais». С руководством этого банка, имеющего филиалы во многих европейских странах, у А. О. Валленберга имелись деловые связи, позволявшие обратиться с просьбой познакомить сына с повседневной работой крупной финансовой организации[6]. Находясь в гостях у шведско-норвежского военного атташе в Париже, К. А. Валленберг познакомился с дочерью норвежского коммерсанта Алисой Никелсен. Через несколько недель он сделал барышне письменное предложение руки и сердца (в порыве нежности назвав девушку маленьким троллем) и решил обвенчаться, несмотря на проявленное А. О. Валленбергом недовольство тем фактом, что сын не посоветовался с ним насчет своего будущего[7].

Начало семейной жизни и погружение в новую сферу в жизни К. А. Валленберга пришлись на стремительное развитие Стокгольма,

ставшего одним из центров индустриализации и урбанизации Швеции. Город быстро развивался, и не последнюю роль в этом процессе играл и «Стокгольмс Эншильда банкен», бывший одним из ключевых банков, вовлеченных в развитие шведской промышленности и транспортной инфраструктуры. Но уже в самом начале своей работы в семейном предприятии Кнут Агатон столкнулся с немалыми трудностями в работе банка, вызванными экономическим кризисом в шведской экономике. На рубеже 1878–1879 гг. «Стокгольмс Эншильда банкен» оказался на краю пропасти и вполне мог прекратить свое существование. Трудности, возникшие в шведской экономике рассматриваемого периода, стали следствием мирового промышленного кризиса конца 1870-х гг., завершившего период бурного промышленного роста первой половины этого десятилетия[8].

Повсюду видя происки конкурентов, последствия работы некомпетентных чиновников и даже признаки направленного против него заговора еврейских финансистов, Андре Оскар мог опираться только на своих старших сыновей, Кнута Агатона и Маркуса, к этому времени начавших активно помогать в работе отцу, и, конечно, старые связи. Опасаясь, что другие крупные вкладчики или кредиторы могут из опасений за свои средства начать требовать их возврата, А. О. Валленберг решил дать наследнику ответственное поручение: убедить ключевых партнеров в сохранности их финансов. Первым пунктом назначения в путешествии Кнута Агатона по Европе был Гамбург, поскольку вторым по масштабу партнером Валленбергов был крупный международный банк дома Беренберг-Госслер, игравший одну из главных ролей в экономике Германии рассматриваемого периода и сохраняющий свои позиции по настоящее время. В ходе личной встречи с главой банка Иоганном Беренгером-Госслером Кнут Агатон успешно убедил гамбургского финансиста не опасаться за свои средства[9].

Вслед за Гамбургом К. А. Валленберг побывал во Франции, где в ходе переговоров с руководством таких финансовых институтов, как «Société Générale» и «Banque d'Escompte de Paris», пытался договориться о предоставлении кредитов для «Стокгольмс Эншильда банкен», однако успеха удалось достичь только со вторым банком[10]. Аналогичные переговоры Кнут Агатон преследовал и в ходе поездки в Британию, которую он посетил после Франции.

Поездка в крупнейшие европейские страны стала для Кнута Агатона поводом и возможностью вживую познакомиться со многими крупными финансистами, завязать ряд полезных личных связей, а также создать в финансовых кругах имидж хоть и молодого, но умного и ответственного человека, который отныне будет представлять деловые интересы своего семейства за пределами Швеции. Так, к началу 1880-х гг. Кнут Агатон

Валленберг вошел в круг европейских финансистов уже как фактический наследник своего отца, начавшего отходить от активного управления своим бизнесом.

Окончательный же переход власти в руки К. А. Валленберга произошел сразу после смерти его отца в начале 1886 г. В конце января 1886 г. Кнут Агатон Валленберг стал управляющим директором «Стокгольмс Эншильда банкен» и официально возглавил управление расширявшейся империей Валлебергов. В первое время на этом посту новый управляющий директор наверняка чувствовал себя не слишком комфортно. В совете директоров банка преимущественно были представлены люди старшего поколения, ровесники умершего отца, привыкшие видеть своим предводителем именно властного и авторитетного Андре Оскара, а не его тридцатитрехлетнего сына. Найти полноценную опору и поддержку Кнуту Агатону удалось в лице своего младшего сводного брата Маркуса, на многие десятилетия ставшего второй по масштабу фигурой в семье владельцев «Стокгольмс Эншильда банкен» и прямым предком всех последующих руководителей семейного банка вплоть до наших дней.

Опыт прошедшего в конце 1870-х гг. кризиса, несомненно, наложил отпечаток на действия и поступки Кнута Агатона. Как главный исполнительный директор, он начал работать над укреплением скрытых резервов, которые могли бы защитить от повторного кризиса. Другой задачей стало увеличение общего финансового оборота банка: Кнут Агатон сосредоточил свою деятельность на дисконте краткосрочных векселей и обращении платежных облигаций[11].

Обоих братьев Валленбергов от других не только шведских, но и в целом европейских (и особенно от заокеанских) предпринимателей того времени отличало то, что они никогда не принимали участие в авантюрных или просто сомнительных финансовых сделках или проектах. Кнут Агатон и Маркус контролировали осуществление любого финансового проекта, в котором принимали участие, на всех его стадиях. Для этого они завели специальные информационные картотеки и досье по тем проблемам, знание которых им было необходимо, и тем самым заложили основу обширного архива дома Валленберг, который бережно сохраняется их потомками и в наши дни. Однако успешная коммерческая деятельность вовсе не означала популярности семьи Валленберг в самой Швеции.

Конец XIX столетия — период активного развития классового сознания у шведских промышленных рабочих, под влиянием социал-демократических идей постепенно осознававших общественное значение своего движения за социальные и политические права, которое также быстро набирало обороты. Именно в этот период оформляется реформистский,

ненасильственный характер шведского рабочего движения. Но в то же время никто не отменял временами весьма резкой критики как со стороны социал-демократов, так и со стороны активистов рабочего движения в сторону шведской буржуазии, взявшей под свой контроль всю экономику королевства.

К концу XIX столетия для значительной части шведского общества имя Валленбергов стало приобретать полуодизный характер, в какой-то степени сопоставимый с весьма противоречивым отношением в США к знаменитым «баронам-разбойникам» от большого бизнеса в 1870–1890-х гг. И хотя потомки бывшего морского офицера не были вовлечены в какие-то сомнительные операции и уж тем более не занимались деятельностью на грани криминала, как нередко бывало в США, им не могло нравиться складывание пусть даже в меру негативного или скептического реноме вокруг своего имени. Если брать во внимание подобные рассуждения, становится вполне понятным стремление Кнута Агатона принять участие в масштабном проекте восстановления сгоревшего оперного театра в Стокгольме и тем самым продемонстрировать свою социальную ответственность и вовлеченность в повседневные проблемы столицы. Вот уже больше столетия театр успешно работает, и все это время фамилия Валленберг неизменно упоминается в контексте его возрождения, и, как правило, упоминается она в исключительно положительном ключе.

Рассуждая о практических проектах, в реализацию которых был вовлечен К. А. Валленберг, можно сказать, что на рубеже XIX–XX вв. он, так же как при жизни и его отец, большое внимание уделял финансированию железнодорожного строительства и приобретению перспективных для экономического освоения участков земли. Возможно, наиболее ярким примером служит история появления крупного курорта Сальтшебаден в окрестностях Стокгольма. Для успешного развития будущего курорта была необходима соответствующая инфраструктура, и в первую очередь железнодорожное сообщение со Стокгольмом.

Однако строительство небольшой по протяженности железной дороги неизбежно сталкивалось с непростыми природными условиями данной местности: полотно приходилось прокладывать среди скальных массивов, для чего регулярно устраивались взрывы, упрощавшие прокладку тоннелей, во многих местах требовалось возведение сложных с инженерной точки зрения мостов. Для функционирования железной дороги к новому курорту были заказаны локомотивы от концерна «ASEA», который в 1911 г. обеспечил ее электричеством, и в результате это полотно стала одной из первых электрических железных дорог в мире[12].

Сердцем нового курорта стал впечатляющий «Гранд-отель», заложенный лично шведским монархом. Примечательно, что именно «Гранд-

отель» станет местом, где в самом конце 1938 г. будет подписано знаменитое Сальтшебаденское соглашение между Центральным объединением профсоюзов Швеции и Шведским союзом работодателей, ставшее основой дальнейшего бесконфликтного социально-экономического развития страны на многие десятилетия вперед.

Совершенно иным и в экономическом, и в социальном плане оказался воплощенный во многом благодаря деятельности банка Валленбергов проект освоения богатых железных рудой залежей на севере Швеции — в граничащей с соседней Финляндией провинции Лапландия. Именно в этом регионе оставались обширные и преимущественно всё еще неосвоенные рудные месторождения. Большие расстояния в сотни километров подразумевали соответствующие инвестиции в железные дороги к расположенному на побережье Ботнического залива городу Лулео или же западнее, к северноатлантическому побережью Норвегии, где крупнейшими портами являлись Тромсё и Нарвик. Экономическим освоением этого края и решил заняться К. А. Валленберг, купив права на добычу железорудных месторождений и начал финансово поддерживать компанию, инвестировавшую средства в развитие шахт в окрестностях города Кируна. Так в 1890 г. была основана крупная компания «Luossavare-Kirunavaara Aktiebolag», более известная как «LKAB»[13], деятельность которой существенно способствовала развитию приполярных областей Швеции и Норвегии.

Еще одним важным направлением деятельности банка семьи Валленберг стала реализация масштабных инфраструктурных объектов на территории Норвегии, в тот период находившейся в процессе расторжения унии со Швецией. В Норвегии активно развивались новые отрасли промышленности — химическая и электрохимическая, цветная и электрометаллургия, и в особенности гидроэнергетика. Однако в самой Норвегии не было достаточного объема капиталов, необходимых для начала эксплуатации этих природных источников энергии. Весьма активно в развитии молодой норвежской электропромышленности участвовал банк семьи Валленберг, принявшей действенное участие в развитии одного из крупнейших норвежских концернов «Норшк гидро» (норв. *Norsk Hydro*), основанного 2 декабря 1905 года[14]. Несмотря на политические трудности, возникшие после расторжения унии в связи с иностранным происхождением Валленбергов как инвесторов, им удалось сохранить свои позиции в управлении «Норшк гидро».

Участвовал К. А. Валленберг и в ряде других начинаний, призванных модернизировать жизнь как в самой Швеции, так и за ее пределами. Это и проект создания в Стокгольме электрического трамвая, и стремительная телефонизация Европы, во многом утвердившаяся в Швеции

благодаря финансовому участию «Стокгольмс Эншильда банкен» в деятельности пионера в области развития телефонной связи Хенрика Туре Седергрена, основателя Всеобщей Шведской Телефонной Компании (шв. Stockholms Allmänna Telefonaktiebolag), который выдвинул лозунг «Телефон в каждый дом и низкие цены»[15]. В скором времени банк Валленбергов стал владельцем трети акций шведско-датско-российского проекта «Telefon AB», в отечественной историографии более известного как «Шведско-Датско-Русское телефонное акционерное общество», который и выиграл торги на развитие и эксплуатацию Петербургской, Московской, Варшавской, Одесской и Рижской телефонных сетей.

Несомненно, успехам Валленбергов сопутствовало их участие в финансировании производителя электрических ламп и генераторов компании «ASEA» (шв. Allmänna Svenska Elektriska Aktiebolaget), которая была основана в 1883 г. в Стокгольме и принимала активное участие в электрификации как самой шведской столицы, так и других городов этой страны. Однако еще большую известность снискало участие этой семьи в развитии концерна «Svenska Kullagerfabriken», знаменитого производителя шарикоподшипников «SKF». В результате при финансовой поддержке «Стокгольмс Эншильда банкен» «SKF» основала несколько производственных филиалов и быстро выросла до одной из самых крупных шведских промышленных компаний с несколькими тысячами сотрудников, филиалы которой к началу Первой мировой войны действовали в ряде западноевропейских стран (Дания, Германия, Франция, Италия, Великобритания и др.)[16].

Впоследствии акции были переданы созданному в 1916 г. предприятию «Investor», ставшему одним из ключевых институтов в финансовой империи семьи Валленберг[17]. Собственно, именно пакет акций, находящийся под контролем семьи Валленберг в рамках деятельности «Investor», обеспечивает их присутствие в руководстве «SKF» вот уже на протяжении более чем столетия.

Вне всякого сомнения, проблематика темы нахождения К. А. Валленберга на посту министра иностранных дел Швеции в 1914–1917 гг. настолько значима, что заслуживает отдельного глубокого исследовательского рассмотрения. Поэтому в рамках данной статьи представляется разумным обозначить, что глава «Стокгольмс Эншильда банкен» занял пост главы внешнеполитического ведомства своей родины в весьма непростой для нее период. Сохраняя приверженность нейтралитету, Швеции было весьма непросто проложить свой внешнеполитический курс так, чтобы оказаться вне прямого вовлечения в орбиту великих держав, противостоявших друг другу в годы Первой мировой войны. Способствовать этому должны были многочисленные деловые связи и неформаль-

ные личные контакты, которыми обладали в различных европейских странах и сам Кнут Агатон, и в целом члены его семьи, представленные в руководстве крупнейшего в странах Северной Европы банка. Несмотря на многочисленные сложности, возникавшие в первую очередь из-за характера внешней торговли Швеции с противоборствующими силами, в качестве министра иностранных дел К. А. Валленбергу удалось избежать вовлечения Швеции в мировую войну, тем самым сохранив взятый за столетие до этого ориентир на мирное развитие королевства.

Нахождение во главе министерства иностранных дел Швеции стало пиком карьеры К. А. Валленберга. К завершению Первой мировой войны стареющий финансист начал постепенно отходить от прямого управления масштабной семейной империей, уступая место младшему брату Маркусу и его сыновьям, своим племянникам. Тем не менее вплоть до своей кончины в К. А. Валленберг оставался настоящим семейным патриархом, олицетворявшим собой незыблемость банка и его владений. Пожалуй, последним начинанием банкира стало создание и развитие масштабного «Фонда Кнута и Алисы Валленберг», призванного поддерживать научные исследования и учебные программы, приносящие непосредственную пользу Швеции. Вот уже столетие «Фонд Кнута и Алисы Валленберг» материально поддерживает научное сообщество в Швеции, в частности эта организация является одним из ключевых спонсоров ряда крупных учебных заведений, к примеру Стокгольмской высшей школы экономики[18].

Торжественные похороны финансиста и политика Кнута Агатона Валленберга состоялись 9 июня 1938 г. в присутствии членов королевской семьи. Человек, в течение четверти века руководивший «Стокгольмс Эншильда банкен» и превративший его в уникальное явление в шведском финансовом мире — сочетание семейного коммерческого банка и центр активной промышленной группы, — был похоронен в некогда построенной на его средства церкви Откровения (шв. *Uppenbarelsekyrkan*) в Сальтшёбадене, ставшим своего рода символом его роли в экономической и социально-политической истории Швеции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ollson O. A Prince of Finance. K A Wallenberg 1853–1938. Stockholm, 2007. P. 15.

[2] *Bartal D*. The Empire. Stockholm, 1996. P. 39.

[3] *Ollson O*. A Prince of Finance. P. 27–28.

[4] Ibid. P. 30–41.

[5] Младший офицерский чин, примерно соответствует лейтенанту в российской традиции (примечание автора).

[6] *Bartal D*. The Empire. Stockholm: Dagens Industry, 1996. P. 53.

[7] *Ollson O*. A Prince of Finance.. P. 73.

[8] История Швеции. М., 1974. С. 368–370.

[9] *Rolland G*. Market Players: A Guide to the Institutions in Today's Financial Markets. Wiley, 2011. P. 110.

[10] *Ollson O*. A Prince of Finance. P. 99.

[11] *Wetterberg G*. Wallenberg — The Family that Shaped Sweden's Economy. Stockholm, 2014. S. 26.

[12] *Bartal D*. The Empire. P. 69.

[13] Компания «LKAB» функционирует по настоящее время. В период с 1957 по 1976 гг., в период нахождения у власти в Швеции социал-демократической партии, компания постепенно полностью перешла в собственность правительства этой страны *(примечание автора)*.

[14] *Lieberman S*. The Industrialization of Norway 1800–1920. Oslo, 1970. P. 160–161.

[15] *Wetterberg G*. Wallenberg – The Family that Shaped Sweden's Economy. S. 72.

[16] Ibid. S. 67.

[17] *Ollson O*. A Prince of Finance. K A Wallenberg 1853–1938. P. 322.

[18] См. подробнее на сайте фонда: http://kaw.wallenberg.org/en/knut-and-alice-wallenberg-foundation-0 (дата обращения 09.12.2018).

ЛИТЕРАТУРА

История Швеции. М., 1974. 719 с.

Bartal D. The Empire. Stockholm: Dagens Industry, 1996. 262 p.

Lieberman S. The Industrialization of Norway 1800–1920. Oslo, 1970. 222 p.

Ollson O. A Prince of Finance. K A Wallenberg 1853–1938. Stockholm: Atlantis, 2007. 504 p.

Rolland G. Market Players: A Guide to the Institutions in Today's Financial Markets. Wiley, 2011. 368 p.

Wetterberg G. Wallenberg — The Family that Shaped Sweden's Economy. Stockholm: Möklinta, 2014. 283 s.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

А. И. Чепель

«У НЕГО ТАМ ЗНАКОМЦЫ И ПЛЕМЯ ЕСТЬ»: РОЛЬ ЛИЧНЫХ СВЯЗЕЙ В РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ШВЕДСКО-РУССКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ СТОЛБОВСКОГО МИРА

После Столбовского мира 1617 г. шведские и русские владения были разделены новой границей, охранять которую по всему периметру стороны не имели возможности[1], поэтому ключевое значение для безопасности рубежей приобрела информированность о возможных военных приготовлениях за рубежом. Ценную информацию о таких мероприятиях страны-соседа предоставляли дипломаты, находившиеся за рубежом с официальными миссиями[2]. Однако нерегулярность дипломатического общения на уровне столиц приводила к тому, что особую роль в организации сбора информации о положении за рубежом играли приграничные власти — воеводы русских приграничных городов и коменданты («державцы») шведских порубежных крепостей[3].

Не позже чем с начала XVII в. при воеводах находились специальные «вестовщики» (лазутчики), которых систематически отправляли в приграничье для сбора информации. Они могли работать «под легендой» торговцев, ремесленников, нищих и т. п. Предполагалось, что в своих поездках за рубеж «вестовщики» должны непременно завести «знакомцев», через которых затем могли добывать важные сведения[4]. Подбор лазутчиков зачастую был возложен на «заставных голов». К примеру, в 1636 г. голова (начальник) Тесовской заставы Богдан Тырков получил воеводское распоряжение отрядить за границу «крестьянина добра» с целью собрать «всякие вести в немецких городах»[5].

Появление новой шведско-русской границы оказало немалое влияние на стратегию и тактику сбора «вестей» в приграничье. Отныне для сбора зарубежных «вестей» лазутчикам зачастую не было необходимости заводить «знакомцев», ведь разделенные пограничной чертой люди не порвали «старинные» родственные, дружеские, торговые связи. Это

обстоятельство учитывалось властями стран-соседей и эксплуатировалось с целью более эффективного сбора информации о положении за рубежом. К примеру, в 1622 г. новгородские воеводы отрядили в шведские владения, в район Выборга, под видом торговцев именно тех казаков, которые «наперед сего там живали» и давно наладили прочные связи с местными жителями[6]. Другой пример: в 1621 г. новгородские воеводы отправили лазутчиком в принадлежавший Швеции Ивангород Микиту Шандина и без обиняков растолковали Москве свой выбор: «А посылали мы того Микитку в Ивангород для вестей потому, что наперед сего он бывал в Ивангороде в рассылке и у него там знакомцы и племя есть»[7]. Отметим, что практика командировать за границу именно тех, у кого в соседнем государстве была родня («племя») и давние «знакомцы», себя оправдывала. Так, в 1621 г. вернувшиеся из-за рубежа русские сумели добыть в Швеции «вести» именно благодаря тому, что с ними «неофициально» имели беседы «пономарь Васька и иные русские и немецкие знакомые люди», жившие в шведском приграничье[8].

Нередко именно благодаря давним контактам разделенных рубежом людей приграничная администрация получала рычаг, с помощью которого убеждала подданных соседнего государства собирать информацию в интересах иностранного монарха. Таким рычагом могла быть забота лазутчика о судьбе его зарубежных родственников, которые в этом случае оказывались как бы в роли заложников. Так, в 1618 г. на границе при попытке скрытно миновать заставу был задержан крестьянин Савка, прокрадывавшийся в русские земли со шведской территории. Оказалось, что он — царский подданный, завербованный шведами, когда по-родственному ходил к брату Поташке в шведский Ивангород «повидаться». Поташка, стремясь угодить шведской администрации (или вследствие угроз этой администрации: документы не сохранили побудительную причину действий Поташки), доложил фельдмаршалу («маршалку») К. К. Юлленъельму о возможности завербовать информатора. «Маршалок» отправил «Савку к Москве проведать про литовских людей и вестей и дал ему денег на дорогу полтора рубли. А проведав де вести, велел ему маршалок быть у себя в Ивангород»[9].

Интересно, что Юлленъельм попытался выручить Савку, отправив в Великий Новгород письмо с просьбой отпустить лазутчика. По словам «маршалка», Савка был командирован в русское приграничье не в ущерб Москве, а, наоборот, во благо. Ведь одинаковую угрозу жителям и шведского, и русского порубежья в первые годы после Столбовского мира представляли остатки разномастных банд Смутного времени — «литовские люди», «русские воры»[10], поэтому довольно убедительно звучит оправдательная риторика Юлленъельма. Фельдмаршал уверял русских

воевод, что отправлял Савку «к Москве проведывать вести про литовских людей», «про общих недругов польских людей», а вовсе не для выуживания сведений о положении дел в Московском государстве[11].

Разумеется, информированность о состоянии дел в соседней стране приобретала особую остроту во время войн. В самом начале Русско-шведской войны 1656–1658 гг., 31 мая 1656 г., в русский Олонец со шведской территории прибыл на судне корелянин Трофим Зубков, стал торговать смолой и попутно выведывать о крепости Олонец и её гарнизоне. Таможенный голова немедля доложил воеводе о подозрительном торговце. Воевода оказался не промах. Он приказал напоить «купца», и из его «пьяных речей» русские власти убедились в шпионской миссии корелянина. Лазутчик сознался, что его, жителя шведского Кексгольма, шведы завербовали, снабдили судном с гребцами, смолой и отправили под Олонец для сбора информации. На допросе Трофим поведал о положении дел в Кексгольме, послужив, таким образом, информатором в пользу Московского государства. Видимо, за эту откровенность ему была выплачена компенсация за изъятые «на государев обиход» судно и смолу[12].

В 1659 г., когда между Россией и Швецией уже было заключено перемирие, но еще не подписан очередной «вечный мир», информация о положении дел у соседа была чрезвычайно актуальна — она могла сыграть роль козыря в дипломатических баталиях. Поэтому стороны отчаянно искали способы минимизировать возможную утечку информации. Так, летом 1659 г. русский торговец Яков Белоусов, вернувшийся из шведской Нарвы (Ругодива), сообщил властям Великого Новгорода, что администрация Нарвы решительно пресекает переписку через рубеж, используя самые жесткие меры[13]. В это время шведский король Карл X Густав вел в Европе военные действия, а затем переговоры о мире, и Стокгольм не был заинтересован, чтобы Москва оперативно узнавала о результатах европейской политики Швеции.

Учитывая стремление обеих сторон всеми способами раздобыть «вести» с территории соседа, подозрительность была естественным состоянием в приграничье. Порубежные власти стран-соседей стремились заполучить информацию как о военных и дипломатических удачах и поражениях соперника, так и о состоянии зарубежных приграничных крепостей. Так, вскоре после подписания Столбовского мира, в ноябре 1617 г., когда интенсивно шло межевание новой границы, русские межевые послы отрядили лазутчиков в Ивангород, по условиям мира отходивший к Швеции. Выбор посланцев был рационально обусловлен тем обстоятельством, что у лазутчиков в Ивангороде жили родственники. Вернувшись, лазутчики сообщили, что шведы усиленно укрепляют приграничные форпосты: в Нарве «ров вычистили и попорченные ме-

ста с обе стороны каменьем выклали», в Ивангороде «поставили новый острог наскоро и около острогу делают надолбы и ров чистят», в Яме «около города так же ров чистят и крепости поделывают»[14].

Взаимная подозрительность не ослабевала и в периоды политического сближения России и Швеции, к которому страны стали проторять путь сразу после заключения Столбовского мира, надеясь совместными усилиями одолеть общих врагов. Так, в 1650 г. псковские воеводы докладывали в Москву, что «немчин Александр полковник по городовой стене ходил и около всего города Пскова наряду [пушек. — *А.Ч.*] и боев [ярус крепостной башни с бойницами. — *А.Ч.*] и слухов [подземных ходов. — *А.Ч.*] и всякой городовой крепости высматривал и наряд мерил, длину и ширину, и писал, и около, государь, города щупами землю щупал», а потом в Стокгольм ездил[15]. Полковник выполнял фортификационные работы с ведома русского правительства, но псковские воеводы всё же посчитали не лишним подробно доложить о манипуляциях «немчина» в Москву: а вдруг в них есть элемент разведывательной деятельности?

Власти стремились поддерживать деятельность лазутчиков, работавших на обороноспособность страны. Так, в 1647 г., отправляя наказ вступившему в должность псковскому воеводе, русское правительство распорядилось отправлять лазутчиков в зарубежные «литовские города, и в Ивангород, и в Ругодив и в иные города», а вернувшихся с ценной информацией («которые придут с вестями»), было велено «кормить и поить довольно, а за подлинные вести давать им государева жалованья поневелику», чтоб заинтересовать лазутчиков и впредь отправляться за информацией за кордон («для вестей ходить и вести проведывать было повадно»)[16].

Столбовская граница разделила не только родственников и знакомых, но и отрезала православных священников от их духовных детей. По условиям мира приходские священники должны были остаться на отходящих к Швеции русских землях, со своей паствой, но случалось, что прихожане и священники по различным причинам оказывались по разные стороны рубежа, и духовные связи рвались. Это болезненное для православных обстоятельство подчас помогало разведывательной деятельности. Ведь связь духовника со своими духовными детьми подразумевала регулярное живое религиозно-нравственное и житейское общение[17], и этими духовными узами русские власти пользовались для сбора «вестей» в шведских владениях. Вот характерный пример. Русская крепость Гдов до 1621 г. (до окончания межевания границы) находилась в залоге у шведов, и шведские власти отправляли оттуда лазутчиков в соседние Псков и Печёрский монастырь, чтобы узнать — вдруг царь готовится захватить важную в стратегическом отношении крепость, не дожидаясь

окончания межевания? Однако русская приграничная администрация сумела узнать об организации этих разведывательных «рейдов» от своего посланца, «попа Иосифа Лукина сына», который был отправлен воеводами к игумену Озерского монастыря, находившегося на временно подконтрольной шведам территории, в Гдовском уезде. Этот игумен сумел наладить почти приятельские отношения со шведской администрацией, поэтому информация, которую можно было получить от него, обладала особой ценностью. Выбор воеводами в качестве лазутчика именно «попа Иосифа», а не какого-либо другого священника объяснялся именно религиозными узами, связывавшими его с игуменом: «А тому игумену он сын духовный»[18].

Некоторые жители шведско-русского приграничья, неожиданно для себя отрезанные рубежом от прежних соотечественников, довольно продолжительное время не могли сделать выбор между шведским королем и царем. Так, житель находившегося до 1621 г. под шведской властью Гдова Лука систематически доставлял «вести» на русскую сторону и убеждал русские власти, что и впредь «про всякие вести в Ивангороде, Гдове, Колыванском и Ругодивском уезде проведывать» будет[19].

Лука оказался в шведской юрисдикции не по своей воле и временно, и это может объяснить его желание по-прежнему служить царю. В ином положении находились добровольно перешедшие на службу к шведскому королю русские дворяне — так называемые «русские бояре», которые в Смутное время, во время присутствия шведских войск и шведской администрации в Великом Новгороде, служили шведам, и многие из них выбрали шведское подданство после возвращения Великого Новгорода Московскому царству.

Решение остаться под шведской властью могло быть вызвано разными мотивами — принуждением, убеждениями самих «русских бояр», нежеланием покидать отошедшую шведам «малую родину», материальной выгодой[20]. В ту эпоху, когда повсеместно самым главным капиталом была земля[21], перспектива сохранить полученные из шведских рук земельные владения играла не последнюю роль при выборе подданства[22].

Но, вероятно, сомнения в правильности сделанного выбора у некоторых землевладельцев сохранялись. Один из «русских бояр», Никита Калитин, в 1620 г. (в том же году он был причислен к шведскому дворянству[23]) тайно сносился с русскими властями: «Приезжал в Новгород с продажным хлебом из Копорского уезда человек Никиты Калитина Мокейко Онтонов», сообщивший важные сведения о планах шведских межевальных послов, и с обещанием — если он, Калитин, «у немецких людей еще каких вестей проведает», то вновь предоставит информацию русским властям. Далее Калитин просил царя, чтобы тот простил ему

«вину». Калитин обещал при первом же удобном случае перейти на русскую сторону («к государю будет тотчас»). Новгородские воеводы велели передать Калитину царскую волю: пусть он и дальше собирает на шведской стороне сведения и «тайно» сообщает их русским властям. Царь обещал в перспективе принять «русского боярина» в России, но убеждал, что сейчас его роль информатора для Москвы важнее[24].

Таким образом, в шведско-русском приграничье в первые годы после подписания Столбовского мирного договора обе стороны активно занимались разведывательной деятельностью, игравшей важную роль в обороноспособности рубежей. Своевременно добытая за рубежом достоверная информация помогала вовремя среагировать на опасность. Для сбора сведений стороны использовали родственные, религиозные и деловые контакты порубежных жителей, разделенных линией границы. При этом местные приграничные администрации должны были оглядываться на стремление Москвы и Стокгольма к сотрудничеству, что подчас заставляло сглаживать острые моменты, возникавшие в процессе разведывательной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Курбатов О. А.* Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 годов // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 185.

[2] *Джинчарадзе В. З.* Борьба с иностранным шпионажем в России в XVII веке // Исторические записки. Т. 39. М., 1952. С. 230.

[3] *Варенцов В. А.* О структуре управления Новгорода в XVII веке // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1996. С. 73; Дополнения к актам историческим. Т. 3. СПб., 1848. С. 249.

[4] *Аверьянов К. А.* Русская дипломатия и контрразведка в XVII веке // Российская дипломатия: история и современность. М., 2001. С. 116.

[5] Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее: НИА СПбИИ РАН). Ф. 109. Оп. 1. Д. 667. Л. 1.

[6] Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1622 г. Д. 1. Л. 78.

[7] Там же. 1621 г. Д. 1. Л. 169.

[8] Там же. 1622 г. Д. 1. Л. 81–82.

[9] Там же. 1619 г. Д. 1. Л. 32–33.

[10] *Селин А. А.* Ладога при Московских царях. СПб., 2008. С. 83–85.

[11] *Селин А. А.* Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. СПб., 2016. С. 608–609.

[12] *Гадзяцкий С. С.* Карелия и Южное Приладожье в русско-шведской войне 1656–1658 гг. // Исторические записки. Т. 11. М., 1941. С. 250.

[13] НИА СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–2.

[14] *Селин А. А.* Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). С. 69.

[15] Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897. С. 342.

[16] Дополнения к актам историческим. Т. 3. СПб., 1848. С. 88–89.

[17] *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XV–XVII веках. М., 2002. С. 236–237.

[18] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1621 г. Д. 1. Л. 158–159.

[19] Там же. Л. 160.

[20] *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие русские baijor`ы: Новгородский исторический сборник. Вып. 7. СПб., 1999. С. 366–367.

[21] *Кулишер И. М.* История экономического быта Западной Европы. Т. 2. Челябинск, 2008. С. 17.

[22] *Линд Д. Х.* Ингерманландские «русские бояре» в Швеции: их социальные и генеалогические корни. М., 2000. С. 62.

[23] *Арсеньев С. В.* Русские дворянские роды в Швеции // Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 2. М., 1905. С. 26.

[24] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620 г. Д. 1. Л. 66–73.

ЛИТЕРАТУРА

Аверьянов К. А. Русская дипломатия и контрразведка в XVII веке // Российская дипломатия: история и современность. М.: РОССПЭН, 2001. С. 110–120.

Арсеньев С. В. Русские дворянские роды в Швеции // Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 2. М.: Энциклопедия рос. деревень, 1905. С. 5–11.

Базарова Т. А. Сбор сведений о неприятеле русской и шведской армиями во время военных действий в Приневье (нач. XVIII в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2006. № 7. С. 62–74.

Варенцов В. А. О структуре управления Новгорода в XVII веке // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород: Изд-во НГПИ, 1996. С. 72–77.

Возгрин В. Е. Выборг и Нарва как ключевые центры Шведской колониальной империи // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018. № 19 (2). С. 102–108.

Гадзяцкий С. С. Карелия и Южное Приладожье в русско-шведской войне 1656–1658 гг. // Исторические записки. Т. 11. М.: Академия наук СССР, 1941. С. 247–278.

Джинчарадзе В. З. Борьба с иностранным шпионажем в России в XVII веке // Исторические записки. Т. 39. М.: Академия наук СССР, 1952. С. 229–258.

Дополнения к актам историческим. Т. 3. СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. 539 с.

Жуков А. Ю. «Уезд» на Северо-Западе России в источниках XV–XVII вв. Санкт-Петербург и страны Северной Европы, 2011. № 12. С. 228–236.

Иванов М. В. Русская торговля в Стокгольме в XVII веке // Санкт-Петербург и страны Северной Европы, 2003. № 4. С. 112–118.

Кобзарева Е. И., Коваленко Г. М. Дипломатический этикет и диалог в условиях подготовки к войне и разрыва дипломатических отношений: шведское посоль-

ство в Москве в 1655–1656 // Санкт-Петербург и страны Северной Европы, 2013. № 14. С. 70–78.

Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы: В 2 т. Т. 2. Челябинск: Социум, 2008. 617 с.

Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 годов // Архив русской истории. Вып. 8. М.: Древнехранилище, 2007. С. 157–197.

Линд Д. Х. Ингерманландские «русские бояре» в Швеции: их социальные и генеалогические корни. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 83 с.

Пересветов-Мурат А. И. Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие русские baijor`ы: Новгородский исторический сборник. Вып. 7. СПб., 1999. С. 366–378.

Россия и Швеция в первой половине XVII века. М.: Университетская типография, 1897. 493 с.

Селин А. А. Ладога при Московских царях. СПб.: Нестор-История, 2008. 194 с.

Селин А. А. Об идеи строительства города в Невском устье в начале XVII века // Санкт-Петербург и страны Северной Европы, 2008. С. 68–71.

Селин А. А. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. СПб.: Блиц, 2016. 859 с.

Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XV–XVII веках. М.: Индрик, 2002. 349 с.

Чепель А. И. Преступные сообщества в шведско-русском приграничье в первые годы после Столбовского мира // Санкт-Петербург и страны Северной Европы, 2017. № 18 (1–2). С. 57–65.

Чепель А. И. Шведско-русское приграничье после Столбовского мира: оправдание и самооправдание перебежчиков // Санкт-Петербург и страны Северной Европы, 2016. № 17 (1). С. 81–86.

Н. Р. Славнитский

О КОМПЛЕКТОВАНИИ И СНАБЖЕНИИ РОССИЙСКИХ ВОЙСК В ФИНЛЯНДИИ В СЕРЕДИНЕ 1710-Х гг.

В середине 1710-х гг. корпус российских войск, расположенный на территории Финляндии, являлся основной «ударной силой» в войне против Швеции. Поэтому снабжение и пополнение этого корпуса становилось здесь одной из основных задач. Причем в исследовательской литературе этой проблеме уже уделялось определенное внимание, касаясь рассмотрения общих вопросов обеспечения российского корпуса провиантом[1]. Однако в исследованиях до сих пор не совсем ясным представляется сам механизм этого снабжения, а также межведомственные отношения, которые возникали в ходе заготовки и отправления припасов в Финляндию, хотя, как справедливо заметил российский исследователь А. В. Мельнов, сама «система снабжения русской армии была организована на порядок лучше, чем у шведов, чему не в последнюю очередь способствовали неограниченные людские и экономические ресурсы России»[2]. Однако в целом части, располагавшиеся на территории Финляндии, все же оказались в более сложном положении, так как наладить их снабжение было возможно только через Санкт-Петербург и Выборг[3].

Командование финляндским корпусом в это время осуществлял Ф. М. Апраксин, поэтому вся основная переписка шла именно через него и сохранилась в фонде Канцелярии генерал-адмирала в Российском государственном архиве военно-морского флота. Из нее известно, что в январе 1715 г. Апраксин запросил для пехотных полков, расположенных в Финляндии, «шпаг в добавку 5667 в перемену 1556 такожде и протчей амуниции многого числа»[4]. Однако тут вмешались бюрократические процедуры. Я. Ф. Долгоруков, представлявший Сенат, переправил его табель комиссару М. М. Самарину, находившемуся непосредственно «при полках», чтобы тот «освидетельствовал» и подтвердил данный запрос[5]. То есть М. М. Самарин являлся своеобразным контролером, который не-

посредственно на месте должен был проверять запросы командования корпусом. Но сделать это оперативно он был не в состоянии, поскольку 7 марта Я. Ф. Долгоруков сообщил Ф. М. Апраксину, что «такого ведения по се число еще не прислано». В связи с этим сенатор предложил адмиралу «прислать к тамошним командирам чтоб они тому обер камиссару Самарину те вещи, которых в перемену требуют для свидетелства объявили немедленно, а которые требуют в дополнение о том бы во исполнение царского величества указу показали где прежнее и каким образом утрачено»[6].

Причину такого требования Я. Ф. Долгоруков объяснял, во-первых, царским указом, повелевавшим, «ежели потеряно или небрежением поломано кроме того что на боталии о том розыскивать и у винных из жалования вычитать», а также и тем, что в том случае, если в тот край будет завезено лишнее, произойдет немалый убыток казне[7]. Из этого видно, что снабжение войск, находившихся на территории Финляндии, было делом непростым и дорогостоящим. И в дальнейшем мы увидим, что запросы из этого корпуса были явно завышенными.

25 мая Я. Ф. Долгоруков сообщил адмиралу, что «на полки команды вашей милости Финляндского корпуса мундиру и амуниции отпущено 4 тялки при каманде генерала лейтенанта Брюса. Да ныне к отпуску готовим две, которые надлежит такожде отпустить при добром конвое. А в прибавку к тем еще потребно три тялки изволишь оные приказать от адмиралтейства прислать немедленно дабы нагрузить и со флотом ныне отпустить»[8]. Следовательно, «амуниции» требовалось действительно много.

Тем не менее здесь весьма любопытны еще и принципы охраны отправляемых в Финляндию грузов. Конкретно конвои «обеспечивал» обер-комендант Санкт-Петербурга Р. В. Брюс, чьи функции, однако, скорее всего, выходили за пределы непосредственных его обязанностей. Тем не менее он принимал деятельное участие в боевых операциях в 1712–1713 гг. в Финляндии, и поэтому вполне логично именно ему была поручена и доставка припасов.

В целом с доставкой грузов на практике возникли сложности. Об этом конкретно сообщал генерал И. И. Бутурлин, который утверждал, что к нему прибыли лишь только тялки для провианта, «и за неприсылкою тех тялок ныне досталной мундир и амуниция не отправитца то прежде посланного в полки раздавать будет невозможно, ибо для скорости в тялки обще на все полки а не порознь, и еже паче чаяния досталное не пошлетца, а в полках будет нужда…»[9].

В те же дни Ф. М. Апраксин получил ответ от Т. Н. Стрешнева, касавшийся лошадей для драгунских полков. Из данного документа из-

вестно, что адмирал запрашивал для 4 драгунских и 16 пехотных полков 3833 лошади[10]. Для этого к началу июня в Санкт-Петербург доставили 460 лошадей из Казанской губернии и 500 — из Московской[11], т. е. всего лишь 960. Это было на треть меньше необходимого. Однако к тому времени выяснилось, что в лошадях уже нужды нет, и они были оставлены в столице, где их распределили в Преображенский, Семеновский, Ингерманландский и Астраханский полки[12].

В то же время полки Финляндского корпуса требовали пополнения. О том, как это осуществлялось, известно из письма отправленного из Сената Ф. М. Апраксину 8 июня 1715 г.[13] Здесь важно иметь в виду, что наряду с рекрутами в русскую армию присылали еще солдат из гарнизонных полков, а вместо них в крепости присылали рекрутов.

Надо сказать, что такой подход был очень разумным, — в гарнизонном полку рекрут не оказывался сразу в пекле боевых действий, а проходил первоначальную подготовку: учился солдатскому строю, навыкам обращения с оружием, караульной службе и многим другим вещам, необходимым воину. Все эти навыки они, разумеется, получали и в полевых полках, и там этот процесс мог даже быть более быстрым, поскольку зачастую приходилось учиться непосредственно в боевых условиях. Но это могло, очевидно, приводить и к тому, что в даже необученные солдаты порой оказывались в частях, вступавших в непосредственные сражения.

Механизм этот мы, в частности, узнаем из письма Петра I П. А. Голицыну 21 августа 1715 г.: «Когда прибудет в Ригу господин генерал Вейд и коликое число будет требовать у вас в дополнку своих пехотных пяти полков (из рижского гварнизону) солдат, и то число ему отправьте без задержания, а то число что ему отдадите велено сенаторам отправить к вам рекрут; також по возможности ссудите его полковыми лошадьми и прочим, что он от вас требовать будет»[14].

В случае с Финляндским корпусом, правда, получилось так, что в полки определяли не только солдат, прошедших подготовку в гарнизонах, но рекрутов. Скорее всего, это объяснялось сильной неукомплектованностью частей, расположенных тогда в Финляндии. В итоге в корпус Ф. М. Апраксина было переведено «рекрут и гарнизонных солдат» 1330 человек, из них «от камиссарства 420, из Адмиралтейства 407, да по ведомости из Санкт-Питербурхской канцелярии в положенные на тое губернию армейские полки в тот корпус послано 303». Причем в губернии уже был направлен указ, предписывающий дополнительный набор рекрутов, которых тоже предполагалось сразу отправить в Финляндию[15]. То есть возможностей для постепенной подготовки рекрутов в гарнизонах в тот момент не было.

То же самое повторилось и два года спустя, когда из Архангельской губернии для пополнения Финляндского корпуса было прислано 244 человека. Правда, часть из них определили «на корабли на Ревелскую и Котлинскую эшкадры для караулу». В этом документе поминаются и «мастеровые», коих отправили: «в адмиралтейскую канцелярию — бочаров 2, каменщиков — 1, к господину цейхмейстеру Отту: столяров — 2, токарь — 1, кузнецов — 2, слесарей — 4; к галерному мастеру столяров — 2, на казенный двор плотников — 5, итого — 19»[16]. Скорее всего, и до того «мастеровых людей» определяли именно на корабли и галеры, а так как все части в то время находились в подчинении Ф. М. Апраксина, то всех указывали направленными в Финляндский корпус.

Отметим также и любопытный момент, связанный с принципами назначения генералов в корпус. В марте 1715 г. Ф. М. Апраксин сообщил Я. В. Брюсу, что он доложил его царскому величеству, «что в Финляндской армии обстоит нужда в генералах маеорах». В ответ на это Петр I распорядился «выбрать в генерал маеоры достойного из брегадеров, а в брегадиры из старших полковников, и по достоинству их утвердить подписанием рук генеральских»[17]. Адмирал предложил на эту должность определить Н. Балка, а в бригадиры произвести из полковников Билца и фон Мендена, после чего ему потребовалось согласовать это с другими представителями генералитета. Судя по тем ответам, которые удалось обнаружить, возражений на это не последовало[18].

Что же касается снабжения крепостей артиллерией, то оно возлагалось на Приказ артиллерии. Именно туда отправлялись сведения о состоянии артиллерии. Из этих донесений видно, что гарнизоны (особенно гельсингфорский) были неплохо обеспечены артиллерийскими орудиями. Однако со снарядами дело обстояло хуже[19]. И это тоже становилось головной болью для командования.

Подводя итоги, можно отметить, что снабжение войск, располагавшихся в Финляндии, в середине 1710 г. являлось делом непростым и проходило отнюдь не гладко. Причинами этого были как отдаленность корпуса от основных баз снабжения, так и то, что снабжение полков осуществлялось от разных ведомств.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кувая К.* Поставки провианта для русской оккупационной армии из Санкт-Петербурга в Финляндию в 1713–1721 гг. // Феномен Петербурга. СПб., 2000. С. 347–362.

[2] *Мельнов А. В.* Русская армия в Карелии и Ингерманландии и проблема взаимоотношения с местным населением в 1700–1710 гг. // Автореферат диссертации

на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2017. С. 22–24. В своей работе автор особо обращает внимание, что полки, расположенные на территории Ингрии, в своем снабжении четко опирались на внутренние губернии, а вот у шведских войск, находящихся в Финляндии, дело со снабжением обстояло значительно хуже, к тому же сказывались последствия неурожаев конца XVII столетия.

[3] Причем снабжение военнослужащих Выборгского гарнизона тоже была непростой задачей, поскольку осложнявшейся как климатическими условиями, так и тем, что в той местности активно действовали отряды «кивиков». (О «кивиках» см.: *Базарова Т. А.* «За кивиковою станицею лесами и болотами… Первый русский комендант Выборга Г. П. Чернышев и борьба с «кивиками» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2015. С. 12–19.)

[4] Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее — РГА ВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 92. Л. 5–6.

[5] Там же. Л. 5.

[6] Там же. Л. 5 об.

[7] Там же. Л. 6.

[8] Там же. Л. 14.

[9] Там же. Л. 18.

[10] Там же. Л. 17.

[11] Там же. Л. 19.

[12] Там же.

[13] В этом документе указывалось: «Приведено ныне из губерний в Санкт-Питербурх гварнизонных полков салдат и рекрут, ис Казанской 242, из рижской 288, из Московской 461, из Санкт-Питербурхской 152, ис Киевской 512, всего 1955 человек. И оных изволте приказать принять и употребить из них в матрозы сколько надобно, а досталных отпустить в комплект в полки Финляндского корпуса на тех судах, которые с провиантом в Финляндию отправляются, или на иных морских судах по своему рассмотрению. И денежного жалованья велено дать оным рекрутам на дорожный на месяц ис канцелярии Сената, а правианта на два месяца из Санкт-Питербурхского магазейна» (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 92. Л. 21). Правда, для полноценного комплектования корпуса по справке М. М. Голицына требовалось 6300 человек, причем речь шла не только о рядовых и офицерах, но также и о «мастеровых людях» (слесарях, кузнецах, коновалах) (Там же. Л. 23).

[14] Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1876. С. 504.

[15] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 92. Л. 23.

[16] Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 129. Л. 52.

[17] Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее — Архив ВИМАИВиВС). Ф. Оп. 1. Д. 165. Кн. 2. Л. 9.

[18] Сборник Российского исторического общества. Т. 25. СПб., 1878. С. 417–418.

[19] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 2. Д. 8. Л. 17.

ЛИТЕРАТУРА

Базарова Т. А. «За кивиковою станицею лесами и болотами…: Первый русский комендант Выборга Г. П. Чернышев и борьба с «кивиками» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2015. С. 12–19.

Дуров И. Г. Пищевые рационы нижних чинов русского и флотов западноевропейских стран в Северную войну (1700–1721 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2003. С. 202–211.

Костюк А. В. Медицинское обеспечение российского флота при Петре Великом // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2010. С. 177–187.

Кротов П. А. Рекрутский набор финнов в русскую армию в конце Северной войны (1720) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007. С. 96–98.

Кувая К. Поставки провианта для русской оккупационной армии из Санкт-Петербурга в Финляндию в 1713–1721 гг. // Феномен Петербурга. СПб.: Петровский фонд, 2000. С. 347–362.

Мельнов А. В. Русская армия в Карелии и Ингерманландии и проблема взаимоотношения с местным населением в 1700–1710 гг. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2017.

Шкваров А. Г. Лед. Гранит. Подковы. Покорение Финляндии. СПб.: Русская военная энциклопедия, 2006. 565 с.

Шлямина Е. О. Роль Ф. М. Апраксина в организации и проведении обороны Санкт-Петербурга в годы Северной войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2014. С. 102–105.

Т. А. Базарова

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ШВЕДСКОЙ ПОМЕРАНИИ И РУССКО-ТУРЕЦКИЕ МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1711–1713 гг.[1]

Летом 1709 г. после поражения под Полтавой и Переволочной остатки армии Карла XII нашли убежище на территории Османской империи[2]. Для Высокой Порты взаимоотношения с соседними государствами представляли несравненно больший интерес, чем военные действия на побережье Балтийского моря. Однако пребывание Карла XII под покровительством турецкого султана связало между собой события на севере и юге Европы и сыграло решающую роль в обострении русско-турецких отношений. Уже в конце 1709 г. появились первые слухи об османских военных приготовлениях и скором заключении шведско-турецкого союза, направленного против России[3].

Осенью 1709 г. генерал-майор Э. Д. Крассау увел свой 18-тысячный корпус из Польши в Померанию[4], где намеревался расположиться на зимних квартирах и заняться вербовкой наемников. Из Померании шведский генерал мог выступить в Данию, Саксонию или Польшу, что сильно беспокоило северных союзников. Державы Великого союза Англия, Голландия и Австрия — как приверженцы политики баланса сил — не были заинтересованы в расширении театра Северной войны и 20 марта 1710 г. подписали в Гааге акт о северном нейтралитете. Они призвали северных союзников не вторгаться в шведские владения на севере Германии и в свою очередь давали гарантию, что шведский корпус не будет увеличиваться и участвовать в войне[5].

Оказавшийся под покровительством турецкого султана Карл XII стремился как можно скорее объединить остатки своей армии с корпусом Э. Д. Крассау и войском Станислава Лещинского, чтобы возобновить действия против армии Петра I на территории Польши. Не знавший о марше Э. Д. Крассау в Померанию шведский король надеялся, что вместе с обещанным султаном эскортом сможет соединиться со своим корпусом еще до наступления зимы[6]. Шведские дипломаты просили

у Высокой Порты передать в распоряжение Карла XII армию, с которой он мог бы войти в Речь Посполитую. Однако османы отказались предоставить не только армию, но и значительный конвой. Планы короля поддержал лишь крымский хан Девлет-Гирей, который уже в августе 1709 г. предложил все свое войско, чтобы помочь Карлу XII пробиться в Померанию[7].

9 ноября 1710 г. во многом под влиянием шведской и французской дипломатии султан Ахмед III объявил войну России[8]. Вскоре, 30 ноября 1710 г., Карл XII заявил об отказе признать акт о северном нейтралитете. После нападения османов на Россию шведский король намеревался выдвинуть корпус Э. Д. Крассау в Польшу[9]. Сам он рассчитывал во главе многочисленной турецко-татарской армии войти в Речь Посполитую с юга[10]. По мнению шведского историка Г. Артеуса, попытки короля организовать нападение на Россию из Османской империи «выглядели в 1710–1711 гг. вполне обнадеживающими»[11].

Историография русско-турецких отношений 1710-х гг. неразрывно связана с историей изучения Северной войны[12]. Как правило, исследователи не выделяют «померанский фактор» в отношениях между Россией и Османской империей. Военные действия в Померании рассматриваются в контексте обширного польского вопроса или проблемы возвращения Карла XII на родину[13]. О померанском вопросе в русско-турецких отношениях писала Т. К. Крылова, посчитавшая, что именно он стал тем подводным камнем, на который натолкнулась ратификация Константинопольского договора 1712 г.[14]

В историографии также не сложилось единого мнения по поводу связи между высадкой армии М. Стенбока в Померании в декабре 1712 г. и обострением русско-турецких отношений. С точки зрения Т. К. Крыловой, западные историки первой половины XX в. (Ю. Фельдман, А. Стилле, Е. Тенберг и др.), как правило, преувеличивали степень влияния военных действий в Померании на разрыв отношений Османской империи с Россией[15]. По ее мнению, в начале 1713 г. актуализировался крымско-украинский вопрос, что отразилось на повестке дня переговоров в Адрианополе[16]. Р. М. Хаттон показала, что положение шведского короля в Османской империи стало неустойчивым еще до получения известий о победе под Гадебушем или «его печальном продолжении». Однако после успеха М. Стенбока и нового объявления турками войны России у Карла XII возродилась надежда на сотрудничество с султаном на равных условиях, которая окончательно исчезла после новости о сдаче Тёнингена[17].

С. Ф. Орешкова, в целом разделяя мнение Т. К. Крыловой о преувеличении в западноевропейской исторической литературе влияния ев-

ропейских событий на позицию Высокой Порты, полагала, что известия об успехах шведов в Померании в 1712 г. «оказали побуждающее влияние на решение султана» начать войну с Россией[18].

Наиболее информативными источниками для изучения вопроса являются статейные списки русских послов в Стамбуле П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева[19]. Их дополняют другие документы Посольского приказа (указы, письма, донесения, записки), хранящиеся в РГАДА (Ф. 89 «Сношения России и Турции») и частично опубликованные в XI–XIII томах «Писем и бумаг Петра Великого». Черновой статейный список послов за 1713 г., а также часть их переписки 1711–1713 гг. отложилась в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН (Ф. 83 «Походная канцелярия А. Д. Меншикова»). Ценные сведения содержат мемуары Виллима Тейлса[20], первого переводчика голландского посла при Высокой Порте. Изучение данных материалов позволяет выявить влияние померанского вопроса на ход русско-турецких мирных переговоров в начале 1710-х гг.

Итак, в начале 1711 г. приоритетным направлением для царя стало южное[21]. Тем не менее, направляясь в Прутский поход, Петр I на несколько дней задержался в польском городе Ярославе. В конце мая 1711 г. там состоялись русско-саксонские переговоры, на которых было принято решение перенести военные действия на территорию Померании. Однако союзники царя не торопились вводить войска в поморские владения шведской короны. Кампания началась только в августе, когда датчане направили армию к Висмару и Штральзунду. 27 августа 1711 г. датские войска, соединившись с армией Августа II и корпусом генерал-майора П. И. Яковлева из шести драгунских полков, осадили Штральзунд. Но до начала зимы крепость взять не удалось, и в декабре союзники были вынуждены отойти от ее стен[22]. Русские полки расположились на зимних квартирах в Польской Пруссии и Вармии[23].

Намерение Петра I вести военные действия против шведов в Померании серьезно обеспокоило Османскую империю. В тексте Прутского мирного договора (12 июля 1711 г.) Померания не упоминалась, однако его второй пункт гласил: «В польские дела его царское величество мешаться, також и их казаков и запорожцев, под их область принадлежащих и у хана крымского сущих, обеспокоивать и в них вступатца не изволит и от стороны их руку отъимает»[24]. Включение в трактат данного условия было связано в первую очередь с желанием турок уменьшить русское влияние в Польше и организовать возвращение Карла XII в Шведскую Померанию через землю Речи Посполитой. Прутский договор не содержал прямого запрета на проезд царя по польским землям или проход его армии к новому театру военных действий. Но единственно возможный сухопутный путь в Померанию лежал через земли Речи Посполитой.

К тому же через Польшу в действующую армию доставляли подкрепление, боеприпасы и амуницию, там же находились и провиантские магазины.

П. П. Шафиров понимал, что не только марши русских войск через Польшу, но и пребывание там небольших отрядов могут рассматриваться Портой как попытка царя вмешаться «в польские дела», что поставит под угрозу мир между двумя державами. 16 июля 1711 г., через четыре дня после подписания Прутского договора, вице-канцлер «дерзнул» предложить царю следующий план: «…ежели б можно войска наши для померанских действ заранее вывесть ис Полши в сей край, то б зело изрядно было, ибо турки того не могли б причесть нам к недодержанию трактату… Припало мне на ум, чтоб зело б изрядно было, ежели б поскоряе ныне послать к прускому королю, чтоб зделать с ним союз о войне в Померании и чтоб он, хотя с малым войском, вам помог, а вместо того перевел ваши войска в свое пропитание правиантом и позволил итить и чрез свою землю пропустить их, и то б могли дело свое исполнить, не вступая в Полшу»[25].

4 сентября 1711 г. Г. И. Головкин из Могилева сообщил послам о царском указе войску Б. П. Шереметева остановиться возле Полонного и находиться там до прохода Карла XII в Померанию[26]. Через десять дней государь успокаивал П. П. Шафирова: «А войск наших у Каменца не бывало и ныне нет, також и чрез Полшу, кроме нашего полку для моего конвою, не хаживали и не пойдут. И наш полк уже две недели как в Прусах. И иных войск не посылано, ниже посылать будем чрез Полшу, в том будте весма надежны, разве зимою, и то чрез Прусы от Риги в Померанию к будущей компании»[27]. Итак, даже после ратификации мирного договора царь намеревался по-прежнему направлять войска в Померанию через территорию Речи Посполитой. Русское правительство полагало, что нахождение отдельных частей царской армии в Поморье в отдалении от турецкой границы не станет для Высокой Порты причиной разорвать мирный договор.

Впрочем, поводом для нового объявления турками войны России 9 декабря 1711 г. стало не пребывание русских войск в Польше, а отказ Ф. М. Апраксина передать турецким представителям Азов[28]. Одновременно с подготовкой армии к военному походу османы решили начать новые переговоры с П. П. Шафировым и М. Б. Шереметевым при условии посредничества послов Англии и Голландии — Роберта Саттона и Якоба Кольера.

Вице-канцлер был вынужден обратиться за помощью к английскому и голландскому послам, не имея ни соответствующего государева указа, ни возможности узнать позицию царского двора по этому

вопросу. П. П. Шафиров писал, что «турки не хотели с нами ни о чем более говорить, и ничему верить без медиаторов ни ныне, ни впредь не хотят»[29].

Вначале русские дипломаты относились к посредникам настороженно, опасаясь, что те поднимут вопрос о военных действиях в Померании[30]. Однако П. П. Шафиров вскоре доложил в Санкт-Петербург: «И о Померании они ничего и не вспоминали, но наипаче слыхали мы часто от них, а особливо от аглинского, что он с сожалением говорил, для чего прошлая тамо компания от союзников вашего величества без действа пропущена»[31].

Р. Саттон в донесениях своему правительству перечислил основные требования турецкой стороны: передача Украины или ее части; вывод в трехмесячный срок русских войск из Польши без права возвращения, даже если там появится шведский король со своей армией; беспрепятственный пропуск Карла XII на родину; передача Азова и разрушение Таганрога и т. д. Он обратил внимание, что русские министры вскоре после начала переговоров стали старательно избегать упоминания в тексте договора Пруссии, чтобы дать возможность царю вывести в нее свои войска из Польши[32].

2 января 1712 г., уже после начала переговоров, в крепость Азов прибыл турецкий гарнизон[33], что сняло с повестки дня самое острое препятствие на пути к подписанию нового мирного трактата. В дальнейшем русские послы смогли использовать возвращение османам Азова как весомый аргумент для убеждения противной стороны в намерении царя соблюдать условия Прутского договора.

На первый план во время переговоров вышел вопрос о пребывании русской армии в Польше. П. П. Шафиров уверял Порту, что все царские войска уже покинули польские земли. Ему также пришлось пообещать, что «в городех польских» оставленные несколько сот человек из армии Б. П. Шереметева «для проезду куриеров» будут выведены в течение месяца, «а которые вашего царского величества войска в Прусах для походу в Швецкую Померанию, на помощь данные по договору королю и Речи Посполитой, и те выведены будут в апреле месяце»[34]. Итак, на переговорах в Стамбуле Померания рассматривалась прежде всего как место, куда можно было направить русские войска из Польши и туда же вывезти Карла XII.

С начала 1712 г. между северными союзниками велись переговоры о плане военных действий в Померании[35]. Петр I готовился снова провести свою армию через Речь Посполитую. 25 января 1712 г. царь отправил Г. Ф. Долгорукому письмо о ведении в Польше такой политики, которая бы позволила и проводить через польские земли русские вой-

ска, и не давала бы повод туркам считать это нарушением условий мира, и о своем намерении отправиться в Померанию[36].

5 апреля 1712 г. после многомесячных конференций в Стамбуле русским дипломатам удалось подписать новый договор[37]. В отличие от «вечного» Прутского, Константинопольский мир был заключен сроком на 25 лет. Его первый пункт обязывал царя вывести войска из Польши в трехмесячный срок[38]. Уже на следующий день после обмена текстами трактата великий везир Ага Юсуф-паша настоятельно посоветовал вице-канцлеру немедленно обратиться к царскому двору с просьбой прислать ратификационную грамоту[39]. На Порту оказывали давление настроенные против России шведский и французский послы, а также крымский хан, убеждавшие османов в нежелании царя выполнять данное условие договора. Если в Стамбуле станет известно, что русское войско не покинуло Польшу в определенный договором срок, то миру немедленно придет конец.

В 1712 г. в Померанию через польские земли прошли тринадцать пехотных полков дивизии А. И. Репнина, Ингерманландский и Астраханский пехотные полки, а также лейб-гвардии Преображенский полк из Польской Пруссии и Семеновский полк из Курляндии. Б. П. Шереметев направил в Померанию лейб-регимент. Возглавлял русские вспомогательные войска в Померании А. Д. Меншиков[40].

В мае 1712 г., дождавшись гонца из Стамбула, Петр I ратифицировал договор и в следующем месяце выехал из Санкт-Петербурга в Померанию. Царь указал чрезвычайному и полномочному посолу в Польше Г. Ф. Долгорукому пообещать сенаторам за содействие сбору провианта передать крепость Эльбинг[41]. Петр I также сообщил о намерении после завершения военных действий в Померании оставить Польшу «в совершенном покое», как надлежало по условиям русско-турецкого мирного договора[42].

1 июля на уходивший в Померанию Киевский драгунский полк под местечком Пыздры напал отправленный Карлом XII в рейд в центральные районы Польши отряд Я. Грудзинского[43]. Также в Шверине был сожжен русский армейский магазин. Преследуя неприятеля, русские полки вернулись в Польшу. 16 июля, когда эти известия дошли до Стамбула, П. П. Шафиров был вызван к великому везиру. Вице-канцлер объяснял, что столкновение произошло «при пруских померанских рубежах, и показывал те места, где вышепомянутые люди розбиты и магазин созжен, на карте»[44]. П. П. Шафиров уверял Юсуфа-пашу, что все войска прошли в Шведскую Померанию еще до указанного в мирном договоре срока, «но разве ныне за тем случаем тот поход остановится, дабы не допустить тех плутов до пущих противностей против царского величества и до возмущения поляков»[45].

Летом 1712 г. П. П. Шафиров продолжал отправлять тревожные письма Петру I и Г. И. Головкину с просьбой ускорить вывод войск из Польши, а также просил сообщать о каких-либо успехах русского оружия в Померании. 28 июня 1712 г. великий везир спрашивал Р. Саттона, «…правда ли, что в Померании осажены две фартеции швецкие»[46]. Как только появились новые известия, английский посол поспешил сообщить Высокой Порте об осаде русско-саксонской армией Штеттина и Штральзунда и датским войском — Штаде[47].

Шведские дипломаты продолжали убеждать султана, что царь, несомненно, нарушит мирный договор, поскольку нет иного пути в Померанию, кроме польских земель. В связи с этим великий везир заинтересовался, «далеко ли, от Прус до Померании, також в которых местностех Петербурк, Торунь и Прусы»[48], и могут ли войска царя в Померанию войти и выйти, не вступая на польскую землю. Посольский секретарь по распоряжению П. П. Шафирова показал великому везиру на географической карте расположение городов и крепостей, а также маршрут русской армии. Русские дипломаты пытались показать, что на обратном пути из Померании царскому войску нужно «толко оными Полскими Прусы идти миль 5 или 6», а также имеется возможность «объехать Полское владение до границ Росийского государства морем»[49]. Как заметила С. Ф. Орешкова, османские власти слабо разбирались в географии тех мест, о которых заходила речь на переговорах[50].

Для того чтобы пресечь дальнейшее обсуждение «неудобной» темы, П. П. Шафиров напомнил великому везиру, что о Померании ни в Прутском, ни в Константинопольском договоре «ничего нигде ни одного слова не написано». Юсуф-паша согласился с этим аргументом («то правда, что об ней в договорех ничего не написано. А будут стоять, и им-де до того дела нет, не токмо, чтоб оную царское величество завладел, но хотя и все у Шведа побрал, они в то не вступят»). Он высказал опасение, что марши русских войск через Польшу дают Карлу XII повод и дальше отказываться покидать пределы Османской империи[51].

Однако упорные слухи о пребывании русских войск в Польше пресечь не удалось. 26 июля 1712 г. стольник А. Ф. Лопухин, которому было поручено доставить в Стамбул ратификационные и полномочные грамоты, передал слова коменданта пограничной крепости Бендеры Измаила-паши: «…имеет он подлинное известие, что войски царского величества многие еще из Полши не выведены. И есть-де у него и роспись, в которых местах и сколко оных обретаетца. Такожде и король шведский непрестанно посылает проведывать в Полшу об оных и внушает о том Порте»[52]. Авраам Федорович посоветовал «для проходу короля швецкаго» хотя бы временно вывести войска из Познани и Торуня[53].

29 июля вице-канцлер отправил подьячего к представителю Августа II в Стамбуле Ф. И. Гольцу. Он просил саксонца сообщить великому везиру о якобы полученном из Польши известии, что все царские войска уже вступили в Шведскую Померанию, в том числе и те, которые «было паки для отомщения над Грузинским, по учинении оного паки выступили. И ныне в Полше никаких его величества войск нет»[54].

3 августа 1712 г. из османской столицы выехал салахор (подконюший) Ахмед-бей с заданием Порты удостовериться в наличии или отсутствии в Польше русских войск[55]. Послы оказались в сложной ситуации: указанный в договоре трехмесячный срок вывода войск закончился, однако из-за сложности доставки почты достоверных известий о ситуации в Польше и Померании от русского правительства не поступало. Для того, чтобы склонить султана ратифицировать мирный договор до возвращения Ахмед-бея, П. П. Шафиров и П. А. Толстой сочинили выписку якобы из указов Петра I, которую подали великому везиру 11 августа 1712 г. В ней говорилось, что государь распорядился вывести все войска из Речи Посполитой раньше определенного мирным договором трехмесячного срока, а затем повелел вернуть «почитай, последней полк русский, марширующей в Померанию», который преследовал отряд Я. Грудзинского на польских землях[56]. В середине августа П. П. Шафиров наконец действительно получил письмо Петра I, отправленное 11 июля «из Эльбинга при отъезде в Померанию», о намерении «набрать правианту в Польше и вывесть в Померанию» и с уверением, что русские войска покинут польские земли в августе[57]. Это дало возможность русским дипломатам еще раз заверить Порту, «что конечно оных войск никого в Полше нет»[58].

Тем не менее вице-канцлер опять «дерзнул» попросить Петра I «как наискорее вывесть» войска, «ибо Померания Швецкая от Полши, чаю, разстоянием не болши семи, а по вышшей мере десяти миль, и может тако тот корпус удобно стоять в Швецкой Померании и розведывать о транспорте швецком, тамо стоя»[59].

Конференции с Высокой Портой кончились тем, что османы заявили, что их на переговорах обманули. Из-за задержки А. Ф. Лопухина, связанной с подготовкой и доставкой предназначенных султану подарков[60], благоприятный момент для вручения ратификации был упущен. 4 сентября 1712 г. П. П. Шафирову и М. Б. Шереметеву объявили, что у них не примут царские грамоты до возвращения из Польши салахора Ахмед-бея[61].

Русские послы были вынуждены выслушивать упреки в том, что они при заключении мирного договора намеренно утаили невозможность возвращения царской армии из Померании минуя польские земли. 20 сентября рейс-эфенди потребовал «особливой акорд о проходе войск

его величества ис Померании»[62]. П. П. Шафиров решил снова обратиться за помощью к голландскому и английскому послам. Р. Саттон полностью поддержал позицию русских дипломатов, подчеркнув, что Померания «надлежит до Имперского государства, и что им до оной дело»[63]. Однако, пообещав «работать так, как и королеве своей», английский посол сказался больным и деятельного участия в составлении «обязательных пунктов» не принимал[64].

24 сентября на аудиенции великий везир заявил послам, что царь нарушил свое обещание вывести войска в трехмесячный срок из Польши. Юсуф-паша потребовал «объявить» маршрут русского войска из Померании минуя Польшу. Великий везир заявил, что Высокую Порту не интересуют военные действия на берегах Балтийского моря: «И царское величество, как изволит: хочет Померанию берет, хочет не берет, но они толко говорят по трактату о полском пункте, чтоб те войска ис Померании и в Померанию чрез Полшу не шли»[65]. Русских послов обязали подготовить пункт о маршруте войска, который бы не нарушал условий мирного договора.

1 октября 1712 г. П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев подписали «обязание», по условиям которого русские войска должны были возвращаться из Померании морским путем или в крайнем случае близ побережья Балтийского моря[66]. Данное обязательство вызвало недовольство Петра I. 29 октября 1712 г. он отправил гневное письмо П. П. Шафирову[67]. Однако вице-канцлер его получить не успел. 25 октября вернувшийся в Стамбул Ахмед-бей доложил султану, что в Польше в нарушение мирного договора по-прежнему находятся царские войска[68]. 31 октября 1712 г. Высокая Порта объявила войну России, а русских послов заключили в Едикуле (Семибашенный замок). В начале ноября новый великий везир Силахдар Сулейман-паша посетил французского посла П. П. Дезальера. Француз старался убедить великого везира, что для безопасности Османской империи надо заставить царя вывести свои войска из Померании и поддержать Станислава Лещинского, поскольку между Петром I и Августом II существует тайная договоренность после Померании напасть на Османскую империю[69].

Пока русские дипломаты находились в заключении, военная инициатива в Померании перешла к шведам. 4 ноября в Штральзунде высадилась армия под командованием фельдмаршала Магнуса Стенбока. Саксонцы были вынуждены отойти, а М. Стенбок выступил в направлении Шверина, намереваясь снять осаду Висмара. 9 (20) декабря в сражении под Гадебушем он разгромил датско-саксонское войско. Датчане оставили при отступлении всю артиллерию, остатки союзной армии были вынуждены отойти отошли к Любеку. М. Стенбок стал между Висмаром

и Любеком, а затем направился к Гамбургу. Однако вскоре удача от него отвернулась. М. Стенбок попытался вывести Данию из войны вторжением в Ютландию; но в начале 1713 г. оказался в голштинской крепости Тёнинген, окруженной значительно превосходящими по численности силами саксонцев, датчан и русских. В крепости началась эпидемия, которая унесла жизни четырех тысяч человек. 4 (15) мая 1713 г. М. Стенбок подписал капитуляцию[70].

Вскоре после получения в Стамбуле известия об отправке армии М. Стенбока в Померанию Карл XII начал готовиться к тому, чтобы покинуть Османскую империю. Султан приказал выделить вооруженный эскорт для сопровождения короля, снабдить шведов снаряжением, провизией и лошадьми, а также выплатить 600 000 талеров. Однако Карл XII потребовал более многочисленное сопровождение и дополнительные денежные средства. По замечанию Т. К. Крыловой, обе стороны испытывали недоверие друг к другу. Высокая Порта требовала определиться с датой отъезда, а король отказывался уезжать, пока турецкое войско не прибудет на границу[71]. Противоречия в планах на русско-турецкую войну привели к кризису в шведско-турецких отношениях. В январе 1713 г. турецкое правительство постановило, что если Карл XII не покинет добровольно пределы Османской империи, то его выдворят насильно. 31 января 1713 г. состоялся штурм янычарами шведского лагеря в деревне Варнице, окончившийся ранением и арестом короля.

22 марта 1713 г. турки освободили П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева. 2 апреля в Адрианополе начались встречи русских послов с представителями османского правительства. Против русско-турецкого мирного договора выступали по-прежнему имевшие значительное влияние при османском дворе французский посол П. П. Дезальер и шведский посланник Ст. Понятовский. 4 апреля П. П. Шафиров получил известие от «прежняго своего приятеля» переводчика французского посольства Форнета о предложении П. П. Дезальера турецкому правительству настаивать на немедленном выводе русских войск из Померании любым способом[72]. Вице-канцлер доложил Г. И. Головкину, что турок «возмущают и побуждают к походу воинскому французы и шведы, внушая им, что пока царское величество войска свои ис Померании не выведет, то до тех мест Полша от войск его по договору свободна быть и король швецкой безопасно пройтить не может. И чтоб тем походом принудить его величество к выводу ис Померании войск своих, объявляя им, что когда де войска росийские ис Померании выступят, то-де войска швецкие, пришед чрез Полшу, примут у них короля своего и тако-де трудности никакой войскам их не будет[73].

По предположению В. А. Артамонова известия о поражении, нанесенном Северным союзом шведской армии М. Стенбока, и о завоевании русской армией Финляндии достигли послов только в ноябре 1713 г.[74] Однако анализ переписки П. П. Шафирова показывает, что с начала 1713 г. он регулярно получал сведения о ситуации с армией М. Стенбока. Например, 19 (30) января 1713 г. Б. И. Куракин из Гааги сообщил: «Штейнбок в 14 000 побил близ Висмара датчан и артелерию, и багажи взял, и 3000 полону, и потом впал в Голштейнию, а царское величество со всеми своими войски марширует за ним»[75]. 19 мая 1713 г. Б. И. Куракин послал известие, что «граф Штейнбок со всею армиею швецкою, быв в осаде городе Тонинге, здался по капитуляции в неволю со всею алтилериею, з знаменны, барабаны и со всем ружьем»[76]. Детально осаду и условия капитуляции описал А. А. Матвеев в четырех письмах, отправленных соответственно до 20, 20, 23 и после 28 мая. Как правило, письма русских посланников из европейских столиц доставлялись в Адрианополь или Стамбул в течение месяца после отправки[77].

П. П. Шафирову удалось достигнуть с османами соглашения о возобновлении мира на условиях трактата, подписанного 5 апреля 1712 г. Однако турки снова потребовали от России вывода войск из Польши и передачи «некоторой части от Украины». Вице-канцлеру удалось отклонить «противные два пункта о даче погодной хану и о поселении казаков запорожских на Самаре»[78].

В ходе переговоров снова был поднят вопрос об обратном пути русской армии из Померании[79]. Турки указывали послам на пребывание там 30-тысячного русского войска, которое прошло через Польшу в нарушение Константинопольского мира[80]. П. П. Шафиров твердо придерживался позиции, что царь обещал не вмешиваться в польские дела, «а о войсках царского величества, что оные ныне в Померании, не надлежит Порте и вспоминать», потому что еще до Прутского договора там находилось 12 000 солдат, а остальные пришли с зимних квартир из Польши[81]. Обсуждение сроков и маршрута вывода русских войск заняло несколько дней. Вице-канцлер задавал риторические вопросы турецким представителям: «…какой ис того Блистателной Порте убыток, что те царского величества войска с позволения поляков пройдут несколко наслегов чрез оную близ Балтийского моря, где одной земли им миновать невозможно? И то будет разстоянием от их турской границы з 200 часов езду, и надлежит ли за такое дело войну всчинать?»[82]

13 июня 1713 г. был заключен Адрианопольский мир. Впервые в пункте о запрете пребывания русских войск в Польше упоминалась Померания. Высокая Порта согласилась на проход русских войск после окончания померанской кампании через Польшу. Согласно первому пункту

трактата, «…когда его царское величество и его войски похотят возвратиться из Померании, да пройдут все в Россию подле границе другой стороны Польши одиножды до России, а впредь более никогда не иметь проходить чрез Польшу в Померанию»[83].

Таким образом, военные победы русского или шведского оружия в Померании в 1711–1712 гг. не оказывали существенного влияния на развитие русско-турецких отношений. Однако пребывание на территории Польши русских отрядов, которые направлялись к театру военных действий в Померанию, неизменно провоцировало негативную реакцию османского правительства и становилось поводом к разрыву мирных отношений. Это было связано с намерением Высокой Порты уменьшить русское влияние в Польше и организовать возвращение Карла XII в Шведскую Померанию через земли Речи Посполитой.

В 1714 г. шведский король покинул османские пределы. Через земли Священной Римской империи он добрался до Штральзунда. Летом 1715 г. датский и прусский короли осадили Штральзунд, оборону которого возглавлял шведский король Карл XII. 9 июля 1715 г. царь заключил с датчанами конвенцию о совместных действиях и условиях содержания русского корпуса. Русское войско под командованием генерала-фельдмаршала Б. П. Шереметева вышло в поход в Померанию через польские земли, что противоречило условиям Адрианопольского договора 1713 г. В 1714 г. возвращавшаяся из Померании армия уже использовала право «одинажды» пройти по территории Польши. Однако в Санкт-Петербурге рассчитывали, что начавшая войну с Венецианской республикой Османская империя не разорвет мир со своим северным соседом. По словам В. Тейлса, Высокая Порта, «хотя сие за обиду почитала, токмо опасаясь нападения от цесаря, принуждена была обиду сию скрывать»[84].

На долгие годы между Россией и Османской империей установились мирные отношения. Но даже в Константинопольском договоре 1720 г. о вечном мире (когда уже результаты Северной войны были очевидны) во второй статье специально говорилось о том, что в случае похода на Померанию российские войска не будут следовать через Польшу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18–09–00721.

[2] По данным Б. Н. Григорьева, короля от Переволочны сопровождали 1300 шведов и 1500 запорожцев (*Григорьев Б. Н.* Карл XII, или Пять пуль для короля. М., 2006. С. 371).

[3] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (Исследование и тексты). СПб., 2015. С. 42–45.

[4] Письма и бумаги имп. Петра Великого (далее — ПиБ). Т. 9. Вып. 1. М.; Л., 1952. № 3393. С. 357. Померания, Бремен и Верден (то есть земли в континентальной Европе, вошедшие в состав Шведского королевства по условиям Вестфальского мира 1648 г.) оставались по-прежнему под властью шведов. В сентябре 1709 г. Карл XII отправил конный отряд под началом генерала А. Юлленкрука в Польшу на поиски контактов с Э. Д. Крассау и Станиславом Лещинским. Отряд достиг г. Черновцы, был окружен и перебит русскими частями (*Григорьев Б. Н.* Карл XII… С. 389).

[5] *Возгрин В. Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. С. 263–268.

[6] *Hatton R.* Charles XII and the Great Northern War // The New Cambridge Modern History. Vol. 6: The Rise of Great Britain and Russia: 1688–1712. Cambridge, 1970. P. 669.

[7] *Возгрин В. Е.* Политические отношения Карла XII с крымскими ханами и турецким султаном в годы Северной войны // Скандинавские чтения 2008 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты: Сборник статей. СПб., 2010. С. 103.

[8] С. Ф. Орешкова подчеркивала, что шведскую позицию активно поддерживали представители Франции, Австрии и Англии, а в принятии окончательного решения о начале войны большую роль сыграла антирусская агитация крымского хана (*Орешкова С. Ф.* 1) Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 78; 2) Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 38). Английский посол Р. Саттон, сообщив своему правительству об объявлении турецким султаном войны России, заметил: «…этот великий поворот дел является целиком работой татарского хана» (The Despatches of sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople: (1710–1714). London, 1953. N 9. P. 28).

[9] *Крылова Т. К.* Дипломатическая подготовка вступления русской армии в Померанию в 1711 г. // Исторические записки. М., 1946. Т. 19. С. 23.

[10] *Григорьев Б. Н.* Карл XII… С. 385.

[11] *Артеус Г.* Карл XII и его армия // Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы: Сборник статей М., 1999. С. 162.

[12] *Крылова Т. К.* Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 276–278; *Никифоров Л. А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М., 1959. С. 256–260.

[13] *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971; *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М., 1990.

[14] *Крылова Т. К.* Русская дипломатия на Босфоре в 1711–1714 гг. // Международные связи России в XVII–XVIII вв.: (Экономика, политика и культура): Сборник статей. М., 1966. С. 412.

[15] Там же. С. 413.

[16] Там же. С. 413–414.

[17] *Hatton R.* Charles XII and the Great Northern War. P. 671.

[18] *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. С. 179. Отметим, что М. Стенбок высадился в Шведской Померании 4 ноября, а войну России Высокая Порта объявила 31 октября 1712 г.

[19] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе… С. 157–808.

[20] *Тейльс В.* Известия, служащия к истории Карла XII, короля шведскаго. М., 1798.

[21] В Прутском походе из-за несогласованности действий, недостатка провианта и фуража царская армия потерпела ряд неудач. 9 июля 1711 г. на правом берегу р. Прут между урочищами Станилешти и Фальчи обладавший тройным численным превосходством противник окружил русский лагерь. 12 июля в результате напряженных переговоров П. П. Шафирову удалось заключить мирный договор. В тот же день царская армия начала марш в сторону Ясс, а полномочные министры П. П. Шафиров и сын генерал-фельдмаршала М. Б. Шереметев остались в османском лагере в качестве заложников до выполнения Петром I всех взятых на себя обязательств (*Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе… С. 45).

[22] ПиБ. Т. 11. Вып. 2. М., 1964. Примеч. к № 4714. С. 416–417.

[23] *Крылова Т. К.* Польский вопрос, его место и значение в русско-турецких отношениях 1710–1713 гг. // Краткие сообщения Института славяноведения. Т. 42. М., 1964. С. 8.

[24] ПиБ. Т. 11. Вып. 1. М., 1963. № 4576. С. 323.

[25] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе… С. 182.

[26] Там же. С. 238. Опасаясь вторжения турок и татар за Днепр, поляки обратились с просьбой к Петру I задержать армию Б. П. Шереметева на Правобережной Украине (*Крылова Т. К.* Польский вопрос… С. 5).

[27] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе… С. 252.

[28] *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. С. 147–149.

[29] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе… С. 49. 3 августа 1711 г. в Гааге Великий союз принял решение не возражать против начала северными союзниками военных действий в Померании. Надо полагать, П. П. Шафиров об этом еще не знал.

[30] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе… С. 335.

[31] Там же. С. 390.

[32] The Despatches of sir Robert Sutton… N 29. P. 87–91.

[33] ПиБ. Т. 12. Вып. 2. М., 1977. Примеч. к № 5461. С. 351.

[34] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе… С. 297.

[35] 31 марта (11 апреля) в Колдинге удалось согласовать план совместных действий. Было решено высадить десант на о-в Рюген и осадить Штральзунд (История Северной войны: 1700–1721 гг. М., 1987. С. 115–117).

[36] ПиБ. Т. 12. Вып. 1. М., 1975. № 5039. С. 39-41; № 5040. С. 41.

[37] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе… С. 378–380.

[38] «Его царское величество войска свои ис Полши, которые во оной по сю сторону обретаются, выведет в месяц от числа сего договору. А которые войска на

другой стороне в Полше ж, те выведет в три месяца из Полши, понеже надлежит ко оным послать указ его царского величества. И его царское величество не оставит никаких войск руских в Полше ни под какими предлогами и отговорками, сказывая, что отпущены из его службы или прежде или после числа сего инструменту и что не его войска, и да не останутца» (Там же. С. 380).

[39] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе… С. 387.

[40] *Мышлаевский А. З.* Петр Великий: Война в Финляндии в 1712–1714 года: Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896. С. 34–35. Войско А. И. Репнина двигались через Польшу очень медленно из-за нехватки провианта и фуража. К середине мая дивизия достигла Торуня, в начале июля она наконец подошла к прусской границы (ПиБ. Т. 12. Вып. 1. Примеч. к № 5192. С. 445).

[41] ПиБ. Т. 12. Вып. 1. № 5238. С. 193.

[42] Там же.

[43] 2 мая 1712 г. Карл XII отправил в Польшу отряд во главе с раввским старостой Я. Грудзинским, К. Урбановичем и стражником Загвойским с целью поддержать недовольных правлением Августа II и отсечь русских от Померании. Отряд насчитывал 64 польские хоругви (около 3000 человек), казацкие полки Ф. Мировича, И. Быстрицкого, Карпа и А. И. Войнаровского (около 3000–5000), также около ста шведских солдат и офицеров. В походе также участвовали от 3000 до 5000 крымских татар. По мере продвижения в Польшу Я. Грудзинский мобилизовывал местных крестьян и присоединял добровольцев. Появились слухи, что султан намерен восстановить на престоле Станислава Лещинского и что следом за первым отрядом идет Карл XII с огромным османским эскортом (*Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы: (1709–1714 гг.). С. 124). 13 июня 1712 г. А. Д. Меншиков доложил царю, что 1 июня отряд Я. Грудзинского под местечком Пыздры близ Познани напал на обоз Киевского драгунского полка, возглавляемого полковником Ф. П. Гордоном (ПиБ. Т. 12. Вып. 1. Примеч. к № 5239. С. 476).

[44] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе… С. 559, 561.

[45] Там же. С. 559.

[46] Там же. С. 597.

[47] Там же. С. 713.

[48] Там же. С. 688.

[49] Там же. С. 689.

[50] *Орешкова С. Ф.* Немировский конгресс: От двусторонних османо-российских отношений к Восточному вопросу. М., 2015. С. 79.

[51] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе… С. 698.

[52] Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — Архив СПбИИ РАН). Ф. 83 (Походная канцелярия А. Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 5396. Л. 1.

[53] Там же.

[54] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе… С. 600.

[55] *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). С. 126.

[56] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе… С. 658. Один из пехотных полков дивизии А. И. Репнина остался в Польше в подчинении генера-

ла Р. Х. Боура, возвращенного из Померании в Познань с 2000 драгун по просьбе Августа II, опасавшегося возмущения в Великопольше (*Крылова Т. К.* Польский вопрос… С. 13).

[57] ПиБ. Т. 12. Вып. 2. № 5342. С. 12. Драгунские полки подошли к бранденбургской границе только 24 сентября, а Эльбинг передали саксонскому коменданту только 14 октября (*Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). С. 127).

[58] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе… С. 688.

[59] Там же. С. 670.

[60] Подробнее см.: *Базарова Т. А.* «Чтоб с теми грамотами был послан нарочитой человек…»: Поездка А. Ф. Лопухина в Стамбул в 1712 г. // Петровское время в лицах. 2018: К 20-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2018): Материалы научной конференции. СПб., 2018. С. 38–47.

[61] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе… С. 711.

[62] Там же. С. 737.

[63] Там же. С. 740.

[64] Там же. С. 739–740. В статейном списке П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева за 1713 г. упоминалось, что английский посол к процессу выработки «особливого пункта подключился «напоследи» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1. Л. 81).

[65] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе… С. 744.

[66] ПиБ. Т. 12. Вып. 2. Примеч. к № 5646. С. 458–489.

[67] Там же. № 5646. С. 195.

[68] *Артамонов В. А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). С. 128.

[69] *Орешкова С. Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. С. 179–180.

[70] *Беспалов А. В.* Участник Северной войны фельдмаршал граф Магнус Стенбок (1664–1717) // Новая и Новейшая история. 2011. № 6. С. 182–183.

[71] *Крылова Т. К.* Русская дипломатия на Босфоре в 1711–1714 гг. С. 145–146.

[72] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1. Л. 15–15 об.

[73] Там же. Л. 34 об.

[74] *Крылова Т. К.* Русская дипломатия на Босфоре в 1711–1714 гг. С. 137.

[75] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 5819. Л. 1.

[76] Там же. Д. 5981. Л. 2 об.

[77] *Базарова Т. А.* Возвращение Карла XII в Швецию после Полтавы в русской дипломатической переписке: По материалам Походной канцелярии П.П. Шафирова // Полтава. К 300-летию Полтавского сражения: Сборник статей. М., 2009. С. 221.

[78] *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе… С. 63–64.

[79] В мае—июне 1713 г., как и прежде, обсуждалась возможность проезда Карла XII «с пятью тысячи или с шестью тысячю кавалерии турецкой чрез Полшу на Гданск» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 5946. Л. 7 об.; Д. 6065. Л. 1).

[80] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1. Л. 80–80 об.

[81] Там же. Л. 80 об.

[82] Там же. Л. 115.

[83] Полное собрание законов Российской империи. Собрание I-е. СПб., 1830. V. 5. № 2687. С. 58–59.

[84] *Тейльс В.* Известия, служащия к истории Карла XII, короля шведскаго… С. 255.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М.: Наука, 1990. 208 с.

Артеус Г. Карл XII и его армия // Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы: Сборник статей М.: Издательский Центр «Академия», 1999. С. 156–175.

Базарова Т. А. «Чтоб с теми грамотами был послан нарочитой человек…»: Поездка А. Ф. Лопухина в Стамбул в 1712 г. // Петровское время в лицах — 2018: К 20-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2018): Материалы научной конференции. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2018. С. 38–47.

Базарова Т. А. Возвращение Карла XII в Швецию после Полтавы в русской дипломатической переписке: По материалам Походной канцелярии П. П. Шафирова // Полтава: К 300-летию Полтавского сражения: Сборник статей. М.: Кучково поле, 2009. С. 219–228.

Базарова Т. А. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (Исследование и тексты). СПб.: Историческая иллюстрация, 2015. 864 с.

Беспалов А. В. Участник Северной войны фельдмаршал граф Магнус Стенбок (1664–1717) // Новая и новейшая история. 2011. № 6. С. 176–183.

Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л.: Наука, 1986. 296 с.

Возгрин В. Е. Политические отношения Карла XII с крымскими ханами и турецким султаном в годы Северной войны // Скандинавские чтения 2008 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 97–117.

Григорьев Б. Н. Карл XII, или Пять пуль для короля. М.: Молодая гвардия, 2006. 550 с.

История Северной войны: 1700–1721 гг. М.: Наука, 1987. 214 с.

Крылова Т. К. Русско-турецкие отношения во время Северной войны // Исторические записки. 1941. Т. 10. С. 250–279.

Крылова Т. К. Дипломатическая подготовка вступления русской армии в Померанию в 1711 г. // Исторические записки. 1946. Т. 19. С. 23.

Крылова Т. К. Польский вопрос, его место и значение в русско-турецких отношениях 1710–1713 гг. // Краткие сообщения Института славяноведения. Т. 42. М.: Наука, 1964. С. 3–17.

Крылова Т. К. Русская дипломатия на Босфоре в 1711–1714 гг. // Международные связи России в XVII–XVIII вв.: (Экономика, политика и культура). М.: Наука, 1966. С. 410–446.

Мышлаевский А. З. Петр Великий: Война в Финляндии в 1712–1714 года: Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896.

Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны: Ништадтский мир. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 498 с.

Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М.: Наука, 1971. 205 с.

Орешкова С. Ф. Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 34–46.

Орешкова С. Ф. Немировский конгресс: От двусторонних османо-российских отношений к Восточному вопросу. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2015. 291 с.

Тейльс В. Известия, служащия к истории Карла XII, короля шведскаго… М.: Университетская тип., у В. Окорокова, 1798. 468 с.

Hatton R. Charles XII and the Great Northern War // The New Cambridge Modern History. Vol. 6: The Rise of Great Britain and Russia: 1688–1712. Cambridge, 1970.

The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople: (1710–1714). London: Printed in Great Britain by Buder & Tanner Ltd., 1953.

А. А. Михайловская

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ ПРОГЕРМАНИЗМА В ШВЕЦИИ

В 1872 г. к власти в Швеции пришел новый король Оскар II (1872–1907 гг.). Он получил в свое управление государство, находящееся в глубоком кризисе. К 1870-м гг. шведское население обнищало, а промышленное производство развивалось в разы медленнее, нежели в ведущих промышленных державах того времени. На фоне кризиса стали происходить процессы эмиграции: шведы в поисках лучшей жизни уезжали из своей страны. В основном эмиграция происходила в США[1]. Повальная эмиграция также тормозила развитие государства. В этот же период, потеряв всех возможных союзников, Швеция окончательно уходит с ведущих ролей на европейской арене.

Дабы выйти из внутри- и внешнеполитического кризисов, Оскару II необходимо было найти новый путь развития государства, а следовательно, и новый вектор внешнеполитической ориентации своего государства. На роль данного вектора как нельзя кстати начала тогда подходить Германия, которая только что стала единым государством, превратившись тогда в империю. Однако одной благосклонности шведского короля к Германии явно не хватало. Никакой речи о безоговорочной поддержке внешнеполитических пристрастий Оскара II среди шведов явно не просматривалось, что четко можно было заметить из публиковавшихся тогда весьма разнообразных материалов, которые активно печатались в газетах. Здесь явно преобладали статьи, отражающие сохранившиеся устойчивые профранцузские позиции[2].

Тем не менее важно отметить, что Швеция и Германия уже имели достаточно давние и глубокие экономически связи[3]. Они не могли не сказаться на перспективах сближении двух государств. Также одним из важнейших факторов сближения двух стран считались общие германские корни. Шведские публицисты тогда не раз называли немцев родственным народом, ссылаясь на единство языковой группы, на схожесть куль-

турных традиций[4]. Единство духа также поддерживал общий враг — Россия, к которой шведы испытывали так называемый исторический страх. Детей пугали знаменитой фразой «Русские идут» (шв.: «ryssen kommer»)[5], а в газетах то и дело появлялись очерки о злодеяниях русских.

Еще одним важным пунктом в развитии «прогерманизма» является также тяжелый для Швеции вопрос статуса Финляндии, на территории которой проводилась широкая политика русификации, что нарушало автономию Финляндии[6]. Шведские консерваторы давно задумывались о возвращении Финляндии Швеции, в чем их поддерживала Германия[7].

Однако, несмотря на столь удачное стечение обстоятельств, при которых шведский король выступал за сближение с Германией, а Берлин в свою очередь был не против заполучить в союзники северную соседку, у короля в достижении столь важного для него альянса существовали некоторые трудности.

Оскар II не обладал абсолютной властью, поскольку всецело зависел от политических решений риксдага, который, в свою очередь, выражал общественное мнение. Законодательная власть была поделена поровну между монархом и риксдагом, однако право взимать налоги имел только риксдаг[8], что усложняло усиление армии, необходимого компонента в вопросе военно-политических союзов. Достаточно долго короли Швеции не выказывали своего недовольства касательно подобной системы правления государством, однако Оскара II данная ситуация не устраивала. Король стремился играть как можно большую роль в руководстве страной, нежели его предшественники. В связи с этим Оскар II попытался вести кулуарную политику, донося свое мнение до ведущих политиков в частных беседах. В отношении Совета король стремился также всеми усилиями показать свою позицию в тех или иных политических вопросах, особенно что касалось милитаризации государства.

Но, несмотря на столь рьяные желания короля расширить свои полномочия, реформа 1866 г., по которой упразднялся старый сословный риксдаг и образовывался новый, двухпалатный, риксдаг все более поддерживал Совет против короля[9]. Первая палата в большинстве своем состояла из помещиков, крупных чиновников, промышленников, которые поддерживали короля в его желании усилить оборону государства. Вторая же палата, сформированная по большей степени из крестьян-землевладельцев, не переставала противиться первой палате, поддерживая строгую экономию в государстве, а также желая сократить, либо упразднить поземельный налог. В связи с этим работа риксдага стала представлять собой постоянную «войну»[10].

Риксдаг, как главный выразитель общественной мысли, не готов был отказываться от позиций нейтралитета по отношению к европейским

конфликтам. В 1889 г. член риксдага Альфред Бексель попытался сделать запрос о возможном создании тайного шведско-немецкого союза. Однако большинство представителей нижней палаты парламента отказало Бекселю в выдвижении данного запроса. Здесь была сделана ссылка на то, что, согласно конституции, риксдаг не имел власти в вопросе внешней политики и, соответственно, данные предложения со стороны риксдага были неуместны[11].

Тем не менее король постепенно отходил от принципов нейтралитета, поскольку считал необходимым усиление шведских вооруженных сил. Несмотря на узкий спектр политических полномочий монарха, военное ведомство по существующей тогда «форме правления» оставалось в его руках. В результате королю виделась задача в необходимости перестроить армию на новый лад. Более того, считалось, что уже с 1860-х гг. старая система индельты (*шв.*: Indelningsverket) сильно устарела. Необходимо было резко сократить время мобилизации. Кроме того, предполагалось необходимым повысить средний возраст мобилизованных солдат, а также увеличить период военных сборов, поскольку в данных вопросах Швеция сильно отставала от других европейских государств, где тогда существовала всеобщая воинская повинность[12].

Но для всего этого Оскару II требовалось увеличение государственных расходов. Однако риксдаг неоднократно в этом ему отказывал, поскольку депутаты прекрасно понимали, что усиление армии влечет за собой усиление и самой власти монарха[13]. Тем не менее, несмотря на препятствия, которые создавались королю в риксдаге, король все же смог добиться роста численности и качества шведской армии[14]. Данный вопрос был принципиален для короля в рамках сближения с Германией.

Более того, у Оскара II в Швеции существовали и его сторонники. Они были готовы в его прогерманских намерениях четко поддержать короля. Как правило, это была консервативная часть политической элиты, которая рассматривала Германию в качестве противовеса России, а в Петербурге видели лишь угрозу шведской политики нейтралитета. И именно эти люди помогали королю получить средства на строительство армии и укрепление страны[15]. Консерваторы к тому же понимали, что для победы над сильным противником Швеции нужен еще более сильный союзник, поэтому вся надежда была целиком возложена на Германию[16].

Немецкая сторона, в свою очередь, не бездействовала, а, будучи заинтересованной в хороших отношениях со Швецией, в Берлине также всячески стремились способствовать пересмотру взглядов нейтрального государства. Бисмарк попытался найти для Швеции ее место в системе союзов, идеальным рассматривая идею шведского «благожелательного

нейтралитета» максимально выгодным для общего сотрудничества двух государств[17].

Также важной вехой в становлении «прогерманизма» в Швеции являлась помолвка кронпринца Густава в 1881 г. с внучкой короля Пруссии Вильгельма I с принцессой Баденской Викторией. Будущая королева Виктория сыграет большую роль в развитии прогерманских взглядов на территории Швеции в XX в.[18]

Позднее, во время правления Вильгельма II, немецкая политическая элита также будет всячески способствовать усилению прогерманских настроений в шведском обществе. Особую роль в этом сыграл визит немецкого императора в Стокгольм в 1888 г. Кайзер его осуществлял под знаком «доброго расположения» Германии к Швеции. Причем тогда шведские газеты одномоментно запестрили всевозможными восторженными статьями про приезд почетного гостя, про оказанный ему шведским королевским двором прием. Все это свидетельствовало о том, что сторонников Оскара II в его прогерманских инициативах становилось все больше[19].

Теперь органы массовой информации страны начали занимать значительно более позитивные позиции в отношении «осмысления» шведским населением новых нюансов во взаимоотношениях Швеции с Германией. Большой резонанс в Швеции, в частности, получила статья «Небольшие темные пятная на горизонте» («Små mörka fläckar vid horisonten»). Материал, без указания на авторство, был опубликован в 1882 г. в шведской газете «Афтонбладет»[20]. В нем содержался репортаж о выступлении в Москве руководителя Архангельской губернии, бывшего главы Санкт-Петербургской полиции, генерал-губернатора Н. Баранова. Этот человек подверг жесткой критике существующую по договору 1826 г. российско-норвежскую границу. Как отмечалось в статье, Баранов заявил, что данный договор лишил Россию исторических прав не незамерзающие берега Варангер-фьорда. Пересказ речи Баранова вызвал волну негодования и далее был еще опубликован в нескольких шведских, а также норвежских газетах[21].

Автор нашумевшей статьи позднее подготовит еще новый маьтериал, в котором будет уже сравнивать выступление Н. Баранова с речью генерала М. Скобелева, который, общаясь с сербскими студентами в Париже, призывал всех славян начать подготовку к предстоящей войне с «тевтонцами». В опубликованной статье затем делался еще вывод, что существующие тогда в России враждебные настроения, обращенные к Германии, а следовательно, и к Швеции, вообще очень широко распространены. Причем, по представлению автора статьи, российское население «в большинстве своем представляет собой совершенно невежественную массу,

которая уже много лет привыкла видеть себя богоизбранным народом, в противоположность всем язычникам и еретикам мира»[22]. Как подчеркивалось в этой работе, Россия — это «своевольный ребенок с большим острым ножом в руке»[23].

Интерес вызывает тот факт, что шведский король настоятельно рекомендовал немецкому посланнику в Стокгольме, Р. Пфулю, ознакомиться с данными статьями. Затем, летом 1882 г., в диалоге с этим немецким дипломатом он вообще подчеркнул уже существующую необходимость сближения Германии и Швеции[24].

Германия, будучи мощной индустриальной державой с ультраконсервативной монархией, виделась консервативным частям шведского общества прекрасным примером для подражания. Поскольку консерваторы по большей степени определяли политику Швеции, это давало большой простор для распространения «прогерманизма». В этом большую роль играло консервативное монархическое правительство Э. Г. Бурстрёма (премьер-министр 1892–1904 гг.)[25]. В результате германофилия распространялась по Швеции с высокой скоростью. Она стала проникать во все уголки шведской жизни. Тогда уже откровенно восхищались архитектурой Германии, открыто интересовались немецкой культурой, а немецкий язык изучали практически повсеместно[26]. В целом ученые, писатели, политические деятели стали четко поддерживать идеи «прогерманизма».

Однако для Швеции существовала определенная черта в отношениях с Германией, которую никак нельзя было переступать. Данной границей является принцип нейтралитета, нарушив который политическая верхушка обрекала себя на возможные волнения общества, которое не готово было отказаться от нейтралитета. В 1890-х гг. на Балтике произошло столкновение интересов трех сильных держав: Германии, Англии и России, что могло вылиться в конфликт, в который при наихудших обстоятельствах Швеция могла бы быть вовлечена. В рамках данного конфликта у Вильгельма II появились идеи окончательного подключения Швеции к Тройственному союзу, поскольку та, в свою очередь, была крайне благосклонна к Германии. Но, как бы ни была выгодна данная ситуация для Германии, Швеция никак не могла пойти на подобное. Риксдаг продолжал высказывать свое нежелание нарушить нейтралитет, в чем его безоговорочно поддерживало общество[27]. В результате на берлинских переговорах 1903 г., на которых стремились поднять данную проблему и на которых присутствовал кронпринц Густав, не дали желаемого официального альянса.

Таким образом, к началу XX в. «прогерманизм» достаточно сильно закрепился в сознании шведского общества. Германия виделась шведам в качестве союзника, защитника, который способен справиться с «угро-

зой с Востока», однако существовала и противоборствующая консерваторам сила — социалисты и либералы, которые выступали за ограничение власти монарха, за уменьшение прогерманских тенденций в шведском обществе, что наглядно показал последующий уже в 1905 г. кризис.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Похлебкин В. В.* Скандинавский регион // Вопросы истории. № 2. 1980. С.72.

[2] См.: Tidning för Wenersborgs stad och län // Kungl. biblioteket - Sveriges nationalbibliotek URL: http://magasin.kb.se:8080/searchinterface/page.jsp?issue_id=kb:76228 (дата обращения: 03.02.2018).

[3] *Патрушев А. И.* Германская история. Через тернии двух тысячелетий. М., 2008. С. 353.

[4] *Hedin S.* Fünfzig Jahre Deutschland. Leipzig, 1938. S. 9.

[5] *Мирской А.* Европейская война и нейтральная Швеция // Русская мысль. 1914. №11. С. 32.

[6] *Шиловский Л.* Введение // Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 4-5.

[7] *Jungar S.* Ryssland och den svensk-norska unionensupplösning. Åbo, 1969. S.176.

[8] История Швеции. М., 1974. С. 399.

[9] Riksdagens historia // Sveriges Riksdag URL: http://www.riksdagen.se/sv/sa-funkar-riksdagen/demokrati/riksdagens-historia/#9b10cf99ee9305cff228016ac1a5f923 (дата обращения: 21.04.2018).

[10] История Швеции. С. 341.

[11] *Åselius G.* The Russian menace to Sweden: The belief system of a small power security élite in the Age of Imperialism. Stockholm, 1994. P. 177.

[12] *Ericson L.* Svenska knektar. Lund, 2004. C. 17.

[13] *Энкель К. Г.* Швеция и Норвегия. Вооруженные силы. СПб., 1880 С. 167.

[14] Там же. С. 9.

[15] Там же. С. 235.

[16] *Lindberg F.* Skandinavien und das Deutsche Reich // Europa und die Einheit Deutschlands. Köln, 1970. S. 163.

[17] *Сементковский Р. И.* Отто Бисмарк. Его жизнь и деятельность. СПб., 1895 // URL: http://az.lib.ru/s/sementkowskij_r_i/text_1895_bismark.shtml (дата обращения: 24.03.2018)

[18] *Schubert I.* Schweden und das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg. Bonn,, 1981. C. 105.

[19] *Гриценко С. А.* «Прогерманизм» в общественно-политической жизни Швеции (1905–1916) // Дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2016. С. 71.

[20] Тем не менее стало известно, что автором данной статьи, так же как и ряда других материалов, посвященных внешней политике России в Европе, являлся историк, «прогерманист», Х. Йерне.

[21] *Åselius G.* The Russian menace to Sweden. P. 144.

[22] Цит. по: Ibid. P. 146.

[23] Цит. по: Ibid. P. 147.

[24] Ibid. S. 148.

[25] *Гриценко С. А.* «Прогерманизм» в общественно-политической жизни Швеции (1905–1916). С. 77.

[26] *Hedin S.* Fünfzig Jahre Deutchland. S. 55.

[27] *Lindberg F.* Skandinavien und das Deutsche Reich. S. 43.

ЛИТЕРАТУРА

Балтийский регион в Новое и Новейшее время: история и региональная политика. Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. Канта, 2016. 322 с.

Гриценко С. А. «Прогерманизм» в общественно-политической жизни Швеции (1905–1916): дис. … канд. ист. наук. М., 2016. 280 с.

История Швеции. М., 1974. 719 с.

Карелин В. А. Русская разведка в Швеции накануне Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2008. № 1. С. 53–57; № 4. С. 49–54.

Катцова М. А. К вопросу о так называемой «русской военной опасности» для Швеции накануне и в начале Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы восьмой ежегодной научной конференции (13–14 апреля 2006 г.). СПб.: РХГА, 2007. С. 150–167.

От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XX вв. СПб., 2016. 620 с.

Мирской А. Европейская война и нейтральная Швеция // Русская мысль. 1914. № 11. 383 с.

Михайловская А. А. Шведский активизм в начале Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018. № 19 (1). С. 82–86.

Новикова И. Н. Донесения военных агентов как источник для изучения российско-скандинавских отношений периода Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2005. № 6. С. 254–264.

Патрушев А. И. Германская история. Через тернии двух тысячелетий. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2008. 702 с.

Подсобляев Е. Ф. Развитие планов морской обороны Санкт-Петербурга накануне Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2006. № 7. С. 200–2013.

Похлебкин В. В. Скандинавский регион // Вопросы истории. № 2. 1980. 227 с.

Рупасов А. И. Германо-шведские контакты о заключении военного союза (1910–1915 гг.) // Первая мировая война и международные отношения: Сборник. СПб.: АОЗТ «Издательство KN», ФМО СПбГУ, 1995. С. 30–40.

Сементковский Р. И. Отто Бисмарк. Его жизнь и деятельность. СПб.: Общественная польза, 1895. 98 с.

Сергеев Е., Улунян Ар. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Реалии-Пресс, 2003. 478 с.

Табаровская К. А. Российско-шведские отношения накануне Первой мировой войны (1905–1917 гг.). Политический, экономический, военный аспекты: По материалам российских архивов: дис. … канд. ист. наук. М., 2009. 227 с.

Шилов С. П. Военно-морская политика кайзеровской Германии и Россия (1897–1914 гг.): дис. … д-ра ист. наук. Тюмень, 2004. 361 с.

Шиловский Л. Введение // Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. С. 127–129.

Энкель К. Г. Швеция и Норвегия. Вооруженные силы. СПб.: Воен.-учеб. ком., 1880. 747 С.

Ericson L. Svenska knektar. Lund: Hist. media, 2004. 330 S.

Hedin S. Fünfzig Jahre Deutschland. Leipzig: Brockhaus, 1938. 255 S.

Jungar S. Ryssland och den svensk-norska unionensupplösning. Åbo: Б. и., 1969. 197 S.

Schubert I. Schweden und das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg. Bonn: Röhrscheid, 1981. 193 S.

Åselius G. The Russian menace to Sweden: The belief system of a small power security élite in the Age of Imperialism (Stockholm studies in history). Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1994. 445 S.

Д. Ю. Козлов

«ШВЕДСКАЯ АВАНТЮРА» АДМИРАЛА Н. О. ФОН ЭССЕНА (ИЮЛЬ 1914 г.) В СВЕТЕ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

«Шведский поход» русского Балтийского флота, в первые же дни Великой войны едва не поставивший крест на нейтралитете сопредельного королевства, получил определенное отражение в отечественной историографии. Неоднократно в той или иной мере обращались к этому сюжету и участники конференций «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». В настоящей статье предпринята попытка зафиксировать современное состояние исследований этого неординарного события и наметить некоторые перспективы дальнейших изысканий с привлечением новых документов из российских и зарубежных архивов.

Итак, 23 июля (5 августа) 1914 г. командующий флотом Балтийского моря адмирал Н. О. фон Эссен, полагая весьма вероятным выступление Швеции на стороне немцев, принял самостоятельное решение упредить угрозу со стороны шведского флота. Последний, как 18 (31) июля телеграфировал в Морской генеральный штаб (МГШ) военно-морской агент в Швеции, Норвегии и Дании капитан 2-го ранга В. А. Сташевский (об этом же сообщалось в его донесениях от 26 июля (8 августа) и 29 июля (11 августа))[1] и спустя два дня — 20 июля (2 августа) — сообщил в Министерство иностранных дел посланник в Стокгольме А. В. Неклюдов, «ушел из Стокгольма, по слухам, к острову Готланд»[2].

24 июля (6 августа) Н. О. фон Эссен доложил о своих намерениях главнокомандующему 6-й армией генералу от артиллерии К. П. Фан-дер-Флиту (последнему Балтфлот с началом военных действий был подчинен в оперативном отношении[3]), который приказал ожидать разрешения верховного командования.

Замысел Н. О. фон Эссена состоял в том, чтобы предъявить командующему шведским флотом вице-адмиралу В. Дюрссену ультимативное требование перейти в Карлскрону и не выходить оттуда во все время войны между Россией и Германией для «устранения печальной возможности

возникновения случайных военных действий между нашими флотами и нациями»[4]. В случае отказа командующий Балтфлотом намеревался атаковать шведов силами обеих бригад крейсеров, при этом главным силам — флагманскому кораблю Н. О. фон Эссена броненосному крейсеру «Рюрик» и 1-й бригаде линкоров с 1-й минной дивизией — ставилась задача отрезать неприятелю путь в район Стокгольма, часть сил (крейсер «Олег», эскадренный миноносец «Новик» и 4-й дивизион эсминцев) оставалась южнее в разведывательной «завесе».

Данные о сосредоточении шведского флота у Готланда оказались недостоверными, и в первые дни войны его основные силы оставались в районе Стокгольма[5], однако Н. О. фон Эссен 28 июля (10 августа) вышел из Финского залива и крейсировал на широте его устья, ожидая разрешения «атаковать шведский флот». На следующий день операция была отменена распоряжением Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, который запретил «активные действия при настоящей политической обстановке»[6] и счел проект ультиматума «актом, вызывающим незаслуженные оскорбления шведов, лояльно относящихся к России»[7].

Одновременно в Средней Балтике находилась германская корабельная группа в составе малых крейсеров «Аугсбург», «Магдебург» и миноносцев «V25», «V26» и «V186» под флагом командира «дивизии охраны побережья Балтийского моря» (Küstenschutzdivision der Ostsee) контр-адмирала Р. Мишке, которому было предписано приблизиться к устью Финского залива и, активно демонстрируя, создать, как указывалось в директиве командующего силами Балтийского моря гросс-адмирала принца Генриха Прусского, «впечатление, что мы сохраняем восточную Балтику за собой»[8]. В ночь на 29 июля (11 августа) между Дагерортом и островом Готска-Сандэ эсминец «Новик» (капитан 2-го ранга В. В. Палецкий) вступил в кратковременный визуальный контакт с «Магдебургом» (корветтен-капитан Р. Хабенихт) и «Аугсбургом» (капитан цур зее А. Фишер), после которого и русский эсминец, и немецкие крейсера «показали неприятелю корму», выполнив маневр отрыва от противника.

В историографии Великой войны этот сюжет, несмотря на грандиозность масштаба возможных последствий инициативы Н. О. фон Эссена и факт первого на этом театре соприкосновения противников, остается если не белым, то во всяком случае серым пятном.

Наиболее полное описание «похода на шведа» было составлено Виктором Евгеньевичем Эмме и опубликовано в 1922 г. во втором сборнике материалов Военно-Морской Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. на море (Мориском)[9]. Основу этого текс-

та составили дневники Евгения Францевича Винтера[10] и Ивана Ивановича Ренгартена[11], также отложившиеся в бумагах Морискома.

Е. Ф. Винтер — однокашник В. Е. Эмме по Морскому корпусу (выпуск 1909 г.) — в 1914 г. в чине лейтенанта состоял флаг-офицером штаба командующего Балтфлотом и являлся хорошо проинформированным участником событий (именно он, в частности, представлял начальнику штаба 6-й армии генерал-лейтенанту князю Н. А. Енгалычеву рапорт Н. О. фон Эссена, в котором было изложено намерение предъявить шведам ультиматум[12]). В составе походного штаба командующего флотом участвовал в «шведском походе» и второй флагманский минный офицер старший лейтенант И. И. Ренгартен, посвятивший этому событию несколько страниц своего дневника с весьма эмоциональными репликами по поводу ключевых моментов операции. Свидетельства И. И. Ренгартена, хотя и не столь подробны, как хроника Е. В. Винтера, чрезвычайно ценны компетентными замечаниями об организации радиосвязи и разведки на Балтийском флоте в первые дни мировой войны.

В дальнейшем сколь-нибудь пристальное внимание нашей теме уделил, пожалуй, только Михаил Александрович Петров[13], которого «шведская авантюра» интересовала главным образом как симптом ущербности системы стратегического руководства Российским флотом: «В этом походе, несомненно нецелесообразном с точки зрения политической конъюнктуры момента, виновато прежде всего само главное командование, недостаточно ориентировавшее Эссена, благодаря чему последний был вынужден сам оценивать обстановку и сам искать решения»[14].

В позднейшей же историографии Великой войны имели место в лучшем случае весьма лапидарные упоминания об этом сюжете, не выходящие за рамки фактографии В. Е. Эмме, Е. Ф. Винтера и И. И. Ренгартена[15], а то и вовсе никаких упоминаний — как, например, в первом и пока единственном полноценном развернутом описании действий флотов в кампаниях 1914–1918 гг. — двухтомнике «Флот в первой мировой войне» под редакцией Николая Брониславовича Павловича, во всяком случае в опубликованной, многократно сокращенной при издании версии этого труда[16]. Посчитали излишним отметить «шведский» эпизод кампании 1914 г. и составители летописей и хроник боевого пути отечественного флота[17], а в фундаментальном описании к картам «Морского атласа» и вовсе значится, что «в первый месяц войны главные силы русск[ого] флота находились в базах, готовые выйти к Центральной минно-артиллерийской позиции при появлении герм[анских] морских сил у входа в Финский залив»[18].

Специалистов по истории политических, экономических, культурных и иных аспектов российско-шведских отношений, несколько из ко-

торых буквально одной строкой касаются шведской эскапады адмирала Н. О. фон Эссена (А. С. Кан[19], М. А. Катцова[20], И. Н. Новикова[21], К. А. Табаровская[22] и др.), наш сюжет, очевидно, интересует как не более чем свидетельство нестабильности военно-политической ситуации в Балтийском регионе и трудностей, с которыми столкнулся официальный Стокгольм в установлении и отстаивании своего нейтрального статуса в первые дни разгоравшейся мировой войны.

Специальных исследований «шведской операции» августа 1914 г. не зафиксировано и в эмигрантской историографии, хотя отдельные упоминания об этом событии содержатся в некоторых обзорных работах о Первой мировой войне на Балтике — текстах Б. П. Дудорова[23], Н. А. Монастырева[24] и др.

Среди немногочисленных мемуаристов, затрагивавших нашу тему, отметим, наряду с упомянутыми выше Е. Ф. Винтером и И. И. Ренгартеном, Гаральда Карловича Графа (в 1914 г. — второй минный офицер эскадренного миноносца «Новик»), который упомянул ночную встречу с германскими крейсерами[25], и известного подводника Василия Александровича Меркушова (командир «Окуня»), живо описавшего почти комичный эпизод — попытку высланных вперед миноносцев убрать с пути возвращающегося в Финский залив флота подводные лодки, выведенные по инициативе начальника подводной бригады на позиции перед центральным минным заграждением — и последовавший разнос, учиненный контр-адмиралу П. П. Левицкому командующим флотом[26]. Как выяснилось, в указанное время вел дневниковые записи и служивший на «Рюрике» зять комфлота лейтенант Борис Петрович Страхов, однако его заметки, отложившиеся в личном фонде Н. О. фон Эссена, представляет собой сугубо навигационный дневник (так называемый журнал плавания), позволяющий лишь уточнить некоторые детали маневрирования главных сил флота Балтийского моря в ходе «шведской операции»[27].

Основой германской историографии кампании 1914 г. на Балтике является книга корветтен-капитана Рудольфа Фирле, который достаточно подробно, с обильным цитированием отчетно-информационных боевых документов описал первый поход германских кораблей к устью Финского залива, осуществленный почти одновременно со «шведской операцией» русских[28]. Опубликованное в 1921 г. произведение Р. Фирле является частью официального 22-томного цикла «Der Krieg zur See 1914–1918» («Война на море 1914–1918»), работа над которым была начата в 1919 г. и проводилась на базе фондов немецкого военно-морского архива (Marinearchiv)[29].

Эта серия традиционно и заслуженно оценивается специалистами как наиболее полное и вполне выдерживающее критику с оперативно-

тактической точки зрения описание морских кампаний 1914–1918 гг.[30], однако оно не свободно как от не вполне корректных положений аналитического характера, так и некоторых неточностей в деталях. По-видимому, первым обратил внимание на определенную фактографическую небрежность авторов официальных германских трудов американский историк Стивен Маклахлин, сопоставивший описание боя у Сарыча 5 (18) ноября 1914 г. в книге Германа Лорея «Война в турецких водах»[31] с военным дневником командира линейного крейсера «Гебен» и призвавший относиться к тексту «с некоторой осмотрительностью»[32]. К аналогичным выводам пришел и автор этих строк, сравнив обстоятельства первой «демонстрации» немцев в северо-восточной Балтике 27–31 июля (9–13 августа) 1914 г. в интерпретации Р. Фирле с оригинальными документами из собрания Федерального архива ФРГ — оперативной директивой командующего силами Балтийского моря гросс-адмирала принца Генриха Прусского от 8 августа 1914 г. № 3[33], боевым приказом командира «дивизии охраны побережья Балтийского моря» контр-адмирала Р. Мишке от 9 августа 1914 г. № 1[34] и его военным дневником (Kriegstagebuch)[35], а также военным дневником командира крейсера «Магдебург» корветтен-капитана Р. Хабенихта с приложенным к нему рапортом об обстоятельствах контакта с русским миноносцем[36].

Приведем лишь один пример. Причину того, что контр-адмирал Р. Мишке остерегался глубин менее 100 м, автор немецкого официального труда видит в стремлении «избежать опасности от мин заграждения»[37], что, кстати, должно навести на мысль о слабой осведомленности кайзеровских моряков о характеристиках российского минного оружия[38]. Сам же командир «дивизии охраны побережья» в военном дневнике приводит иную аргументацию своего решения: «Восточнее Готланда курсы должны быть, по возможности, выбраны по 100-метровым глубинам для защиты от подводных лодок днем, когда возможно изменение курса»[39]. Иными словами, германский флагман в полной мере проявил предусмотрительность опытного мореплавателя и весьма редкую для первых дней Великой войны бдительность по отношению к опасности со стороны подводных лодок, которым еще только предстояло одержать первые сенсационные победы. Оставаясь мористее 100-метровой изобаты, Р. Мишке в известной степени гарантировал своим кораблям возможность свободного маневрирования для уклонения от обнаруженного «у-бота» в сложной навигационной обстановке, характерной для Балтийского театра.

Что же касается состоявшегося в те же дни «шведского похода» русского флота, то его и Р. Фирле, и современные исследователи балтийских кампаний Великой войны — В. Ран[40], К. Йенц[41] и др. — оставляют за скобками.

В Швеции первая и, по-видимому, наиболее полная работа на нашу тему — статья капитана 2-го ранга Э. Бьерклунда (kommendörkapten Elis Biörklund) «Российское нападение на Швецию в 1914 году — новые документы о критической ситуации в первые августовские дни» — увидела свет в 1936 г.[42] Автор поставил перед собой задачу не только осветить перипетии «эссеновской операции» («Essen'ska operation»), но и охарактеризовать международно-политический контекст событий первых дней мировой войны на Балтике. В формировании фактографической базы своего исследования шведский офицер проявил завидную настойчивость. Прежде всего он детально проработал опубликованные к тому времени материалы — вышедшую в Норвегии книгу Х. Х. Аалла «Опасность с востока»[43], статьи бывших русских морских офицеров в шведских журналах[44], уже упоминавшиеся нами работы М. А. Петрова «Морская оборона берегов в опыте последних войн России» и Н. А. Монастырева «Sur trois mers» («В трех морях»), а также немецкое издание советского сборника документов «Международные отношения в эпоху империализма», третья серия которого посвящена событиям 1914–1917 гг.[45]

Придя, однако, к заключению, что «имеющиеся источники в некоторых отношениях противоречивы и большинство из них не содержит никаких подробностей»[46], Э. Бьерклунд обратился за разъяснениями к советскому историку академику Е. В. Тарле, посетившему Стокгольм в марте 1929 г., а также оказавшимся в эмиграции очевидцам, участникам и исследователям «шведской операции» — Г. И. Бутакову, А. С. Зеленому, Н. Н. Коломейцову, Н. А. Монастыреву, Д. П. Руденскому, А. И. Русину, С. К. Терещенко, которые предоставили автору письменные свидетельства[47]. Любопытно, что оценки, данные моряками-эмигрантами «шведскому походу» Балтийского флота, оказались вполне в русле советской историографической традиции: например, адмирал А. И. Русин, возглавлявший в 1914 г. МГШ, пришел к выводам, вполне корреспондирующим тезисам оставшегося в СССР М. А. Петрова: «Политическая неопределенность в начале августа 1914 года поставила адмирала Эссена в очень сложную ситуацию, которая вполне могла вдохновить его на идеи, лежавшие в основе его оперативного плана»[48].

В результате Э. Бьерклунду удалось воссоздать подробную и достоверную хронику событий, насколько это было возможно при недоступности в то время многих внешнеполитических документов (в том числе шведских, на что особенно сетует автор). Сделанные же им выводы об обоснованности и целесообразности шагов русского командующего, несмотря на «специфический и чувствительный характер предмета» для шведской публики, выглядят почти комплиментарными: «Фон Эссен не был достаточно информирован о дипломатической ситуации ни Ми-

нистерством иностранных дел, ни военным руководством, и у него, конечно же, были причины для беспокойства»[49].

Опубликованные Э. Бьерклундом сведения и предложенная им интерпретация причин «шведской операции» русского флота стали, как представляется, основой для лаконичных упоминаний об этом событии в последующей шведской литературе. Так, исследователь внешней политики Швеции Т. Гиль (Torsten Gihl) характеризует несостоявшееся «нападение на шведский флот» как единственную в Первой мировой войне действительную угрозу нейтралитету официального Стокгольма[50], а Г. Оселиус (Gunnar Åselius) в работе «“Русская угроза” Швеции» называет поход Н. О. фон Эссена «кульминацией обоюдных русско-шведских страхов», ставших следствием «десятилетий взаимных подозрений»[51].

Важно иметь в виду, что корпус относящихся к нашей теме архивных боевых документов — и директивных, и отчетно-информационных — весьма ограничен и в основном собран в виде копий в деле под заголовком «Взаимоотношения со Швецией и мероприятия русского командования на случай выступления ее на стороне Германии» в фонде р-1529 (Исторический отдел Главного морского штаба), а также в делах Мориского (фонд р-29) РГА ВМФ. Здесь отложились рапорт командующего флотом главкому 6-й армии с изложением плана нейтрализации шведской угрозы[52], радиотелеграмма начальника военно-морского управления штаба 6-й армии капитана 2-го ранга В. М. Альтфатера с решением главковерха об отмене операции[53] и весьма лаконичный отчет Н. О. фон Эссена о походе[54], которыми, собственно, и ограничивается перечень выявленных официальных бумаг штаба командующего флотом, имеющих касательство к нашему сюжету.

К сожалению, до сего времени не обнаружены, во всяком случае, не введены в оборот основные планирующие и директивные документы, содержащие замысел и план «шведского похода» (в годы Первой мировой войны в отечественном флоте подобные документы именовались «план операции № такой-то» с приложением частных «предписаний» командующего флотом начальникам задействованных соединений). Поэтому наши представления о намерениях Н. О. фон Эссена базируются лишь на дневнике Е. Ф. Винтера, участвовавшего вечером 27 июля (9 августа) в совещании у командующего флотом, где тот довел до подчиненных свое решение[55]. Причину этого, очевидно, следует искать в том, что в первые дни войны порядок исполнения боевых и служебных документов был еще не вполне отработан, хотя, надо признать, он и в лучшие времена был не лишен серьезных изъянов[56]. В частности, в «Журнале записи сведений для флагманского исторического журнала 1-й бригады крейсеров» — весьма, казалось бы, перспективном источнике, так как, помимо

прочего, в состав этого соединения в первой кампании войны входил эсминец «Новик» — как раз за период с 16 (29) июля по 20 августа (2 сентября) 1914 г. никаких записей нет[57].

Для выяснения внешнеполитического контекста «шведской» экспедиции и вопросов, связанных с состоянием, мобилизацией, дислокацией и собственно перемещениями шведского флота в первые дни мировой войны представляется уместным проанализировать сведения, поступавшие в МГШ от военно-морского агента в Скандинавских странах капитана 2-го ранга Владимира Арсеньевича Сташевского, а также переписку МИД с императорской миссией в Стокгольме, частично опубликованную в сборнике документов «Международные отношения в эпоху империализма»[58].

Посланник в Швеции Анатолий Васильевич Неклюдов в целом ряде писем и телеграмм, отложившихся в фонде 133 (Канцелярия министра) АВПРИ и (в виде копий) в фонде 418 (Морской генеральный штаб) РГА ВМФ, сообщал главе внешнеполитического ведомства С. Д. Сазонову некоторые сведения военно-морского характера: «Миноносный отряд пришел из Карлскроны для обычных ежегодных маневров в здешних Шхерах» (секретная телеграмма от 17 (30) июля 1914 г. № 23)[59]; «Военные мероприятия продолжатся… мобилизован Готланд… Флот мобилизован сполна» (секретная телеграмма от 22 июля (4 августа) 1914 г.)[60]; «Мобилизационные меры Шведского Правительства развиваются своим чередом… мобилизованы гарнизоны крепостей и острова Готланд» (секретная телеграмма от 4/17 августа 1914 г. № 53)[61] и др.

В контексте нашего сюжета особенно интересна депеша А. В. Неклюдова от 20 июля (2 августа) 1914 г., где, среди прочего, указывалось: «Шведский флот в количестве 5 броненосцев и 16 миноносцев и 3 подводных лодок вышел из Стокгольма и находится, по слухам, частью у острова Готланда»[62].

Гораздо обстоятельнее состояние и передвижения флота сопредельного королевства освещал в своих донесениях капитан 2-го ранга В. А. Сташевский. Накануне начала военных действий между Германией и Россией — 18 (31) июля — в рапорте начальнику МГШ вице-адмиралу А. И. Русину № 22 военно-морской агент доложил о дислокации шведского флота («Все суда плавающего флота… базируются на Стокгольм и большую часть времени проводят в стокгольмских шхерах (Хорс-фьорд)») и отмене запланированных на начало августа маневров[63]. В тот же день, судя по содержанию «сводки сведений» МГШ от 19 июля (1 августа), В. А. Сташевский телеграфом отправил в Санкт-Петербург еще одно донесение, где уточнил: «Шведский флот ушел из Стокгольма, по слухам, к острову Готланд»[64] (как мы показали выше, через день эта ин-

формация, дополненная составом шведской корабельной группировки, была продублирована А. В. Неклюдовым в Министерство иностранных дел). 21 июля (3 августа) в генмор было сообщено о возможности выступления Швеции на стороне Германии в случае вмешательства в конфликт Англии, а также о существовании соглашения на сей счет между Берлином и Стокгольмом[65].

Доклад о начале мобилизации шведского флота с подтверждением сведений о его сосредоточении у Готланда последовал 26 июля (8 августа) 1914 г. (рапорт № 28)[66], а через два дня — 29 июля (11 августа), № 30 — В. А. Сташевский представил список шведских кораблей с разделением на соединения[67] (впоследствии этот перечень будет воспроизведен в работе В. Е. Эмме[68]) и уточнил данные о районах их сосредоточения: «В настоящее время в Стокгольме находится отряд заградителей и транспорт Ран с гидроаэропланами. Броненосцы 2-го и 3-го класса в стокгольмских шхерах, а весь остальной флот у острова Готланд и юго-восточного побережья Швеции»[69].

Здесь следует отметить, что работа российских военных представителей в Швеции существенно затруднялась целым рядом обстоятельств. Капитан 2-го ранга В. А. Сташевский, состоявший при миссии в Стокгольме в единственном числе (его помощник старший лейтенант Б. С. Безкровный постоянно пребывал в Копенгагене[70]), вместо наблюдения за шведским флотом и оперативного информирования МГШ об изменениях обстановки 22 июля (4 августа), то есть накануне принятия Н. О. фон Эссеном решения о «походе на шведа», был отправлен в Мальме для обеспечения транзитного проезда через Швецию вдовствующей императрицы Марии Федоровны, спешно возвращавшейся в Россию из Дании[71]. Должность же военного агента после скандального «дела Ассановича»[72] несколько месяцев и вовсе оставалось вакантной, и назначенный на этот пост подполковник Д. Л. Кандауров приступил к обязанностям только после открытия военных действий[73].

Командующий Балтфлотом, не располагавший собственной агентурной разведкой (последняя находилась в ведении особого делопроизводства МГШ), был проинформирован о сосредоточении шведского флота у Готланда Морским генеральным штабом, ссылавшимся на донесения В. А. Сташевского и затем А. В. Неклюдова. Было известно (сам А. В. Неклюдов с огромным удивлением узнал об этом только в дни кризиса[74]), что шведы опасались захвата Готланда англичанами для использования этого острова как базы своего флота на Балтике (отсюда, кстати, и навязчивая идея МГШ и Н. О. фон Эссена о том, что вступление Великобритании в войну непременно приведет к выступлению Швеции на стороне Германии[75]). Эти опасения оказались изрядно преувеличенными, так как

британский «балтийский проект», главным апологетом которого являлся адмирал флота Дж. Фишер, так и не вышел из стадии декларативных заявлений и теоретических рассуждений[76]. Поэтому природа «англобоязни» стокгольмских стратегов остается не вполне понятной[77], и для ее выяснения необходимо, очевидно, привлечение разведывательных и аналитических материалов шведского военно-морского командования.

Итак, историография нашего сюжета весьма фрагментарна, а выявленный к настоящему времени корпус источников не может быть охарактеризован как исчерпывающий. Однако представляется возможным подвести хотя бы промежуточные итоги реконструкции и анализа событий, связанных со «шведским походом» адмирала Н. О. фон Эссена.

Прежде всего, эта история явственно продемонстрировала недостаточную информированность военно-морского командования — как под адмиралтейским шпицем, так и на местах — о направленности и приоритетах внешней политики империи, что, в свою очередь, являлось симптомом более глубокой проблемы — отсутствия должной координации усилий ведомств, должных обеспечивать военную безопасность государства. Провал эксперимента с созданием Совета государственной обороны (1905–1909), призванного институализировать этот процесс, привел к тому, что накануне и в годы мировой войны в России отсутствовал дееспособный механизм согласования деятельности военного и морского министерств, внешнеполитического ведомства и других государственных органов, причастных к обороне страны. «Горизонтальные» же межведомственные связи эту проблему решить не смогли. В результате министерство у Певческого моста не считало обязательным держать флотское руководство в курсе всех нюансов международной политики[78], а военно-морская разведка оказалась не в состоянии самостоятельно составить адекватное представление об обстановке. «Страдаем отсутствием сведений, где и что делает германский флот, то же и шведский, также вероятный противник», — докладывал адмирал Н. О. фон Эссен в МГШ за несколько дней до начала военных действий[79]. В стремительно менявшей ситуации балтийское командование оставалось, по существу, в информационном вакууме, что заставило командующего флотом самостоятельно интерпретировать внешнеполитическое положение и искать решение «шведского вопроса».

При энергичном темпераменте адмирала и его стремлении к активным действиям это намерение могло привести к катастрофическим последствиям. Напомним, что еще в 1909 г. в «Зимнем варианте плана № 18» Н. О. фон Эссен (в то время контр-адмирал Свиты Е. И. В., командующий соединенными отрядами Балтийского моря на правах начальника морских сил) предусматривал ультимативную демонстрацию с целью упре-

дить выступление шведов с последующим разгромом шведского флота до его соединения с германским[80]. А 14 (27) июля 1914 г. — за четыре дня до начала войны между Россией и Германией — Н. О. фон Эссен предложил МГШ постановить активное минное заграждение в юго-западном «углу» театра для срыва или, во всяком случае, замедления развертывания германского флота — «послать коммерческий пароход в подходящий момент ко входу в Кильскую бухту для забрасывания подходов минами»[81]. Ответ вице-адмирала А. И. Русина последовал 16 (28) июля: «Относительно посылки специального парохода для минирования Киля полагаю, что ввиду невыясненности нашего взаимоотношения к Германии едва ли возможно сделать это теперь, а в последующее время, вероятно, будет поздно…»[82] Очевидно, что эта инициатива командующего Балтфлотом грозила торпедировать попытки правительства Николая II мирно урегулировать кризис, так как упреждающая постановка мин в германских водах означала *de facto* открытие военных действий и влекла за собой возложение на Россию исторической ответственности за развязывание войны.

Анализируя оперативный замысел «шведского похода», следует отдать должное стремлению командующего к комплексному применению всех боеготовых сил вверенного ему флота (за исключением подводных лодок, отношение к боевым возможностям которых у Н. О. фон Эссена было весьма скептическим, во всяком случае, до потопления крейсера «Паллада» германской лодкой «U26» 28 сентября (11 октября) 1914 г.), а также использованию авиаразведки для вскрытия обстановке в Средней Балтике. Однако при этом адмирал оценивал как благоприятные не только перспективы разгрома шведов, но и свои шансы противодействовать превосходящим силам германского флота.

Вероятно, расчет Н. О. фон Эссена основывался на уверенности в том, что шведский флот имеет «чисто шхерный характер». В открытом же море, по оценке В. А. Сташевского — очевидно, наиболее сведущего в шведских делах русского морского офицера, — для нейтрализации угрозы со стороны «неприятельских шхерных броненосцев» было достаточно «одного линейного корабля и при нем дивизиона эскадренных миноносцев»[83].

Иное дело флот германский. Как представляется, расчет на разгром шведов до вмешательства немецких морских сил являлся чрезмерно оптимистичным. Разведывательная «завеса» могла обнаружить подходящего с юга неприятеля лишь на широте Виндавы, то есть всего в 30–40 милях от острова Фарё, где Н. О. фон Эссен предполагал нанести поражение шведскому флоту. А это расстояние быстроходные германские дредноуты, окажись они на Балтике, покрыли бы меньше чем за пару часов. При

этом подход противника остался бы и вовсе незамеченным, обойди немцы Готланд с запада (кстати, именно этим маршрутом спустя месяц крупные силы неприятеля впервые поднимутся к устью Финского залива[84]). Оправданием или, во всяком случае, объяснением столь легкомысленного отношения Н. О. фон Эссена к проблеме своевременного обнаружения превосходящего противника могло бы стать доверие командующего Балтийским флотом к агентурной разведке МГШ, однако Эссен весьма скептически оценивал ее возможности и, надо признать, был в этом совершенно прав.

Тем не менее самостоятельных мер к обнаружению факта выхода противника в море Н. О. фон Эссен не принял и тем более не пытался воздействовать на неприятеля на этапе его оперативного развертывания. Едва ли следовало возлагать большие надежды на подводные силы, впрочем, хотя бы «Акула» — единственная относительно современная лодка — могла занять позицию на одном из возможных маршрутов противника. Другая же форма воздействия на развертывающегося противника — постановка активных минных заграждений перед германскими базами частью крейсерско-миноносных сил — была вполне выполнима, что Балтийский флот блестяще подтвердит своей боевой практикой меньше чем через три месяца.

В рамках затронутой нами темы остаются открытыми или, во всяком случае, не вполне разрешенными несколько вопросов.

Прежде всего, не вскрыт механизм принятия решения об отмене операции и, в частности, роль в этом деле военно-морского управления при главковерхе, важнейшими функциями которого как раз и являлись «разработка и передача повелений верховного главнокомандующего, касающихся флота»[85]. В делопроизводственных документах штаба Верховного главнокомандующего (РГИА, ф. 2003) и военно-морского управления Ставки (РГА ВМФ, ф. 716) следов нашего сюжета пока не обнаружено, ни словом не обмолвились о нем в своих мемуарах и бывшие сотрудники военно-морского управления Д. В. Ненюков (в августе 1914 г. — контр-адмирал, начальник управления)[86] и А. Д. Бубнов (капитан 2-го ранга, штаб-офицер для делопроизводства и поручений)[87]. Причина этого, очевидно, заключается в том, что в последних числах июля (ст. ст.) штаб Верховного главнокомандующего пребывал в стадии формирования (к месту постоянной дислокации — в Барановичи — чины Ставки выехали из столицы только 31 июля (13 августа)[88]), и решение принималось, по всей видимости, по личному докладу К. П. Фан-дер-Флита великому князю Николаю Николаевичу, который еще находился в Санкт-Петербурге.

Кто же именно являлся инициатором «шведского похода»? Е. Ф. Винтер указывает на флаг-капитана по оперативной части штаба командую-

щего флотом капитана 1-го ранга А. В. Колчака, который 23 июля (5 августа) доложил командующему флотом Н. О. фон Эссену о необходимости «разрешить Шведский вопрос»[89]. Однако других подтверждений этой версии пока не обнаружено. В письме В. М. Альтфатеру, датированном 24 июля (6 августа), то есть днем визита Е. Ф. Винтера в штаб 6-й армии, Колчак высказал предположение о скором вмешательстве Стокгольма в войну на стороне Германии и сообщил о намерениях Н. О. фон Эссена активно действовать против шведов[90]. Однако о собственных инициативах на сей счет он не упоминал, хотя его переписка с В. М. Альтфатером была предельно откровенной и изобилующей подробностями именно личного свойства[91]. Колчак не коснулся шведской темы и в показаниях чрезвычайной следственной комиссии в Иркутске в 1920 г., являющихся, в сущности, достаточно подробной автобиографией[92]. Детали «штабной кухни» первых дней мировой войны могли бы прояснить дневники самого Н. О. фон Эссена, но эти записи, если они существуют, пока не найдены[93].

Говоря об итогах и последствиях выхода германской корабельной группы в Северную Балтику, отметим, что, по оценке Р. Фирле, четырехдневный рейд контр-адмирала Р. Мишке «не принес ожидаемой ясности о противнике, так как последний не показывался»[94]. Это ясно указывает на то, что российскому командованию удалось сохранить в тайне и подготовку к «шведскому» предприятию, и сам факт выхода всего Балтийского флота из Финского залива, и даже ко времени выхода в свет первого тома «Der Krieg in der Ostsee», то есть в 1921 г., германский военно-морской архив не располагал информацией об угрозе, нависшей над шведским нейтралитетом в первые дни войны. Впрочем, из своего первого появления в северной части театра немцы сделали совершенно правильный вывод об отсутствии постоянного корабельного дозора противника, который они предполагали обнаружить между островами Готска-Сандэ и Даго, а встречу с русскими миноносцами опять же справедливо сочли случайной. А вот сделанный на основе наблюдений Р. Мишке прогноз о том, что укрывшийся в Финском заливе русский флот «будет ждать, оставаясь пассивным»[95], оказался, как показали последовавшие в скором времени события, совершенно ошибочным.

Отметим, что и принц Генрих Прусский, и его русский визави Н. О. фон Эссен остались недовольны действиями своих починенных в ходе ночного контакта. Гросс-адмирал, по свидетельству Р. Фирле, отреагировал «приказаниями, ограничившими деятельность адмирала [Р. Мишке] при встрече с неприятелем»[96]. Сложнее понять мотивы неудовольствия командующего русским Балтфлотом в адрес капитана 2-го ранга П. П. Палецкого «за… упущение случая атаковать неприятельские крейсера»[97], учитывая, что «Новик» ретировался перед лицом многократно

сильнейшего противника. Очевидно, их следует искать в том, что накануне войны имели хождение чрезмерно оптимистические оценки перспектив ночных торпедных (в терминах того времени — минных) атак неприятельских крупных кораблей современными быстроходными эсминцами, способными вести залповую торпедную стрельбу по площади.

Действительно, введенные в действие в 1912 г. «Правила минной службы» (ПМС № 3) предусматривали как групповые, так и одиночные стрельбы (последние — преимущественно в условиях малой видимости, допускающей сближение с целью на короткую дистанцию). А изданная в следующем году 3-я часть этого документа рекомендовала — специально для «Новика» и следовавших за ним серий турбинных миноносцев с многотрубными торпедными аппаратами — одиночную стрельбу залпом в качестве основного способа торпедной стрельбы в ночное время[98]. Поэтому вполне естественной выглядит задача, поставленная 1-й минной дивизии (точнее, так называемой минной дивизии эскадры — 1-му, 2-му дивизионам и полудивизиону эсминцев типа «Охотник») в «Плане операций морских сил Балтийского моря на случай Европейской войны» 1912 г.: «атаковать неприятеля ночью при его подходе к позиции или если он станет где-либо к западу от последней»[99].

Боевая практика отечественного флота продемонстрировала излишне теоретический характер подобных рассуждений и планов, во всяком случае в отношении ночных боев эскадренных миноносцев (даже новейших типов) с современными германскими крейсерами. Достаточно вспомнить о стычке черноморских эсминцев «Дерзкий» (капитан 2-го ранга А. О. Гадд) и «Гневный» (капитан 2-го ранга В. Н. Черкасов) с германо-турецким крейсером «Бреслау» («Мидилли») в ночь на 29 мая (11 июня) 1915 г., в ходе которой «Гневный» от попаданий двух 105-мм снарядов потерял ход и не был потоплен лишь благодаря тому, что командир крейсера капитан цур зее Л. фон Клитцинг по «совершенно не поддающимся пониманию» причинам (выражение Н. А. Монастырева)[100] не воспользовался благоприятной обстановкой[101]. Как оказалось, при отсутствии технических средств наблюдения и целеуказания в условиях короткого ночного боя с активно маневрирующим и противодействующим противником о результативной стрельбе торпедами не могло быть и речи — даже при соотношении сил, зеркально противоположном ситуации с «Новиком», «Магдебургом» и «Аугсбургом». Уже в 1916 г. старший лейтенант И. И. Лодыженский (флагманский штурман 1-й минной дивизии, затем командующий эсминцем «Стройный»), взявший на себя труд составления прообраза наставления по боевой деятельности миноносцев и обобщивший опыт применения кораблей этого класса в первых кампаниях мировой войны, пришел к справедливому заключению: «Нельзя

считать, что группы миноносцев должны искать боя с крейсером, даже в случае количественного преимущества в артиллерии»[102]. И это — лишь один из множества уроков, которые еще предстояло усвоить морякам в боях и походах Первой мировой войны, привнесшей в военно-морское искусство без преувеличения революционные новации.

В заключение отметим еще одно долгосрочное следствие «шведской авантюры» — весьма настороженное отношение Ставки к любым активным действиям Н. О. фон Эссена и его подчиненных. Так, в январе 1915 г., после известной «новогодней» минной постановки, когда броненосный крейсер «Россия» (капитан 1-го ранга Н. Л. Подгурский) под флагом начальника отряда заградителей контр-адмирала В. А. Канина поставил 98 мин у мыса Аркона, а крейсера «Олег» (капитан 1-го ранга П. Л. Трухачев) и «Богатырь» (капитан 1-го ранга Е. И. Криницкий) — 196 мин у острова Борнхольм[103], Верховный главнокомандующий предложил морскому министру «обсудить с Министерством Иностранных Дел, не может ли повредить нашим отношениям со Скандинавскими Государствами постановка мин близ их берегов и возможная отсюда гибель их пароходов», а также поставил вопрос о том, «не следует ли предупредить Швецию и Данию об этой постановке»[104].

Столь явно высказанное Ставкой сомнение в способности балтийского командования соотносить свои действия с нормами международного права и удивительное игнорирование верховым командованием проблемы скрытности использования минного оружия как важнейшего условия его эффективности вызвало раздраженный ответ адмирала И. К. Григоровича: «Последние минные заграждения поставлены не вблизи берегов Швеции и Дании, а два заграждения находятся на путях из западной части Балтийского моря мимо Борнгольма к нашим и восточным портам Германии, третье стоит на путях к Килю у германского берега, почему, дабы не разглашать, нет основания к сношению к Министерству Иностранных Дел и предупреждению Дании и Швеции»[105].

Однако самым ярким свидетельством недоверия высшего военного руководства к командованию флота Балтийского моря стали ограничения, наложенные на применение главной ударной силы флота — бригады дредноутов типа «Севастополь». В ответ на проект «Изменения основного плана операций Морских Сил Балтийского моря», представленный Н. О. фон Эссеном К. П. Фан-дер-Флиту 18 сентября (1 октября) 1914 г.[106] и предусматривавший перенос центра тяжести действий в Среднюю и Южную Балтику[107], было принято беспрецедентное решение: «Балтийскому флоту действовать активно лишь по получении на то ЛИЧНОГО разрешения ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и разрешения на допущение в бой бригады линейных кораблей типа «Севастополь…»[108]

Имеющий мало аналогов в истории факт ограничения полномочий командующего в применении основной части вверенных ему сил, причем ограничения, наложенного самим главой государства, стал важной вехой в истории боевой деятельности Балтфлота: «С этих пор… вводится инстанция для получения права пользоваться теми силами, на которых так рассчитывал Эссен»[109]. Только через полтора года, после нескольких ходатайств Н. О. фон Эссена, а затем его преемника вице-адмирала В. А. Канина Ставка сначала частично, а затем — к началу кампании 1916 г. — полностью сняла с командующего флотом Балтийского моря ограничения в использовании по своему усмотрению новых линейных кораблей[110].

Совершенно очевидно, что все эти коллизии были спровоцированы если не исключительно, то в значительной степени именно эссеновским «походом на шведа» — событием, которое и спустя столетие сохраняет большой потенциал для дальнейшего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 3995. Л. 3, 4; Ф. 757. Оп. 1. Д. 140. Л. 1 об.

[2] Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Полит. архив. Д. 66. Л. 13; Д. 347. Л. 12.

[3] Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2126. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

[4] Текст ультиматума: РГА ВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 184. Л. 5. Опубл.: *Петров М*. Морская оборона берегов в опыте последних войн России. Л., 1927. С. 110.

[5] На это указывает капитан-лейтенант Э. Старе (kapten Erik Stare) — автор соответствующего раздела официальной трехтомной «Истории шведского флота» (Svenska flottans historia. Tredje bandet. Malmö, 1945. S. 568). Часть морских сил шведов действительно должна была сосредоточиться у Фарёзунда и образовать сторону «красных» в ходе запланированных на конец июля (нов. ст.) двухсторонних маневров (группировка, оставшаяся в Стокгольмских шхерах, составила бы «синюю» сторону). Из замысла этих учений секрета не делалось, из-за напряженной политической ситуации информация о маневрах была опубликована в прессе. Однако эскалация международной обстановки заставила шведское командование отменить это мероприятие, дабы «избежать ошибок в отношении шведских намерений или осложнений нежелательного характера» (*Biörklund E*. Det ryska anfallsföretaget mot Sverige år1914 — nya document om det kritiska läget under de första augustidagarna // Svensk Tidskrift. V. 23 (1936). S. 234).

[6] РГА ВМФ. Ф. р-29. Оп. 2. Д. 17. Л. 1–13; Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 116. Л. 3, 4, 7; Д. 184. Л. 4–6.

[7] Там же. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 184. Л. 6.

[8] Das Bundesarchiv (далее — BArch), RM 28/223; Abschriften in: BArch, RM 60-II/92 und RM 92/2985.

[9] *Эмме В.* Период крейсерских походов и ожидание генерального сражения на Центральной позиции. 13–26 июля по 24 августа — 6 сентября 1914 г. // Военно-Морская Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. на море: Сборник № 2. Пг., 1922. С. 145–154.

[10] РГА ВМФ. Ф. р-29. Оп. 2. Д. 17. Л. 1–13. Опубл.: «Все огорчены, так как двухсотлетнюю годовщину Гангутской победы хотели отпраздновать новой победой над шведами…». Записка Е. Ф. Винтера о «шведском походе» флота Балтийского моря в июле 1914 года // Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. Вып. 6 (2017). С. 107–118.

[11] РГА ВМФ. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 17–24.

[12] Там же. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 116. Л. 3, 4.

[13] *Петров М. А.* Морская оборона берегов в опыте последних войн России. С. 110, 111; *Петров М. А.* Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства. Л., 1927. С. 490, 491.

[14] *Петров М. А.* Обзор главнейших кампаний… С. 491.

[15] См., например: *Томашевич А. В.* Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море в 1914–1915 гг. М.; Л., 1939. С. 23, 23; Первая мировая война 1914–1918 годов. Т. 4: *Золотарев В. А., Зданович А. А., Зимонин В. П., Изонов В. В. и др.* Война на море. М., 2017. С. 188, 189.

[16] Флот в первой мировой войне. Т. 1: Действия русского флота. М., 1964. Судя по объему рукописи одной из глав, имеющейся в распоряжении автора настоящей статьи, в процессе издания текст был сокращен примерно в четыре раза. В опубликованном труде действиям Российского флота посвящен один том вместо планировавшихся трех — по числу отечественных морских театров.

[17] Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. М., 1948; *Корякин В. И., Вальчук С. В.* Летопись Российского флота. От зарождения мореходства в древнерусском государстве до начала XXI века. Т. II. 1901–1945. СПб., 2012.

[18] Морской атлас. Т. III, Военно-исторический. Часть первая. Описания к картам. М., 1959. С. 769.

[19] *Кан А. С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 182.

[20] *Катцова М. А.* К вопросу о так называемой «русской военной опасности» для Швеции накануне и в начале Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы восьмой ежегодной научной конференции (13–14 апреля 2006 г.). СПб., 2007. С. 161, 162.

[21] *Новикова И. Н.* «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006. С. 72.

[22] *Табаровская К. А.* Российско-шведские отношения накануне Первой мировой войны (1905–1917 гг.). Политический, экономический, военный аспекты: По материалам российских архивов: дис. … канд. ист. наук. М., 2009. С. 146.

[23] *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. СПб., 1993.

[24] *Monasterev N.* Sur trois mers (La marine russe dans la guerre mondiale d'après les documents officiels et les récits des combattants). Tunis, 1932. Итал. пер.: *Monasterev N.* La Marina Russa nella guerra mondiale 1914–1917. Firenze, 1934.

[25] *Граф Г. К.* На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб., 1997. С. 36.

[26] *Меркушов В. А.* Записки подводника, 1905–1915. М., 2004. С. 203, 204.

[27] РГА ВМФ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 170. Л. 58 об. — 60 об.

[28] *Firle R.* Der Krieg in der Ostsee. Bd 1: Von Kriegsbeginn bis Mitte März 1915. Berlin, 1921. Рус. пер.: *Фирле Р.* Война на Балтийском море. Т. 1: От начала войны до прекращения в феврале 1915 года навигации. Л., 1926.

[29] Военно-морской архив, выпустивший первые тома цикла «Der Krieg zur See 1914–1918», являлся, по существу, преемником военно-исторического отдела упраздненного адмирал-штаба. Под руководством контр-адмирала Э. фон Мантея в этой работе участвовали Э. Редер, О. Гроос, Р. Фирле, Э. Вайхольд, М. Бастиан и М. Ролльман. (См. подробнее: *Глухов В. П.* Первая мировая война в немецкой буржуазной историографии 1918–1939 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 1973. С. 56–58; *Ланник Л. В.* Историю пишут проигравшие: становление германской военной историографии Первой мировой войны в 1920–1930-х годах // Новая и новейшая история. 2014. № 6. С. 134; *Epkenhans M.* «Clio» und die Marine // Deutsche Marinen im Wandel. Vom Symbol nationaler Einheit zum Instrument internationaler Sicherheit. München, 2005. S. 373–375.)

[30] Так, советский историограф В. П. Глухов, исследовавший в 70-х гг. прошлого века германскую научную литературу о Первой мировой войне, при всем вполне естественном обличительном пафосе и жесткой критике немецких «буржуазных» историков, труды германских военных моряков оценил весьма высоко (*Глухов В. П.* Первая мировая война в немецкой буржуазной историографии 1918–1939 гг. С. 58). А по мнению американского коллеги Пола Хэлперна — автора весьма содержательного обзора военно-морской историографии Великой войны, германская «Война на море 1914–1918» выглядит более чем состоятельной, а в некоторых отношениях и выигрывает в сопоставлении с британским аналогом — пятитомником Джулиана Корбетта и Генри Ньюболта, впоследствии дополненным несколькими сериями работ по частным проблемам (*Halpern P.* The Naval War in Print // Der Erste Weltkrieg zur See. Berlin; Boston, 2017. S. 203–218).

[31] *Lorey H.* Der Krieg in den türkischen Gewässern. Bd 1. Die Mittelmeer-Division. Berlin, 1928. Рус. пер.: *Лорей Г.* Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. М., 1934.

[32] *McLaughlin S.* Predreadnoughts vs a Dreadnought: The Action off Cape Sarych, 18 November 1914 // Warship 2001–2002. V. XXIV. P. 137.

[33] BArch. RM 28/223; Abschriften in: BArch, RM 60-II/92 und RM 92/2985.

[34] Ibid. RM 28/223, RM 60-II/92 und RM 92/2985.

[35] Ibid. RM 60-II/92; handschriftlicher Entwurf in: Ibid. RM 60-II/106.

[36] Ibid. RM 92/2985.

[37] *Фирле Р.* Война на Балтийском море. С. 73.

[38] Отечественные якорные мины, использовавшиеся в Первой мировой войне, могли ставиться на глубинах, превышающих 100 м: гальваноударная обр.

1898 г. — до 120 м, гальваноударная обр. 1905 г. — до 130 м, гальваноударная обр. 1906 г., 1908 г. и ударно-механическая обр. 1909 г. — до 110 м, ударно-механическая обр. 1912 г. — до 132 м (*Прошкин С. Г., Тихонов Г. Б., Бернштейн Л. А., Боярский А. Г. и др.* Морское минное оружие: Иллюстрированная энциклопедия. Кн. 1. Морское минное оружие флота России. СПб., 2009. С. 82–92).

[39] BArch, RM 60-II/92, Bl. 13; RM 60-II/106, Bl. 9.

[40] *Rahn W.* The Naval War in the Baltic, 1914–1918. A German Perspective // The Danish Straits and German Naval Power 1905–1918. Potsdam, 2010. P. 75–96.

[41] *Jentzsch Ch.* Die Ostseeoperationen der Kaiserlichen Marine 1914 // Seekriegsführung in der Ostsee. Bochum, 2018. S. 55–71.

[42] *Biörklund E.* Det ryska anfallsföretaget mot Sverige år1914 — nya document om det kritiska läget under de första augustidagarna. S. 231–255.

[43] *Aall H. H.* Faren fra øst. Oslo, 1925.

[44] Э. Бьерклунд указывает, в частности, на анонимную статью русского моряка-эмигранта, опубликованную в 1924 г. в «Еженедельном журнале» («Vecko-Journalen»), публикацию Николая Александровича Насветевича в журнале «Наш флот» («Vår flotta») 1929 г. и очерк Сергея Константиновича Терещенко, напечатанный в 1934 г. во французском журнале «La Revue Maritime» и затем в шведском «Tidskrift för sjöväsende» («Журнале о морских делах»). Кроме того, в упомянутой выше книге Х. Х. Аалла приведены свидетельства «бывшего русского морского офицера Бориса Иванова» — очевидно, капитана 2-го ранга Бориса Платоновича Иванова, командовавшего в 1914 г. эсминцем «Достойный».

[45] Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 гг. Сер. III: 1914–1917 гг. В 10 т. М.; Л., 1931–1938 (далее — МОЭИ).

[46] *Biörklund E.* Det ryska anfallsföretaget mot Sverige år1914 — nya document om det kritiska läget under de första augustidagarna. S. 240.

[47] При этом некоторые не названные Э. Бьерклундом русские морские офицеры отказали в помощи, полагая, что «на память о старом российском режиме не должна быть брошена тень» (*Biörklund E.* Det ryska anfallsföretaget mot Sverige år1914 — nya document om det kritiska läget under de första augustidagarna. S. 245).

[48] Ibid. S. 245.

[49] Ibid. S. 253.

[50] *Gihl T.* Den svenska utrikespolitikens historia. [Bd] IV: 1914–1919. Stockholm, 1951. S. 37, 276, 277.

[51] *Åselius G.* The «Russian Menace» to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Élite in the Age of Imperialism. Stockholm, 1994. P. 6.

[52] РГА ВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 116. Л. 3, 4. Н. О. фон Эссен — К. П. Фан-дер-Флиту, 25 июля (7 августа) 1914 г. № 10/к.о.

[53] Там же. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 184. Л. 6. В. М. Альтфатер — Н. О. фон Эссену, 29 июля (11 августа) № 032.

[54] Там же. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 116. Л. 7–9. Н. О. фон Эссен — К. П. Фан-дер-Флиту, 2 (15) августа 1914 г. № 12/к.о.

[55] Там же. Ф. р-29. Оп. 2. Д. 17. Л. 4, 5; «Все огорчены, так как двухсотлетнюю годовщину Гангутской победы хотели отпраздновать новой победой над шведами…» С. 112.

[56] Об особенностях составления боевых документов в Российском флоте см., например: *Невинский А. М.* К вопросу о военно-морской историографии // Морской сборник. 1940. № 6. С. 58–65.

[57] РГА ВМФ. Ф. 485. Оп. 1. Д. 109.

[58] МОЭИ. Сер. III: 1914–1917 гг. Т. 4: 28 июня — 22 июля 1914 г.; Т. 5: 23 июля — 4 августа 1914 г. М.; Л., 1931, 1934.

[59] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Полит. архив. Д. 66. Л. 8; Д. 347. Л. 8; РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3994. Л. 2; МОЭИ. Сер. III. Т. 5. С. 274.

[60] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Полит. архив. Д. 66. Л. 21; Д. 347. Л. 15; РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3994. Л. 7; МОЭИ. Сер. III. Т. 5. С. 412, 413.

[61] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Полит. архив. Д. 66. Л. 34; Д. 347. Л. 28; РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3994. Л. 10.

[62] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Полит. архив. Д. 66. Л. 13–15; Д. 347. Л. 12–14; РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3994. Л. 4; МОЭИ. Сер. III. Т. 5. С. 369.

[63] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3992. Л. 5, 6.

[64] Там же. Ф. 757. Оп. 1. Д. 140. Л. 1–2.

[65] МОЭИ. Сер. III. Т. 5. С. 389.

[66] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3995. Л. 4–5 об.

[67] Корабельный состав шведского флота подразделялся на дивизионы (со сквозной нумерацией с 1-го по 16-й); дивизионы миноносцев (с 7-го по 15-й) были, кроме того, сведены в три минные флотилии.

[68] *Эмме В.* Период крейсерских походов и ожидание генерального сражения на Центральной позиции. С. 146, 147.

[69] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3995. Л. 1–3.

[70] *Емелин А. Ю.* Военно-морские агенты России: эволюция института, его задач и методов. 1856–1918: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 50.

[71] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Полит. архив. Д. 66. Л. 16, 17; Д. 347. Л. 16.

[72] См. подробнее: *Табаровская К. А.* Российско-шведские отношения накануне Первой мировой войны (1905–1917 гг.). С. 182–188; *Карелин В. А.* Русская разведка в Швеции накануне Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2008. № 1. С. 53–57; № 4. С. 49–54.

[73] АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914 г. Полит. архив. Д. 66. Л. 18; Д. 347. Л. 17.

[74] Там же. Л. 19; Д. 347. Л. 18.

[75] РГА ВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 184. Л. 2; *Эмме В.* Период крейсерских походов и ожидание генерального сражения на Центральной позиции. С. 145.

[76] См. подробнее: *Bond B.* British War Planning for Operations in the Baltic before the First and Second War Wars // In Quest of Trade and Security: The Baltic in Power Politics, 1500–1990. V. II: 1890–1990. Stockholm, 1995. P. 107–123.

[77] Авторы советского фундаментального труда «История Швеции», отстаивая тезис о явно прогерманском характере политики официального Стокгольма, выдвинули идею о том, что Швеция не столько опасалась разрыва с Англией, сколько пыталась своей воинственной риторикой удержать Лондон

от выступления против Берлина: «Еще 2 августа Валленберг, *желая помочь кайзеру* (выделено мной. — *Д. К.*), грозил английскому посланнику вступить в войну на стороне Германии в случае выступления Англии на стороне России. Днем позже Валленберг уже бил отбой» (История Швеции. М.: Наука, 1974. С. 421).

[78] По некоторым признакам, в преддверии Великой войны отношения между дипломатами и военными моряками в России (как, впрочем, и в некоторых других странах) вообще не отличались теплотой и доверительностью. Весьма показательный в этом смысле эпизод описывает в своих воспоминаниях Д. Н. Федотов-Уайт. Во время неофициального дружеского ужина с офицерами германского линейного корабля «Пройссен» в Киле в июне 1914 г. кают-компания крейсера «Россия» в ответ на комплимент в адрес российских дипломатов предложила немцам: «Поменяйте их на своих! Или заберите как подарок на Рождество! Вы понятия о них не имеете, если думаете, что они могут обставить кого-то!» (*Федотов-Уайт Д. М.* Пережитое. Война и революция в России. М., 2018. С. 27).

[79] Цит. по: *Мягков П.* О русской военно-морской агентурной службе в период мировой войны // Морской сборник. 1937. № 12. С. 97.

[80] *Петров М.* О планах развертывания Балтийского флота в период между Крымской и империалистической войнами (Составлено по материалам архива Морискома и главного морского архива) // Морской сборник. 1925. № 4. С. 89–91.

[81] РГА ВМФ. Ф. р-29. Оп. 2. Д. 121. Л. 2.

[82] МОЭИ. Сер. III. Т. 5. С. 242. Начальник морского генерального штаба командующему морскими силами Балтийского моря Эссену. Письмо № 8/о, 29/16 июля 1914 г.

[83] РГА ВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 184. Л. 19, 20.

[84] Речь идет о событиях 23–27 августа (5–9 сентября), когда в оперативное подчинение гросс-адмиралу Генриху Прусскому были переданы броненосный («большой») крейсер «Блюхер», 4-я эскадра линейных кораблей (вице-адмирал Э. Шмидт), малый крейсер «Страсбург», а также 2-я (корветтен-капитан Г. Шуур) и 6-я (корветтен-капитан М. Шульц) флотилии миноносцев. 24 августа (6 сентября) неприятель приблизился к устью Финского залива, и около 17.00 «Блюхер» (фрегаттен-капитан А. Эрдман) вступил в боевое соприкосновение с дозорными крейсерами «Баян» (капитан 1-го ранга А. К. Вейс) и «Паллада» (капитан 1-го ранга С. Р. Магнус), сделав в течение четверти часа пять безрезультатных залпов с дистанции 95 кабельтовых (службой связи Балтийского моря он был опознан как линейный крейсер «Мольтке») (РГА ВМФ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 140. Л. 15 об. —16 об.; Ф. р-29. Оп. 2. Д. 121. Л. 37; *Виноградов С. Е., Федечкин А. Д.* Крейсера «Адмирал Макаров», «Паллада», «Баян». СПб., 2006. С. 111; *Bastian M.* Der Ostseekrieg // Der Grosse Krieg 1914–1918, in zehn Bänden. Vierten Band: Der Seekrieg. Der Krieg um die Kolonien. Die Kampfhandlungen in der Türkei. Der Gaskrieg. Der Luftkrieg. Leipzig, 1922. S. 148).

[85] Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914. С. 10.

[86] *Ненюков Д. В.* От Мировой до Гражданской войны: Воспоминания. 1914–1920. М., 2014.

[87] *Бубнов А. Д.* В царской ставке. СПб., 1995.

[88] *Ненюков Д. В.* От Мировой до Гражданской войны: Воспоминания. С. 37.

[89] РГА ВМФ. Ф. р-29. Оп. 2. Д. 17. Л. 1. «Все огорчены, так как двухсотлетнюю годовщину Гангутской победы хотели отпраздновать новой победой над шведами…». С. 108, 109.

[90] *Богданов К. А.* Адмирал Колчак. СПб., 1993. С. 60, 61.

[91] «Все-таки надеюсь, что мы отомстим немцам»: Из переписки В. М. Альтфатера и А. В. Колчака // Источник. 1997. № 5. С. 4–23.

[92] Протоколы допроса адмирала А. В. Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске 21 января — 7 февраля 1920 г. // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. [Т.] X. Берлин, 1923. С. 177–321; Допрос Колчака. Л., 1925; Верховный правитель России: документыи материалы следственного дела адмирала А. В. Колчака. М., 2003. С. 11–99.

[93] См. подробнее: *Козюренок К. Л.* История личного архива адмирала Н. О. фон Эссена // Гангут. Вып. 34 (2003). С. 91, 92.

[94] *Фирле Р.* Война на Балтийском море. С. 77.

[95] Там же. С. 76.

[96] Там же. С. 75.

[97] РГА ВМФ. Ф. р-29. Оп. 2. Д. 17. Л. 11. «Все огорчены, так как двухсотлетнюю годовщину Гангутской победы хотели отпраздновать новой победой над шведами…» С. 117.

[98] *Павлович Н. Б.* Развитие тактики военно-морского флота. Ч. II (От русско-японской до первой мировой войны). М., 1979. С. 144; *Ковалев Э. А.* К истории способов залповой стрельбы торпедами // Гангут. Вып. 46 (2008). С. 35.

[99] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 215. Л. 57 об.

[100] *Монастырев [Н.А.], к. 2 р.* Краткий обзор военных действий на Черном море в начале войны // Морской сборник (Бизерта). Вып. XII (1922).

[101] РГА ВМФ. Ф. р-2246. Оп. 1. Д. 117. Л. 226–231; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 550. Л. 352; Ф. 2100. Оп. 1. Д. 540. Л. 204. О бое 11 июня 1915 г. см. подробнее: *Некрасов Г.* У врат Царьграда. Боевые действия Черноморского Флота в войне 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 92–94; *Ненюков Д. В.* От Мировой до Гражданской войны: Воспоминания. С. 123, 124; *Пузыревский К. П.* Повреждения кораблей от артиллерии и борьба за живучесть: По историческим архивным и литературным материалам Первой мировой войны 1914–1918 годов. СПб., 2002. Ч. I. С. 96, 97; *Степанов Ю. Г., Цветков И. Ф.* Эскадренный миноносец «Новик». Л., 1981. С. 133, 134; *Гельмерсен Г. фон.* Черноморский флот в войну 1914–1917 гг. // Военная быль. Le Passé Militaire. Париж. Июль 1973 г. (№ 123). С. 4–7; *Заблоцкий В. П., Левицкий В. А.* Первые «новики» Черноморского флота. Эсминцы типа «Дерзкий» // Морская кампания. 2008. № 8 (21). С. 40–42; *Langensiepen B., Güleryüz A.* The Ottoman Steam Navy 1828–1923. London, 1995. P. 48; *Langensiepen B., Nottelmann D., Krüsmann J.* Halbmond und Kaiseradler: Goeben und Breslau am Bosporus 1914–1918. Hamburg; Bonn; Berlin, 1999. S. 50, 51.

[102] *Лодыженский [И. И.], ст. лейт.* Материалы по тактике миноносцев. Пг., 1916. С. 57.

[103] *Гельмерсен П.* Заградительные операции Балтийского флота у германского побережья в 1914–1915 гг. СПб., 1998. С. 26–29; *Гончаров Л. Г., Денисов Б. А.* Использование мин в мировую империалистическую войну 1904–1918 гг. М.; Л.,

1940. С. 11, 12; Флот в первой мировой войне. Т. 1. С. 130–136; *Бунин П.* Письмо в редакцию [воспоминания о постановке минного заграждения у м. Аркона крейсером «Россия» в ночь на 1 января 1915 г. (ст. ст.)] // Морской журнал (Прага). 1930. № 33 (9). С. 18, 19; *Козлов И. А.* Минные постановки русского флота в южной части Балтийского моря в 1914–1915 гг. // Русское военно-морское искусство: Сборник статей. М., 1951. С. 387, 388; *Федечкин А. Д.* Участие броненосного крейсера «Россия» в активных минно-заградительных операциях в 1914–1915 гг. // Елагинские чтения. Вып. VIII. СПб., 2016. С. 61–68.

[104] РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3998. Л. 23.

[105] Там же. Л. 17.

[106] Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 18, 19.

[107] Там же. Л. 21–42.

[108] Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 196. Л. 65; Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 46.

[109] *Петров М. А.* Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота… С. 499.

[110] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 60. Л. 25, 25 об.

ЛИТЕРАТУРА

Боевая летопись русского флота. Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. / под ред. Н. В. Новикова. М.: Воениздат, 1948. 492 с.

Бубнов А. Д. В царской ставке. СПб.: Облик, 1995. 172 с.

Виноградов С. Е., Федечкин А. Д. Крейсера «Адмирал Макаров», «Паллада», «Баян». СПб.: Галея-Принт, 2006. 164 с.

«Все огорчены, так как двухсотлетнюю годовщину Гангутской победы хотели отпраздновать новой победой над шведами…». Записка Е. Ф. Винтера о «шведском походе» флота Балтийского моря в июле 1914 года / публ. Д. Ю. Козлова // Великая война 1914–1918. Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. Вып. 6 (2017). С. 107–118.

«Все-таки надеюсь, что мы отомстим немцам». Из переписки В. М. Альтфатера и А. В. Колчака / публ. В. Петрова // Источник. 1997. № 5. С. 4–23.

Гельмерсен П. Заградительные операции Балтийского флота у германского побережья в 1914–1915 гг. СПб.: Цитадель, 1998. 40 с.

Глухов В. П. Первая мировая война в немецкой буржуазной историографии 1918–1939 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 1973. 201 с.

Гончаров Л. Г., Денисов Б. А. Использование мин в мировую империалистическую войну 1904–1918 гг. М.; Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1940. 176 с.

Граф Г. К. На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию / предисл. и комментарии В. Ю. Грибовского. СПб.: Гангут, 1997. 488 с.

Дудоров Б. П. Адмирал Непенин / предисл., библ. справочник А. К. Иоффе, В. Н. Фотуньянца. СПб.: Облик, Вита, 1993. 280 с.

Емелин А. Ю. Военно-морские агенты России: эволюция института, его задач и методов. 1856–1918: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2007. 264 с.

История Швеции / отв. ред. А. С. Кан. М.: Наука, 1974. 719 с.

Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем / пер. со швед. М.: РГГУ, 1999. 359 с.

Карелин В. А. Русская разведка в Швеции накануне Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2008. № 1. С. 53–57; № 4. С. 49–54.

Катцова М. А. К вопросу о так называемой «русской военной опасности» для Швеции накануне и в начале Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы восьмой ежегодной научной конференции (13–14 апреля 2006 г.) / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб.: РХГА, 2007. С. 150–167.

Козлов И. А. Минные постановки русского флота в южной части Балтийского моря в 1914–1915 гг. // Русское военно-морское искусство. Сборник статей. М.: Военмориздат, 1951. С. 375–392.

Козюренок К. Л. История личного архива адмирала Н. О. фон Эссена // Гангут. Вып. 34 (2003). С. 90–94.

Корякин В. И., Вальчук С. В. Летопись Российского флота. От зарождения мореходства в древнерусском государстве до начала XXI века. Т. II. 1901–1945. СПб.: Наука, 2012. 636 с.

Ланник Л. В. Историю пишут проигравшие: становление германской военной историографии Первой мировой войны в 1920–1930-х годах // Новая и новейшая история. 2014. № 6. С. 129–144.

Лодыженский [И. И.], ст. лейт. Материалы по тактике миноносцев. Пг.: Издание Морского Генерального Штаба, 1916. 66 с.

Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. / пер. с нем. Е. Шведе. М.: Госвоениздат, 1934. 320 с.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878–1917 гг. Сер. III: 1914–1917 гг. В 10 т. Т. 4, 5. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1931, 1934. XVI, 423 с.; XXIII, 497 с.

Меркушов В. А. Записки подводника, 1905–1915. М.: Согласие, 2004. 624 с.

Морской атлас. Т. III, Военно-исторический. Часть первая. Описания к картам / под общ. ред. Г. И. Левченко. М.: Издание Главного Штаба ВМФ, 1959. 942 с.

Невинский А. М. К вопросу о военно-морской историографии // Морской сборник. 1940. № 6. С. 58–65.

Ненюков Д. В. От Мировой до Гражданской войны: Воспоминания. 1914–1920 / вступ. ст. и примеч. А. В. Посадского. М.: Кучково поле, 2014. 528 с.

Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны / под ред. Ю. Г. Акимова. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2006. 450 с.

Павлович Н. Б. Развитие тактики военно-морского флота. Ч. II (От русско-японской до первой мировой войны). М.: Воениздат, 1979. 304 с.

Петров М. Морская оборона берегов в опыте последних войн России. Л.: Изд. воен. типогр. Упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927. 208 с.

Петров М. Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства. Л.: РИО В.-Морских Сил РККА, 1927. 562 с.

Петров М. О планах развертывания Балтийского флота в период между Крымской и империалистической войнами (Составлено по материалам архива Морискома и главного морского архива) // Морской сборник. 1925. № 4. С. 75–96.

Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб.: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. 177 с.

Табаровская К. А. Российско-шведские отношения накануне Первой мировой войны (1905–1917 гг.). Политический, экономический, военный аспекты. По материалам российских архивов: дис. … канд. ист. наук. М., 2009. 227 с.

Томашевич А. В. Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море в 1914–1915 гг. М.; Л.: Военмориздат, 1939. 282 с.

Федечкин А. Д. Участие броненосного крейсера «Россия» в активных минно-заградительных операциях в 1914–1915 гг. // Елагинские чтения. Вып. VIII. СПб.: Гамма, 2016. С. 61–68.

Федотов-Уайт Д. М. Пережитое. Война и революция в России / пер. с англ. А. Дементьева. М.: Изд. книжного магазина «Циолковский», 2018. 496 с.

Фирле Р. Война на Балтийском море. Т. 1: От начала войны до прекращения в феврале 1915 года навигации / вступ. статья и примеч. М. А. Петрова, пер. с нем. П. В. Гельмерсена и А. В. Тимонова. Л.: Редакционно-издательский отдел Морских сил РККФ, 1926. 296 с.

Флот в первой мировой войне / под ред. Н. Б. Павловича. Т. 1: Действия русского флота. М.: Воениздат, 1964. 648 с.

Эмме В. Период крейсерских походов и ожидание генерального сражения на Центральной позиции. 13–26 июля по 24 августа – 6 сентября 1914 г. // Военно-Морская Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. на море. Сборник № 2. Пг.: Государственное издательство, 1922. С. 127–178.

Åselius G. The «Russian Menace» to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Élite in the Age of Imperialism. Stockholm: Akademitryck AB, 1994. VI, 455 p.

Bastian M. Der Ostseekrieg // Der Grosse Krieg 1914–1918, in zehn Bänden. Vierten Band: Der Seekrieg. Der Krieg um die Kolonien. Die Kampfhandlungen in der Türkei. Der Gaskrieg. Der Luftkrieg. Leipzig: Auslieferung für den Buchhandel durch Johann Ambofius Barth, 1922. S. 133–193.

Bond B. British War Planning for Operations in the Baltic before the First and Second War Wars // In Quest of Trade and Security: The Baltic in Power Politics, 1500–1990. V. II: 1890–1990. Stockholm: PROBUS Förlag, 1995. P. 107–123.

Biörklund E. Det ryska anfallsföretaget mot Sverige år1914 – nya document om det kritiska läget under de första augustidagarna // Svensk Tidskrift. V. 23 (1936). S. 231–255.

Epkenhans M. «Clio» und die Marine // Deutsche Marinen im Wandel. Vom Symbol nationaler Einheit zum Instrument internationaler Sicherheit / herausgegeben von W. Rahn. München: R. Oldenbourg Verlag, 2005. S. 363–396.

Gihl T. Den svenska utrikespolitikens historia. [Bd] IV: 1914–1919. Stockholm: P. A. Nordstedt & Söners förlag, 1951. IX, 456 s.

Halpern P. The Naval War in Print // Der Erste Weltkrieg zur See / hrsg. von M. Epkenhans und S. Huck. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2017. S. 203–218.

Jentzsch Ch. Die Ostseeoperationen der Kaiserlichen Marine 1914 // Seekriegsführung in der Ostsee / herausgegeben von Ch. Jentzsch. Bochum: Verlag Dr. Dieter Winkler, 2018. S. 55–71.

McLaughlin S. Predreadnoughts vs a Dreadnought: The Action off Cape Sarych, 18 November 1914 // Warship 2001–2002. V. XXIV. P. 117–140.

Monasterev N. Sur trois mers (La marine russe dans la guerre mondiale d'après les documents officiels et les récits des combattants) / trad. par J. Perceau. Tunis: E. Saliba & C°, 1932. 191 p.

Rahn W. The Naval War in the Baltic, 1914–1918. A German Perspective // The Danish Straits and German Naval Power 1905–1918 / edited by M. Epkenhans and G. P. Groß. Potsdam: Militärgeschichtliches Forschungsamt, 2010. P. 75–96.

Svenska flottans historia. Tredje bandet. Malmö: A.-B. Allhems Förlag, 1945. 675 s.

Е. Ю. Дубровская

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ И ГОРОЖАНЕ ГЕЛЬСИНГФОРСА В ОБСТАНОВКЕ РАДИКАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН ВЕСНЫ—ЛЕТА 1917 г.*

Исследование влияния «военного фактора» на жизнь населения «своей» / «чужой» территории, какой воспринималась Финляндия в Российском государстве и в заключительный период финляндской автономии в составе Российской империи, и в 1917 г., после падения самодержавия, открывает перспективы для изучения разнообразных аспектов жизни российских военных в экстремальных обстоятельствах Первой мировой войны.

В отечественной историографии долгие годы преобладали исследования переломного в истории России 1917 г. Лишь в последнее время российскими учеными, равно как и их зарубежными коллегами, были предприняты попытки пересмотреть характер и значение войны в контексте истории Российской империи. В новейшей историографии подчеркивается качественно новый характер войны, которая потребовала «тотальной» мобилизации внутренних ресурсов для ведения внешних военных действий.

С началом мировой войны изменилось военно-стратегическое значение Великого княжества как по отношению к Петрограду, так и ко всей империи[1]. Финляндия в годы войны стала местом, где первоначально ожидали высадки германского десанта и где не была исключена вероятность сепаратистских выступлений внутри самого Великого княжества. Опасность восстания порождалась финляндской политикой имперской власти, военными тяготами, прекращением созыва Сейма и т. п.[2] Взгляд финляндцев на Россию как на источник всех бед способствовал росту германофильства и развитию т. н. активизма — движения приверженцев активной инициативы финской стороны в установлении взаимоотношений с Германией для объединенных действий против России[3].

* Работа выполнена в рамках государственного задания КарНЦ РАН (номер в системе планов НИР ФАНО 0225-2018-0011)

Милитаризация внутренней жизни империи была связана с централизацией внутреннего управления, вызвала конфронтацию между гражданской и военной администрацией, содействовала перенесению образа внешнего врага во внутренние межэтнические отношения подданных империи, что наиболее ярко проявилось в распространении германофобии. Качественно новый характер Первой мировой войны разрушал традиции имперской политики и уклад имперской жизни. Особенно неоднозначно сказалось влияние войны на судьбах западных окраин государства в силу их стратегического положения в зоне противоборства воюющих империй и культурной инаковости, ставшей ведущим фактором в конструировании образа врага в период войны.

В дни Февральской революции 1917 г. прежний героический символ самодержавной империи — образ воюющей Родины — трансформировался в представлениях военнослужащих, став олицетворением свободной революционной России[4]. Падение самодержавия вызвало прилив симпатий финляндцев к России. Из Гельсингфорса революционный энтузиазм распространялся по всему княжеству, население которого надеялось на восстановление автономных прав Финляндии и ее основных законов, ослабление тягот военного времени[5].

Как военнослужащие, так и жители Гельсингфорса в обстановке радикальных перемен во всех сферах жизни финляндской столицы ориентировались в своей повседневной практике на определенные образцы политического поведения и на революционную традицию. Исключительное значение общественного ритуала совместного освоения городского центра проявилось в использовании всех знаковых средств, включая язык жестов, пение, музыку, цвет и т. п., что создавало необходимый психологический эффект сопричастия новым ценностям[6]. Горожане оказывались свидетелями как торжественных уличных шествий матросов и солдат, так и кровавых сцен самосудов над офицерами[7]. Многие местные жители при помощи хорошо известных символов спешили приветствовать восставших военнослужащих. Они подчеркивали свою солидарность с ними, приглашая к совместному освоению городского пространства и разграничивая «своих» и «чужих» не по этнической принадлежности, а по отношению к новому общественному порядку.

Примечателен рассказ унтер-офицера 428-го Лодейнопольского пехотного полка Г. Звонарева о ритуальном обмене красным бантом с незнакомой жительницей Гельсингфорса в мартовские дни: «Трамвай не двигался, и публика наполняла все тротуары. Мужчины, женщины, девушки и даже дети — все были украшены кровавыми знаками революционной солидарности — красными бантами и ленточками». Женщина остановила пехотинца и, улыбаясь, что-то говорила ему по-фински, указывая на его

шинель. «Я осмотрел себя и не нашел ничего предосудительного в своем, правда, не особенно привлекательном костюме солдата, — вспоминает автор, — хотел было продолжать свой путь, не понимая, что ей нужно, но она быстро сорвала с своей груди красный бантик и, прежде чем я понял, в чем дело, бантик уже красовался на моей шинели. После этого она, смеясь, быстро удалилась, и я не успел даже ее поблагодарить…»[8]

Пространство города становилось сценой, на которой разворачивалось ритуальное действие, связанное с десакрализацией павшей власти и являвшееся продолжением символических актов сжигания портретов царя в казармах и на кораблях[9]. И военнослужащие, и финны проявляли осведомленность о неотъемлемых для подобной ситуации клишированных жестах. Красный бант в этом контексте выполнял присущую политическим символам функцию маркировки «своего» пространства, передачи информации и, наконец, установления контактов между единомышленниками.

Уроженка Гельсингфорса А. Йортикка в детстве оказалась очевидцем событий по пути в школу, расположенную в центре города на Георгиевской ул. (Юрьенкату), и обратно. Она вспоминает выстрелы на улице, убитого офицера на крыльце школы, распоряжение учительницы не приходить в класс до появления в газетах соответствующего объявления. На пути домой школьниц остановили русские солдаты и финн, вооруженные винтовками. «Они сняли с нас скаутские значки и вручили полоску красной материи 3–4 см шириной». На вопрос «что с этим делать?» финн приказал прикрепить ленту к крючку на одежде, «чтобы нас пропустил следующий патруль. Патрули стояли на каждом перекрестке»[10].

Политическое пространство революции превращалось в арену противоборства добра и зла, где ритуальное поведение людей диктовалось их попаданием в экстремальную, кризисную ситуацию смены власти. Весной 1917 г. политический переворот воспринимался российскими солдатами и матросами как ритуально-праздничное действо, в которое включалось городское пространство Гельсингфорса. Трансформация старого в новое коснулась, в частности, самого консервативного из ритуалов, похорон «жертв революции» в Гельсингфорсе 17 марта[11]. Похоронный ритуал подразумевал обращение к сакральным образцам поведения, требовал подтверждения верности памяти героев — участников восстания в крепости Свеаборг в июле 1906 г., поддержанного финскими красногвардейцами. Культ героев, ставших жертвами репрессий самодержавной власти, напоминал об истории революционного движения в финляндских войсках и его связях с протестными действиями финнов.

С утратой войсками, находившимися в Финляндии, своей главной задачи — защиты трона и суверенитета империи, в глазах военнослужащих утратила смысл и одна из прежних задач — напоминать населению об обязательном уважении к центральной власти, гарантировать политический и общественный порядок.

Помимо Сенатской площади, местом проведения многотысячных солдатских и матросских митингов, «сакральной» точкой на плане Гельсингфорса оказалась и Вокзальная площадь. Вокзал — ворота и лицо города — связывал военных и жителей бывшей великокняжеской столицы с «внешним миром», прежде всего — с Петроградом, «колыбелью революции». В соответствии с традициями городской политической культуры нижние чины стремились проводить митинги, демонстрации и шествия в центральной части Гельсингфорса — там, где располагалась бывшая царская резиденция, дом генерал-губернатора, правительственные здания, модные магазины, кафе и рестораны, где собирались высокопоставленные чиновники, офицеры, промышленники и коммерсанты. Эта территория воспринималась ими как место нахождения социального противника, которое необходимо было завоевать, освоить, сделать «своим».

С конца XIX в. фланировать по парку Эспланады мимо памятника национальному поэту, писателю и государственному деятелю Финляндии Й. Л. Рунебергу, считалось модным и свидетельствовало об определенном социальном статусе прогуливавшихся. Во время революции именно эта улица — место праздного времяпровождения «богачей» — стала оппозицией митинговой стихии Сенатской площади. Примечательно, что именно пространство возле этого памятника, а не Сенатская площадь, весной 1917 г. «освоенная» российскими военнослужащими, стало местом проведения манифестаций финнов. В частности, в ходе их совместной демонстрации с приехавшей в Гельсингфорс в начале апреля делегацией французских социалистов под руководством Ж. Кансона[12].

Особое значение для рядовых имело отрицание этикетного поведения, в том числе и поведения на улице. На фоне прежней упорядоченной жизни Гельсингфорса горожане и командный состав были шокированы стремлением нижних чинов двигаться по проезжей части, а не по тротуарам. Тем более что раньше контроль за соблюдением порядка передвижения в великокняжеской столице возлагался именно на военных.

Присвоение пространства через ритуально инвертированное поведение / ритуальное осквернение прежней или чужой «святыни» наблюдалась и в последующие месяцы революционных перемен в Финляндии. Пример тому — участие военнослужащих в предпринятом 17 июня французским анархистом Жаном Болдтом захвате главного лютеранского храма на Сенатской площади — Николаевского собора[13]. Ворвавшись

в собор вместе с четырьмя сотнями своих сторонников, Болдт с амвона произнес «зажигательные речи» на шведском, французском и русском языках и потребовал, чтобы финский сейм немедленно выработал законопроект о коммунальном самоуправлении. Выступления прерывались бурными аплодисментами поддерживавших его, пением «Марсельезы», «Интернационала», а также «рабочего марша и анархистских песен». Как отмечалось в прессе, среди слушателей Болдта было немного матросов и «армейцев», из-за чего возникла опасность «кровопролития», в случае, «если только солдаты вмешаются в это дело». При попытке финского комитета общественного порядка очистить церковь «матрос пригрозил, что на помощь придет военная сила в 5 тыс. человек»[14].

К утру Болдт и несколько участников захвата собора были арестованы и препровождены в полицейское управление. Когда толпа на Сенатской площади узнала об аресте, «многие бросились по направлению к гавани, чтобы позвать на помощь матросов». Собравшиеся на площади, в том числе и российские военнослужащие, вступили в стычки с милиционерами и ранили троих из них, но не смогли освободить арестованных. На следующий день Ж. Болдт был вынужден уехать из города.

«Главная церковь наша почти что на целые сутки обращена была в постоялый двор… Худшей рекламы для новой свободы трудно и придумать», — писала столичная газета «Хувудстадсбладет». За 15 часов «захваченный» собор оказался приведенным в такое состояние, что на уборку помещения потребовалась целая неделя[15]. Подобное поведение, входящее в кодекс захватчика на оккупированной территории, все же не было типичным для солдат и матросов, остававшихся в бывшей великокняжеской столице вплоть до вывода российских войск из Финляндии весной 1918 г.

Вовлечение рядовых военнослужащих в набиравшую силу солдатскую революцию непреднамеренно усиливало и национальную революцию финляндцев. В специфических финляндских условиях это наряду с «демократизацией» необычайно осложнило положение армии и флота России на северо-западном рубеже воюющего государства. Нельзя не согласиться с петербургским исследователем А. С. Терашкевичем в том, что назревавшее противостояние финляндских «белых» и «красных» можно рассматривать как одно из социальных «брожений», вызванных Первой мировой войной, а также российской революцией 1917 года[16].

В заключение следует отметить, что весной — летом 1917 г. в Финляндии, как и по всей стране, продолжалось символическое разрушение «имперского наследия». Особенности революционного процесса, вызванные национальным составом гражданского населения города и сохранявшимся автономным положением бывшего Великого княжест-

ва, сказывались на ходе событий в финляндской столице и накладывали отпечаток на умонастроения военных, служивших в Гельсингфорсе. Символический переворот, сопровождавший переворот политический, воздействуя на эмоциональную сферу участников и очевидцев происходившего, безусловно, способствовал повышению конфликтности социальных и этнических отношений в княжестве.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997.

[2] *Соломещ И. М.* Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). Петрозаводск,1992. С. 18–21; *Юссила О.* Великое княжество Финляндское (1809–1917). Хельсинки, 2009. С. 734–739.

[3] *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 45–46.

[4] *Колоницкий Б. И.* «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). М., 2017. С. 272–274.

[5] *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 142; *Черняев В. Ю.* Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 308–323.

[6] *Байбурин А. К.* Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые средства культуры. М., 1991. С. 23–43; *Корнаков П. К.* Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции.1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 356–365.

[7] *Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции. 1917–1918. М., СПб., 2017. С. 180–183; *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии в годы Первой мировой войны. (1914–1917). М., 2016. С. 52–134; *Смолин А. В.* Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А. И. Непенина // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007. С. 22–33; *Hultin T.* Paivakirjani kertoo: 1914–1918. Helsinki, 1938. II osa. S. 177–178.

[8] *Звонарев Г.* Наши пехотные части в Гельсингфорсе (Из личных впечатлений унтер-офицера Свеаборгского пехотного полка, выделенного из 428-го Лодейнопольского). Гельсингфорс, 1917. С. 8–9.

[9] Там же. С. 3; *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 132–134.

[10] Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kansanrunous Arkisto (далее — SKS KRA) — Архив фольклора Финского Литературного общества. ”1918” kokoelma. Side 41. S. 105.

[11] *Бажанов Д. А.* Памятные революционные даты в Гельсингфорсе весной—летом 1917 г. как фактор формирования и отражения настроений (на примере моряков Балтийского флота) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2012. С. 46–53.

[12] Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 11 апреля.

[13] *Soikkanen H.* Kansalaissota dokumentteina. Valkoista ja punaista sanankäyttöä v.1917–1918. Osa 1.Helsinki, 1967. S. 88–92.

[14] Грандиозный скандал в Николаевской церкви // К сведению финляндского православного духовенства. Гельсингфорс. 1917. С. 19.

[15] *Троицкий Д.* В единении — сила // К сведению финляндского православного духовенства. Гельсингфорс. С. 13.

[16] *Терашкевич А. С.* Русские в гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 17 (№ 2). Выборг, 2016. С. 70.

ЛИТЕРАТУРА

Бажанов Д. А. Памятные революционные даты в Гельсингфорсе весной—летом 1917 г. как фактор формирования и отражения настроений (на примере моряков Балтийского флота) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб.: РГПУ им А. И. Герцена, 2012. С. 46–53.

Бажанов Д. А. Продовольственное снабжение русских военных моряков в Финляндии в годы Первой мировой войны (август 1914 — январь 1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. № 17 (2). С. 64–69.

Барышников В. Н. Латышский большевик И. Т. Смилга и его роль в революции и гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019. № 20 (1). С. 26–38.

Барышников В. Н. Проблема изучения в СССР в 1920–1930-е гг. истории революции и гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018. № 19 (2). С. 56–67.

Байбурин А. К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые средства культуры. М.: Наука, 1991. С. 23–43.

Звонарев Г. Наши пехотные части в Гельсингфорсе (Из личных впечатлений унтер-офицера Свеаборгского пехотного полка, выделенного из 428-го Лодейнопольского). Гельсингфорс: Изд. «Известий Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих», 1917. 23 с.

Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии в годы Первой мировой войны. 1914–1917. М.: Кучково поле, 2016. 320 с.

Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март — июнь 1917 года). М.: Новое литературное обозрение, 2017. 520 с.

Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 348 с.

Корнаков П. К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб.: Глагол, 1994. С. 356–365.

Моряки-балтийцы в Гельсингфорсе в 1917 г. / Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Смолина // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 12. С. 246–251.

Назаренко К. Б. Балтийский флот в революции. 1917–1918. М.: Эксмо; М.: Яуза; СПб.: Якорь, 2017. 448 с.

Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб: Изд-во СПбГУ, 2002. 300 с.

Расила В. История Финляндии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1996. 294 с.

Соломещ И. М. Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 1992. 90 с.

Терашкевич А. С. Русские в гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Выборг, 2016. № 17 (2). С. 70–73.

Черняев В. Ю. Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб.: Глагол,1994. С. 308–323.

Шкваров А. Г. Население Финляндии и русские гарнизоны в годы Первой мировой войны (1914–1918): проблемы взаимоотношений // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2012. № 13. С. 109–119.

Юнтунен А. Свеаборг: страж Хельсинки и форпост Петербурга. 1908–1918 гг. М.: Весь мир, 2018. 320 с.

Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки: Ruslania Books Oy, 2009. 842 с.

Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki: SHS, 1997. 486 p.

Soikkanen H. Kansalaissota dokumentteina. Valkoista ja punaista sanankäyttöä v.1917–1918. Osa 1.Helsinki: WSOY, 1967.

Hultin T. Paivakirjani kertoo: 1914–1918. Helsinki: WSOY, 1938. II osa.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

В. Е. Возгрин

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ХАРАЛЬДА ЙЕРНЕ И «ВЕЙБУЛЛИАНЦЕВ» В XIX–XX вв.

Харальд Йерне родился в 1848 г. в селе Класторп близ Упсалы. Окончив местный университет, он в 1876 г. защитил докторскую диссертацию, а в 1885 г. получил там же профессуру, которую не оставлял до пенсии в 1913 г. Специализировался в российской истории, в 1880–1883 гг. работал в архивах России и стран Восточной Европы.

В своих исследованиях он интересовался прежде всего главными, осевыми событиями и процессами, обладавшими тотальным значением. Требовал от учеников подходить к каждой теме без заданных убеждений, а источники использовать максимально всесторонние и разнообразные и лишь после тщательной их оценки. Ранее полученные результаты должны подвергаться постоянной проверке — по мере поступления нового материала. Он рассматривал шведскую историю в ее связи с Всеобщей, поэтому глубоко занимался историей европейских стран. Это видно уже из его докторской диссертации — она была основана на глубоком изучении германского права[1]. Работа имела эпохальное значение для его последующих исследований о развитии шведского общества как продукта господства права и центральной королевской функции в государственном управлении в совокупности с совместной ответственностью.

В ряде работ о шведском господстве на Балтике и Европе (1889), памяти Густава II Адольфа (1892), Ренессансе и Реформации (1893), Упсальском церковном соборе (1893), Густаве II Адольфе как защитнике протестантизма (1901) и Первого реформатского риксдага в Вестеросе (1912) он подчеркивал, что самым существенным в политическом искусстве династии Вас было сотрудничество королевской власти с народом по принципу «один за всех и все за одного».

В статьях о сконском мятежнике Энгельбректе Энгельбректссоне и о смежных событиях и процессах Х. Йерне иронизировал над энтузиастами свободы и их любовью к родине — подтверждая свою позицию цитатами из источников тех времен. Ученый доказывал, что к соратникам Энгельбректа имелись чисто собственные, а не национальные интересы, что они боролись со шведами за восстановление сословных прав, подавленных в эпоху установления господства Стокгольма. При этом ученый неуклонно руководствовался своей идеей верховенства права, для защиты которого следовало снова и снова браться за оружие, несмотря ни на какие жертвы[2].

Кризисы, характерные для истории страны в первые века протестантизма, Х. Йерне ставил в тесную зависимость от борьбы протестантизма за выживание в остальной Европе в смертельной схватке с католицизмом. Остальные внешнеполитические акции и войны Швеции вызывались вражескими вызовами, прежде всего датскими, польскими и российскими.

Еще более отчетливо проступало его чувство международной взаимной сопричастности, когда Х. Йерне исследовал историю шведской великодержавной политики. Он решительно дистанцировался от распространенного мнения о сознательно экспансионистской стратегии Швеции, от планомерно достигаемой Густавом II Адольфом или его преемниками цели господства на Балтике, то есть над всеми ее побережьями, и монополии на сообщение между ними и остальной Европой. Вопреки этому стереотипу он утверждал, что шведское морское превосходство, которое стало результатом длительной борьбы с Польшей, Россией и Данией, находит свое объяснение в постоянно актуальной необходимости сохранения самостоятельной Швеции как протестантской державы, независимой от соседей. Кроме того, Х. Йерне обнаружил в протестантской политике Густава II Адольфа отчетливо выраженные универсалистские черты. В своей евангельской союзной идее этот король видел созвучную эпохе форму европейского межгосударственного объединения — пока в форме союзов.

Что же касается внешней политики и нравственной идеи Карла XII, то они представали перед Х. Йерне как утверждение высших этических принципов. Король боролся не только за сохранение собственно шведского наследия, но и за весь западный государственный порядок и доминанту правовых принципов в целом. Эти заключения ученый излагал в своих эссе (монографий он почти не писал) аргументированно, убедительно и живо — так, что шведы самых разных культурных и социальных уровней читали его сочинения буквально запоем[3].

Заметным явлением в шведском историописании стал рост разнообразия — тематического и методологического — в 1890-е гг. И в твор-

ческой биографии Х. Йерне это было самое блестящее десятилетие. Он развенчивал Энгельбректа, но реабилитировал Карла XII, предложив взглянуть на его историю со стороны, в международном плане. При этом упсальский ученый звал к сотрудничеству коллег из всех стран-участниц Великой Северной войны, в том числе украинцев и турок. С этого научно-публицистического развития событий в Швеции поднялась волна всеобщего интереса к каролинской теме — чтобы не опускаться в течение многих десятилетий, — так что в истории науки это явление получило имя собственное, Каролинский ренессанс. Наиболее значимым его событием и символом стало основание в 1910 г. Каролинского Ежегодника, выходящего и в наши дни.

Именно в эти годы началось разделение шведского историописания на Новую и Старую школы в каролинском вопросе дипломатии и войны. Сторонники последней придерживались традиционного взгляда на Карла XII как на политика авантюристического склада, своим бездумным походом на восток разрушившего великую балтийскую империю.

Но Х. Йерне, главный представитель Новой школы, утверждал собственную программу. Согласно его установкам, каждая держава наследует своим предшественникам. В Европе роль таких основоположников государственной идеи сыграли Греция, затем Рим, а на Севере Европы — соратники и последователи М. Лютера. Что же касается России, считал Х. Йерне, то она не располагала таким ценным наследием прошлого, как правовая система европейского цивилизационного типа, как и общая институциональная стабильность и связанная с ней предсказуемость. Отсюда, выводил Х. Йерне, и объяснимая порочность ее традиционной политики. Что же касается Швеции, то Карл лишь выполнял свой «правовой долг», что являлось ответной реакцией после начала необъявленной Северной войны. И никто из его соотечественников не видел в ней никакой обреченности, некоей заданной бесперспективности восточного похода. Эта точка зрения Х. Йерне — ярко антидетерминистская. С другой стороны, напоминал он, ранее, в эру великодержавия Швеции, Россия оборонялась от нее, а не наоборот. Так ученый предостерегал соотечественников от чрезмерной боязни нападения с востока.

Между прочим, доказывал Х. Йерне, Карл XII достиг своей цели. Россия вышла из Северной войны настолько ослабленной, что оказалась не в состоянии продолжать свою агрессивную политику в шведском направлении. В начале 1880-х гг., под свежими впечатлениями от поездки в Россию, ученый признал, что в его душе нет места ненависти к этой стране[4]. Одновременно он, даже не закрывая глаз на превосходящую мощь соседей, был склонен связывать эту опасность с большой политикой, то есть с отношением России к европейским державам в целом. Это

был важный вопрос, обострившийся с тех пор, как Польша и Швеция перестали играть свою былую роль восточного барьера, а Турция — сдерживавшего фактора.

В ряде своих исследований он внес весомый вклад в изучение как внутреннего развития России, так и ее связей с соседями, прежде всего со Швецией. А если акцент в этих исследованиях и делался на каролинский период, то Х. Йерне все же рассматривал столетия до и после него, среди прочего, глубоко исследовав политику Анны Иоанновны, «верховников», начала исторического движения России в южном и азиатском направлениях. При этом историк испытывал нескрываемое отвращение к экспансивному русскому национализму, считая к тому же, что доставшаяся России великая мощь и явно нараставший риск революционного переворота представляют собой опасность для других стран.

Более сложным выглядело отношение ученого к политике собственной страны. Его политические интересы заключались в активном участии в повышении обороноспособности страны, он призывал своих соотечественников в полной мере ощущать ответственность за развитие общества. Но в то же время Х. Йерне был критически настроен против национального неоромантизма, характерного в конце XIX — начале XX в. для шведского общественного настроения.

Чтобы оценить научное и политическое значение Х. Йерне, следует учесть общественную ситуацию, на фоне которой разворачивалась его деятельность. В Швеции 1880-е гг. были десятилетием леворадикализма. А в 1890-х гг., напротив, нападки на леворадикалов стали считаться вызывающей провокацией, опасной для общественного мира. После 1880-х гг. выставлять свой патриотизм уже считалось стыдным, отмечал Йерне. Он прошел в 1902 г. в риксдаг по правому списку, за ним стали сдвигаться вправо и ученики — но различие между правыми и левыми к тому времени стали в целом куда меньше. Шведы отходили от демократизации и примиренчества в сторону активизма во внешней политике — уже было ясно, что близится война. Особенно активен из учеников Харальда Йерне был Рудольф Кьеллен. Он отличался от наставника своей прогерманской настроенностью, тогда как Х. Йерне видел оптимальную перспективу в сближении с Великобританией. К новому 1900 г. он опубликовал в газете «Свенска Дагбладет» («Svenska Dagbladet») эссе «Век национализма», обвинительный акт «фантастике национальностей» (nationalitetsfantasteriet), призывая к международному сотрудничеству. Ровно через век, в 2000 г., та же газета републиковала ее[5], что свидетельствует о живучести и неискоренимости порока, с которым боролся старый ученый, считавший, что культура отношений стоит выше национальной борьбы и даже патриотизма[6].

А если взять его работы по XVIII–XIX вв., то каждая из них имела программное значение. Особняком стоят три текста о трех эпохах, которыми Х. Йерне особенно интересовался: Средневековье, раннее великодержавие и каролинский период.

В первой из них он демонстрировал на примере Энгельбректссона и его даликарлийцев право любого народа и сословия бороться с нарушителями закона, что приобретает значение цивилизационного масштаба, имея корни в античном и германском обществах. Лекция о истории скандинавского законодательства — критика национализма, во многих смыслах доминировавшего в годы Х. Йерне. Ученый доказывал, что в Средние века бонды боролись, имея совсем иные цели, чем торжество национальной идеи и национальное освобождение. В качестве альтернативы национализму здесь он предлагал обращать внимание на ценности, общие для всей цивилизации. В последнем из этих выступлений ученый предлагал картину господства на Балтике — не обязательно шведского, но мыслимого как скандинавское, в значительной своей части протестантское. И обращал внимание на то, что небольшие державы скорее добиваются эффекта, чем обширные и разбросанные.

Фигура Карла XII обрела политическую жизнь как идея и антипример для подражания в известной «дворцовой» речи короля 1914 г., а вместе с тем историческую и историографическую жизненность. Ее негативную оценку, сделанную Андерсом Фрюксселлом, разделяли в различных формах К. Г. Мальмштрем, Ф. Ф. Карлсон, принц Оскар (Оскар II) и Эрнст Карлсон, то есть представители Старой школы. Неважно, из военно-стратегической, этической или политической точки зрения они исходили, общим было их суждение о Карле как не обладавшем ни политическим, ни дипломатическим даром, что привело к катастрофе и империю, и собственно Швецию. Собственно, Х. Йерне, хоть и представитель Новой школы, не переоценивал эти свойства короля, но он придал им другую цель и функцию: Карл выполнял свой «правовой долг». И даже если его войска удалились в бескрайние восточноевропейские леса, то это была форма оборонительной войны. Угроза безопасности Швеции означала угрозу праву, законности и культуре, ответственность, которую не испытывали другие страны региона вроде Дании или Польши.

Остается сказать, что в ряде своих исследований, среди прочего в книгах о переменах в экономике и политике России в годы Северной войны (*Ryssland under nordiska krigets återverkan*, 1892), об истории шведско-русских дипломатических отношений (*Svensk-ryska förhandlingar 1564–1572*, 1897), о новых разработках в истории Карла XII (*Karl XII. En uppgift för svensk häfdaforskning*, 1897), о польских походах этого короля (*Karl XII. Omstörtningen i Österuropa 1697–1703*, 1902), о влиянии каролин-

ской Швеции на восточную политику России (*Sveriges insatser i Rysslands orientpolitik*, 1912) и о геополитических планах российских властителей (*Ryska maktdrömmar*, 1914), Х. Йерне внес весомый вклад в исследование как внутреннего развития России, так и ее связей с соседями, прежде всего со Швецией. А если акцент в этих исследованиях и делался на каролинский период, то он одновременно рассматривал и столетия до и после него. Кроме того, в одном из трудов этого периода ученый впервые в шведской исторической науке дал исчерпывающий обзор внутреннего российского культурного, социального и политического развития[7].

Среди учеников Х. Йерне более всего для раскрытия его основной темы — Великой Северной войны — сделал Карл Халлендорфф (1869–1929) с его «Bidrag till det stora nordiska krigets förhistoria» (1897). Здесь им была развернута и подтверждена точка зрения учителя на сложную политическую общеевропейскую ситуацию, на фоне которой началась война. К. Халлендорфф стал первым ректором Высшей торговой школы (1909–1929) с ее сильной исторической кафедрой[8], а после Первой мировой войны этот ученый являлся движущей силой развивавшегося среди шведских историков стремления к международному сотрудничеству, став инициатором создания постоянного международного комитета историков[9].

Еще одно течение в начале XX в. представлял собой клан историков Вейбуллов — Лауритца, его брата Курта и Йоргена, сына Курта, хотя основателем «вейбуллианской традиции» стал, безусловно, первый из названных[10]. После окончания Лундского университета в 1919 г. Лауритц Вейбулл там же был избран профессором-руководителем кафедры истории. В качестве квалификационной работы для получения кафедры он опубликовал историографическое исследование «Kritiska undersökningar i nordens historia omkring år 1000». Эта монография разделила ученое общество на два лагеря — за и против критической оценки Л. Вейбуллом древней истории Севера. Диспуты окончились победой сторонников Лауритца, и он, как упоминалось, получил кафедру, во главе которой оставался до 1938 г.[11]

Его основным интересом, выразившимся в этой книге, стала переоценка историописания на основе более современных методов анализа источников. То есть в ситуации, когда новая информационная база модифицировала прежнюю науку, характерную шведским национализмом. По большому счету, «Критические исследования истории Севера…» стали самым значительным событием в национальной исторической науке, если судить по длительности их воздействия на медиевистов. В монографии утверждалось, что историей надо заниматься по-другому, используя так называемый историко-критический метод: «Если отмести предания

и поэзию, то окажется, что в истории времен с научной уверенностью можно констатировать лишь отдельные события и ее основные (*grövsta* — букв.: «кондовые, грубейшие») направления», считал Лауритц.

Конечно, не он ввел в шведскую историческую науку критику источников, но идеи этой книги прозвучали как стартовый выстрел для обострения дискуссии о научном идеале и образе действий историка, его методе. Л. Вейбулл критиковал традиционную практику гармонизации источников, то есть искусственного сопряжения их с целью созидания цельной картины прошедшего. Он считал, что в науке нет места сравнительной, допустимой вероятности. Вместо этого, полагал он, требуется установление точных фактов и тщательная проверка каждого утверждения. Сторонники Лауритца, «вейбуллианцы», настроенные критически по отношению к любой власти, сами боролись за нее — в научной области. И добились успеха: ни один историк не остался равнодушным к программе Л. Вейбулла, неважно, соглашался он с ней или нет.

Такие требования редко осуществлялись в исследованиях древности и Средневековья. Коллеги Лауритца считали его требования слишком жесткими, выступая против его отказа искусственно выстраивать приемлемый ход событий. Но он продолжал защищать свои позиции, главным образом в статьях, публиковавшихся в научной прессе. Поскольку же центральный шведский Исторический журнал был для него закрыт (в его редакции преобладали ученые школы Х. Йероне), то Л. Вейбулл создал новую научную трибуну — первый общескандинавский журнал «Скандия». Здесь, в одном из первых номеров, было опубликовано программное требование более строгой критики источников и расширения истории Севера на область культурных, социальных и политических отношений.

Схожие мысли владели младшим братом Лауритца, Куртом Вейбуллом, выраженные им в лиценциатской (1911) и докторской диссертациях о Саксо Грамматике (1915)[12]. То есть братья бесспорно сотрудничали. Но их биографы считают, что Лауритц все же шел впереди. И именно он, а не Курт прокладывал в методике шведского историописания новые пути[13]. Его оригинальные обоснования научной объективности стали постепенно всеобщим достоянием, но за признание их своими современниками ему пришлось немало побороться. Важной частью и этой борьбы, и личной позиции ученого стал его общеизвестный антинационализм.

Скорее всего, в этом сказалось влияние его отца Мартина Вейбулла, также профессора истории, который был известен как горячий сторонник скандинавизма[14] и специалист по локальной сконской и общескандинавской истории. Среди прочего он стал одним из основателей и редактором журнала по истории Южной Швеции «Хисториск тидскрифт

фер Сконеленд» («Historisk tidskrift för Skåneland»). После его смерти отцовские обязанности по журналу взял на себя Лауритц.

Курт выступил против убеждения более ранних, главным образом датских историков в историографической надежности текстов Саксо Грамматика. Близкие отношения старинного писателя с архиепископом Абсалоном и аристократическим родом Виде облегчали ему доступ не только к дворцовой и иной информации. Они же являлись причиной непосредственного участия автора «Деяний данов» в политических коллизиях его эпохи, что не могло не вредить объективности его сочинений. Курт утверждал, что датский профессор Кнуд Фабрициус, ведущий специалист по творчеству Саксо, сделал в одной из своих работ некое предположение, на которое в дальнейшем опирался как на доказанный исторический факт[15]. К. Вейбулл отмечал, что датские, а за ним и шведские историки предпочитали использовать сочные исландские источники и политические тексты XVIII в., прежде всего Снорри Стурлусона и Саксо Грамматика, а не совершенно бесцветные и сухие, но современные событиям памятники, фактически имевшиеся в их распоряжении, например рунные надписи, Vita Anskarii, Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum Адама Бременского, а также исходный фрагмент текста скальдических норвежско-исландских стихов, пересказанных Стурлусоном[16]. Сам он всегда использовал лишь безупречные источники.

С выводами Курта Вейбулла перекликались аналитические заключения Лауритца по ряду памятников. Два из них стоит назвать. Это «Лундские некрологи» (*Nekrologierna från Lund*) и «Роскильдская хроника и Саксо» (*Roskildekrönikan och Saxo,* 1928), где он продемонстрировал в двух из роскильдских памятников доминанту откровенно церковной политики — как у анонима-хрониста из Роскильде, так и у Саксо. Что говорило о давящем влиянии церкви, в лоне которой эти памятники и разрабатывались. Роскильдская хроника основывалась на универсально-церковной политике епископа Эскиля, направленной к освобождению церкви от королевской власти, тогда как сочинение Саксо Грамматика было частью политики преемника Эскиля, архиепископа Абсалона с его национально-церковной и «провальдемаровской» политической позицией. А из упомянутых двух некрологов последний по времени составления был подвергнут тщательному анализу — с его тенденциозными обертонами, тогда как старший из этих памятников достаточно четко освещает тенденции других, по большей части исчезнувших рукописей.

На протяжении своей долгой жизни — а Курт Вейбулл и в свои 105 лет оставался действующим историком[17] — он отстаивал высказанные им в молодости убеждения, в том числе и относительно слабой надежности работ Саксо Грамматика в качестве исторического источника[18].

В результате исследований и заключений братьев великий эпос Саксо более никогда не привлекался историками как серьезный исторический источник — по крайней мере, в Швеции.

Таким образом, в годы накануне и после смены XIX и XX вв. в шведской исторической науке сложились оба упомянутых направления или традиции — одна вокруг Х. Йерне в Упсале и Стокгольме, вторая — в круге последователей Вейбуллов в Лунде и Гетеборге. Как было видно, такое разделение носило не только идеологический и политический, но и методологический характер. Впрочем, имелись и важные сходства. Лауритц и Курт Вейбуллы, как и их единомышленник Эрик Аруп в Дании, считали многих своих коллег слишком консервативными. Они полагали, что национальной истории придается слишком большое значение, — и в этом они не отличались от Харальда Йерне. Правда, Вейбуллам был закрыт доступ к опубликованию своих мнений в центральной научной прессе, они долгое время чувствовали себя вне профессионального сообщества, не имея возможности обмена мнениями со сторонникаит Х. Йерне. И лишь упомянутый общескандинавский журнал «Скандия», основанный Лауритцом и долгое время им редактируемый, стал дорогой к международному научному сотрудничеству — для них и их единомышленников[19].

Между тем Л. Вейбулл не остановился на своих «Критических исследованиях…» в продолжавшемся анализе исторических трудов, уже считавшихся классическими. В более поздних работах он заново рассмотрел события и биографии скандинавов X–XI вв., предложив собственные, исправленные их варианты. Сказки и суггестивные подвиги исчезли из его изложения, как и святая святых — саги Л. Вейбулл заново рассмотрел историю Северной Европы на смене первого и второго тысячелетий н. э. После чего из поля зрения профессиональных историков исчезли суггестивные подвиги, как и сами саги, о них повествовавшие. До него многие основывались ни исландских источниках, а он посчитал, что саги сложены минимум через два или более века после имевших место событий, отчего никак не могут считаться надежным источником. Иное дело — Адам Бременский: ему давалось больше веры, по крайней мере, в основных чертах.

«Критические исследования…» Л. Вейбулла можно рассматривать как теоретическую и практическую основу всего южно-шведского научного направления. Хоть они и не содержат выраженной методической и теоретической программы, но их ценность в намеченных ими практических векторах. Для Лауритца была важна историческая практика. И в его статьях видно, как он искал свой путь. В 1917–1929 он издал серию статей именно поэтому тематически столь разнообразных. Это были: исследование о недостоверности легенд об Эрике Святом; статья об основании Кальмарской унии, где Вейбулл констатировал правовую

ничтожность основного акта этого альянса; исследование первоисточников о Стокгольмской кровавой бане в сравнении с более поздними и оценкой «шведской» политики Кристиана II в свете новых фактов; наконец, расследование солдатской смерти Карла XII, которую историк доказательно счел заказным убийством, за которым, скорее всего, стояли стокгольмские политики, уставшие от бесконечной войны своего короля.

В целом же вейбуллианство представляло собой вариант общеевропейских поисков твердого исторического знания в десятилетия до и после 1900 г. В ту пору выходили методологические пособия Эрнста Бернхайма (1889), Виктора Ланглуа и Шарля Сеньобоса (1898), ставивших себе ту же цель. Наиболее известно первое. Э. Бернхайм считал, что историк должен исследовать прошлое, строго ограничивая себя лишь стопроцентно адекватными источниками. Вторые же из названных авторов — что любой памятник, любой старинный материал представляет собой бесценный текст, который историк должен использовать в создании своего сочинения… Вот они и оказали влияние на Лауритца большее, чем Э. Бернхайм. Излишне было бы говорить об очевидном — Х. Йерн и его последователи с негодованием отвергали оба пути такого поиска.

Считать историю поприщем своей школы вейбуллианцам помогали два искренних убеждения. Первое: историк, не обязательно ученик, должен быть готов продолжать традицию, в которой имеется ряд составляющих, но главное — критическое отношение к источникам, готовность их отсеять при малейшем подозрении. Недопустимы никакие спекуляции и догадки. Конечно, историки не могут обойтись без «конструирования» прошлого, но Лауритц окружил этот процесс строжайшими ограничениями. Этот крайне рационализированный научный взгляд стал размываться лишь с 1960-х гг. «Синтез», нетипичный для Лауритца, стал вполне характерным для его учеников С. Болина и Э. Леннрута, в чем они сближались с йерновцами.

Другими словами, в шведской исторической науке первой половины XX в. определилось два направления, или группировки. Одна из них имела старое происхождение, идя от продуктивных упсальских семинаров Х. Йерне на смене веков. Другая, более молодая, концентрировалась вокруг Лауритца и Курта Вейбуллов. Их называют школами, но это ошибка хотя бы потому, что ни у тех ни у других не сложилось компактных, чеканных программ.

«Традиция» — вот более общепринятое и точное определение, чем «школа». Сюда входят: частью тематическое содержание политической истории (предпочтительно внешней), с особым вниманием к правовой стороне дела и государством как основным актором. Частью же это — принадлежность к кругу основоположника традиции и общность уче-

ников. Она соблюдалась и даже культивировалась и после выхода мэтра на пенсию — эта стойкая принадлежность к кругу единомышленников, нередко более воображаемая, чем реальная.

Очевидно, имеет смысл поставить вопрос, насколько оправданно говорить о борьбе среднешведской и южношведской (или вейбуллианской) традиций? И не созданы ли постфактум эти две несхожие идентичности, не преувеличено ли и само их биполярное противостояние? Между прочим, о существовании этих групп почти не упоминают сами участники семинаров Х. Йерне и Л. Вейбулла. Но это лишь означает, что их частные научные предпочтения и вкусы были гораздо многочисленнее и слабо поддавались дефинициям. Возможно, оба течения — лишь конструкты, измышленные историками, стоявшими вне их, а со временем пришло и наименование их как «школ» — в качестве практичных научно-классификационных этикеток.

Дело обстояло так, что между двумя группировками не пролегала некая фронтовая линия, разве что Лауритцу постоянно, хоть и неформально, совали палки в колеса. Самым агрессивным в этом смысле проявил себя упсальский профессор Свен Тюнберг, в 1921–1929 гг. являвшийся редактором Исторического журнала, на страницах которого он прежде всего критиковал подход к использованию источников, утверждавшийся в труде Л. Вейбулла «*Kritiska undersökningar*».

Конечно, не все шведские историки принадлежали к той или иной школе. Были среди них и «нейтралы». Как Х. Альмквист, лучший ученик Х. Йерне и единственный в XX в. шведский историк, получивший за свою диссертацию высшую оценку «А». Он был ученым с четкой национальной исторической точкой зрения. Но в то же время, являясь редактором столичной «Свенска Дагбладет», он обеспечил первому номеру «*Скандии*» прессу в Стокгольме, в 1916–1926 гг., дружил с Тюнбергом, а к «*Скандии*» в дальнейшем относился прохладно-корректно, но хоть и добился для нее государственных дотаций, равных с предоставлявшимися казной Историческому журналу.

Еще один «нейтрал», Бенгт Хильдебранд, изначально не имевший ничего общего с южношведским кругом историков, защитился в Стокгольмской Высшей школе в 1937 г., где стал доцентом, одновременно являясь редактором авторитетного «Персонхисториск Тидскрифт» («Personhistorisk Tidskrift») в 1928–1945 гг. и не менее престижного многотомного издания *Svenskt biografiskt lexicon* в 1937–1960 гг. Он сотрудничал и с Вейбуллами, объясняя свою научно-аполитичную позицию тем, что в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в Стокгольме вообще не имелось сложившейся группы противников Лауритца, за исключением С. Тюнберга с ближайшими друзьями.

Ректор Гетеборгской Высшей школы профессор Людвиг Ставенов не был ни активным исследователем, ни сторонником какого-либо течения еще в 1920-хх гг. Позже он остро дискутировал с Л. Вейбуллом по чисто научным предметам — о последовательности в критике источников, но в то же время высоко ценил «*Скандию*», пропагандировал безусловную объективность в творчестве. Формально Л. Ставенов являлся первым учеником Х. Йерне, но он вместе с учителем был последним в другой традиции — создании общеисторических синтезов-обозрений.

В то же время, если классик XIX в. Э. Г. Гейер ввел научный синтез в историю народов, а Ф. Ф. Карлсон, К. Г. Мальмштрем и К. Т. Однер в своих крупных вещах — в историю отдельных эпох, то Х. Йерне с Л. Ставеновым практиковали чаще тот же синтез или обзор в форме сравнительно небольших эссе. При этом они по необходимости нередко обходились без ссылок на источники и, может быть, даже без предварительного самостоятельного исследования, видя своей задачей обобщение уже достигнутых научных результатов — и выработку новых заключений и выводов.

А некоторые историки неоднократно меняли свою дислокацию, переходя, хотя бы формально, из одной научно-теоретической (или высшей) школы в другую. Так, Готтфрид Карлссон перевелся стараниями Х. Альмквиста в 1921 г. из вейбуллианского Лунда в йерновскую Упсалу, где оставался доцентом до получения профессуры — снова в Лунде. А упсальский профессор Георг Виттрок был в хороших отношениях с Лауритцом еще в 1910-х гг. Но в целом предпочитал строгий нейтралитет, несмотря на то что на него постоянно нападал С. Тюнберг, всячески принижая как историка по причине тщеты попыток склонить его на свою сторону.

Имели место и иные странные сближенья. На рубеже 1920 и 1930-х гг. у Л. Вейбулла наладились тесные контакты с сыном Х. Йерне Эрландом. Впервые их можно было с точностью фиксировать лишь с 1935 г., когда Лауритц предложил Э. Йерне членство в фонде Карла X Густава, добившись его приема в эту элитарную организацию. И, несмотря на время от времени возникавшие личностные трения с довольно агрессивным по натуре Лауритцом, Эрланд всегда высоко отзывался о нем как об ученом.

Более молодой историк Ингвар Андерссон вдохновился работами Курта Вейбулла, прежде всего о Саксо, и активно взялся за анализ шведских повествовательных источников. Эти результаты были опубликованы им в монографии «*Källstudier till Sveriges historia 1230–1436*», где он смог показать, что знаменитая Хроника Эрика основана на материалах шведских анналов и немецких хроник той же эпохи. И. Андерссону удалось также идентифицировать большинство актов и писем, использован-

ных в так называемой «Главе Энгельбректа» (*Engelbrektsdel*,), входящей в еще один обширный памятник Средневековья, «*Karlskrönikan*».

Изначально вейбуллианский метод базировался на твердых фактах настолько, что они и тему, и даже исследовательские проблемы могли диктовать. И с этой особенностью сочеталась вторая — требование, как минимума, обоснования каждого утверждения источником. Но после Второй мировой войны эти требования стали размываться, а метод — угасать. Одной из важнейших причин этого процесса называют их несоответствие транснациональному исследовательскому фронту, связываемому с именем Ф. Броделя, участники которого в ходе исторической реконструкции прошлого пытались противостоять марксистской классовой теории.

Итак, небольшое специфическое расхождение между традицией Х. Йерне и вейбуллианским направлением и тот факт, что в стране едва ли можно было обнаружить теоретически или тематически организованную систему школьного и высшего образования, имели отношение к некоторым особым чертам в шведском историописании. Они обозначаются или проясняются именно в период развития традиции Х. Йерне. Это имеет также отношение к характеристике «шведской модели» в европейской историографии.

Бесспорно, Х. Йерне первым создал школу с учениками, чья традиция существовала большую часть XX в., параллельно и *иногда* в конфликте с вейбулльской традицией. Сама неизбежность конфликта при сосуществовании — ошибочна. После Второй мировой войны и далее, в 1960–1970-х гг., продолжился переход на социально-историческую линию экономической и общей истории. А отчасти — и сближения с принципами исторического материализма (как правило, не называемого по имени), хоть и неполного — лишь термин «государство» в нужных местах сменился «обществом», и к тому же с другими теоретическими предпосылками. Этот процесс был в Швеции почти всеобщим, причем он сопровождался (стал причиной?) внешней научно-методологической бесконфликтности. Но под ее пеплом тлел старый огонь. Пройдет время, и былые несогласия вспыхнут как ни в чем не бывало, хоть и под новыми именами.

В 1954 г. на Историческом конгрессе в Турку шведская делегация раскололась надвое. Выступили две группы историков, чьи взгляды коренным образом отличались друг от друга. Одну из них, упсальскую, возглавлял не постаревший Эрланд Йерне, а уже сменивший его Нильс Анлюнд, вторая была южношведская, или вейбуллианская. На присутствовавшую робкую датскую студентку Инге Сковгорд-Петерсен шокирующе подействовала не столько острота выступлений, сколько само содержание

этой дискуссии. Она не понимала, как методы критики источников могут стать предметом дебатов настолько горячих и бескомпромиссных, как будто речь шла о принципиально различавшихся мировоззрениях? О чем Инге и вспоминала по прошествии более десяти лет в статье, посвященной совсем иной теме [20].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Lorentz Y.* "Harald G. Hjärne" — https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=13668. (дата обращение 12. 02. 2018)

[2] Ibidem.

[3] *Björk R.* Universalisten // Svenska historiker: från medeltid till våra dagar. Stockholm, 2009. S. 252.

[4] *Lorentz Y.* "Harald G. Hjärne".

[5] Впрочем, это не помешало той же газете через 5 лет опубликовать отрывки из острокритической книги Эрнста Брюннера «Карл XII перед судом народа» (*Brunner E.* Karl XII och folkrätten // Svenska dagbladet. 2005. 23. 10).

[6] *Björk R.* Hjärne-traditionen // Historieskrivningen i Sverige. Lund, 2012. S. 83–84. (Далее — Björk, 2012).

[7] *Hjärne H.* Från Moskva till Petersburg. Rysslands omdaning. Kulturhistoriska skildringar. Hefte I–II. Uppsala, 1888—1889.

[8] Среди других профессоров здесь ряд лет (1929–1945) преподавал великий историк-экономист и социолог Эли Хекшер.

[9] *Björk*, 2012. S. 82.

[10] *Stråth B.* Källkritisk vägröjare med syntetisk ambition // Svenska historiker: från medeltid till våra dagar. S. 423.

[11] *Svenstrup T.* Epokgörande källkritiker // Svenska historiker: från medeltid till våra dagar. S. 360.

[12] Существующая в российской историографии форма этого имени «Саксон Грамматик» в корне неверна как являющаяся рабским копированием латинского генитива из титула его хроники Saxonis Grammatici Historia *Danica*. Поэтому в нашем тексте первый европейски знаменитый датский писатель будет называться его настоящим именем. Сказанное относится и к Дудо Сен-Кантенскому, которого в России по той же логике переименовали в Дудона, и к восьми императорам и баварским пфальцграфам, носившим старинное германское имя Отто (у нас все они давно стали Оттонами). Понятно, что возвращение к истинному имени датского хрониста станет отходом от отечественной традиции — но и вполне закономерным сближением с нормами мировой исторической науки.

[13] *Torstendahl R.* Odén Birgitta. Den weibullska riktningen // Historieskrivningen i Sverige. Lund, 2012. 222 s. S. 109.

[14] Скандинавизм — культурное и политическое движение общественности Дании, Швеции и Норвегии XIX в., направленное к взаимной культурной интеграции, а в перспективе и к политическому союзу или даже объединению этих стран. Подробнее см. в: *Возгрин В. Е.* Скандинавизм: первая попытка интеграции

европейских народов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Выпуск 3. СПб., 2015. С. 54–64.

[15] *Torstendahl R.* Odén Birgitta. Den weibullska riktningen. S. 115.

[16] Saxo: kritiska undersökningar i Danmarks historia från Sven Estridsens död till Knut VI. Stockholm, 1915. Passim.

[17] Курт Вейбулл в свои 105 лет продолжал регулярно публиковаться, среди прочего под рубрикой «Medicinska högskolan och tillkomsten av Göteborgs universitet» в коллективном регулярном издании: Profiler och projekt: Göteborgs universitet hundra år: aktuell humanistisk forskning. Göteborg, 1991.

[18] *Weibull C.* Knytlingasagan och Saxo. En källkritisk undersökning // Scandia — Tidskrift för historisk forskning. 1976. Bd. 42. H. 1. S. 5–31.

[19] *Odén B.* Scandia — tidskrift för en annan uppfattning // Historia och samhälle. Studier tillägnade Jerker Rosén. Malmö, 1975. 315 s. S. 179–208.

[20] *Skovgaard-Petersen I.* Rolf Torstendahl. Källkritik och vetenskapssyn i svensk historisk forskning 1820–1920 // Historisk tidsskrift. Bd. 12. R. 2. (1966–1967). S. 159.

ЛИТЕРАТУРА

Барышников В. Н., Даудов А. Х. Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 11. СПб., 2013. С. 172–190.

Барышников В. Н., Возгринг В. Е. У истоков современной российской «нордистики»: Профессор А. С. Кан и история стран Северной Европы // Клио. № 10 (106). 2015. С. 227–231.

Возгрин В. Е. Балтийскийц мир — результаты и перспективы научных исследований // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2013. № 14. С. 236–237.

Возгрин В. Е. Датские историки XVII–XVII вв.: Начало пути к национальной позитивистской историографии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2011. № 12. С. 237–251.

Возгрин В. Е. Историографическая драма — датские историки до и после национальной катострофы 1864 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2009. № 10. С. 205–219.

Возгрин В. Е. Кнут Расмуссен и Ханс Багер — датские историки России // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16 (2). С. 205–219.

Возгрин В. Е. Скандинавизм: первая попытка интеграции европейских народов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Выпуск 3. СПб., 2015. С. 54–64.

История Дании с древнейших времен до начала XX века. М.: Наука. 1996. 503 с.

Björk R. Universalisten // Svenska historiker: från medeltid till våra dagar. Stockholm: P. A. Norstedt, 2009. 682 s.

Björk R. Hjärne-traditionen // Historieskrivningen i Sverige. Lund: Studentlitteratur AB, 2012. 222 s.

Brunner E. Karl XII och folkrätten // Svenska dagbladet. 2005. 23. 10.

Hjärne H. Från Moskva till Petersburg. Rysslands omdaning. Kulturhistoriska skildringar. Hefte I–II. Uppsala: Akademiska Bokhandeln (1888–89). 176 s.

Odén B. Scandia — tidskrift för en annan uppfattning // Historia och samhälle. Studier tillägnade Jerker Rosén. Malmö: Studentlitteratur, 1975. S. 179–208.

Saxo: kritiska undersökningar i Danmarks historia från Sven Estridsens död till Knut VI. Stockholm: Berlingska boktryckeriet, 1915. 286 s.

Skovgaard-Petersen I. Rolf Torstendahl. Källkritik och vetenskapssyn i svensk historisk forskning 1820–1920 // Historisk tidsskrift. Bd. 12. R. 2. (1966–1967). S. 158–160.

Stråth B. Källkritisk vägröjare med syntetisk ambition. // Svenska historiker: från medeltid till våra dagar. Stockholm: P. A. Norstedt, 2009. S. 423–435.

Svenstrup T. Epokgörande källkritiker. // Svenska historiker: från medeltid till våra dagar. Stockholm: P. A. Norstedt, 2009. S. 358–372.

Torstendahl R. Odén Birgitta. Den weibullska riktningen // Historieskrivningen i Sverige. Lund: Studentlitteratur AB, 2012. S. 107–134.

Weibull C. Knytlingasagan och Saxo. En källkritisk undersökning // Scandia — Tidskrift för historisk forskning. 1976. Bd. 42. H. 1. S. 5–31.

Д. Р. Лобанова

ВОСПРИЯТИЕ СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ФИНЛЯНДИИ ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ «ТАЙМС»)

Мировая общественность всегда пристально следила за военными конфликтами. В начале XX в., несомненно, ее главные взоры были направлены на события, связанные с Первой мировой войной. В органах массовой информации практически всех стран мира в 1914–1918 гг. подробно отслеживался ход военных действий, а также дипломатических контактов, возникающих в данный период между странами, участвовавшими в войне. В этом отношении любые события СМИ стремились фиксировать и затем анализировать. Это, безусловно, касалось и периферии Европы.

Не избежало особого внимания в периодических изданиях и Великое княжество Финляндское, которое уже в конце войны обрело свою независимость. Газеты практически всех ведущих стран мира активно начали публиковать статьи, освещавшие данное событие. Это было вполне естественно, поскольку Финляндия оказалась первой страной, которая официально, на государственном уровне, отделилась от России. Еще большее внимание было уделено вспыхнувшей в Хельсинки революции, а затем и начавшейся в Финляндии гражданской войне. Эти события фактически оказались первым подобного характера явлением, после вооруженного восстания в Петрограде и, несомненно, также не могли не приковать внимание мировой общественности.

Стремительно меняющаяся обстановка на севере Европы, естественно, не осталась без своего внимания и в английских органах массовой информации. Британская пресса в первых своих публикациях придерживалась в целом положительного и одобряющего тона в освещении развернувшихся тогда на территории маленького северного государства событий. Самая известная в мировом формате ежедневная английская газета «Таймс» («The Times») писала о происходившем тогда в Финляндии довольно подробно.

В своих статьях «Таймс» часто опирается на сведения, предоставленные одним из крупнейших международных информационных агентств новостей и финансовой информации «Рейтер» («Reuters»). Из агентства редакция газеты оперативно получала основную информацию о признании независимости Финляндии другими странами, начавшейся гражданской войне, о вооруженных столкновениях, боевых потерях и деятельности «белофиннов». Очевидно, что продукты информагентства не шли в печать в первоначальном виде. «Таймс» адаптировала полученную информацию для своей аудитории, отражая точку зрения редакции газеты и формируя общественное мнение по поводу произошедших событий. Безусловно, газета выступала информационным ресурсом, на основании которого создавались образы важнейших внешнеполитических событий. Таким образом, газета являлась не только средством информации, но и инструментом формирования общественного мнения. Важно отметить, что многие британские газеты и журналы перепечатывали информацию о международной политике из «Таймс».

Кроме «Рейтер» газета получала свой материал от отправленных на место событий специальных и собственных корреспондентов. По событиям в Финляндии информация поступала от репортеров из Швеции, Дании, Финляндии и Германии. В большей степени в издании присутствуют статьи собкоров, которые подготавливали оперативные сообщения и аналитические материалы для редакции газеты. Статьи спецкоров крайне редки и при анализе газеты с января по май 1918 года присутствовали лишь три раза[1]. Эти статьи были написаны корреспондентом из Стокгольма и касались крайне важных вопросов для Финляндии, решение которых, бесспорно, затронули бы все страны мира. Речь шла о набирающей обороты немецкой интервенции и вопросе о «новой форме правления» в Финляндии. К сожалению, издание «Таймс» не указывает авторов материала, что не дает возможности установить личность репортера и проанализировать его публикации.

В «Таймс», разумеется, не был обойден стороной вопрос и о международном признании провозглашенной независимости. Причем в публикуемых материалах газета стремилась рассматривать как международный фон происходившего тогда в Финляндии, так и внутреннее положение в стране.

В частности, с января 1918 г. на страницах газеты начинают постоянно появляться статьи, где особое внимание своих читателей «Таймс» обращает на активную деятельность финских представителей, направленную на необходимость международного признания провозглашенной независимости. Прежде всего, газета пытается анализировать внешнеполитическую активность Финляндии по данному вопросу в Петрограде, а также в Берлине[2].

Естественно, в «Таймс» сразу же заметили, что вслед за официальным признанием независимости Финляндии Советом народных комиссаров, которое, как известно, произошло 31 декабря 1917 г.[3], сразу же подобные действия предприняли правительства Швеции, Франции и Германии. При этом особо в газете обращалось внимание на то, что в Хельсинки получили подтверждение финской независимости, прежде всего, со стороны Стокгольма. Как отмечает газета, это вызывало в Финляндии «большую радость». Но, как отметили в «Таймс», в шведско-финляндских отношениях уже тогда наметились определенные проблемы, связанные с т. н. аландским вопросом.

Статус Аландских островов был в этот период достаточно неясным. Это отчетливо провоцировало возможное обострение межгосударственных отношений, о чем четко отмечалось тогда на страницах английской газеты. Дело в том, что после падения в России монархии, в марте 1917 г., население островов, опасаясь «за сохранность» шведского языка и культуры, предприняло попытку присоединиться к Швеции. В связи с этим представителями местных коммун было составлено обращение к шведскому королю и правительству с просьбой принять Аланды под свое покровительство. Под этим обращением начался сбор подписей.

Но когда 6 декабря 1917 г. Финляндия объявила о своей независимости, жителям островов было отказано в праве на самоопределение[4]. В результате острова архипелага были автоматически включены в состав нового государства. А то, что Швеция признала независимость Финляндии, теперь вызвало уже волну протестов как среди населения самих Аландских островов, так, собственно, и в Швеции[5].

Что же касается Великобритании, то здесь аландскую проблему начали освещать через текст выступления шведского короля Густава V, которое он сделал в январе 1918 г. В нем монарх предложил по «аландскому вопросу» начать переговоры с Россией[6]. С своей стороны, Густава V заявил, что его государству следует присоединить эти острова к королевству и тем самым создать надежную гарантию того, что острова не будут укрепляться или использоваться в качестве враждебного плацдарма, с которого постоянно будут угрожать территориям Швеции[7]. Естественно, Англии, как морской державе, было далеко не безразличны, какие взгляды высказывались тогда в Стокгольме, а «Таймс», безусловно, стремилась привлечь внимание своих читателей к «аландскому вопросу», очевидно учитывая, что он тогда находился в стадии своего острого обсуждения.

С другой стороны, в «Таймс» обратили внимание еще на то, что у Финляндии «нет пока» признания ее независимости от других Скандинавских стран[8]. Это также вызвало в Хельсинки определенную озабочен-

ность. Там, как фиксировала газета, начали выражать надежду, что и Дания, а также Норвегия вскоре тоже последуют примеру Швеции[9].

Само отсутствие синхронности в действиях Скандинавских государств по «финляндскому вопросу» в «Таймс» объяснялось тем, что в Копенгагене быстрые действия в отношении Финляндии шведских дипломатов восприняли как нарушение Стокгольмом прежней «гармонии» в датско-шведских отношениях. По мнению датчан, как указывала газета, либерально-социалистический кабинет в Стокгольме, несомненно, стал действовать под давлением общественного мнения. В этом плане «Таймс» опубликовала выступление датского короля Кристиана X, которое было адресовано Финляндии. В нем подчеркивалось, что Дания продолжает искренне надеяться на возможность Финляндии урегулировать свои отношения с Россией, что, как утверждал монарх, позволило бы ей выйти из состояния нынешнего кризиса, добившись условий, которые позволили бы Финляндии обеспечить счастливое и свободное национальное развитие финского народа. Также король сообщил, что Дания готова оказать необходимую помощь Финляндии в поставках зерна[10].

Из этого заявления читателю становилось предельно понятно, что признание Копенгагеном независимости Финляндии является лишь вопросом времени. Действительно, 10 января Финляндия была признана суверенной уже всеми Скандинавскими странами. Это событие немедленно было отражено и на страницах ведущего английского периодического издания[11].

Тем не менее то, что датский король обратил внимание на продовольственные трудности, которые существовали тогда для Финляндии, а в «Таймс» это заметили, было далеко не случайно. Действительно, для молодого государства крайне важным на тот момент было решение продовольственных проблем. Они, прежде всего, касались существовавшего тогда в стране острого дефицита зерна, которое ранее поставлялось из России. В результате читателям газеты сообщалось, что Финляндия уже находится на грани «катастрофического голода». Но вывод из складывающейся ситуации в «Таймс» делали достаточно своеобразный. Там полагали, что данная проблема может быть решена исключительно за счет экспортных поставок и выстраивания Финляндией по данному направлению новых отношений с США и Великобританией. Именно от них, как считали в «Таймс», Хельсинки должны были добиться признания финской независимости. По мнению редакции, только через получение полноправных дипломатически отношений с Великобританией и Соединенными Штатами, Финляндия будет в состоянии обеспечить себе необходимые экономические предпосылки для осуществления соответствующего реэкспорта[12].

Трудно сказать, однако, насколько данный «совет» имел практическое для Финляндии значение. США и Великобритания признали ее независимость и установили с Финляндией дипломатические отношения лишь в мае 1919 г.[13] Таким образом, последующее историческое развитие данного государства явно указывало на несколько преувеличенное мнение относительно значения экономической составляющей помощи этих стран, в критический момент становления независимости Финляндии.

В целом в начале 1918 г. в Финляндии события действительно начали приобретать явно радикальный характер. Это не могли не заметить в «Таймс». Начиная с 24 января здесь появляются заметки о стремительно набиравших обороты революционных действиях. Причем, естественно, информация о разворачивающейся в Финляндии революции и начале гражданской войны стала появляться и во многих других английских периодических изданиях. Газеты тогда в основном публикуют регулярные сводки новостей, в которых фигурируют сведения о том, что в стране нарастают революционные настроения. Но при этом характерным оставалось утверждение, что большая часть представителей социал-демократической партии все же выступает против военного переворота и преобладающим мнением в этой среде, как отмечалось в «Таймс», являлось стремление осуществить революцию исключительно мирным способом[14].

Тем не менее хорошо известно, что первое серьезное вооруженное столкновение между отрядами Красной гвардии и «белым» шюцкором произошло в Выборге еще до начала революции и гражданской войны[15]. Они тоже заслужили отдельного внимания британской прессы. Основной смысл заметок, которые публиковались об этом, говорил лишь о том, что ситуация в Финляндии «в последнее время» стала чрезвычайно напряженной. Вывод из сложившейся ситуации делался весьма характерным. В «Таймс» четко утверждали, что все эти события являются лишь следствием «воинственной деятельности» русских большевиков. Таким образом, роль Советской России с точки зрения обострения революционной ситуации в Финляндии рассматривалась в английской прессе как определяющая. В этом плане характерно, что еще незадолго до начала в стране острого социального обострения в «Таймс» заметили, что, если правительство России не откажется от своей практики поставок оружия «финским революционерам», гражданская война в Финляндии окажется неизбежной[16].

Тем не менее можно четко утверждать, что начиная с 28 января уже стали появляться статьи, раскрывающие события реально развернувшейся в Финляндии гражданской войны. С этого момента во многих газетах публикуются материалы о том, что по всей Финляндии нарастает

«полная анархия», которая сопровождается «страданиями и мучением» простого финского населения. Как и прежде, в английской печати указывали на значительную роль при этом именно России, активно приводя хорошо известные заявления большевиков о том, что они обязаны следовать своим принципам в поддержании финских революционеров, в их борьбе против буржуазии[17].

В данном плане «Таймс» явно стремилась выражать свою обеспокоенность тем, что в Финляндии может возникнуть серьезная проблема. Но здесь также большое внимание обращалось и на политику ведущих держав с призывами их не допустить дальнейшего пребывания на территории страны российских войск. По мнению «Таймс», российские части, безусловно, будут занимать сторону «мятежников». И, имея сравнительно большие арсеналы артиллерии, как указывала газета, окажутся способными раздавить «эту маленькую нацию». В результате, увещевала «Таймс», под угрозой уничтожения находится все население страны старше 12 лет [18].

Анализируя статьи, опубликованные в английской прессе, становится предельно очевидным, что все публикации, безусловно, были направлены на поддержку «белых». Здесь с нескрываемой симпатией начали размещать информацию лишь о достижениях Белого движения[19]. Причем действия «белых» воспринимались исключительно как воплощение истинного благородства, тогда как «красных» авторы статей неизменно, не стесняясь в выражениях, представляли в весьма негативных цветах[20].

Естественно, пресса не обошла стороной и «ужасы красного террора». Авторы указывают на то, что «красные» финны систематически грабят дома зажиточных жителей Гельсингфорса. Причем, как заметили английские журналисты, из-за ближайшей перспективы голода в этом городе некоторые граждане даже пытались сопротивляться. Но, разумеется, недовольные, как замечено, «были расстреляны» [21]. При этом показательно, что для авторов данных статей кажется удивительным то, что сторонники «красных» находятся «повсюду». Данное обстоятельство казалось представителям британской прессы малообъяснимым явлением, поэтому выражалась лишь общая точка зрения, что война между русскими и финнами, казалось бы, «намного предпочтительнее» нынешнего состояния вещей, когда враг внутри самой страны[22].

Наряду с информацией о внутриполитической ситуации, которая складывалась в Финляндии в ходе начала гражданской войны, в английских органах массовой информации публиковалось не меньшее число материалов, раскрывающих ви́дение журналистами международной обстановки. В «Таймс», начиная с середины февраля, стали появляться тревожные для Великобритании сведения «о немецких интригах»[23]. Тогда

начали даже публиковаться, например, данные о том, что немецкие войска уже где-то «высадились» на финском побережье.

Причем ключевым вопросом для британцев, естественно, была проблема: развернет ли германская армия с финской территории боевые действия в Петроградском направлении[24]? Публиковавшиеся мнения, очевидно, разделились. Однако при этом никто не отрицал, что если немецкое командование решится двинуть свою армию на Петроград, то это им удастся без особого труда[25]. Но в большинстве случаев тем не менее высказывалась точка зрения, что «немецкая экспедиция» в Финляндию не будет означать возобновление военных действий против России. В газете было сформулировано «твердое» предположение, что немецкие войска не ограничатся операциями лишь на финской территории[26].

Весьма болезненно в Великобритании также воспринимали известие о том, что «белое» правительство 7 марта 1918 г. подписало с Германией мирный договор[27]. Перспектива заключения подобного соглашения активно обсуждалась на страницах английской прессы. Причем показательно, что здесь явно к этому были уже готовы, поскольку еще до его подписания в «Таймс» отмечалось, что в сложившейся обстановке для «белой» Финляндии заключение соглашения с Германией являлось просто неизбежным. Накануне его подписания в газете «вежливо» писали, что сама обстановка гражданской войны неминуемо подтолкнет Финляндию сделать выбор: либо идти на соглашение о вмешательстве в ее дела Германии, либо признать большевизм. Исходя из этой установки, «у несчастной страны», утверждала «Таймс», нет мира, поскольку она находится в состоянии войны. А в результате на сей счет у Финляндии не могло быть и единого мнения[28]. Иными словами, «Таймс» явно стремилась «понять», а следовательно, и оправдать позицию «белой» Финляндии. И это происходило даже несмотря на то, что Антанта с Германией еще продолжала вести боевые действия.

Особенно «оправдательную» позицию британской прессы можно было почувствовать из того, каким образом английской публике представлялся сам текст данного договора. Публикуя информацию о подписании соглашения, в «Таймс» его квалифицировали как сугубо тайную договоренность финского и германского руководства, которую, как подчеркивалось, стремились хранить в секрете даже от финского парламента. Далее, в газете вообще предположили о весьма жестких статьях этого соглашения, касающихся финских обязательств по установлению в стране монархической формы правления, причем во главе даже, как писалось в «Таймс», с немецким принцем. Также была отмечена возможность перевода финских войск под немецкое командование. Все это, конечно, явля-

лось весьма отдаленным от реальности предположениями газеты о сути германо-финляндского соглашения.

Но при этом в «Таймс» прозорливо указывали, что в одном из пунктов договора присутствовало уже финское согласие на то, что ни при каких обстоятельствах эта страна не уступит Аландский архипелаг Швеции. Причем утверждения английских журналистов, что острова в сложившихся условиях были, прежде всего, необходимы самой Германии, оказались отнюдь не далеки от истины. Действительно, в ст. 30 договора, в определении будущего этих островов, указывалось на решающую роль, которая должна была принадлежать Германии[29].

Но в целом в Англии, естественно, германскую оккупацию Аландских островов рассматривали, так же как и в Швеции. Данное решение, по мнению британской прессы, не являлась особенно привлекательным как для союзников, так и для новой Финляндии. Более того, эта оккупация виделась «Таймс» лишь как общая реализация стратегических планов немцев и, таким образом, не являлась собственным желанием Финляндии[30]. В результате по данному вопросу газета, несмотря на реальные государственные интересы Великобритании, стремилась «просто понять» белую Финляндию.

В итоге в органах массовой информации Британии явно присутствовал необычайный интерес к «северной политике» Германии[31]. Но при этом существовало устойчивое представление об очень малой степени вероятности активных действий немецких войск против западных держав на данном направлении. Поэтому первоочередным считался именно «финский вопрос». Эта точка зрения четко выражалась в ряде газетных статей, в которых тогда отмечалось, что Финляндия просто, вместо того чтобы действовать совместно со Скандинавскими странами[32], вынуждена присоединиться к такому государству, чьи честолюбивые амбиции «опозорили человеческую цивилизацию»[33].

Показательно при этом, что «Таймс» указывала еще на то, что Запад вряд ли со своей стороны вмешается в финляндские проблемы. В частности, в газете приводилось достаточно откровенное мнение бывшего английского консула в Финляндии Э. Вольфа, который в разговоре с журналистами сообщил о невозможности, скажем, после прибытия в Финляндию немецких войск, например, оказания помощи со стороны Америки. Очевидно, он также не испытывал особого энтузиазма и в отношении Финляндии, склоняющейся к Германии. Хотя, по его мнению, как подчеркивала газета, эта страна должна была действовать, как она действовала при отсутствии помощи со стороны Швеции[34]. В «Таймс» со слов этого дипломата отмечалось, что «несчастная» Финляндия была просто разделена между шведским и немецким влиянием. Но при этом,

после того как «белое» правительство не смогло заручиться поддержкой Швеции, оно вынуждено было, собственно, обратиться к Германии. В результате, как считал английский эксперт, Финляндии в целом придется за все это заплатить и еще более высокую цену[35].

В сложившейся ситуации «Таймс», опираясь на имеющуюся у нее информацию, полагала, что Германия будет в конце концов контролировать Финляндию, причем, как она полагала, самым разнообразным образом, включая и торговые отношения. Это, безусловно, по мнению газеты, не могло не повлиять, в частности, на скандинавский рынок древесины и, следовательно, коснется британских потребителей[36].

Действительно, Берлин действовал достаточно решительно. И, как известно, 3 апреля была осуществлена десантная операция по высадке немецких регулярных частей на финской территории. Это кардинальным образом изменило ход гражданской войны[37]. Именно тогда и наступила кровопролитная развязка войны. «Белая» армия штурмом взяла Таммерфорс, а «красные» понесли огромные потери. Они были морально практически сломлены. Но вслед за победой Белого движения против сторонников «красных» в стране начался откровенный террор. Этого, естественно, не могли не заметить в «Таймс», поэтому, соблюдая «политкорректность», в газете были также опубликовали призывы ряда стран, которые обратились к «белофиннам» с требованием все же предотвратить в дальнейшем подобные всплески агрессии и принять более примирительную и дальновидную политику[38] в отношении своих граждан.

Но большее внимание на страницах «Таймс» было уделено уже вопросу новой «формы правления» в Финляндии. Это опять привязывалось к факту активной поддержки Белого движения со стороны Германии. В британских органах массовой информации активно стало распространяться мнение, что финны сделали «большую ошибку», попросив немцев о помощи. Более того, в Англии принялись рассуждать, что «белые» и сами смогли бы справиться в своей войне [39], поскольку, как утверждалось, их превосходная организация «не вызывает сомнений» и «белому» правительству самостоятельно удалось бы «сравнительно скоро», без немецкой помощи, восстановить свое влияние над всей страной.

Естественно, данные рассуждения носили ярко выраженный политический характер. В «Таймс», таким образом, стремились указать своему правительству на то, что Англия, активно не поддержав «белую» Финляндию, позволила утвердиться в этой стране «прогерманским элементам». В газете явно посчитали ошибочным, что Лондон не откликнулся в свое время на призыв финского руководства о признании независимости этой страны. Также Антанта, как подчеркивала «Таймс», вовремя не оказала помощь Финляндии продовольствием и оружием, тогда как Германия

помогала этой стране «во всем». Иными словами, «Таймс» вынуждена была сообщить своим читателям, что немецкое утверждение в Финляндии не случилось бы, если бы британские и американские правительства сразу признали новую Финляндию и начали поставлять ей продовольствие[40].

В целом, проанализировав архив газет «Таймс» периода с января по май 1918 г., становится очевидно, что проблема обретения Финляндией независимости и последующая гражданская война вызывала в английском обществе ярко выраженный интерес. При этом первые публикуемые в «Таймс» материалы явно свидетельствовали, что здесь целиком и полностью позитивно оценивают действия «белой» Финляндии. Однако в хоте развития событий, связанных с финской гражданской войной, тон публикуемых статей начинает меняться. Особенно это становится заметно после вмешательства в войну Германии. В статьях, опубликованных в «Таймс» ближе к концу гражданской войны, действия «белофиннов» рассматриваются в более критическом плане. В первую очередь это касалось, как указывалось в газете, «излишней жестокости» по отношению к «красным» и также, естественно, в принятом «белыми» решении о необходимости немецкой помощи для Финляндии. При этом, осуждая данное решение, английские журналисты особо подчеркивали его ошибочность, поскольку, как утверждалось в «Таймс», Германия преследовала исключительно лишь свои собственные корыстные цели и финны, по мнению газеты, затем неминуемо будут вынуждены заплатить за это очень высокую цену.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: German power triumphant // The Times. 1918, 09 Apr. P. 6; Finnish ambition // The Times. 1918. 17 Apr. P. 6; Finnish ambitions. Monarchy on the German pattern // The Times. 1918. 22 Apr. P. 8.

[2] Germany and new Finnish republic // The Times. 1918, 01 Jan. P. 5; German annexation programme // The Times. 1918. 05 Jan. P. 5; Berlin Recognizes Finland // The Times. 1918, 08 Jan. P. 8.

[3] Подробно см.: *Барышников В. Н.* Международное признание в 1917 г. советского правительства и Финляндия // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 18. № 2. СПб., 2018. С. 215–234.

[4] *Тиркельтауб С. В.* Аланды в войнах и мире. Або-Аланды и их ненарушаемый нейтралитет в войнах XVIII–XX столетий по документам российских архивов и историческим изданиям. СПб., 2008. С. 229–230.

[5] *Мусаев В. И.* Аландский вопрос как военно-политическая и национальная проблема // Скандинавские чтения 2010 года. Этнографические и культурноисторические аспекты. СПб., 2012. С. 146.

[6] Future Of Aaland Islands // The Times. 1918. 23 Jan. P. 5.

[7] Ibidem.

[8] Recognition for Finland // The Times. 1918. 07 Jan. P. 5.

[9] Ibidem.

[10] Finland and independence // Coventry Evening Telegraph. 1918. 05 Jan. P. 3; Finland and independence// Lancashire Evening Post. 1918. 05 Jan. P. 2.; Finnish independence // Yorkshire Post and Leeds Intelligencer. 1918. 05 Jan. P. 3.

[11] Recognition of Finland // The Times. 1918. 11 Jan. P. 6.

[12] The Finns And Freedom // The Times. 1918. 26 Jan. P. 5.

[13] Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. Asiakirjakokoelma. Helsinki, 1937. S. 221–236. Более того, в начале 1918 г. в «Таймс», оправдывая позицию своего руководства, указывали на естественную осторожность по данному вопросу Англии. Тогда в газете вообще утверждали, что «в нынешнем анархическом состоянии» независимость Финляндии — это всего лишь «фарс» (Britain's delay in recognizing Finland's Independence // The Times. 1918, 25 Jan. P. 5). В газете явно проводилась мысль, что правительство Финляндии тогда не имеет власти, а существующая в стране вооруженная Красная гвардия настолько опасна, что может создать условия для отставки парламента и передачи, в соответствии с примером России, власти в руки Советов (Ibidem).

[14] More chaos Finland // Coventry Evening Telegraph. 1918. 24 Jan. P. 3; Civil war // Sheffield Evening Telegraph. 1918, 25 Jan. P. 6; Sanguinary fighting in Finland // Dundee Evening Telegraph. 1918. 26 Jan. P. 5; Civil war in Finland // Nottingham Journal. 1918. 25 Jan. P. 6. A battle at Viborg // Yorkshire Evening Post. 1918. 25 Jan. P. 5; Finland a socialist republic // Liverpool Echo. 1918. 28 Jan. P.6; Civil war in Finland // The People. 1918. 27 Jan. P. 1.; Bolsheviks in Finland // The Globe. 1918. 02 Feb. P. 8.

[15] *Смирнов В.* Из революционной истории Финляндии. 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933. С. 133–134.

[16] Civil war in Finland an ultimatum to Russia // The Times. 1918. 28 Jan. P. 5.

[17] Civil war spreads in Finland // Dundee Courier. 1918. 28 Jan. P. 3; Bolsheviks support rebels//Nottingham Evening Post. 1918. 28 Jan. P. 2; Red guards cut wires in Finland. Complete anarchy // Pall Mall Gazette. 1918. 28. Jan. P. 2; Anarchy in telegraphic communication to Petrograd severed // Yorkshire Evening. 1918. 28 Jan. P. 4.

[18] No Swedish military aid for Finland // The Times. 1918, 05 Feb. P. 5.

[19] White guard success in northern Finland // The Times. 1918. 08 Feb. P. 5.

[20] Характерным в описании событий является утверждение, что объединенные «силы русских и полчищ низшего класса социалистов, зараженных большевистской страстью к убийствам и разрушениям» удерживают за собой всю Южную Финляндию (Finns ready for battle// The Times. 1918. 18 Feb. P. 5). Далее, в опубликованных материалах прямо указывалось, что поведение «красных» вообще не достойно военных, что они ведут себя как разбойники, грабя, убивая и мучая «всех на своем пути». При этом, однако, в газетах достаточно справедливо указывается, что все же крестьянское население Финляндии поддерживает «белых», поставляя им продовольствие, лошадей и людей.

[21] Red rule in Finland // The Times. 1918. 20 Feb. P. 5. Рассказы о «безобразиях», творящихся в Финляндии, в «Таймс» практиковали давать через публикацию

многочисленных воспоминаний «очевидцев», оказавшихся в это время на финской территории. Во всех этих материалах наблюдается общая для всех их картина, когда «информаторы», будь то англичане или иные путешественники, попадали в Финляндию лишь благодаря тому, что стремились как можно быстрее покинуть «обезумевшую Россию». Показательно при этом, что, по их рассказам, в Финляндии очень хорошо заметно влияние «русской революционной идеологии». Характерных примеров подобных материалов, подготовленных на основе воспоминаний, в «Таймс» публиковалось более чем достаточно. В частности, отмечается, что в момент переезда из Петрограда в Финляндию традиционно в поездах на какой-либо из станций неожиданно появлялись вооруженные люди, которые досматривают багаж и, как отмечалось, стремилися забрать себе все то, что «им приглянется». Как заметил один бывший российский офицер, когда в Выборге он пытался спасти женщину от таких «вооруженных хулиганов», он был даже ранен. Тем не менее офицеру, как он утверждал представителям английской прессы, даже удалось убить двух из грабителей, но он все же «получил штыковую рану» (Finnish civil war // Nottingham Evening Post. 1918. 04 Feb. P. 5; Finland trials // Liverpool Echo. 1918. 14 Feb. P. 3; Red guard terrorism in Helsingfors // Aberdeen Evening Express. 1918. 05 Feb. P. 3; Heavy fighting in Finland // Northern Whig. 1918. 08 Feb. P. 4; Murders in Finland // Northern Whig. 1918. Feb 13. P. 4; Terrorism in Finland // Exeter and Plymouth Gazette. 1918. 12 Feb. P. 6.).

[22] Red rule in Finland // The Times. 1918. 20 Feb. P. 5.

[23] Germans reported in Finland // The Times. 1918. 22 Feb. P. 6.

[24] The burning question // The Times. 1918. 22 Feb. P. 6.

[25] Ibidem.

[26] Germans Finland // The Times. 1918. 08 Apr. P. 6; German power triumphant // The Times. 1918. 09 Apr. P. 6.

[27] См.: *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С. 213–216.

[28] The Finnish peace // The Times. 1918. 05 Mar. P. 4.

[29] См.: *Холодковский В. М.* Революция в Финляндии и германская интервенция. С. 214.

[30] The German occupation of: Aaland islands // The Time. 1918. 06 Mar. P. 5.

[31] Scandinavian Suspicions // The Times. 1918. 11 Mar. P. 7.

[32] Следует, однако, учитывать, что когда с начала февраля 1918 г. появились некие слухи о шведской помощи Финляндии, то, как было отмечено в «Таймс», шведское правительство категорически заявило, что оно не намерено вмешиваться в дела, которые их не касаются (См.: No Swedish help for Finland // The Times. 1918. 02 Feb. P. 5). Более того, по сведениям, которые имелись у английской газеты, Стокгольм, несмотря на общие симпатии к финскому народу и «законному правительству» в их борьбе против революционных сил, твердо был намерен придерживаться политики невмешательства. В «Таймс» по данному вопросу также обратили внимание, что даже разрешение, запрошенное финским «белыми» представителями, на покупку оружия и боеприпасов в Швеции, а также на возможность переправки вооружения транзитом с помощью шведских железных дорог тоже было отклонено (См.: No Swedish military aid for Finland // The Times.

1918. 05 Feb. P. 5). Тем не менее эти «наблюдения» английских журналистов сочетались еще с информацией о продолжающей свою деятельность в Финляндии шведской гуманитарной миссии (Sweden declines to aid Finland // The Times. 1918. 22 Feb. P. 6).

[33] Scandinavian Suspicions // The Times. 1918. 11 Mar. P. 7.

[34] Finnish Anxieties // The Times. 1918. 01 Apr. P. 3.

[35] Finnish ambition // The Times. 1918. 17 Apr. P. 6; German hold on Finland // The Times. 1918. 29 Apr. P. 8.

[36] Ibidem.

[37] См.: *Baryshnikov V., Borysenko V.* Civil War in Finland and Colonel Svechnikov // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 931–932.

[38] Finnish ambitions. Monarchy on the German pattern // The Times. 1918. 22 Apr. P. 8.

[39] См.,Ы например: No Swedish military aid for Finland // The Times. 1918. 05 Feb. P. 5.

[40] German candidate for Finnish throne // The Times. Saturday. 1918. 04 May. P. 5; German king for Finland // The Times. 1918. 08 May. P. 6.

ЛИТЕРАТУРА

Барышников В. Н. Латышский большевик И. Т. Смилга и его роль в революции и гражданской войне в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019. № 20 (1). С. 26–38.

Барышников В. Н. Международное признание в 1917 г. советского правительства и Финляндия // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 18. № 2. СПб., 2018. С. 215–234.

Барышников В. Н. Проблема изучения в СССР в 1920–1930-к гг. истории революции и гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018. № 19 (2). С. 56–67.

Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: Российский государственный гуманитарный институт, 1999. 359 с.

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии 1918 г. на страницах современных финских газет// // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2018. № 18 (1–2). С. 138–146.

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии в финской историографии в первой половине XX-го века// Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2018. № 19 (2). С. 68–81.

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии на страницах журнала «Хисториаллинен Айкакаускирья» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2014. С. 197–208.

Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: Весь Мир, 286 с

Мусаев В. И. Аландский вопрос как военно-политическая и национальная проблема // Скандинавские чтения 2010 года. Этнографические и культурно исторические аспекты. СПб., 2012. С. 144–154.

Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. С. 447.

Россия и Финляндия от противостояния к миру 1917–1920: Сбор. док. / Отв. сост. М. В. Зеленов; сост. Н. А. Лысенко и др. М.: Научно-политическая книга; Политическая энциклопедия. 2017. 502 с.

Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918. Л.: Ленинградское областное изд-во, 1933. 230 с.

Смолин А. В. Независимость, рожденная в противостоянии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2018. № 18 (1). С. 219–227.

Смолин А. В. Русские в Финляндии в 1918–1919 гг. (Рапорт лейтенанта Дихта морскому атташе в Швеции В. А. Сташевскому) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2011. № 7. С. 165–172.

Смолин А. В. «Первая советско-финляндская война 1918–1920 гг.» — историографические мифы или реальность? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 271–278.

Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1962. 312 с.

Петров В. Финляндия в планах империалистических держав в 1918–1920 гг. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1961. 71 с.

Тиркельтауб С. В. Аланды в войнах и мире. Або-Аланды и их не нарушаемый нейтралитет в войнах XVIII–XX столетий по документам российских архивов и историческим изданиям. СПб.: Ореос, 2008. 567 с.

Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. М.: Наука, 1967. 388 с.

Юссила О. Великие мифы финляндской истории. Хельсинки; СПб.: Изд-во Ruslania Books Oy, «Европейский Дом», 2013. 336 с.

Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М.: Весь Мир, 2010. 472 с.

Baryshnikov V. N., Borysenko V. N. Civil War in Finland and Colonel Svechnikov // Вестник СПбГУ. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 917–934.

Keskisarja T. Viipuri 1918. Helsinki: Siltala, 2003. 406 s.

Lackman M. Suomen vai Saksan puolesta? Jääkäreiden tuntematon historia. Helsinki: Otava, 2000. 879 s.

Paasivirta J. Suomi ja Euroopa 1914–1939. Helsinki: WSOY, 1984. 549 s.

Paasivirta J. Suomi vuonna 1918. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1957. 379 s.

Pekkalainen T. Lapset sodassa 1918. Helsinki: Tammi, 2014. 510 s.

Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. Asiakirjakokoelma. Helsinki: WSOY, 1937. 288 s.

К. Д. Котельников

ПОБЕГ ИЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ФИНЛЯНДИЮ В ВОСПОМИНАНИЯХ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Революция и Гражданская война в России вызвали небывалый до этого массовый поток беженцев, вынужденных покидать свои дома и искать новое пристанище не только внутри страны, но и за ее пределами. Одной из стран, принявших тысячи эмигрантов, стала Финляндия.

Количество русских эмигрантов в Финляндии, как и в других странах, установить с исчерпывающей точностью в силу специфики их учета и мобильности эмиграции[1] невозможно: как правило, речь идет о 15–20 тыс. человек в начале 1920-х гг.[2] В общей массе русского исхода, составившего, даже по самым умеренным оценкам, более 1 млн человек, русские в Финляндии составили, таким образом, небольшую долю. К тому же их количество быстро уменьшалось уже с 1921 г.: в 1930 г. осталось только 8216 русских беженцев; при этом большая часть уехавших покинули Финляндию еще в 1921–1924 гг.[3] Этот «отток» вызывает вопросы с учетом рядя предпосылок, которые могли сделать Финляндию крупным центром русской эмиграции. В первую очередь речь идет о близости Петрограда, пустевшего не по дням, а по часам: в 1917–1920 гг. население города уменьшилось с 2,3 млн до 740 тыс. человек[4]. Поток беженцев в направлении финской границы в этот период не прекращался ни на один день. К тому же жители Петрограда имели довольно много имущества и прежних связей в Финляндии: перед Первой мировой войной на Карельский перешеек ежегодно выезжало до 100 тыс. русских дачников[5]. Так, семья писателя Леонида Андреева оказалась в эмиграции, не покидая своей дачи в поселке Мустамяки. Это же произошло с жившим в Куоккала И. Репиным. По той же причине в Финляндии оказалась семья выходца из петербургских чиновников В. Н. Крестьянова[6]. Кроме того, граница оставалась почти все время открытой, а попытки закрыть ее с обеих сторон были неудачными. Помимо этого, в первые годы эмиг-

рация стремилась остановиться вблизи родины. В частности, именно поэтому писатель А. И. Куприн, прежде чем отправиться в Париж, попытался в 1919–1920 гг. осесть в Хельсинки[7]. Вопрос о том, почему Финляндия не стала крупным центром русской эмиграции, может найти дополнительные объяснения в воспоминаниях эмигрантов, на какое-то время оказавшихся в Финляндии или осевших там. Многие беженцы совершили в Финляндию побег и описали все его сложности и обстановку по обе стороны финско-российской границы.

Авторы подобранного нами комплекса воспоминаний — в основном представители высшего чиновничества (В. Н. Коковцов, В. А. Сухомлинов, В. М. Андреевский) и петербургской интеллигенции, общественные деятели (Н. А. Кривошеина, И. Еленевская, И. В. Гессен, Е. Постникова). Схожесть условий жизни в России и социальной среды авторов воспоминаний предопределили общие черты их отразившегося в текстах опыта. Одним из похожих образом описываемых сюжетов является подготовка и совершение побега.

Мотивирующие к побегу импульсы можно в целом разделить на две категории — политические и экономические. В силу потрясений Гражданской войны обе категории мотивов влияли на решение об отъезде, но в каждом конкретном случае одна из них оказывалась более актуальной. Бывшие министры В. Сухомлинов и В. Н. Коковцов бежали осенью 1918 г. под угрозой ареста. В обоих случаях близость границы и наличие проводников определили их выбор в пользу Финляндии[8]. По политическим причинам выехал и князь А. В. Оболенский в 1919 г., у которого в Финляндии было имение[9].

Другие авторы, повествуя о предыстории отъезда в Финляндию, в первую очередь подробно останавливаются на экономических бедствиях, которые переживал Петроград в 1918–1920-е гг.: разруха и недостаток необходимых товаров. Общественный деятель, бывший член Госсовета В. М. Андреевский, ярко описывает «безобразные картины умершего и быстро разлагающегося организма», наблюдаемые в Петрограде «изо дня в день»: «По бывшему Невскому проспекту народ идет все пешком по середине улицы, многие с салазками, все с узелками. На углах, пред советскими лавками, где выдают хлеб, стоят хвосты изможденных понуренных особей…»[10] Студентка И. Еленевская вспоминала прежде всего о предшествующих побегу голодных зимах 1918/19 и 1919/20 гг.[11] Дочь промышленника А. П. Мещерского Н. Кривошеина, вслед за отцом бежавшая в Финляндию в декабре 1919 г., писала об августе 1919 г.: «…жизнь в это время стала вдруг совсем непереносимой, резко наступил страшный голод, никакого топлива не было. Казалось, что вот так и погибнут все от цинги, а то и просто от голода…»[12] А когда «наступила страшная, холодная, го-

лодная зима 1919–1920 г.», «стало ясно: если можно убежать, то делать это надо теперь же, не задумываясь»[13]. Кривошеина и несколько ее попутчиков стремились прежде всего «спастись от уродливой, вонючей жизни» «умирающего столичного города»[14]. О невыносимой голодной жизни в советском Петрограде писали и другие беглецы: Е. В. Постникова[15], С. И. Гессен[16], мать генерала П. Н. Врангеля баронесса М. Д. Врангель[17].

Однако немногие беженцы имели возможность легального выезда, как, например, И. В. Гессен, в январе 1919 г. пересекший границу Финляндии на поезде. Большинству авторов воспоминаний пришлось переходить границу скрытно. Всякий раз побег сопровождался угрозами свободе и жизни: граница хотя и плохо, но охранялась советскими войсками. Гарантии свободного прохода не было (даже с учетом распространенного среди пограничников взяточничества[18]). Арестованные на границе рисковали оказаться в ЧК на Гороховой ул., 2. Так, брат приятельницы М. Д. Врангель за неудачный побег в Финляндию провел несколько месяцев в тюрьме [19]. И. Еленевская писала об отказе одной дамы бежать: «"У меня нет сил бежать с вами, мне страшно…" Она не договорила, но мы поняли, что она думала об участившихся за последние недели расстрелах лиц, захваченных при переходе финляндской границы»[20].

В такой ситуации авторы воспоминаний бежали обычно группами и с помощью русских и финских контрабандистов. Их услугами воспользовались почти все мемуаристы: В. Сухомлинов, В. Н. Коковцов, В. М. Андреевский, И. Амфитеатрова, И. Еленевская, С. И. Гессен, Е. Постникова, А. Гефтер[21], М. Д. Врангель и Н. Кривошеина. Цена услуг проводников была немалой и всегда нестабильной — В. М. Андреевский заплатил по 37 тыс. «думских» рублей за человека[22], И. Еленевская в том же году — по 100 тыс.[23] Год спустя переправка в Финляндию стоила одному беженцу уже 6 млн рублей — деньги быстро теряли в цене [24]. Из-за гиперинфляции сложно точно установить покупательную способность указанных сумм, но современниками цена работы контрабандистов оценивалась словами «очень дорого»[25].

Чтобы собрать нужную сумму, Е. Постниковой и ее мужу пришлось продать «все до ниточки»[26]. М. Д. Врангель, прежде имевшая хороший доход, покинула Петроград в ужасных обносках: даже подошва ее сапог отваливалась и была перевязана веревкой[27]. После двух голодных лет ей было уже нечего продать, и если бы не помощь друзей, нечем оплатить контрабанду. По воспоминаниям ее мужа барона Н. Е. Врангеля, из-за дороговизны услуг проводников были и решившиеся бежать своими силами, но их судьба была особенно незавидной[28]. Контрабандисты хотя бы обеспечивали транспорт — лодки или сани, чтобы перебраться через Финский залив; знали, как лучше незамеченными обойти Кронштадт, где

лучше перейти реку Сестру, или через своих сообщников обеспечивали пропуск на границе у Белоострова.

В воспоминаниях содержится информация о двух основных путях — с юго-восточного берега Финского залива по воде к финскому берегу (к району поселка Терийоки (Зеленогрск) и форта Ино) и по железной дороге от Финляндского вокзала до станции Дибуны или станции Белоостров[29]. Контрабандисты в ряде случаев заботились о пропитании и отдыхе беженцев в домах финнов у границы. Таким образом, желавший бежать из Петрограда сталкивался с необходимостью оплаты услуг контрабандистов, что резко сужало возможности жителей города бежать в Финляндию. Лишь небольшая часть горожан могла позволить себе, продав все имущество, заплатить проводникам.

Однако даже успешный переход границы не гарантировал еще спасения, которое зависело от разрешения финских властей остаться в Финляндии. Беженцам запрещали въезд не только в феврале—марте 1920 г., когда финские власти вообще решили закрыть границу. По каждому конкретному случаю принимались отдельные решения. Финские пограничники в каждом русском беженце подозревали большевистского агента. На границе это ощутил на себе даже явно стоявший вне подозрений И. В. Гессен: «…Грубые окрики, испытующие взгляды, многозначительное покачивание головой при недоверчивом сопоставлении паспортной фотографии с оригиналом, — все это производило столь внушительное впечатление, что можно было усомниться в себе самом: черт возьми, а быть может, я и в самом деле агент большевиков!»[30]

Угрозе высылки подверглись и В. М. Андреевский, и Н. А. Кривошеина. Вторую спасло только личное вмешательство председателя Особого комитета по делам русских в Финляндии полковника А. Н. Фену, а В. М. Андреевский был пропущен — обещание выслать было лишь «издевательством» «гнусного коменданта» форта Ино[31]. Бывало, коменданты свои обещания выполняли: например, комендантом Раута (Сосново) были высланы обратно Постниковы, и им пришлось бежать второй раз, снова с риском для жизни, но уже с успехом.

Финская русофобия, с которой столкнулись беженцы, не раз уже объяснялась историками. Широкое распространение антирусских настроений и, по выражению Гессена, «зоологического национализма»[32] финнов нашло отражение во многих воспоминаниях русских беженцев. Самым ярким из них является, безусловно, воспоминание В. М. Андреевского. Он был возмущен не только угрозой высылки, но и грубым таможенным осмотром, стремлением финнов втридорога продавать все русским (не имеющим других возможностей приобрести те или иные услуги) и другими «бесчеловечнейшими» и «возмутительными издевательства-

ми» над беззащитными беженцами, которые он видел лично и о которых слышал в карантине[33]. Ответная ненависть В. М. Андреевского была настолько сильной, что свои воспоминания он писал вскоре после перехода границы и «по горячим следам» во многом именно для того, чтобы «не забыть, и при будущих расчетах с Финляндией — а они неизбежны — неотступно […] помнить ту невероятную и ничем не оправданную жестокость, с какой относились финские власти к бежавшим из России»[34].

О проявлениях русофобии вспоминала и И. Еленевская, у которой в 1918 г. сложилось впечатление, что в Финляндии «ненавидят все русское»[35]. Когда ее группу после перехода реки Сестры встретили два финских солдата, их первой реакцией было «*пойс*» (*фин.* «прочь») и указание винтовками в сторону реки. От выдворения их спасли оказавшийся поблизости говорящий по-русски крестьянин и выданное при предыдущем отъезде разрешение на обратный въезд, а также тот факт, что они раньше уже жили в Финляндии.

Антирусские настроения Еленевская встречала и позже, и не только косые взгляды финнов, но и прямую агрессию. Так, узнав о вакансии и желая помочь другому русскому ее занять, она обратилась к решающему этот вопрос финскому инженеру, но тот «с ненавистью» отказал: «…если бы у меня было сто свободных мест и столько же ваших соотечественников умирали с голода, я ни одному бы не дал места»[36].

Русофобию среди представителей финских властей и населения упоминают почти все авторы воспоминаний[37]. Однако большая часть мемуаристов уделяют ей не так много внимания, как В. Андреевский, И. Гессен и И. Еленевская. Например, В. Сухомлинов, недолго пробывший в Финляндии, лишь в общих фразах указывает, что русские были нежелательными гостями[38]. Довольно кратко упоминал об этом явлении и князь А. В. Оболенский, вспоминая, как ему «приходилось слышать от финляндцев […] их откровенное признание, что они рады, что Россия находится в таком бедственном положении…»[39]. В. Н. Крестьянов также рассказывал о «недружелюбном» отношении финнов, в обособленности к русским[40].

Историки указывают немало причин возникновения сильной русофобии в Финляндии 1920–1930-х гг. Исследовательница Васара В.-Т. отмечает, что одного и исчерпывающего объяснения ее происхождения нет[41]. Она считает, что распространению антирусских настроений способствовал комплекс причин. Порыв русофобии был направлен прежде всего на большевиков, которых винили в организации гражданской войны в Финляндии в 1918 г. Ненависть к «красным» проецировалась и на русских вообще [42], поэтому и беженцы становились ее жертвами. Кроме того, в них видели представителей бывшей метрополии, сохраняющей свои притязания. В. Н. Крестьянов вспоминал, что финны не жа-

ловали не только большевиков, но и русских монархистов, «они ведь выступали за “единую и неделимую”», то есть посягали на финскую самостоятельность[43]. Историк А. В. Смолин указывает и на последствия антирусских настроений: они вызывали ответную неприязнь со стороны русских беженцев, для которых Финляндия из-за этого так и осталась для большинства эмигрантов лишь транзитной страной[44].

Стоит, однако, добавить, что русофобия — не единственная причина, по которой Финляндия со всеми ее преимуществами не состоялась как крупный центр русского зарубежья. В отношении русофобии воспоминания показывают неоднозначную картину. Не все финны относились к русским с неприязнью. В. Н. Коковцов вспоминал, как в Хельсинки ему был оказан «радушный прием»[45]. В. Крестьянов и И. Еленевская упоминали о смешанных браках[46] (русофобы называли финских девушек, имевших романтические отношения с русскими, «невестами рюсся»). И. Амфитеатрова вспоминала о карантине, в который попал и В. Андреевский, но год спустя. Ее впечатления резко контрастируют с гневным описанием Андреевского: «…мы должны были отправиться в карантин, где встретили много, совершенно незаслуженного нами, русскими, участия и внимания со стороны финнов, даже до конфуза»[47]. И. Еленевской оказали поддержку финские офицеры-пограничники и помогли уладить вопрос о разрешении остаться[48]. Много лет прожившая в Финляндии, кроме русофобии она подробно описывала и свою дружбу с интеллигентными финнами, хотя и отмечала, что в целом русские так и остались там «чуждым элементом»[49].

Незнание довольно сложного для изучения финского языка также усложняло взаимопонимание финнов и русских. Культурная ориентация эмигрантов, большую долю которых составляли представители городских образованных слоев, была прежде всего направлена на Францию и Германию — страны, в которых сложились самые крупные русские колонии 1920-х гг. Именно туда отправились оказавшиеся сперва в Финляндии В. Сухомлинов, В. Коковцов, И. В. и С. И. Гессены, М. Д. Врангель, Амфитеатровы, сын Л. Андреева В. Андреев, В. Шкловский, А. Куприн, Н. Кривошеина и еще тысячи русских.

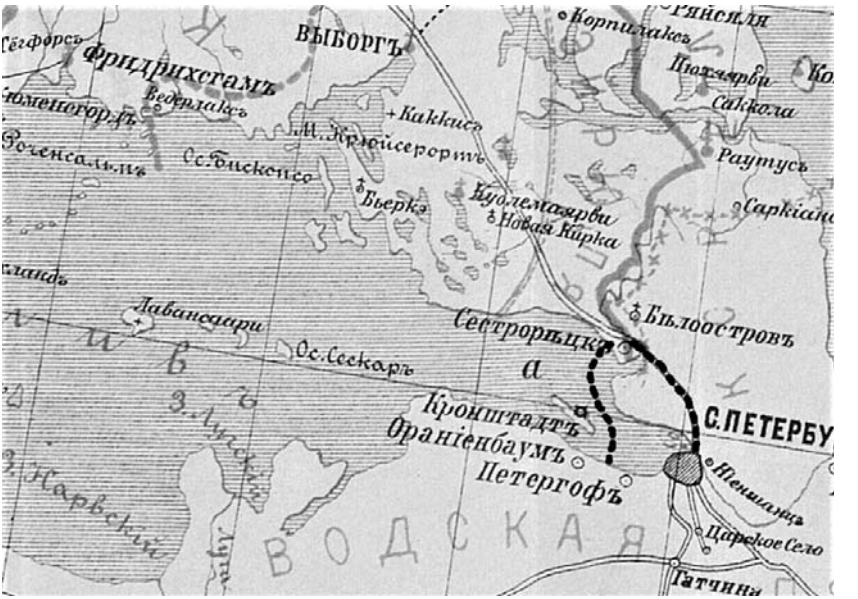
Для тысяч беженцев Финляндия стала лишь транзитной страной, и воспоминания показывают, что для этого помимо русофобии имелось немало значительных причин: незнание финского языка и небольшая емкость финского рынка труда, в целом лучшие перспективы материального благополучия в других странах. Важной причиной являются и трудности перехода русско-финской границы. Эмигранты находили и другие, менее опасные способы покинуть Россию, а в Финляндию отправлялись, будучи практически в безвыходном положении. Н. А. Кривошеина дала

типичную и емкую оценку рискованности своего пути по льду Финского залива, на который пришлось спуститься совсем недалеко от окопов красноармейцев: «Шансов погибнуть было очень много, точнее, было мало шансов благополучно дойти. На этом маршруте многие утонули или замерзли, иные были тяжело ранены финской береговой охраной, попали в руки Красной Армии и были расстреляны»[50].

Для большей части мемуаристов побег стал чрезвычайно травматическим, болезненным опытом. В результате сочетания всех отраженных в источниках опасностях побега, малодоступности этого пути из России и трудностях жизни в качестве беженца в Финляндии эта страна оказалась одной из наименее привлекательных для эмиграции, несмотря на многие ее преимущества. Воспоминания беженцев о побеге из Советской России и обстоятельствах перехода границы позволяют через индивидуальный опыт авторов более детально изучить сложную картину путей эмиграции и проблем последующей адаптации. Эти истории, а вернее, предыстории эмиграции дают богатый материал для понимания процессов формирования, особенностей и судьбы эмигрантских колоний в Европе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Черными пунктирными линиями отмечены основные пути беженцев: по Финскому заливу и по железной дороге до границы.



ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Понятие «беженец» и «эмигрант» в равной степени употреблялись эмигрантами для самоопределения, так как эмиграция носила не только политический, но и просто беженский характер. По этой причине далее на равных правах мы употребляем оба понятия.

[2] *Тетеревлёва Т.* Послереволюционная российская эмиграция в Финляндии (1917–1930-е гг.) в нарративах «популярной культурной памяти» // Финляндия и Россия: образы общего прошлого Петрозаводск, 2014. С. 214; *Leinonen M.* Helsinki: Die russische Emigration in Finnland. // Der groBe Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. Muenchen, 1994. S. 183; *Доронченков И. А.* Петроград — Куоккала. Через границу. 1920-е годы. // МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. 19. М.; СПб., 1996. С. 212; *Невалайнен П.* Финляндия и СССР в 1920–30-х гг.: основные характеристики миграции и торговли. С. 103–116 // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 106.

[3] *Невалайнен П.* Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 59.

[4] Санкт-Петербург.1703–2003: Юбилейный статистический сборник. Вып. 2. СПб., 2003. С. 16–17.

[5] *Невалайнен П.* Финляндия и СССР в 1920–30-х гг… С. 104.

[6] *Крестьянов В. Н.* Жизнь в эмиграции на фоне эпохи и политической деятельности // Проблемы истории Русского зарубежья: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2008. С. 402–427.

[7] *Куприн А. И.* Мы, русские беженцы в Финляндии: Публицистика (1919–1921). СПб., 2001. С. 15.

[8] *Сухомлинов В.* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 392; *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919 гг. Кн. 2-я. М., 1992. С. 395–398.

[9] *Князь А. В. Оболенский.* Мои воспоминания // Проблемы истории Русского зарубежья: Материалы и исследования. С. 371.

[10] *Андреевский В. М.* Как мы бежали из Петрограда (1920 г.) // Проблемы истории Русского зарубежья: Материалы и исследования. С. 387.

[11] *Еленевская И.* Воспоминания. Стокгольм, 1968. С. 98.

[12] *Кривошеина Н. А.* Четыре трети нашей жизни. М., 1999. С. 82.

[13] Там же. С. 83.

[14] Там же. С. 86.

[15] *Постникова Е.* 21-й год // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. 13. Берлин, 1924. С. 129–130.

[16] *Гессен С. И.* Избранное. М., 2010. С. 792–793.

[17] *Врангель М. Д.* Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. 4. Берлин, 1922. С. 199–206.

[18] *Leinonen M.* Helsinki: Die russische Emigration in Finnland… S. 166; *Мусаев В. И.* Судьба русской диаспоры в независимой Финляндии (1918 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 2. С. 112; *Невалайнен П.* Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 73.

[19] Например, см.: *Андреевский В. М.* Как мы бежали из Петрограда (1920 г.). С. 396; *Врангель М. Д.* Моя жизнь в коммунистическом раю… С. 206; *Постникова Е.* 21-й год… С. 134.

[20] *Еленевская И.* Воспоминания. С. 108.

[21] *Гефтер А.* Воспоминания курьера — мичмана А. Гефтера // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. 10. Берлин, 1923. С. 114–168.

[22] *Андреевский В. М.* Как мы бежали из Петрограда (1920 г.). С. 389.

[23] *Еленевская И.* Воспоминания. С. 109.

[24] *Доронченков И. А.* Петроград — Куоккала. Через границу. 1920-е годы. С. 215.

[25] Там же. С. 216.

[26] *Постникова Е.* 21-й год. С. 130.

[27] *Врангель М. Д.* Моя жизнь в коммунистическом раю. С. 202.

[28] *Невалайнен П.* Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). С. 19.

[29] См. основные пути бегства на карте в Приложении 1.

[30] *Гессен И. В.* Годы изгнания… С. 12.

[31] *Андреевский В. М.* Как мы бежали из Петрограда (1920 г.). С. 396.

[32] Цит. по: *Leinonen M.* Helsinki: Die russische Emigration in Finnland… S. 176.

[33] Русские беженцы обязаны были две недели отбыть в карантине в поселке Терийоки, прежде чем им разрешалось проследовать далее по территории Финляндии.

[34] *Андреевский В. М.* Как мы бежали из Петрограда (1920 г.). С. 397.

[35] *Еленевская И.* Воспоминания. С. 84.

[36] Там же. С. 113–114,126.

[37] Исключения в нашей подборке — В. Н. Коковцов, М. Д. Врангель и И. Амфитеатрова.

[38] *Сухомлинов В.* Воспоминания. С. 394.

[39] *Князь А. В. Оболенский.* Мои воспоминания. С. 372.

[40] *Крестьянов В. Н.* Жизнь в эмиграции… С. 404–405.

[41] *Васара В.-Т.* Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. № 4. 2010. С. 254.

[42] *Luostarinen H.* Finnish Russophobia: The Story of an Enemy Image // Journal of Peace Research. Vol. 26. Nr. 2 (May, 1989). P. 129; *Мусаев В. И.* Судьба русской диаспоры в независимой Финляндии (1918 г.). С. 106.

[43] *Крестьянов В. Н.* Жизнь в эмиграции… С. 404.

[44] *Смолин А. В.* Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1918–1920 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. № 9. 2012. С. 90.

[45] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. С. 408.

[46] *Крестьянов В. Н.* Жизнь в эмиграции… С. 405.

[47] *Амфитеатрова И. В.* Наш побег из Советской России // Иллюстрированная Россия. 1939. № 11 (721). С. 13.

[48] *Еленевская И.* Воспоминания. С. 114–115.
[49] Там же. С. 127–133.
[50] *Кривошеина Н. А.* Четыре трети нашей жизни. С. 82.

ЛИТЕРАТУРА

Балашов Е. А. Русское население на Карельском перешейке (XVIII пер. половина XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002. № 3. С. 175–178.

Куприн А. И. Мы, русские беженцы в Финляндии… СПб.: Журнал «Нева», 2001. 431 с.

Васара В.-Т. Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. № 4. 2010. С. 244–256.

Дорончeнков И. А. Петроград — Куоккала. Через границу. 1920-е годы // МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. 19. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1996. С. 210–234.

Кааремаа О. Русофобия в Финляндии 1917–1923 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2006. С. 212–220.

Мусаев В. И. Россия и Финляндия: Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. — 1930-е гг.). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007. 484 с.

Мусаев В. И. Политическая активность русской эмиграции в Финляндии в 1920–1930-е гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018. № 19 (1). С. 36–51.

Мусаев В. И. «Соплеменная» эмиграция и «работа с соплеменниками» («heimotyö»): ингерманландский и восточно-карельский фактор в политике межвоенной Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018. № 19 (2). С. 135–149.

Мусаев В. И. Проблема репатриации беженцев в советско-финляндских отношениях после заключения Тартуского мира // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016, № 17 (2). С. 43–46.

Мусаев В. И. Судьба русской диаспоры в независимой Финляндии (1918 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. Вып. 2. С. 103–114.

Мусаев В. И. Финляндская независимость и «дерусификация» Финляндии. 2009. С. 48–56.

Невалайнен П. Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб.: Журнал «Нева», 2003. 368 с.

Невалайнен П. Основные черты иммиграции русских в Финляндию в 1917–1939 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002. № 3. С. 179–184.

Невалайнен П. Финляндия и СССР в 1920–30-х гг.: основные характеристики миграции и торговли. С. 103–116. // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб.: Европейский Дом, 1999. С. 103–116.

Новикова И. Н. Деятельность русских организаций в Финляндии в 1918 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2001. № 2. С. 47–51.

Рупасов А. И. Дебаты в Эдускунте о беженцах из России. Январь 1919 г. // Российское Зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами. СПб.: Сударыня, 2004. С. 24–31.

Пааскоски Ю. Александра Коллонтай и усадьба Куусаа под Муолаа // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2003. № 4. С. 93–98.

Смолин А. В. Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1918–1920 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2012. № 9. С. 80–93.

Тетеревлёва Т. Послереволюционная российская эмиграция в Финляндии (1917–1930-е гг.) в нарративах «популярной культурной памяти» // Финляндия и Россия: образы общего прошлого. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 213–226.

Тетеревлёва Т. П. Страны Северной Европы глазами русских послереволюционных эмигрантов // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2006. № 7. С. 36–46.

Luostarinen H. Finnish Russophobia: The Story of an Enemy Image // Journal of Peace Research. Vol. 26. Nr. 2 (May, 1989). P. 123–137.

Leinonen M. Helsinki: Die russische Emigration in Finnland. // Der groBe Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. Muenchen: Beck, 1994. S. 165–194.

В. Н. Барышников

«СКАНДИНАВСКИЙ СБОРНИК» И ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ В СССР ИСТОРИИ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ (1950–1960 гг.)

Аналитических исследований, касающихся историографического изучения наследия советских историков, занимавшихся разработкой проблем, связанных с историей стран Северной Европы, пока в нашей стране существует достаточно немного[1]. При этом фактически единственной обобщающей работой в данном направлении можно считать только статью профессора А. С. Кана «Советская и постсоветская историческая нордистика — первые итоги»[2]. Данная работа была подготовлена на основе пленарного выступления известного историка на XIV конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, прошедшей в сентябре 2001 г. в Архангельске. Несомненно, что статья реально оказалась итоговым размышлением одного из ведущих прежде советских скандинавистов, который начал свою научную деятельностью в СССР в 1950-е гг. В целом А. С. Кан достаточно аргументированно представил этапность развития скандинавистики в Советском Союзе. Также весьма объективно было проанализировано историческое наследие советской скандинавистики в целом.

Показательно, однако, что в проделанном тогда обзоре автор обратил особое внимание, что реальные успехи в изучении истории стран Северной Европы стали наблюдаться лишь в период «послесталинского времени»[3]. С этим утверждением трудно спорить, поскольку, действительно, до середины XX в. отечественная скандинавистика объективно находилась в глубоком кризисе. Единственные существующие тогда ростки новой советской школы по изучению истории Скандинавских стран и Финляндии только еще начали пробиваться[4].

Но, вероятно, все же начавшиеся в СССР изменения в отношении к скандинавистике стали происходить не только благодаря лишь одной т. н. хрущевской оттепели. Очевидно, что стремиться все сводить исклю-

чительно к личности Сталина, увязывая данную проблему только с существовавшим в это время субъективным фактором, вероятно, тоже полностью не следует.

Объективно, глубинные изменения все же начались уже после окончания Великой Отечественной войны. Об этом четко отметил еще в 1964 г. скандинавист И. П. Шаскольский. Он тогда подчеркнул, что «советская скандинавистика… начала развиваться только в послевоенные годы», и далее вполне резонно подчеркнул, что это происходит лишь благодаря усилиям «отдельных ученых, работавших долгое время изолированно друг от друга»[5].

В целом толчок к происходившим тогда изменениям явно был обусловлен нарастанием для СССР геополитического значения Балтийского и Североевропейского регионов[6]. Советское стремление усилить собственное влияние в странах Северной Европы, безусловно, было вызвано сложившейся тогда системой биполярного строения международных отношений. Она явно начала выдвигать масштабные цели, которые, несомненно, касались и задач обратить значительно большее внимание на сопредельные с СССР государства, в том числе и с исторической точки зрения.

Таким образом, роль гуманитарных знаний, связанных с изучением различных проблем Всеобщей истории, стала нарастать, и это неминуемо начало касаться более глубокого исследования также и стран Северной Европы. Это было связано, вероятно, не только с тем, как заметил А. С. Кан, что «растущая историческая наука не терпела белых пятен» и «настала очередь скандинавистики»[7], но и геополитическими аспектами, с ее явным изменением внешнеполитических ориентиров, которые от СССР требовали уже новых, в чем-то масштабных подходов.

В целом хрущевская оттепель, как представляется, лишь только меняла для исторической науки установочные акценты. Идея возможности «мирного сосуществования» стран «с различным общественно-политическим строем» предполагала поиск позитивных компонентов в отношениях со странами Запада. Это, естественно, требовало обращение большего внимания на внутриполитические и социально-экономические изменения в развитии зарубежных государств, включая, конечно, и историческую ее составляющую. Конкретно целями для историков-скандинавистов теперь явно становились задачи необходимости изучения не только «истории народных масс, широких общественных движений», но и «сосредоточить внимание… на изучении мирных периодов в истории, как периодов наиболее естественных отношений между народами»[8]. Причем наиболее полно подобные тенденции можно заметить на примере изменения отношения к дальнейшему изучению истории Финляндии.

Советско-финский период 1920 — пер. пол. 1940-х гг. в этих отношениях постарались уже с 1950-хх гг. просто «забыть», указывая лишь на то, что весь негатив в отношениях исходит исключительно вследствие воздействия на финнов со стороны западных стран[9].

Проследить данную тенденцию также несложно, если взглянуть на тематику публиковавшихся тогда материалов в первом и единственном в СССР периодическом издании, посвященном вопросам исследования истории стран Северной Европы, — «Скандинавском сборнике». Он стал издаваться в Таллинне уже с 1956 г., и его выход оказался несомненным прорывом в решении проблем, связанных как с изучением, так и с объединением всех исследователей СССР, которые занимались или начинали заниматься историческим исследованием, связанным с историей стран Северной Европы.

Действительно, как было сказано в Предисловии к первому выпуску этого издания, основная задача сборника как раз и заключалась в необходимости «объединить в едином органе научные исследования советских историков-скандинавистов». Также сборник стал претендовать на выполнение координационных задач, стремясь направить «работу наших скандинавистов на исследование “белых пятен” и наиболее неясных или спорных вопросов», содействуя «развитию и укреплению дружественных связей между народами Советского Союза и его ближайшими соседями на северо-западе»[10].

В данном случае показательно, что громадную роль в организации первых выпусков сборника начал тогда играть московский исследователь к. и. н. В. В. Похлебкин, который стал ответственным редактором этого издания. Именно он затем в 1967 г. опубликовал на финском языке книгу «Финляндия как враг и как друг»[11]. В ней четко обозначалась новая тенденция к исследовательскому подходу к скандинавистике в СССР. Подмечая особенности этой работы, финские историки прямо тогда указывали, что в ней «исследователь придерживался марксизма-ленинизма, а с другой — потребностей современной политики, прежде всего советского патриотизма и политики мирного сосуществования…»[12].

Но в момент начала выпуска «Скандинавского сборника» Похлебкин был еще довольно малоизвестным исследователем, хотя личность этого человека, несомненно, заслуживает с историографической точки зрения серьезного внимания и изучения. В целом именно этот ученый фактически оказался одним из первых советских историков, кто в новых условиях принялся профессионально изучать страны Северной Европы[13]. Причем объективно его работы по новейшей истории Норвегии фактически являлись первыми по данной проблематике научными исследованиями в России.

Другим любопытным явлением оказалось, несомненно, место, где приступили в Советском Союзе к изданию «Скандинавского сборника». Он начал выходить в Советской Эстонии. Этим, очевидно, стремились подчеркнуть новую роль, которую стал играть в Балтийском регионе СССР. Одновременно, здесь также явно прослеживалась попытка использовать еще и традиции в изучении истории стран Северной Европы, которые существовали еще в предшествующий период, прежде всего в Тартуском университете. Как сказано в первом выпуске этого издания, оно вообще организовалось «по инициативе кафедры Всеобщей истории Тартуского Государственного университета»[14], где, как известно, существовали весьма давние традиции изучения Балтийского региона.

Тем не менее само утверждение, что в СССР подобные издания могли выходить благодаря лишь «инициативе кафедры» или даже целого университета[15], можно считать достаточно спорным. Известно, что столь масштабные решения, касающиеся всего советского пространства, а сборник претендовал именно на это, тогда принимались исключительно в Москве. Несмотря на то что в это время эстонских скандинавистов в СССР было явно больше и значительная часть опубликованных в первом выпуске материалов была подготовлена именно ими[16], все это не может служить абсолютным доказательством особого статуса Тарту по данному вопросу в Советском Союзе. Для СССР тогда самым главным и, как, собственно, подчеркнули издатели, было то, чтобы сборник смог «в первую очередь… стремиться освещать историю взаимоотношений и экономических связей между народами нашей Родины и народами скандинавских стран»[17], т. е. указывать на ту роль, которая в историческом плане занимала Россия в данном регионе.

Государственно-политическая поддержка в идеологическом плане начавшемуся изданию подтверждается еще и тем, что в Москве оно получило четкое и весьма положительное к себе отношение. Как было тогда отмечено в советской центральной прессе, появление «Скандинавского сборника» представляло собой «отрадное явление» и свидетельствовало о «дальнейшем расширении связей между советскими и зарубежными учеными»[18]. Более того, в советском официозном журнале «Вопросы истории» вообще было подчеркнуто, что благодаря выходу «Скандинавского сборника» «удалось привлечь к участию в этом издании большую группу специалистов — историков, филологов, экономистов, искусствоведов — из Москвы, Ленинграда, Тарту, Риги, Петрозаводска, Калинина, Фрунзе»[19]. Все это говорило о том, что сборник становится всесоюзным изданием, а само отношение к скандинавистике в СССР претерпевает серьезные позитивные изменения.

Тем не менее показательным оказалось еще и то, что весьма положительную статью о начале издания в Советском Союзе «Скандинавского сборника», опубликованную в журнале «Вопросы истории», подготовил тогда уже довольно известный ленинградский скандинавист к. и. н. И. П. Шаскольский. С именем этого человека, несомненно, связана целая эпоха в развитии петербургского скандиноведения[20]. Но то, что «ленинградцы» открыто поддержали данное начинание, тоже являлось весьма показательным.

В целом становилось очевидным, что главный традиционный центр по изучению истории стран Северной Европы, который ранее существовал в столице России, явно уходил в небытие. Это происходило даже несмотря на то, что ростки к его реанимации после кризиса 20–30-х гг. тогда тоже начали просматриваться[21]. В ленинградских архивах сохранился достаточно большой пласт источников по истории Скандинавии и российско-скандинавским отношениям[22]. Более того, в 1934 г. в Ленинградском университете был образован исторический факультет, на базе которого начало уже формироваться новое поколение советских скандинавистов.

Конкретно, в 1935–1940 гг., учеником работавшего на факультете крупнейшего историка Нового времени академика Е. В. Тарле оказался будущий очень известный историк-скандинавист, переехавший затем в Москву, Г. А. Некрасов[23]. Далее в 1936 г., на исторический факультет поступил и сам И. П. Шаскольский[24]. Причем, обучаясь на старших курсах университета, он уже подготовил ряд научных сочинений, которые были посвящены противостоянию Швеции и Русского государства на Балтике. Характерно, что эти студенческие работы были опубликованы в довольно престижных научных изданиях Советского Союза[25]. Более того, студент-историк И. П. Шаскольский в 1940 г. подготовил даже свою первую небольшую по объему отдельную брошюру «Борьба русского народа за невские берега» (47 с.) [26].

Это говорило о том, что в Ленинграде уже начался процесс восстановления интереса к вопросам скандинавистики. Именно Шаскольский фактически первым в СССР, в 1947 г., по данной проблематике защитил кандидатскую диссертацию. Она называлась — «Борьба Новгорода со Швецией и Норвегией до 60-х гг. XIII века». В концептуальном плане работа становилась своеобразным продолжением творческой деятельности дореволюционного петербургского скандинависта Г. В. Форстена, но касалась более раннего отрезка времени. Таким образом, новые тенденции в Ленинграде явно намечались, но, как писал в 1959 г. сам И. П. Шаскольский, в СССР еще предстоит много сделать, поскольку «у нас нет еще ни одного обобщающего труда на эту тему, большая часть

проблем скандинавской истории (в том числе и многие коренные вопросы) не освещалась…»[27].

Трудно было, однако, предположить, чтобы именно в Тартуском университете смогли полностью решить подобного характера задачу. Более того, в последующих выпусках «Скандинавского сборника» число именно эстонских исследователей, которые представили свои материалы для публикации, резко сократилось[28]. Более того, претензия редколлегии, обнародованная в III выпуске, на возможность издания сборника уже два раза в год, дополняя его еще отдельным приложением, где содержались бы «подборки документов, мемуары, справочный, библиографический и др. материалы»[29], оказалась нереальной. Очевидно, что уменьшение «глобалистских» задач в редколлегии издания также было вызвано тем, что один из «локомотивов сборника» В. В. Похлебкин тогда уже утратил возможность не только руководить редакционной политикой данного издания, но и работать в нем. С пятого тома Сборника, который вышел в 1962 г., председателем редколлегии стала уже членкор АН ЭССР Хильда Мосберг. Под ее руководством «Скандинавский сборник» издавался до 1977 г. Но прежние глобальные задачи, выдвигаемые его издателями, начали явно угасать.

Тем не менее, несмотря на это и развивая уже достигнутый успех, в Тарту смогли в 1963 г. организовать первую Всесоюзную научную конференцию по изучению экономики, истории, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии. Проведение этой конференции, безусловно, сделало очередной шаг вперед в развитии отечественной скандинавистики. Однако ее организация явно выходила за региональные рамки, поэтому в новых условиях уже в Москве при Институте истории АН СССР был образован «постоянный Оргкомитет по созыву всесоюзных конференций скандинавистов»[30].

Более того, как вспоминает об этой конференции крупнейший современный скандинавист, московский исследователь, ученица А. С. Кана, профессор О. В. Чернышева, «на этой конференции родилась идея создать монографию “История Швеции”». Таким образом, вопрос консолидации историко-скандинавистов стал уже выходить за рамки существовавшего тогда «Скандинавского сборника». Как подчеркнула О. В. Чернышева, уже тогда «специалистов было достаточно, но они, — отмечала исследовательница, — были разобщены, жили в разных городах и даже в разных республиках СССР». Поэтому стал вопрос «кому-то надо было взяться за их объединение»[31].

Действительно, после окончания Великой Отечественной войны в Москве возникла, наряду с В. В. Похлебкиным, целая плеяда новых историков-скандинавистов. В частности, с 1946 г. в МГУ начинает ра-

ботать переехавший из Ленинграда вслед за своими научным руководителем упоминавшийся уже ранее исследователь Г. А. Некрасов. Он уже в 1949 г. защищает подготовленную под руководством академика Е. В. Тарле кандидатскую диссертацию, в которой рассматриваются слабо исследованные до этого вопросы российско-шведских экономических отношений во второй четверти XVIII в.[32]

В целом именно он, собственно, и становится первым москвичом, который принялся выполнять функции координатора всех советских историков, занимающихся изучением Швеции для подготовки к написанию обобщающей работы по истории этой страны. Причем, как подчеркивает О. В. Чернышева, это произошло не сразу. Она заметила, что состав авторского коллектива «долго обсуждался» и «время уходило на безрезультатные разговоры». Но, как она отметила, в конце концов все-таки сформировался коллектив, но вместо Г. А. Некрасова уже «под руководством Александра Сергеевича Кана». Она прямо заметила, что теми, кто должен был написать историю Швеции, были и москвичи, и ленинградцы, но «не забыли и эстонцев»[33].

Таким образом, возможные претензии Тартуского университета стать неким координатором исследовательской деятельности советских историков, изучавших страны Северной Европы, так же как и возрождение в качестве основного для СССР скандинавского центра в Ленинграде, оказались слишком оптимистическими. «Скандинавский сборник» продолжал еще десятилетиями издаваться. Продолжали также заниматься изучением истории стран Северной Европы и в Ленинграде, где в 1965 г. состоялась уже вторая конференция скандинавистов, собравшая свыше 150 человек[34]. Но в новых обстоятельствах только Москва могла реально превратиться в новый и «главный» центр по изучению истории стран Северной Европы, влиявший на развитие скандинавистики в Советском Союзе.

Это, собственно, и проявилось на II всесоюзной конференции скандинавистов, которая прошла в Ленинграде. Тогда, как свидетельствуют участники этой конференции, «в дискуссиях… было высказано ценное предложение — создать постоянный координационный центр, который бы направил работу по изучению стран Северной Европы»[35]. Естественно, только Москва могла при этом занять данную позицию. И это должно было произойти как благодаря исследовательскому потенциалу столицы СССР, так и политики достаточно жесткого централизма, которая весьма очевидно тогда проводилась в Советском Союзе.

Действительно, на данном этапе здесь начинает постепенно играть заметную роль А. С. Кан[36]. Причем показательно, что его сугубо научная деятельность также начала складываться еще при Сталине. Именно тогда,

а точнее в 1952 г., он защитил свою кандидатскую диссертацию. Сама же эта работа, естественно, была далека от политики и касалась малоисследованных в СССР проблем социальной истории Швеции XVII в.[37]

Тем не менее можно сказать, что именно с А. С. Каном объективно связана основная заслуга того, что Москва стала реальным центром СССР по изучению истории стран Северной Европы. Причем естественно, что этот новый центр скандинавистики не мог не иметь ярко выраженный системный характер, где значение Академии наук СССР должно было выполнять определяющую роль. Действительно, именно тогда, на рубеже кон. 1950 — нач. 1960-х гг., наиболее крупные московские скандинависты начинают работать в Институте истории АН СССР. Именно там сначала под руководством Г. А. Некрасова, а затем и А. С. Кана началась разработка, а затем и написание истории Швеции. Исследование, которое фактически реально объединило всех ведущих на тот момент советских скандинавистов. В конечном итоге в 1974 г. начатая в середине 1960-х гг. творческая деятельность уже завершилась изданием весьма фундаментального произведения[38]. Далее в последующий период на базе Академии наук была также издана отдельной книгой история Норвегии, а затем и двухтомное произведение, касающееся истории Дании[39].

В целом, когда в 1968 г. на базе Института истории оформилось два отдельных научных академических учреждения: одно — отечественной истории, а другое — всеобщей, это, несомненно, способствовало укреплению в СССР скандинавского направления. Причем творческая деятельность А. С. Кан в Институте Всеобщей истории оказалась уже весьма заметной. Она, несомненно, была направлена на более систематическое изучение в СССР истории стран Северной Европы. В целом именно тогда ученые из Москвы, и прежде всего из этого института, активно включились в продолжение организации Всесоюзных конференций по скандинавистике, что фактически идейно объединило всех тех, кто занимался т. н. нордистикой в Советском Союзе.

Что же касается «Скандинавского сборника», то он, естественно, сохранился и продолжал выходить. Но теперь на его страницах стремились публиковать прежде всего наиболее интересные доклады, прозвучавшие на скандинавских конференциях. В целом в результате Тартуский университет так явно и не смог занять какого-либо особого положения в качестве основного центраобразующего объединения СССР по изучению истории стран Северной Европы. Тем не менее за время существования «Скандинавского сборника», а он издавался до 1990 г., на его страницах было опубликовано свыше 300 работ советских авторов. И они являлись практически всеми теми исследователями, которые тогда в СССР, так или иначе, занимались изучением истории, археологии, филологии, этногра-

фии, экономики, литературы и культуры стран Северной Европы. В данном отношении значение сборника как центра по общему объединению всех тех, кто шел по пути дальнейшего развития изучения Скандинавских стран и Финляндии, сохранялось.

В целом, таким образом, как само появление в Советском Союзе «Скандинавского сборника», так и последующая эволюция значения этого научного издания полностью отражали единые тенденции в изменении отношения в СССР к скандинавистике, раскрывая в общем специфику в походах к тематике осуществлявшихся тогда исторических исследований и определяя значение этого издания как только одного из составляющих единой координационной линии в развитии советской скандинавистики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Некрасов Г. А.* Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР // Скандинавский сборник. XIII. Таллин, 1968; *Жербин А. С.* Краткий обзор послевоенной литературы по истории Финляндии // Известия Карельского и Кольского филиалов Академии наук СССР. Т. 4. Петрозаводск, 1958; *Власова М. Н.* О сотрудничестве советских и финляндских историков (1960–1980-е годы) // Северная Европа. Проблемы новейшей истории. М., 1988; *Барышников В. Н., Даудов А. Х.* Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 11. СПб., 2013.

[2] *Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика — первые итоги // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 4. М., 2003. С. 5–36.

[3] Там же. С. 8.

[4] *Барышников В. Н.* Проблема изучения в СССР в 1920–1930-к гг. истории революции и гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Россия, Финляндия и Скандинавия: Ключевые события в истории. Тематический выпуск: К истории Великой русской революции и независимости Финляндии. Выборг, 2018. № 19 (2). С. 56–67.

[5] *Шаскольский И. П.* Рецензия на Скандинавский сборник, вып. 5–7 // Вопросы истории. 1964. № 11 — Режим доступа: http://norse.ulver.com/articles/reviews/scand5–7.html (дата посещения: 23.06.2012.)

[6] См.: *Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика — первые итоги. С. 7; *Некрасов Г. А.* Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР. С. 11; *Жибицкая Э. Д., Серебрянный Л. Р.* Изучение географии скандинавских стран в Советском Союзе в послевоенные годы // Скандинавский сборник. Вып. X. Таллин, 1965. С. 309–317.

[7] *Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика — первые итоги. С. 7.

[8] Предисловие // Скандинавский сборник. Вып. I. Таллин, 1956. С. 5; См. также: *Некрасов Г. А.* Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР. С. 12.

[9] См.: *Похлебкин В. В.* СССР—Финляндия. 260 лет отношений. М., 1975.

[10] Предисловие. С. 5–6.

[11] *Pohlebkin V. V.* Suomi vihollisena ja ystävänä 1714–1967. Porvoo-Hels., 1967.

[12] *Jussila O.* Venäläinen Suomi. Porvoo-Hels. — Juva, 1983. С. 14; См. также: *Jussila O.* Ystävällinen Venäjä ja ymmärtämätön Suomi. Neuvostoliittolainen näkemys Suomen ja Venäjän suhteiden historiasta // Historiallinen Aikakauskirja. 1969. N 4. S. 293.

[13] *Барышников Н. И.* О геополитических аспектах в исследовании Европейского Севера В. В. Похлебкина (1923–2000) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 137–138. Показательно, что В. В. Похлебкин получил высшее образование на факультете международных отношений МГУ (позднее преобразованном в МГИМО) еще в эпоху Сталина, а в 1952 г. защитил свою кандидатскую диссертацию, посвященную истории Норвегии в конца 1930-х гг. (См.: *Похлебкин В. В.* Антинародная и антинациональная политика правящих кругов Норвегии накануне второй мировой войны (1935–1939 гг.) // Автореферат диссертации на соискание ученого звания кандидата исторических наук. М., 1952).

[14] Предисловие. С. 5.

[15] Там же.

[16] *Лоне Л. А.* О характере русско-шведских торговых отношений в XVIII и в первой половине XIX века // Скандинавский сборник. С. 132–155; *Роотс Л. К.* К вопросу о позиции Швеции в 1963–1864 // Скандинавский сборник. С. 156–173; *Мадиссон Ю. К.* Источники по истории Швеции в архивах и книгохранилищах г. Тарту // Скандинавский сборник. С. 216–225; *Пийримяэ Х. А.* С. Крафт. «Северная Норвегия в торговых договорах Соединенного Королевства с Россией» // Скандинавский сборник. С. 226–236.

[17] Предисловие. С. 5.

[18] Известия. 1958. 17 авг.

[19] Вопросы истории. 1959. № 12. С. 159.

[20] См.: «Моя специальность — древняя Русь»: Сборник к 100-летию со дня рождения И. П. Шаскольского. СПб., 2018.

[21] См.: *Барышников В. Н.* Изучение истории Финляндии в Санкт-Петербурге — Ленинграде: XIX–XXI вв. // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и новейшее время: Памяти наших учителей — создателей ленинградской-петербургской школы историков: Материалы международной конференции. Ишим, 2012. С. 42–55; *Барышников В. Н., Даудов А. Х.* Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 11. СПб., 2013. С. 172–190; *Барышников В. Н.* Балтийский вопрос и его изучение в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Journal of modern russian history and Historiography. 2014. № 7 P. 99–121; *Pochljobkin W. W.* The Development of Scandinavian Studies in Russia up to 1917 // Scandinavica, I. Cambridge, 1962. P. 89–114; *Pochljobkin W. W.* The

Development of Scandinavian Studies in the USSR (1917–1965) // Scandinavica. Vol. 5. N 1. Cambridge, 1966. P. 14–40.

[22] См.: *Рухманова Э. Д., Курсков Ю. В.* Источники по истории русско-скандинавских отношений в рукописных собраниях г. Ленинграда // Скандинавский сборник. Вып. III, 1958. С. 257–269; *Люблинская В. С.* Источники по истории Скандинавских стран в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. С. 258–271.

[23] Г. А. Некрасов — историк-скандинавист // Скандинавский сборник. Вып. XXI. Таллин, 1976. С. 16. См. также: Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 5. М., 2005. С. 319.

[24] *Возгрин В. Е.* Предисловие. С. 5.

[25] *Шаскольский И. П.* Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой // Военно-исторический журнал. 1940. № 7; *Шаскольский И. П.* Борьба шведских крестоносцев против Финляндии XIII–XVI века // Исторический журнал. 1940, № 4–5; *Шаскольский И. П.* Емь и Новгород в XI–XIII веках // Ученые записки ЛГУ. 1941, № 80. Сер. ист. нак. Вып. 10.

[26] *Шаскольский И. П.* Борьба русского народа за невские берега. М., 1940.

[27] *Шаскольский И. П.* Рецензия на Скандинавский сборник, вып. 1–4 // Вопросы истории. 1959. № 12 — Режим доступа: http://norse.ulver.com/articles/reviews/scand1-4.html (дата посещения: 23.06.2012).

[28] См.: Скандинавский сборник. Вып. II. Таллинн, 1957. С. 331–333; Скандинавский сборник. Вып. III. Таллинн, 1958. С. 355–357.

[29] Скандинавский сборник. Вып. III. Аннотация на суперобложке сборника.

[30] *Некрасов Г. А.* Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР. С. 13.

[31] О становлении скандинавистики — из первых уст. Беседа с Ольгой Васильевной Чернышевой / Режим доступа — https://skandinavia.livejournal.com/228636.html (дата посещения: 28.11.2018).

[32] *Некросов Г. А.* Русско-шведские торговые отношения в связи с социально-экономическим положением Швеции после Ништадтского мира // Автореферат диссертации на соискание ученого звания кандидата исторических наук. М., 1949.

[33] О становлении скандинавистики — из первых уст: Беседа с Ольгой Васильевной Чернышевой / Режим доступа — https://skandinavia.livejournal.com/228636.html (дата посещения: 28.11.2018).

[34] *Некрасов Г. А.* Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР. С. 13.

[35] Там же. С. 14.

[36] Причем, как свидетельствует собственная биография А. С. Кана, он тоже очень почтительно относился к ленинградскому центру скандинавистов и лично «попросил и получил свою первую скандинавскую тему у профессора О. Л. Вайнштейна в Ленинграде осенью 1948 г.» и лишь затем в МГУ с отличием защитил дипломную работу — «Швеция и начало Первой северной войны 1654–55» (см.: *Кан А. С.* Автобиографическое введение к библиографии // Кан Александр Сергеевич: историк-нордист (автобиография с библиографией). Архангельск, 2008. С. 6–7).

[37] *Кан А. С.* Шведское крестьянство в борьбе против усиления феодально-помещичьего гнета в 1620–1650 гг. // Автореферат диссертации на соискание ученого звания кандидата исторических наук. М., 1952.

[38] История Швеции. М., 1974.

[39] История Норвегии. М., 1980; История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996; История Дании. XX век. М., 1998.

ЛИТЕРАТУРА

Барышников В. Н. Балтийский вопрос и его изучение в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Journal of modern russian history and Historiography. 2014. № 7. P. 99–121.

Барышников В. Н. Игорь Павлович Шаскольский — основатель ленинградской школы историков-скандинавистов // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 9. СПб., 2012. С. 136–148.

Барышников В. Н. Изучение истории Финляндии в Санкт-Петербурге — Ленинграде: XIX–XXI вв. // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и новейшее время: Памяти наших учителей — создателей ленинградской-петербургской школы историков: Материалы международной конференции. Ишим, 2012. С. 42–55.

Барышников В. Н. Проблема изучения в СССР в 1920–1930-к гг. истории революции и гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2018. № 19 (2). С. 56–67.

Барышников В. Н., Возгрин В. Е. У истоков современной российской «нордистики»: Профессор А. С. Кан и история стран Северной Европы // Клио. № 10 (106). 2015. С. 227–231.

Барышников В. Н., Даудов А. Х. Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 11. СПб., 2013. С. 172–190.

Барышников Н. И. О геополитических аспектах в исследовании Европейского Севера В. В. Похлебкина (1923–2000) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002, № 3. С. 137–138.

Власова М. Н. О сотрудничестве советских и финляндских историков (1960–1980-е годы) // Северная Европа. Проблемы новейшей истории. Вып. 4. М., 1988. С. 170–177.

Г. А. Некрасов — историк-скандинавист // Скандинавский сборник. Вып. XXI. Таллин, 1976. С. 16.

Жербин А. С. Краткий обзор послевоенной литературы по истории Финляндии // Известия Карельского и Кольского филиалов Академии наук СССР. Т. 4. Петрозаводск, 1958. С. 181–186.

Жибицкая Э. Д., Серебрянный Л. Р. Изучение географии скандинавских стран в Советском Союзе в послевоенные годы // Скандинавский сборник. Вып. X. Таллин, 1965. С. 309–317.

История Дании с древнейших времен до начало XX века. М.: Наука, 1996. 503 с.

История Дании. XX век. М.: Наука, 1998. 379 с.

История Норвегии. М.: Наука, 1980. 708 с.

История Швеции. М.: Наука, 1974. 426 с.

Кан А. С. Автобиографическое введение к библиографии // Кан Александр Сергеевич: историк-нордист (автобиография с библиографией). Архангельск: КИРА, 2008. С. 6–12.

Кан А. С. Советская и постсоветская историческая нордистика — первые итоги // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 4. М., 2003. С. 5–36.

Лоне Л. А. О характере русско-шведских торговых отношений в XVIII и в первой половине XIX века // Скандинавский сборник. Вып. I. Таллин, 1956. С. 132–155.

Мадиссон Ю. К. Источники по истории Швеции в архивах и книгохранилищах г. Тарту // Скандинавский сборник. Вып. I. Таллин, 1956. С. 216–225.

Мосберг Х. И. Проблемы истории на научной конференции по скандинавистике // Вопросы истории. 1963. № 11. С. 146–148.

«Моя специальность — древняя Русь»: Сборник к 100-летию со дня рождения И. П. Шаскольского. СПб., 2018. 224 с.

Некрасов Г. А. Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР // Скандинавский сборник. Вып. XIII. Таллин, 1968. С. 11–34.

Пийримяэ Х. А. С. Крафт. «Северная Норвегия в торговых договорах Соединенного Королевства с Россией» // Скандинавский сборник. Вып. I. Таллин, 1956. С. 226–236.

Похлебкин В. В. СССР—Финляндия. 260 лет отношений. М., 1975. 408 с.

Приходько Н. И. Исследовательские периоды в изучении русско-шведской («финляндской») войны 1808–1809 гг. в отечественной историографии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002. № 3. С. 117–123.

Рогинский В. В. Проблемы новой и новейшей истории скандинавских стран и Финляндии на страницах «Скандинавского сборника» // Новая и новейшая история. 1979. № 5.

Роотс Л. К. К вопросу о позиции Швеции в 1963–1864 // Скандинавский сборник. Вып. I. Таллинн, 1956. С. 156–173.

Рухманова Э. Д., Курсков Ю. В. Источники по истории русско-скандинавских отношений в рукописных собраниях г. Ленинграда // Скандинавский сборник. Вып. III, 1958. С. 257–269.

Фишер А. Е. К вопросу об особенностях исследования партизанского движения в Финляндии в период русско-шведской войны 1808–1809 годов на примере российской историографии XIX–XX вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2006. № 7. С. 254–264.

Фокин В. И. Основатель научной школы новейшей истории российско-финляндских отношений // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2012. № 13. С. 23–33.

Jussila O. Venäläinen Suomi. Porvoo-Hels. — Juva: WSOY, 1983. 119 s.

Pochljobkin W. W. The Development of Scandinavian Studies in Russia up to 1917 // Scandinavica, I. Cambridge, 1962. P. 89–114.

Pochljobkin W. W. The Development of Scandinavian Studies in the USSR (1917–1965) // Scandinavica. Vol. 5. N1. Cambridge, 1966. P. 14–40.

Pohlebkin V. V. Suomi vihollisena ja ystävänä 1714–1967. Porvoo-Hels.: WSOY, 1967. 402 s.

П. В. Петров

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 20 ЛЕТ (1999–2018)

В 1999 г. произошли два знаковых события, имевших весьма важное значение для отечественной историографии. Во-первых, отмечался 60-летний юбилей начала советско-финляндской войны 1939–1940 гг., ознаменованный целым рядом научных мероприятий и публикаций. Данный юбилей стал мощным стимулом, побудившим российских историков к углубленному изучению событий этой войны. И во-вторых, в том же году прошла первая научная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», ставшая затем ежегодной, международной и сопровождавшаяся выпусками очередных сборников материалов. Важно заметить, что тематика советско-финляндской войны заняла своё постоянное и почетное место на этой конференции.

Нам важно понять, каковы результаты деятельности российских историков за последние двадцать лет в изучении событий этой войны. И здесь нужно сказать, что за указанный период отечественная историография добилась весомых результатов и обогатилась большим количеством исследований и документальных публикаций по теме[1]. Практически все основные документальные публикации и монографические исследования по истории «зимней войны» были изданы в этот период.

Документальные публикации

60-летний юбилей войны был ознаменован выходом в свет целого ряда важных публикаций. В 1999 г., во втором томе совместного российско-финского научного труда «Зимняя война 1939–1940», был издан весьма откровенный и содержательный документ, проливающий свет на военные аспекты «зимней войны». Это стенограмма совещания высшего командно-начальствующего состава РККА при ЦК ВКП(б) по изучению опыта боевых действий против Финляндии, которое проходило

14–17 апреля 1940 г.[2] На нем были заслушаны доклады многих военачальников и политработников, которые принимали непосредственное участие в советско-финляндской войне. В конце совещания секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным были подведены итоги войны и сформулированы основные выводы, исходя из уроков боевых действий.

Далее важно отметить такое ценное издание, как вышедший в 2000 г. сборник документов по истории советско-финляндской войны «Тайны и уроки зимней войны 1939–1940», изданный при участии Института военной истории Министерства обороны РФ (ИВИ МО РФ) и исторической группы ИВИ МО РФ при Штабе Ленинградского военного округа[3]. В него вошло около 250 документов из фондов Российского государственного военного архива (РГВА) и Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ) — директивы, приказы, распоряжения, донесения, доклады, отчеты, записки, оперативные и разведывательные сводки Главного Военного Совета, Ставки Главнокомандования, Наркомата обороны, командования Ленинградского военного округа и Северо-Западного фронта, командующих и штабов 7-й, 8-й, 9-й, 13-й, 14-й и 15-й армий, Краснознаменного Балтийского и Северного флотов. В опубликованных документах были отражены вопросы оперативного планирования и боевой деятельности частей Красной армии и Военно-морского флота в период советско-финляндской войны. Данный сборник стал одним из важнейших источников по истории боевых действий советских вооруженных сил в период «зимней войны». В 2002 г. осуществлено переиздание этого ценного сборника.

Чрезвычайно полезным изданием стал сборник документов «”Зимняя война”: работа над ошибками (апрель—май 1940 г.)», который был напечатан в 2004 г. В этом сборнике были опубликованы 82 документа и материала комиссий Главного Военного Совета (ГВС) Красной армии по обобщению опыта советско-финляндской войны, хранящиеся в РГВА[4]. Из опубликованных документов становится понятным, насколько важными, всеобъемлющими и, главное, своевременными оказались выводы, сделанные высшим командованием РККА в совершенствовании ее тактики и вооружения.

70-летний юбилей советско-финляндской войны в 2009–2010 гг. был ознаменован выходом в свет сразу двух очень ценных документальных публикаций — изданного в Москве под эгидой Института российской истории РАН и Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ сборника «Зимняя война 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии: Исследования, документы, комментарии»[5] и изданного в Санкт-Петербурге при участии Архива Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

и Санкт-Петербургского института истории РАН сборника «Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД»[6]. Данные книги стали подлинным прорывом в изучении советско-финляндской войны, поскольку основной упор в них был сделан на освещение событий этой войны со стороны органов НКВД, и помещенные в них документы в первую очередь отражали оперативную деятельность советской разведки и контрразведки в ходе боевых действий. Подавляющее большинство документов впервые вводились в научный оборот и носили поистине уникальный характер.

Представляет несомненный интерес также сборник документов, вышедший в 2009 г., к 70-летнему юбилею окончания войны, и посвященный истории города Выборга в период советско-финляндской войны и после ее окончания — «Виипури (Выборг). 1940 год»[7]. В него вошли документы, подробно описывающие состояние города во время боев заключительного этапа войны и после завершения боевых действий. Также в сборнике говорится о восстановлении сильно поврежденного городского хозяйства и инфраструктуры Выборга и его окрестностей после войны.

В 2018 г. издательство Университета Дмитрия Пожарского в серии «Исторические источники» выпущен уникальный сборник документов «Приказываю решительно прекратить представление таких разведсводок… Разведывательные сводки 5-го Управления НКО СССР за период советско-финляндской войны»[8]. В настоящем издании представлены сводки центрального аппарата советской военной разведки во время советско-финляндской войны 1939–1940 гг. В сборнике публикуется полный комплекс таких документов (93 разведсводки) за период с 14 декабря 1939 г. по 13 марта 1940 г., снабженных обширными научными комментариями. В предисловии был раскрыт процесс составления разведывательных сводок 5-го Управления Наркомата обороны СССР и описаны факторы, влиявшие на достоверность их содержания[9]. В книге далее показаны представления разведывательного отдела Ленинградского военного округа о силах и возможностях финской армии накануне войны и оценена эффективность деятельности советской военной разведки в ходе военных действий[10].

Коллективные труды, сборники статей

Совместный научный труд «Зимняя война 1939–1940» в двух томах, подготовленный историками России и Финляндии и изданный в 1999 г., стал очень важным событием в отечественной историографии. Первоначально он был издан в Финляндии, а затем в России[11]. Причем многие главы в первом томе этого труда, посвященные политическим отношениям и боевым действиям между СССР и Финляндией, были написаны совместно ведущими российскими и финскими историками. Важно от-

метить, что очерки основывались на результатах новейших изысканий в архивах обеих стран.

Важным этапом в изучении истории советско-финляндской войны стала издание в 2003 г. монографии петербургских историков, докторов исторических наук Н. И. и В. Н. Барышниковых «Рождение и крах “терийокского правительства” (1939–1940 гг.)»[12]. Достоинством данного труда было освещение на основе ранее неизвестных документов из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) сюжетов, непосредственно связанных с созданием и деятельностью «правительства Финляндской Демократической Республики» и «финской народной армии» зимой 1939–1940 гг. Впоследствии работы Н. И. Барышникова и В. Н. Барышникова о советско-финляндской войне, и в первую очередь книга о «терийокском правительстве», были переизданы в отдельном дайджесте «Финляндия. Из истории военного времени 1939–1944»[13] и в сборнике трудов Н. И. Барышникова и Э. П. Лайдинена «Из истории советско-финляндских отношений»[14].

Следует упомянуть вышедшую в 2009 г. коллективную монографию «К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии»[15]. Авторы этого труда уделили значительное внимание событиям советско-финляндской войны, посвятив ей сразу четыре главы. Наибольший интерес представляют главы, которые посвящены боевым действиям Красной армии во время войны и изучению опыта военных действий, деятельности особых отделов НКВД в период войны, а также историографии данной проблемы[16]. В этих очерках было приведено много ранее неизвестных документов из фондов РГВА и Центрального архива ФСБ Российской Федерации, содержащих весьма откровенную информацию о состоянии и боевой деятельности РККА в период войны.

Значительным событием научной жизни в России стало издание коллективного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» в 12 томах. Во втором томе этого издания («Происхождение и начало войны») содержится отдельная большая глава «Война с Финляндией»[17], написанная доктором исторических наук В. Н. Барышниковым, где нашли свое объективное освещение дипломатическая предыстория войны и история боевых действий. Важно подчеркнуть, что данный очерк основан исключительно на документах, извлеченных из фондов АВП РФ, РГВА, РГАВМФ, Архива Штаба ЛВО, Архива МИД Финляндии.

Отдельно следует упомянуть труды по истории Советской Карелии в годы советско-финляндской войны, подготовленные директором Ин-

ститута истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, доктором исторических наук С. Г. Веригиным. В первую очередь автор подготовил такие работы, как «Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг.»[18], «Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг.»[19] и «Под чужими знаменами: военный коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны (1939–1945)»[20], а ранее он участвовал в коллективной монографии «Заложники зимней войны»[21]. В этих книгах были рассмотрены проблемы политического, социального, экономического развития Карелии во время советско-финляндской войны, судьбе военных коллаборантов и интернированных финнов.

Большую роль в объективном освещении событий «зимней войны» сыграли материалы ежегодной международной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», проходившей на базе Российской христианской гуманитарной академии (РХГА) с 2000 г. по настоящее время. С 2001 г. ежегодно выходят в свет сборники материалов данной конференции, на страницах которых нашли подробное освещение самые разнообразные аспекты истории советско-финляндской войны. За прошедшие годы на страницах сборников было опубликовано не менее 50 статей по истории внешнеполитических отношений СССР и Финляндии в предвоенный период, истории боевых действий Красной армии и Военно-морского флота, деятельности тыла, военной медицины, итогам и урокам советско-финляндской войны[22].

С материалами конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» пересекалась также научная конференция в историко-этнографическом музее-заповеднике Ялкала. В марте 2000 г. здесь прошла первая международная научная конференция, приуроченная к 60-летию окончания советско-финляндской войны. В этой конференции приняли участие ведущие историки из России, Финляндии и Швеции. Материалы сборника вышли отдельным сборником в 2000 г.[23] В 2006 г. вышел в свет очень ценный труд «От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.»[24]. Он представляет собой сборник материалов трех международных научных конференций, проведенных в музее-заповеднике «Ялкала» в 2000, 2001 и 2004 гг. по проблемам участия Финляндии во Второй мировой войне, где в отдельную главу были выделены непосредственно статьи, посвященные событиям зимней войны»[25]. В дальнейшем, с 2011 г., ежегодная научная конференция в музее-заповеднике «Ялкала» стала именоваться Барышниковскими чтениями, в память об одном из ее организаторов, крупнейшем историке, докторе исторических наук Н. И. Барышникове.

С 2016 по 2018 г. конференция проводилась на базе историко-архитектурного музея-заповедника «Выборгский замок», и ее материалы также опубликованы в сборниках[26].

Монографии

Что касается монографических исследований, посвященных боевой деятельности РККА и РКВМФ, то здесь можно даже наблюдать определенную специализацию, направленную на изучение действий отдельных родов войск или служб. Следует заметить, что боевые действия Красной армии изучались отечественными историками наиболее подробно в последние годы.

Коллективная монография «Война в Заполярье 1939–1940 гг.», написанная российскими исследователями П. В. Петровым, В. Н. Степаковым и финским ученым Д. Д. Фроловым и выпущенная в 2002 г. в Хельсинки на русском языке, базируется на многочисленных архивных документах и материалах из фондов РГАВМФ, Военного архива (Sota-arkisto) и Архива МИД Финляндии (Ulkoasiainministerion arkisto)[27]. Данная работа интересна тем, что впервые в российской историографии предметом исследования стала боевая деятельность Красной армии на самом малоизвестном театре военных действий — на Крайнем Севере. По ряду причин отечественные историки не уделяли внимания этому направлению, описывая в основном боевые действия на Карельском перешейке и в меньшей степени — в Приладожье и Лапландии. Также в книге подробно описана боевая деятельность Северного флота, а также Мурманского пограничного округа в период войны.

Весьма интересной работой стала изданная в 2002 г. книга петербургского иследователя К. В. Якимовича «Тайпале. Сто дней кровопролитного сражения советско-финской войны 1939–1940 гг.» (второе издание книги вышло в 2009 г.)[28]. В этой работе содержалось детальное описание боев на восточном фланге «линии Маннергейма», в районе реки Тайпалеенйоки (ныне река Бурная). Книга основывалась на многочисленных документах из фондов РГВА, обширной научной литературе и воспоминаниях советских солдат, давая наглядное представление об условиях военного быта как советских, так и финских войск. В 2010 г. было издано расширенное издание этой работы под названием «На фланге линии Маннергейма. Битва за Тайпале»[29], а в 2017 г. она еще раз была переиздана.

Заметным событием стало издание в Петербурге в 2003 г. сборника статей и материалов «Советско-финляндская война 1939–1940» в двух томах, подготовленного петербургскими исследователями П. В. Петровым и В. Н. Степаковым и охватившего широкий спектр проблем этой войны[30]. В этой работе на большом документальном материале авторы

рассмотрели боевую деятельность Красной армии и Военно-морского флота на всех направлениях, а также осветили малоизвестные сюжеты войны (судьба советских и финских военнопленных, настроения военнослужащих РККА в период войны, работа советской военной медицины). Значительным достоинством данного труда являлась составленная авторами отечественная библиография за период 1939–2002 гг.

В следующем, 2004 г. был издан труд московского историка и архивиста П. А. Аптекаря «Советско-финские войны», который содержал интересный фактический материал [31]. Но необходимо отметить, что данная работа носила на себе характер моральной устарелости и претензию на серьезный научный труд при явно популярном характере. Автор слабо использовал современную российскую литературу по «зимней войне» и почти не учитывал финские исследования по данной теме. В то же время автор хорошо осветил боевые действия отдельных дивизий РККА, которые были описаны на основе их исторических журналов из фондов РГВА.

Важным этапом в развитии историографии стало издание в 2008 г. труда исследователя Б. К. Иринчеева, посвященного истории военного противоборства СССР и Финляндии в 1939–1940 и 1941–1944 гг.[32] В его книге содержится подробное описание боев на Карельском перешейке, и в первую очередь в ходе попытки прорыва «линии Маннергейма» в декабре 1939 г. и ее успешного штурма в феврале 1940 г., основанное на многочисленных документах Военного архива Финляндии (Sota-arkisto) и Российского государственного военного архива (РГВА)[33]. Автора работы отличал взвешенный, объективный подход к описанию боевой деятельности как советских, так и финских войск. Хорошее владение источниками с обеих сторон сделало труд весьма объективным.

К 70-летнему юбилею «зимней войны» Б. К. Иринчеев подготовил книгу, специально посвященную событиям этой войны. Его монография «Оболганная победа Сталина. Штурм линии Маннергейма»[34] полностью была построена на документах из фондов Военного архива Финляндии (Sota-arkisto) и Российского государственного военного архива (РГВА). Во многом данный труд являлся новаторским для отечественной историографии, которая привыкла отражать события на фронте односторонне, по материалам лишь советской стороны. Несомненным достоинством этой работы следует считать непредвзятое отношение к промахам и просчетам, допущенным как финским, так и советским командованием в период «зимней войны». Автор не идеализировал ни одну из сторон, а, наоборот, стремился к взвешенной, объективной оценке действий обеих сторон. Успех этой работы оказался настолько значителен, что она переиздавалась в 2010, 2014, 2015 и 2016 гг.

Вышедшая в 2012 г. книга капитана 1-го ранга в отставке, кандидата технических наук и участника войны И. И. Сейдина «Линия Маннергейма и Красная Армия (30 ноября 1939 – 22 июня 1941)» была полностью посвящена боевым действиям Красной армии на Карельском перешейке и в целом носила фундаментальный характер[35]. Основой для монографии стали многочисленные документы из фондов РГВА. Однако по своей сути она лишь продолжала традицию советской историографии и фактически отражала взгляд на события лишь одной из сторон этого военного противостояния. Документы и литература финской стороны автором не использовались, как и отечественная новейшая литература, что сильно снизило ценность этой работы.

Значительным шагом вперед стала выпущенная в 2014 г. книга петрозаводского историка, доктора исторических наук Ю. М. Килина и финского военного историка, полковника в отставке А. Раунио «Сражения зимней войны»[36]. В богато иллюстрированной фотографиями и 150 картами книге давалась всеобъемлющая картина боевых действий советско-финляндской войны: описаны расстановка сил, планы обеих сторон, действия войск, указаны потери, биографии командиров двух армий, сведения о вооружении обеих сторон. Книга также содержит указатели соединений, частей и подразделений РККА и финской армии. В этой работе давался двусторонний взгляд на военные события, причем здесь были отражены малоизвестные сражения войны, что придает труду дополнительную ценность. По сути дела, этот труд дает исчерпывающее представление о боевых действиях советской и финской армий во время войны. В 2018 г. вышло второе, дополненное и исправленное издание книги.

Боевая деятельность советской артиллерии в годы советско-финляндской войны удостоилась отдельной книги под названием «Накануне войны», подготовленной в 2010 г. военными историками Ю. Н. Фесенко и А. Г. Шалковским[37]. В их книге содержится описание предвоенного развития артиллерии Красной армии, описаны различные артиллерийские системы, находившиеся на вооружении, а также излагается история боевого применения советской артиллерии в ходе сражений советско-финляндской войны.

Большое внимание уделялось отечественными историками деятельности бронетанковых войск Красной армии во время «зимней войны». Первым на эту тему выпустил свою небольшую по объему, но весьма содержательную монографию исследователя М. В. Коломиец «Танки в зимней войне 1939–1940», которая вышла в серии «Фронтовая иллюстрация» в 2001 г.[38] Затем его работа была издана в расширенном виде, с большим количеством фотографий, под названием «Танки в Финской

войне 1939–1940 гг.» в 2013 г.[39], после чего переиздавалась в дополненном виде в 2014 г. и 2017 г., но уже под другим названием[40]. Не менее интересным и содержательным исследованием стала книга Б. К. Иринчеев «Танки в зимней войне»[41], где тщательно описаны не только боевые действия советских танковых частей во время войны, но также помещены сведения о тактических приемах советских танкистов. Работа была написана на основе документов РГВА, архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи и Национального архива Финляндии и иллюстрирована большим количество редких фотографий из фондов РГАКФД и ряда личных архивов.

Боевая деятельность Военно-воздушных сил РККА зимой 1939–1940 гг. освещена в фундаментальном исследовании известного финского историка авиации Карла Фредрика Геуста. В 2014 г. в Санкт-Петербурге им была опубликована на русском языке книга «ВВС РККА на финской войне»[42]. При этом следует отметить, что К.-Ф. Геуст является автором трудов по истории деятельности ВВС РККА и ВВС КБФ в «зимней войне», вышедших ранее на английском языке в серии «Red Stars»[43]. По масштабу привлечения архивных документов и фотографий данный труд не имеет себе равных. В книге содержались подробные сведения о боевом составе группировки советских ВВС, принимавших участие в войне. Работу финского исследователя дополняет книга петербургского историка В. В. Никитина «Пылающие города. Советские бомбардировщики в небе Финляндии 1939–1944», посвященная действиям советской бомбардировочной авиации в период «зимней» и Великой Отечественной войн[44]. Что касается действия советской морской авиации, то еще в 2000 г. в Санкт-Петербурге вышла книга В. Н. Степакова и С. В. Тиркельтауба «Против Финляндии: Советская морская авиация на Балтике в войне 1939–1940 годов», содержавшая важный справочный материал[45].

Что касается истории боевой деятельности военно-морского флота СССР в «зимней войне», то на данную тему выпустил свои работы петербургский историк, доктор исторических наук П. В. Петров. Еще в 2002 г., в книге «Война в Заполярье 1939–1940», им была подробно описана и проанализирована боевая деятельность Северного флота в период советско-финляндской войны[46]. Затем П. В. Петровым были выпущены две книги, посвященные участию Краснознаменного Балтийского флота в войне с Финляндией. Первая из книг — «Балтийский флот. Финский гамбит»[47], вышедшая в 2005 г., посвящена процессу предвоенного развития Краснознаменного Балтийского флота перед войной с Финляндией, состоянию его боевой подготовки и оперативного планирования накануне боевых действий, освоению театра военных действий и базовому строительству в странах Прибалтики. Также в книге уделяется внимание

предвоенному развитию и состоянию военно-морских сил Финляндии перед советско-финляндской войной.

Вторая книга автора — «"Зимняя война". Балтика 1939–1940»[48], выпущенная в 2008 г., представляет собой вторую часть исследования и дает развернутое описание боевой деятельности надводных, подводных и военно-воздушных сил, а также действий морской пехоты, береговой артиллерии и разведки Краснознаменного Балтийского флота во время советско-финляндской войны. Сделан отдельный обзор боевой деятельности Ладожской военной флотилии, оперативно подчиненной флоту. Автор также уделяет пристальное внимание рассмотрению итогов и уроков этой войны, оказавших значительное влияние на дальнейшее развитие советского ВМФ перед Великой Отечественной войной[49].

Деятельность финской разведки накануне «зимней войны» обстоятельно изучена в монографии Э. П. Лайдинена и С. Г. Веригина «Финская разведка против Советской России», изданной в Петрозаводске в 2004 г.[50] В книге впервые в отечественной литературе были рассмотрены вопросы создания финских спецслужб (военной и политической разведки), раскрывались их структура, задачи и разведывательная деятельность в 1918–1939 гг. Отдельно исследуются виды разведывательной деятельности финских спецслужб: агентурной, легальной и технической разведок, а также результаты этой работы. Книга подготовлена на базе широкого круга источников, в основе архивные документы из фондов государственных и ведомственных архивов России и Финляндии. Многие архивные документы были впервые введены в научный оборот. Дополненное и исправленное издание этого ценного труда вышло в 2013 г.

Наконец, в 2018 г. вышла книга доктора исторических наук С. Г. Веригина «Советская контрразведка против финских спецслужб»[51], которая стала логическим продолжением его ранее вышедшей совместно с Э. П. Лайдиненом монографии. Достоинством этой работы, в которой впервые столь пристально рассматривалась деятельность советских спецслужб в период «зимней войны» 1939–1940 гг. и «войны-продолжения» 1941–1944 гг., стало широкое привлечение документов из архивов ФСБ по Республике Карелия, Архангельской, Мурманской и Омской областям, а также Национального архива Республики Карелия и Архива МВД Республики Карелия.

Деятельность военно-медицинских служб РККА и финской армии в ходе войны достаточно полно и объективно отражена в монографии сотрудников Военно-медицинского музея МО РФ А. А. Будко и Ф. А. Иваньковича «Военная медицина СССР и Финляндии в Советско-финляндской (Зимней) войне 1939–1940 гг.»[52]. Аналогичный труд был подготовлен сотрудниками Министра обороны Российской Федера-

ции генералом Д. В. Булгаковым и А. Г. Турковым «Тыл Красной Армии в советско-финляндской войне (1939–1940 гг.)»[53]. В этом историко-документальном очерке исследованы положительные стороны и проблемные вопросы организации и осуществления тылового обеспечения войск в период советско-финляндской войны, отмечены уроки и опыт работы органов тыла в этой войне.

На тему финской фортификации на Карельском перешейке тоже написано уже несколько подробных работ, подготовленных петербургскими авторами. Еще в 2000 г. краеведы Е. А. Балашов и В. Н. Степаков издали книгу «Линия Маннергейма и система финской долговременной фортификации на Карельском перешейке»[54], где были представлены сведения о строительстве финских укреплений в 1920–1930 гг. В книге были также помещены воспоминания участников советско-финляндской войны 1939–1940 гг., посвященные штурму «линии Маннергейма» зимой 1939–1940 гг., а также материалы экспедиций по изучению самих укреплений непосредственно на местности. Затем в 2002 г. был издан исправленный и дополненный вариант этой книги[55]. Спустя семь лет вышла в свет значительно улучшенная в плане содержания и полиграфии книга Е. А. Балашова «Линия Маннергейма. Оборонительный щит Финляндии: от идеи до воплощения»[56].

Проблемам советских и финских военнопленных специально посвящен изданный в 2009 г. труд финского историка Д. Д. Фролова «Советско-финский плен 1939–1944», являющийся результатом его многолетних исследований[57]. Книга построена на многочисленных материалах как российских (ГАРФ, РГАСПИ, РГВА, РГАВМФ, ГАОПДФК, Архив ВММ), так и финских архивов (Sota-arkisto, Ulkoasiainministerion arkisto, Kansallisarkisto), записях бесед с бывшими военнопленными и российской и финской исследовательской литературе.

Даже такая специфическая тема, как история вооружения финской армии периода 1918–1945 гг., нашла свое отражение в работе петербургского исследователя В. В. Никитина «Финская армия: Русский след. Люди и оружие»[58]. Работа интересна тем, что дает полное представление об истории появления в вооруженных силах Финляндии многочисленных образцов вооружения Красной армии в период советско-финляндской и Великой Отечественной войн.

Были выпущены также иллюстрированные издания, посвященные событиям «зимней войны». И здесь, конечно же, следует назвать фотоальбом Б. К. Иринчеева «Финская война. Забытые кадры / Winter War: Forgotten Images»[59] и подготовленный сотрудниками Российского государственного военного архива (РГВА) фотоальбом «Советско-финляндская война 1939–1940. Бои на Карельском перешейке»[60], изданные

в 2014–2015 гг. Очень любопытным изданием оказалась книга выборгского краеведа М. М. Мусина «Советско-финляндская война (30.11.1939 г. – 13.03.1940 г.) в открытках»[61], где были опубликованы советские открытки, посвященные событиям этой войны.

Нельзя не упомянуть также справочные издания, такие как книги памяти погибших и пропавших без вести военнослужащих РККА в период «зимней войны», вышедшие в свет в 1990–2000 гг. На данный момент уже опубликованы Книги памяти по Российской Федерации[62], Вологодской[63] и Ленинградской областям[64]. Наибольшее значение имеет вышедшая в издательстве «Патриот» 8-томная «Книга памяти: Российская Федерация. 1939–1940 гг.: Советско-финляндская война», куда внесены все погибшие в ходе войны. Нужно отдельно отметить 8-томную «Книгу памяти: Российская Федерация: Ленинградская область: Советско-финляндская война 1939–1940», которая содержит в себе не только поименные списки погибших, но также различные документы и очерки по истории «зимней войны».

Наконец, стоит упомянуть недавно вышедший труд П. В. Петрова «Зимняя война 1939–1940 гг. Библиография 1939–2011 гг.», подготовленный совместно с финскими историками К. Ф. Геустом, А. Уйтто и П. Крузе [65]. Эта книга, вышедшая в 2013 г., представляет собой первую полную отечественную библиографию советско-финляндской войны, систематизированную по хронологии и видам изданий. Книга также дополнена историографическими обзорами имеющейся литературы, сделанными как российскими, так и финскими авторами.

Подводя итоги развития отечественной историографии периода 1999–2018 гг., связанной с освещением событий советско-финляндской войны, следует отметить, что в результате значительных усилий, предпринятых российскими и финскими историками, уже обстоятельно изучен целый ряд важных аспектов, связанных с ее историей. Обстоятельно изучены дипломатические отношения между СССР и Финляндией в период 1930-х гг., советско-финские дипломатические переговоры в Москве в октябре—ноябре 1939 г., пограничный инцидент у деревни Майнила, создание и деятельность «терийокского правительства», а также военная помощь Финляндии со стороны западных стран и их планы участия в войне, боевые действия Красной армии на Карельском перешейке, в Приладожье, Северной Карелии и Заполярье, боевая деятельность Краснознаменного Балтийского и Северного флотов, судьба финских и советских военнопленных в период войны, мирные переговоры между СССР и Финляндией в январе—марте 1940 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В данном обзоре представлены отечественные исследования, изданные в России и за рубежом, а также иностранные издания, выпущенные в России.

[2] Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М., 1999.

[3] Тайны и уроки зимней войны 1939–1940: По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000.

[4] «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель—май 1940 г.): Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М.; СПб., 2004.

[5] Зимняя война 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии: Исследования, документы, комментарии: К 70-летию советско-финляндской войны. М., 2009.

[6] Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД: По материалам Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. СПб., 2010.

[7] Виипури (Выборг). 1940 год: Документы. Выборг, 2009.

[8] Приказываю решительно прекратить представление таких разведсводок… Разведывательные сводки 5-го Управления НКО СССР за период советско-финляндской войны. М., 2018.

[9] Там же. С. 10–21.

[10] Там же. С. 62–70, 365–389.

[11] Зимняя война 1939–1940. Кн. 1 (Политическая история). М., 1999. (В Финляндии оба тома были изданы в 1997 г. под названиями: Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisodan poliittinen historia. Juvaskyla, 1997. Puna-Armeija. Stalinin tentissa. Talvisodan jalkipuinti Kremlissa 14–17.4.1940. Helsinki, 1997.)

[12] *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.). СПб.; Хельсинки, 2003.

[13] *Барышников Н. И.* Финляндия. Из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010. С. 247–369.

[14] *Барышников Н. И., Лайдинен Э. П.* Из истории советско-финляндских отношений: Избранное. СПб., 2013. С. 42–115.

[15] К 70-летию начала Второй мировой войны: Исследования, документы, комментарии: Коллективная монография. М., 2009.

[16] Там же. С. 315–398.

[17] Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 томах. Т. 2. Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 334–363.

[18] *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. СПб., 2009.

[19] *Веригин С. Г.* Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2012.

[20] *Веригин С. Г.* Под чужими знаменами: военный коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны (1939–1945). Петрозаводск, 2016.

[21] *Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямяряйнен Ю.* Заложники Зимней войны: (интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период Зимней войны 1939–1940 годов). Петрозаводск; Йоэнсуу; Суомуссалми, 2004.

[22] См.: *Барышников В. Н.* К вопросу о бомбардировке финской столицы авиацией КБФ в начале «зимней войны» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2001. № 2. С. 66–71; *Барышников В. Н.* Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского военного планирования 1932–1941 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002. № 3. С. 93–101; *Барышников В. Н.* Роль Э. Эркко в окончании советско-финляндской войны 1939–1940 гг. (По материалам архива Министерства иностранных дел Финляндии) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2005. № 6. С. 42–52; *Барышников В. Н.* Секретная переписка Министерства иностранных дел Финляндии с дипломатическим представительством в Москве (октябрь—ноябрь 1939 г.) как источник по изучению проблем кануна «зимней войны» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2008. № 9. С. 236–273; *Журавлев Д. А.* Обобщение опыта медицинского обеспечения Красной Армии в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2007. № 8. С. 224–240; *Журавлев Д. А.* Организация медицинской помощи раненым и больным в Ленинграде во время советско-финляндской войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002. № 3. С. 80–85; *Кутузов В. А., Демидов В. И.* А. А. Жданов и советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2007. № 8. С. 51–71; *Лазарев А. В.* Ленинградское радио в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2005. № 6. С. 272–276; *Петров П. В.* Финская береговая оборона на Ладожском озере и борьба с ней Ладожской военной флотилии в период советско-финляндской войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2014. № 15. С. 152–164; *Петров П. В.* Финские военнопленные на Балтике в период «зимней войны» 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2017. № 18 (1–2). С. 103–110; *Петров П. В.* К вопросу о безопасности Ленинграда с моря в 1939–1941 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2009. № 10. С. 204–217; *Репневский А. В.* «Зимняя война» в политике Норвегии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2005. № 6. С. 134–147 и др. Общий перечень этих работ см. в списке литературы, находящемся в конце статьи.

[23] 105 дней «зимней войны»: К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939–1940 гг. СПб., 2000.

[24] От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.: Сборник статей. СПб., 2006.

[25] От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.: Сборник статей. СПб., 2006. 452 с.

[26] Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 17 (№ 2): Тематический выпуск: Россия, Финляндия и Скандинавия: Проблемы взаимовосприятия: Материалы шестых Барышниковских чтений (25 сентября 2016 г.). Выборг, 2016. Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 19 (№ 2). Тематический выпуск: Россия, Финляндия и Скандинавия: ключевые события истории. К столетию Великой

революции в России и независимости в Финляндии: Материалы седьмых Барышниковских чтений (23 сентября 2017 г.). Выборг, 2018.

[27] *Петров П., Степаков В., Фролов Д.* Война в Заполярье 1939–1940 гг. Хельсинки, 2002.

[28] *Якимович К. В.* Тайпале. Сто дней кровопролитного сражения советско-финской войны 1939–1940 гг. СПб., 2002.

[29] *Якимович К. В.* На фланге линии Маннергейма. Битва за Тайпале. М., 2010.

[30] Советско-финляндская война 1939–1940. Т. 1–2. СПб., 2003.

[31] *Аптекарь П. А.* Советско-финские войны. М., 2004.

[32] *Иринчеев Б.* Забытый фронт Сталина. М., 2008.

[33] Там же. С. 9–157.

[34] *Иринчеев Б.* Оболганная победа Сталина. Штурм Линии Маннергейма. М., 2009.

[35] *Сейдин И. И.* Линия Маннергейма и Красная Армия (30 ноября 1939–22 июня 1941). СПб., 2012.

[36] *Килин Ю., Раунио А.* Сражения зимней войны. Петрозаводск, 2014. Впервые она была опубликована на финском языке в 2005 году.

[37] *Фесенко Ю. Н., Шалковский А. Г.* Накануне войны. СПб., 2010.

[38] *Коломиец М. В.* Танки в зимней войне 1939–1940 // Фронтовая иллюстрация. 2001. № 3. М., 2001.

[39] *Коломиец М. В.* Танки в Финской войне 1939–1940 гг. М., 2013.

[40] *Коломиец М. В.* Зимняя война. «Ломят танки широкие просеки». М., 2014, 2017.

[41] *Иринчеев Б. К.* Танки в зимней войне. М., 2013.

[42] *Геуст К.-Ф.* ВВС РККА на финской войне. СПб., 2014.

[43] *Geust C.-F., Tirkeltaub S., Petrov G.* Red Stars. Vol. 5. Baltic fleet Air Force in the Winter War. Hämeenlinna, 2004; *Geust C.-F.* Red Stars. Vol. 7. The Winter War in the air. Tampere, 2011.

[44] *Никитин В. В.* Пылающие города. Советские бомбардировщики в небе Финляндии 1939–1944. СПб., 2015.

[45] *Степаков В. Н., Тиркельтауб С. В.* Против Финляндии: Советская морская авиация на Балтике в войне 1939–1940 годов. СПб., 2000.

[46] *Петров П., Степаков В., Фролов Д.* Война в Заполярье 1939–1940 гг. Хельсинки, 2002. С. 8–73.

[47] *Петров П. В.* Балтийский флот. Финский гамбит. М., 2005.

[48] *Петров П. В.* «Зимняя война». Балтика 1939–1940. Хельсинки, 2008.

[49] Также весьма интересным является, подготовленная в 2002 г. д. в. н. А. В. Плотоновым рассекреченная исследовательская работа, выполненная офицерами Исторической комиссии ВМФ после окончания «зимней войны», — «Советско-финляндская война 1939–1940. Боевые действия на море».

[50] *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Финская разведка против Советской России: специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2004.

[51] *Веригин С. Г.* Советская контрразведка против финских спецслужб (1939–1944). М., 2018.

[52] *Будко А. А., Иванькович Ф. А.* Военная медицина СССР и Финляндии в Советско-финляндской (Зимней) войне 1939–1940 гг. СПб., 2005.

[53] *Булгаков Д. В., Турков А. Г.* Тыл Красной Армии в советско-финляндской войне (1939–1940 гг.). М., 2008.

[54] *Балашов Е. А., Степаков В. Н.* Линия Маннергейма и система финской долговременной фортификации на Карельском перешейке. СПб., 2000.

[55] *Балашов Е. А., Орехов Д. И., Кишкурно Я. А.* Линия Маннергейма и система долговременной фортификации Финляндии 1919–1940 гг. СПб., 2002.

[56] *Балашов Е. А.* Линия Маннергейма. Оборонительный щит Финляндии: от идеи до воплощения. СПб., 2009.

[57] *Фролов Д. Д.* Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. Хельсинки, 2009.

[58] *Никитин В. В.* Финская армия: русский след. Люди и оружие. СПб., 2017.

[59] *Иринчеев Б.* Финская война. Забытые кадры // Winter War: Forgotten Images. Хельсинки, 2014.

[60] Советско-финляндская война. 1939–1940. Бои на Карельском перешейке: Фотоальбом. М., 2015.

[61] *Мусин М.* Советско-финляндская война (30.11.1939 г.—13.03.1940 г.) в открытках. Выборг, 2015.

[62] Книга памяти: Российская Федерация. 1939–1940 гг.: Советско-финляндская война. Т. 2–9. М., 1999–2005.

[63] Книга памяти: Российская Федерация. Вологодская область: Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Вологда, 1995.

[64] Книга памяти: Российская Федерация. Ленинградская область: Советско-финляндская война 1939–1940. Т. 1–8. СПб., 2001–2010.

[65] *Петров П. В.* Зимняя война 1939–1940 гг.: Библиография 1939–2011 гг. (Venäläinen talvisotakirjallisuus. Bibliografia 1939–2011). Хельсинки, 2013.

ЛИТЕРАТУРА

Аптекарь П. А. Советско-финские войны. М.: Яуза; Эксмо, 2004. 384 с.

Балашов Е. А. Линия Маннергейма. Оборонительный щит Финляндии: от идеи до воплощения. СПб.: Карелико, 2009, 2010. 175 с.

Балашов Е. А. Роль Сергея-Йохана Фабрициуса в создании «линии Маннергейма» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2012. № 13. С. 295–308.

Балашов Е. А., Степаков В. Н. Линия Маннергейма и система финской долговременной фортификации на Карельском перешейке. СПб.: Нордмед-Издат, 2000. 84 с.

Барышников В. Н. Анализ положения в Финляндии в октябре 1939 г. (по информационным материалам разведки штаба КБФ) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2001. № 2. С. 58–62.

Барышников В. Н. Военный аспект проблемы Ленинграда в советско-финляндских отношениях конца 30-х годов // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2009. № 1. С. 439–444.

Барышников В. Н. Изучение советско-финляндской войны в отечественной историографии XX века // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 55–64.

Барышников В. Н. К вопросу о бомбардировке финской столицы авиацией КБФ в начале «зимней войны» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2001. № 2. С. 66–71.

Барышников В. Н. К вопросу о различиях в подходе к образованию т. н. «русского правительства» у руководства Финляндии в период «зимней войны» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2004. № 5. С. 55–72.

Барышников В. Н. О судьбе финского населения на занятой советскими войсками территории Финляндии в 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2007. № 8. С. 72–76.

Барышников В. Н. Переписка Генштаба Красной Армии с командованием Ленинградского военного округа как источник по истории подготовки СССР осенью 1939 г. войны с Финляндией // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2012. № 13. С. 309–322.

Барышников В. Н. План «петсамской операции» 1940 г. западных союзников по материалам Архива Министерства иностранных дел Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2009. № 10. С. 116–129.

Барышников В. Н. Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского военного планирования 1932–1941 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002. № 3. С. 93–101.

Барышников В. Н. Протоколы Государственного совета Финляндии 1939–1940 гг. как источник по изучению проблемы окончания «зимней войны» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2006. № 7. С. 268–280.

Барышников В. Н. Роль А. А. Жданова в создании и деятельности т. н. «терийокского правительства» (1939–1940 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2003. № 4. С. 99–110.

Барышников В. Н. Роль Э. Эркко в окончании советско-финляндской войны 1939–1940 гг. (По материалам архива Министерства иностранных дел Финляндии) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2005. № 6. С. 42–52.

Барышников В. Н. Секретная переписка Министерства иностранных дел Финляндии с дипломатическим представительством в Москве (октябрь—ноябрь 1939 г.) как источник по изучению проблем кануна «зимней войны» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2008. № 9. С. 236–273.

Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 208 с.

Барышников В. Н. Этапы штурма советскими войсками в 1939–1940 гг. «линии Маннергейма» // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 74–98.

Барышников Н. И. Финляндия. Из истории военного времени 1939–1944. СПб.: Наука, 2010. 407 с.

Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах “терийокского правительства” (1939–1940 гг.). СПб.; Хельсинки: Johan Beckman Institute, 2003. 362 с.

Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Из истории советско-финляндских отношений: Избранное. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. 495 с.

Бекман Й. К проблеме существующих искажений в отражении истории «зимней войны» в финской историографии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2011. № 12. С. 320–326.

Бочков Е. А. Транспортное обеспечение Красной Армии в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2009. № 10. С. 140–151.

Будко А. А., Иванькович Ф. А. Военная медицина СССР и Финляндии в Советско-финляндской (Зимней) войне 1939–1940 гг. СПб.: Изд-во ВММ МО РФ, 2005. 289 с.

Булгаков Д. В., Турков А. Г. Тыл Красной Армии в советско-финляндской войне (1939–1940 гг.). М.: НПП Технотрасттрейд, 2008. 270 с.

Васара В.-Т. Отношение финской общественности к русским накануне «зимней войны» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2011. № 12. С. 108–114.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 томах. Т. 2. Происхождение и начало войны. М.: Кучково поле, 2012. 1008 с.

Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. СПб.: Изд-во ПетрГУ, 2009. 544 с.

Веригин С. Г. Под чужими знаменами: военный коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны (1939–1945). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 123 с.

Веригин С. Г. Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 256 с.

Веригин С. Г. Советская Карелия в «зимней войне» 1939–1940 гг. От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 131–140.

Веригин С. Г. Советская контрразведка против финских спецслужб (1939–1944). М.: Вече, 2018. 320 с.

Веригин С. Г., Лайдинен Э. П., Кямяряйнен Ю. Заложники Зимней войны: (интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период Зимней войны 1939–1940 годов). Петрозаводск, Йоэнсуу; Суомуссалми: Изд-во ПетрГУ, 2004. 212 с.

Гехт А. Б. Военная помощь Финляндии со стороны Швеции в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. № 17 (1). С. 122–128.

Гёуст К.-Ф. ВВС РККА на финской войне. СПб.: Историко-культурный центр Карельского перешейка, 2014. 410 с.

Гёуст К.-Ф. Международная помощь финским военно-воздушным силам во время Зимней войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2006. № 7. С. 105–131.

Гёуст К.-Ф. Финские разведывательные аэрофотосъемки до «зимней войны» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2007. № 8. С. 207–223.

Гуляев Д. А. Советская дипломатия и деятельность Коминтерна в Швеции в контексте борьбы коалиции союзников и Германии за влияние в Северной Европе 1939–1943 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. № 17 (2). С. 105–109.

Зимняя война 1939–1940. Кн. 1 (Политическая история). М.: Наука, 1999. 382 с.

Жуков С. А. Об оценке работы тыла советских войск в период «зимней войны» 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2009. № 10. С. 140–151.

Журавлев Д. А. Больницы и клиники научно-исследовательских институтов Ленинграда в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. № 17 (1). С. 235–240.

Журавлев Д. А. Взаимодействие гражданских и военных органов при создании системы медицинской помощи в Ленинграде во время советско-финляндской войны// Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2005. № 6. С. 148–162.

Журавлев Д. А. Влияние боевых действий на социально-экономическую обстановку в Ленинграде в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2004. № 5. С. 122–137.

Журавлев Д. А. Здравоохранение Ленинграда накануне советско-финляндской войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2003. № 4. С. 166–174.

Журавлев Д. А. История болезни финских военнопленных в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. как исторический источник// Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2006. № 7. С. 296.

Журавлев Д. А. Лечебные учреждения Ленинграда после окончания советско-финляндской войны: уроки и просчеты // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2012. № 13. С. 148–157.

Журавлев Д. А. Медицинские работники Ленинграда в период светско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2009. № 10. С. 152–166.

Журавлев Д. А. Настроения военнослужащих и гражданского населения в период советско-финляндской войны 1939–1940 (по материалам Политического управления КБФ) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2008. № 9. С. 125–139.

Журавлев Д. А. Обобщение опыта медицинского обеспечения Красной Армии в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2007. № 8. С. 224–240.

Журавлев Д. А. Организация социальной помощи инвалидам советско-финляндской войны в 1940–1941 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2010, № 11. С. 145–151.

Журавлев Д. А. Организация медицинской помощи раненым и больным в Ленинграде во время советско-финляндской войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002. № 3. С. 80–85.

Журавлев Д. А. События и образы советско-финляндской войны в фондах Военно-медицинского музея// Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2013. № 14. С. 287–292.

Журавлев Д. А. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. в воспоминаниях медиков // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2011. № 12. С. 310–319.

Журавлев Д. А., Панов Р. А. Роль медицинских и научных учреждений Ленинграда в организации лечения обморожений в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2017. № 18 (1–2). С. 81–85.

Иринчеев Б. Забытый фронт Сталина. М.: Яуза; Эксмо, 2008. 368 с.

Иринчеев Б. Оболганная победа Сталина. Штурм Линии Маннергейма. М.: Яуза, 2009. 480 с.

Иринчеев Б. Танки в зимней войне. М.: Тактикал пресс, 2013. 191 с.

Иринчеев Б. Финская война. Забытые кадры. 75 лет советско-финской войны / Winter War: Forgotten Images. Выборг: Историко-культурный центр Карельского перешейка, 2014. 191 с.

Исотало С. Выстрелов в Майнило не было // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 66–68.

К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии: Коллективная монография. М.: ИРИ РАН, 2009. 488 с.

Катцова М. А. «Коллективная небезопасность» Северной Европы: кризис сотрудничества Скандинавских стран и Финляндии осенью 1939 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2011. № 10. С. 169–202.

Килин Ю., Раунио А. Сражения зимней войны. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 320 с.

Книга памяти: Российская Федерация. 1939–1940 гг.: Советско-финляндская война. Т. 2–9. М.: Патриот, 1999–2005. Т. 2. 549 с.; Т. 3. 717 с.; Т. 4. 717 с.; Т. 5. 718 с.; Т. 6. 718 с.; Т. 7. 718 с.; Т. 8. 701 с.; Т. 9. 701 с.

Книга памяти: Российская Федерация: Ленинградская область: Советско-финляндская война 1939–1940. Т. 1–8. СПб.: Вести, 2001–2010. Т. 1. 429 с.; Т. 2. 263 с.; Т. 3. 294 с.; Т. 4. 262 с.; Т. 5. 282 с.; Т. 6. 257 с.; Т. 7. 321 с.; Т. 8. 264 с.

Коломиец М. В. Зимняя война. «Ломят танки широкие просеки». М.: Яуза, 2014. 320 с.

Коломиец М. В. Танки в зимней войне 1939–1940 // Фронтовая иллюстрация. 2001. № 3. М.: Стратегия КМ, 2001. 85 с.

Коломиец М. В. Танки в Финской войне 1939–1940 гг. М.: Эксмо; Стратегия КМ; Яуза, 2013. 144 с.

Кутузов В. А., Демидов В. И. А. А. Жданов и советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2007. № 8. С. 51–71.

Лазарев А. В. Ленинградское радио в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2005. № 6. С. 272–276.

Лазарев А. В. Характерные этапы в изложении событий советско-финляндской войны 1939–1940 годов ленинградской периодической печатью // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 1999. № 1. С. 451–454.

Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России: специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2004. 293 с.

Макуров В. Г. «Зимняя война» глазами ее участников // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 99–108.

Марьевский М. Б. Датская пресса о советско-финской войне 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2005. № 6. С. 277–287.

Межевич Н. М. Проблема безопасности Балтийского флота в контексте вопроса о причинах советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2001. № 2. С. 55–62.

Мусаев В. И. Роль Карельского укрепленного района в обеспечении безопасности Ленинграда в 1930-е гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2012. № 13 С. 158–169.

Мусин М. Советско-финляндская война (30.11.1939 г.—13.03.1940 г.) в открытках. Выборг, 2015.

Никитин В. В. Пылающие города. Советские бомбардировщики в небе Финляндии 1939–1944. СПб.: Карелико, 2015. 367 с.

Никитин В. В. Финская армия: русский след. Люди и оружие. СПб.: Остров, 2017. 367 с.

От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг.: Сборник статей / Под ред. В. Н. Барышникова, Т. Н. Гордецкой и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 452 с.

Петров П. В. Балтийский флот. Финский гамбит. М.: Эксмо; Яуза, 2005. 432 с.

Петров П. В. «Зимняя война». Балтика 1939–1940. Хельсинки: RME Group Oy, 2008. 480 с.

Петров П. В. Война в Заполярье 1939–1940 гг. (К вопросу об оперативном планировании на Северном флоте) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002. № 3. С. 86–92.

Петров П. В. Зимняя война 1939–1940 гг. Библиография 1939–2011 гг. (Venäläinen talvisotakirjallisuus. Bibliografia 1939–2011). Helsinki: Docendo Oy, 2013. 384 с.

Петров П. В. К вопросу о безопасности Ленинграда с моря в 1939–1941 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2009. № 10. С. 204–217.

Петров П. В. К вопросу о потерях Советского Военно-Морского Флота в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы, 2015. № 16. С. 121–130.

Петров П. В. Ленинградская промышленность в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.: создание новых образцов вооружения и техники // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. № 17 (2). С. 74–80.

Петров П. В. Оперативное планирование на Краснознаменном Балтийском флоте в 1935–1941 гг. // // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2011. № 12. С. 203–226.

Петров П. В. Оперативно-тактические игры КБФ в конце 1930-х гг. (Итоги и уроки) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2005. № 6. С. 204–212.

Петров П. В. Проблема безопасности Ленинграда в период Второй мировой войны (По материалам оперативного планирования КБФ накануне советско-финляндской войны 1939–1940 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2001. № 2. С. 62–66.

Петров П. В. Проблема морской блокады Финляндии в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. (Действия подводных сил Краснознаменного Балтийского флота) // От войны к миру: СССР и Финляндия 1939–1944 гг. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 109–121.

Петров П. В. Красная Араия глазами финского командования: уроки советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2003, № 4. С. 275–282.

Петров П. В. Состояние командных кадров на Краснознаменном Балтийском флоте в 1935 — начале 1941 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2013. № 14. С. 223–234.

Петров П. В. Уроки советско-финляндской войны на море (По материалам совещания командно-начальствующего состава ВМФ в Ленинграде 13–14 марта 1940 г.). // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2001. № 2. С. 71–74.

Петров П. В. Финская береговая оборона на Ладожском озере и борьба с ней Ладожской военной флотилии в период советско-финляндской войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2014. № 15. С. 152–164.

Петров П. В. Финские военнопленные на Балтике в период «зимней войны» 1939–1940 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2017. № 18 (1–2). С. 103–110.

Петров П., Степаков В., Фролов Д. Война в Заполярье 1939–1940 гг. Хельсинки: Institute for Russian and East European Studies, 2002. 121 с.

Репневский А. В. «Зимняя война» в политике Норвегии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2005. № 6. С. 134–147.

Сейдин И. И. Линия Маннергейма и Красная Армия (30 ноября 1939–22 июня 1941). СПб.: Гйоль, 2012. 446 с.

Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Боевые действия на море. СПб.: Остров, 2002. 200 с.

Советско-финляндская война 1939–1940. СПб.: Полигон, 2003. Т. 1. 544 с. Т. 2. 640 с.

Советско-финляндская война. 1939–1940. Бои на Карельском перешейке: Фотоальбом / Сост. А. Р. Ефименко, И. В. Успенский. М.: Новалис, 2015. 184 с.

Степаков В. Н., Тиркельтауб С. В. Против Финляндии: Советская морская авиация на Балтике в войне 1939–1940 годов. СПб.: Б&К, 2000. 70 с.

105 дней «зимней войны»: К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939–1940 гг. СПб.: б/и, 2000. 118 с.

Уитто А. «Линия Маннергейма» — легенда «зимней войны» 1939–1940 гг.// Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2011. № 10. С. 304–309.

Уйтто А. Полуостров Ханко как роковой вопрос в 1939–1941 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2012. № 13. С. 250–256.

Фесенко Ю. Н., Шалковский А. Г. Накануне войны. СПб.: Галея Принт, 2010. 545 с.

Фролов Д. Д. Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. Хельсинки: RME Group Oy; СПб.: Алетейя «Историческая книга», 2009. 639 с.

Якимович К. В. На фланге линии Маннергейма. Битва за Тайпале. М.: Вече, 2010. 320 с.

Якимович К. В. Тайпале. Сто дней кровопролитного сражения советско-финской войны 1939–1940 гг. СПб.: б/и, 2002. 184 с.

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

А. В. Мельнов

СТРОИТЕЛЬСТВО ШВЕДСКО-НЕМЕЦКОГО СОБОРА ПЕТРА И ПАВЛА В ВЫБОРГЕ

Лютеранский собор Свв. Петра и Павла, расположенный в исторической части Выборга (Linnoitus), — это ценнейший памятник среди культовых построек города. На протяжении более двух столетий собор не подвергался кардинальным перестройкам, а также не пострадал от огня и разрушений в годы Второй мировой войны. Лишь в советский период здание утратило элементы интерьера, поскольку было приспособлено под солдатский клуб и кинотеатр. Кроме того, строительство собора связано с именем выдающегося петербургского архитектора Ю. М. Фельтена. Однако до настоящего момента не существовало отдельных публикаций на русском языке, посвященных значимому выборгскому собору[1].

В Провинциальном архиве города Миккели в фонде «Выборгский магистрат» отложились документы, проливающие свет на историю строительства собора Свв. Петра и Павла в Выборге[2]. Этот комплекс документов на немецком, шведском и русском языках был исследован в начале 1920-х гг. лектором Х. Хультином и педагогом Карле Аугустом Соиккели[3] по заданию настоятеля шведско-немецкого прихода — Карла Густава Эмануэля Мосандера[4]. Результат изысканий, краткий реферат архивных документов, был опубликован на шведском языке в формате небольшой малотиражной брошюры «Petri–Pauli kyrkan I Wiborg: Drag ur kyrkans historia»[5] [Собор Петра и Павла в Выборге: К истории собора][6]. Примечательно, что автором работы указан настоятель прихода, в то время как во вступительной статье упомянуто, что работа с документами, а также «процесс толкования и переписывания госпожой Б. Виттинг и преподавателем Ф. М. Швиндтом» были коллективной работой[7]. Необходимость исследования документов по истории собора, касающихся территориальных владений, была продиктована планами общины по строительству приходского дома.

Шведский лютеранский приход появился в Выборге не позже 1574 г. и занимал здание Старого кафедрального собора[8]. В ходе осады города в 1710 г. храм был сильно поврежден русской артиллерией, а затем вместе с окружающей территорией перешел во владение Русской православной церкви. Вследствие понесенных потерь приход имел право на компенсацию, благодаря чему шведы получили возможность проводить богослужения в бывшем Доминиканском соборе, принадлежавшем финскому городскому и волостному приходам. Немецкой общине отошло помещение в отремонтированном здании ратуши. Несмотря на то что шведы покрыли довольно большую часть расходов по восстановлению храма после осады, их отношения с финнами оставляли желать лучшего. В финском приходе существовал обычай хоронить усопших под полом собора, в результате чего под ним образовалось три слоя гробов, распространявших по храму невыносимый смрад. Когда в 1755 г. шведы подняли вопрос об отмене обычая, финны начали утверждать, что те «пытаются вытеснить их из храма»[9].

В XVIII в. в Выборге немецкий язык стал постепенно вытеснять шведский язык из официального обращения и даже из повседневного обихода. В 1727 г. немецкий язык стал официальным языком города, а в 1743 г. был утвержден отдельный немецкий приход[10]. Аделаида Хаусвольф, девушка из шведской Финляндии, посетившая Выборг в 1809 г., в своем дневнике обратила особое внимание на статус шведского языка: «…все, кто исповедуют… лютеранство (а это делает большая часть населения), называют себя немцами, их родной язык — немецкий, хотя они родом из нашей старой Финляндии… каждый благородный человек говорит на 4–5 языках … хотя шведский, видимо, уйдет вместе с нынешним поколением»[11]. Не менее интересно замечание Аделаиды об одной из ключевых фигур в истории строительства собора Петра и Павла — немецком пробсте А. Вале, а вернее, его жене и двух дочерях, не знавших ни слова по-шведски[12].

Шведский и немецкий приходы объединились, для того чтобы решить проблему получения отдельного здания собора. По предложению городского главы Генриха Вильгельма Ладо городской совет 30 сентября 1790 г. направил выборгскому правителю Карлу фон Гюнтцелю[13] письменное ходатайство о том, чтобы поврежденный кафедральный собор, который «использовался в качестве склада, был передан с принадлежащей ему территорией и колокольней шведскому и немецкому приходам для создания общего храма… Ежели сие ходатайство удовлетворить нельзя… городской совет просит, чтобы возведение общего собора было осуществлено на пустом участке между старыми и новыми Санкт-Петербургскими городскими воротами, чем скорее — тем лучше»[14]. Для

успешного прохождения проекта через российские бюрократические инстанции ему придали нарочито немецкий оттенок. В последующем из концепции строительства собора слово «шведский» старательно вычеркнули. В 1920-х гг. К. Г. Э. Мосандер оставил следующее объяснение: «…поскольку было бы неблагоразумно просить о каких-либо привилегиях для шведов — потомков врагов Российской империи на западе»[15]. Для получения одобрения в Петербурге, в прошении было указано, что собор получит имя «Святой Екатерины» в честь императрицы.

Согласно панораме Выборга из атласа Мордвинова 1780 г., на месте, отведенном для строительства собора, еще сохранялась деревянная жилая застройка, появившаяся там после пожара 1738 г.[16] В течение 1791 г. ходатайство городского совета рассматривалось в высших инстанциях, и 15 сентября 1792 г. правитель Гюнтцель подписал резолюцию о возведении собора, о чем Ладо объявил городскому совету. К резолюции прилагался чертеж собора, выполненный «губернским архитектором» Иоганном Брокманом[17], а также смета на 25 000 рублей и описание работ, рассчитанных на три года[18]. К сожалению, первоначальный чертеж собора, как и все последующие чертежи и обмеры, были таинственным образом утрачены уже к началу Второй мировой войны[19].

В апреле 1793 г. правитель наместничества Гюнтцель обнаружил, что пропорции в чертежах Брокмана не везде рассчитаны правильно, и предложил строительному комитету отправить чертежи «осведомленному в искусстве государственному советнику фон Фельтену»[20] в Петербург для внесения в них некоторых изменений, с сохранением изначальной площади собора. К 1 июня того же года фон Фельтен прислал новый чертеж, в соответствии с которым собор был возведен под руководством архитектора И. Брокмана[21]. Разница между первоначальными чертежами выборгского архитектора и доработанными Ю. М. Фельтеном нам неизвестна, поскольку первоначальные планы и прорисовки фасадов утрачены. Лишь в атласе Выборгской губернии 1802 г. помещены рисунок фасада и план построенного собора, вероятно скопированные с оригинальных чертежей петербургского архитектора[22].

На одном из заседаний городского совета бургомистр Ладо предложил «создать для экономии средств комиссию, состоящую из нескольких представителей каждого сословия, относящихся к шведскому и немецкому приходам». Помимо Ладо, занявшего пост председателя, в комиссию вошли надворные советники Я. Грён и Я. фон Райзенштайн, советник Петер Берг и торговец Якоб Лунд[23].

Осенью 1792 г. в здании Ратуши были проведены первые торги на выбор поставщиков строительных материалов и подрядчиков для выполнения работ по возведению здания. 15 ноября определен постав-

щик кирпича «Мартын Сутгов»[24], заявивший цену 5 рублей 25 копеек за тысячу штук. Всего требовалось поставить 375 000 штук, и, «несмотря на все попытки сторговаться», Сутхофф не выразил желания снизить цену. В свою очередь, отказ от торгов подписали купцы Феоктист Кошелев, Иван Протопопов и Андрей Зубов[25]. В тот же день состоялись торги на поставку 53 саженей цокольного камня серого цвета, а также «четыре базы длиною в четыре фута, высотой и шириной в четыре фута», которые выиграл Иван Михайлович Протопопов[26]. Капитан Аугуст Хагельберг из Вестеркюлла в Хельсинге предложил свои услуги по поставке извести по цене 10 далеров за бочку, который в письме заверил Ладо, что его известь придаст стенам «такую небывалую прочность, что их практически невозможно будет снести»[27]. Тогда же был определен поставщик бруса. К зиме все материалы планировалось привезти на территорию будущего собора[28].

Пробст А. Валь должен был провести церемонию установки закладного камня в четверг 23 июня 1793 г. в 9 часов утра, однако уже во вторник 21 июня в городе вспыхнул пожар. Помимо прочего, огонь уничтожил заложенный под фундамент собора деревянный ростверк[29], а члены строительного комитета остались без крыши над головой[30]. В июле того же года императрица Екатерина II предоставила городу заем в размере 50 тыс. рублей на восстановительные работы, а городской архитектор Иоганн Брокман составил план города, зафиксировавший степень его повреждения от пожара. Согласно плану восстановления, который составил Карл фон Гюнцель в 1794 г., с севера от строящего лютеранского собора предполагалось возвести народное училище, а с юга консисторию лютеранского духовенства[31]. Однако указанные здания так и не были возведены, и это объясняет предусмотренное проектом скромное убранство боковых фасадов собора и апсиды.

Когда 4 июля 1793 г. впервые после пожара собралась комиссия, выяснилось, что протоколы ее заседаний были утрачены в процессе перемещения бумаг городского совета. Двумя днями позже совет решил обратиться к царю с ходатайством касательно того, следует ли продолжать строительство собора или отложить его до лучших времен, а фундамент покрыть временной кровлей. Был ли получен ответ на данное прошение, неизвестно, однако за лето работа над новым ростверком была окончена, и закладной камень планировалось установить во вторник 6 сентября, в присутствии городских жителей и духовенства[32].

Зимой начали привозить строительные материалы. Казалось, все идет по плану, не считая претензии архитектора Брокмана к Сутхоффу из-за того, что тот доставил 5000 кирпичей, не отвечающих «государственным стандартам»[33]. Подобные моменты не проходили незамеченны-

ми — поставщика вызвали на заседание совета и дали указание сделать «пропорциональный вычет» из общей стоимости материалов, а также снабдили формой для кирпичей нужного размера. Согласно меткому замечанию К. Г. Э. Мосандера, комитет, очевидно, не терпел подобного «русского» подхода к строительным работам[34].

Между тем кирпич, доставленный в город для строительства собора, пригодился жителям — после пожара спрос на него резко возрос. Кирпичи выдавали горожанам с тем условием, что они компенсируют их по первому требованию, добавив по 5 кирпичей на каждую взятую сотню. Всего жители забрали 331 550 кирпичей, которые Ладо потребовал незамедлительно возместить после 23 января 1795 г. Среди получателей займа можно обнаружить имена «господина губернатора» (34 400 шт.), советника Грёне (52 750 шт.), Я. Фон Райзенштайна (30 000 шт.), Андрея Ладо (100 шт.)[35].

Андрей Ладо в рапорте выборгскому наместнику предлагал назначить на 20–22 февраля 1794 г. торги по выбору подрядчика, «желающего взять на себя строение оной церквы своими материалами, кроме приготовленнаго на то уже кирпича»[36]. На следующий день из канцелярии выборгского наместника было отправлено доношение в Сенат о разрешении печатать объявление о поиске подрядчика в Сенатской типографии[37]. Однако после пожара смета на строительные работы значительно выросла, 9 сентября архитектор Брокман представил новую смету на сумму 19 271 рубль 98 копеек. Дополнительно появились новые статьи расходов: на мрамор для алтаря 2400 рублей, на кафедру — 250 рублей и на орган — 4000 рублей[38].

Почти год ушел на переписку с новым выборгским наместником князем Фёдором Павловичем Щербатовым по вопросу изыскания новых средств. В ходе собрания представителей обоих приходов, которое состоялось в доме лейтенанта Яниша 22 декабря 1794 г., на пробста Валя была возложена ответственность за сбор пожертвований в Петербурге, Лифляндии и Эстляндии и получение займов от частных лиц на сумму до 10 000 рублей под поручительство прихода. Также комитет планировал попросить обер-коменданта генерал-майора К. Р. Врангеля принять участие в его работе. Результатом сбора на 12 мая 1795 г. стала сумма, собранная среди частных лиц в Дерпте, Риге, Нарве и Петербурге, составившая в 2404 рубля. Позже от Петера Лерануса из Петербурга пришло 395 рублей. Точная сумма всех пожертвований в документах не указана — присутствует лишь запись о том, что лейтенанту Янишу было поручено получить их в Юстиц-коллегии после открытия собора в 1799 г.[39]

В марте 1795 г. комитет решил, что наиболее выгодным будет поручить строительство одному или нескольким подрядчикам, которые

могли использовать собственные материалы, поскольку заказ бруса для колонн у крестьянина Туомаса Литтунена из Муолаа обернулся для комитета определенными неприятностями[40]. Свои услуги в размере 6700 рублей предлагал Степан Сириков, но договор в итоге заключили с соликамским мещанином Андреем Сергеевичем Быбиным[41], запросившим за каменные работы 6100 рублей. Согласно контракту, подрядчик должен был возвести на уже готовом цоколе (кроме крыльца) каменные стены из «железного и красного кирпича» толщиною у основания в 3 ½ кирпича, выше хоров в 3 кирпича. Венчать стены должны были карнизы из «путиловских плит», пол колокольни требовалось покрыть железом, а также установить рамы в оконные проемы собора. Подрядчик имел право привлекать к работам не более 20 человек[42].

К началу 1797 г. над собором уже возвышалась крыша, однако в это же время комитет был вынужден обратиться к князю Щербатову с просьбой о займе на оплату плотницких работ в размере 1107 рублей, иначе строительство пришлось бы приостановить. Не получив ответа, комитет оплатил расходы посредством займов у частных лиц[43].

Для окончания работ над внутренним убранством собора к 1 мая 1797 г. комитет договорился с тремя плотниками. Двери для главного входа планировалось изготовить из архангельского дуба; штукатурные работы, а также закладку 4 кафельных печей поручили Иоакиму Кристиану Сутхоффу, выплатив за них 1624 рубля[44]. Скульптор Сергей Бушев согласился изготовить за 200 рублей из собственного алебастра: «всевидящее око», четыре ионические капители пилястр на главном фасаде и восемь капителей коринфского ордера на колокольне, а также два вазона «28 вершков вышины» для фронтона. Если бы его творения не пережили первую зиму, то Бушев обещал выполнить всё заново[45].

Крыша собора в какой-то момент начала протекать, из-за чего слой штукатурки оказался под угрозой, но Быбин взялся за ремонт и другие мелкие работы. Летом 1798 г. возникла необходимость покрыть фасад собора штукатуркой. Кузнецу Альстрему поручили изготовить замки и засовы по цене 235 рублей, при этом на главных дверях было решено поставить дорогостоящую ручку из латуни. Также для представителей сословий была установлена трехместная скамья напротив кафедры, у лестницы, ведущей на хор. Оконные рамы и скамьи планировали покрасить в цвет дуба, а кафедру — в белый с легкими оттенками голубого[46].

Эскиз изящного алтаря выполнил полковник Фабиан Готхард фон Штейнгель[47]. Полковника сделали членом комитета по строительству собора, поэтому поручили ему узнать во время поездки в Петербург, можно ли приобрести готовое распятие для ниши над алтарем, а также найти две фигуры высотой шесть футов, олицетворяющие «Закон» и «Еванге-

лие»[48]. Полковник Ф. Г. фон Штейнгель привез с собой позолотчика Риглера, который согласился покрыть толстым слоем позолоты «всевидящее око» на алтаре и кафедре, а также покрасить вышеописанные фигуры в серый и белый цвета. Стоимость его услуг составила 325 рублей, из которых 25 рублей покрывали транспортные расходы. Последней задачей полковника стала закупка двух больших посеребренных подсвечников для алтаря[49].

Благодаря находчивости и упорству комитета 27 июня 1799 г. собор был освящен, и приходы смогли договориться о проведении богослужений. Поскольку к моменту освящения храма императрица Екатерина II скончалась и из уважения к новому правителю собор получил имя Святого Павла. Позже, в тридцатых годах XIX в., за храмом закрепилось наименование «собора Петра и Павла»[50].

Комиссия 1 сентября 1799 г. рассчиталась со всеми мастерами, в том числе с Быбиным. При проверке счета, выставленного плотниками, выяснилось, что стоимость работ выросла на 76 рублей 35 копеек из-за недостаточно четких указаний архитектора Брокмана, соответствующую сумму вычли из вознаграждения архитектора за руководство работами. Кроме того, «после должного разъяснения плотники согласились снизить цену на 25 рублей», а кузнец Альстрем по собственной инициативе выставил счет на 17 рублей меньше причитающейся суммы[51]. Быбин еще в январе выставил окончательный счет, но к сентябрю Райзенштайн и Яниш по-прежнему считали, что документ «нуждается в более тщательной проверке». В своем подробно расписанном счете на сумму 871 рубль Быбин отметил, что из указанной суммы «получил 550 рублей, а остальные 321 рубль уступаю церкви»[52].

Комплекс документов строительного комитета, лишь частично опубликованный в брошюре К. Г. Э. Мосандером, является ценнейшим источником по вопросу возведения шведско-немецкого собора Выборга. При этом, несмотря на ряд неточностей и вольных толкований русскоязычных документов, этот источник проливает свет на историю взаимодействия четырех языковых групп в «Старой Финляндии» на рубеже XVIII–XIX вв. Комитету по строительству шведско-немецкого собора удалось избежать интриг, характерных для конкуренции между четырьмя языковыми группами Выборга. Комитет регулярно вел переписку с правителями Выборгского наместничества (с 1796 г. губернии) для благополучного решения текущих проблем, привлечение же к возведению собора представителей высших офицеров (обер-коменданта К. Р. Врангеля и полковника Ф. Г. фон Штейнгеля) объясняется тем, что они были членами прихода в силу своего вероисповедания. Документы, отложившиеся в Провинциальном архиве г. Миккели, с одной стороны,

иллюстрируют взаимодействие шведско-немецкого городского совета Выборга и русского наместничества, а с другой стороны — взаимоотношения шведских, немецких, финских и русских строителей, чиновников, бюргеров и т. д. Документы из этого дела позволили в 2017 г. подготовить историческую справку для проекта реставрации объекта культурного наследия федерального значения «Кирха Петра и Павла, 1796 г.». Делопроизводственные документы позволяют осветить малоизвестные факты строительной истории собора, а также реконструировать процесс возведения памятника.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Небольшие очерки на русском языке встречаются в изданиях: *Кепп Е. Е.* Архитектурные памятники Выборга XIII–XX вв.: Путеводитель. Л., 1977. С. 131–132; *Кепп Е. Е.* Выборг: Художественные достопримечательности. Выборг, 1992. С. 66–67; Vyborg: stolica Staroj Finljandii. Helsinki, 1993. S. 140.

[2] Mikkelin maakunta-arkisto (далее — MMA). Viipurin maistraatti; Viipurin maistraatin arkisto; H sisällön mukaan järjestetyt asiakirjat; Hi Kirkkoja koskevat asiakirjat; Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23.

[3] *Советник канцелярии Каарле Аугуст Соиккели* (1871–1932) — доктор философии, организатор старого архива Выборгского магистрата и составитель его каталога. См.: *Viiste J. O. V.* Viihtyisä vanha Viipuri: kulttuurimuistojen, kuulujen puistojen, kauniiden tornien kaupunki. Porvoo, 1943.

[4] *Карл Густав Эмануэль Мосандер* (1871–1953) — настоятель выборгского шведского прихода в 1920–1930-х гг.. Написал исторический очерк по истории строительства собора Петра и Павла, участвовал в строительстве шведско-немецкого приходского дома. См.: *Viiste J. O. V.* Viihtyisä vanha Viipuri… S. 149.

[5] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg. Drag ur kyrkans historia. Helsingfors, 1923. 15 s. Брошюра является библиографической редкостью, ее не удалось обнаружить в каталогах Российской национальной библиотеки и Национальной библиотеки Финляндии. Экземпляр брошюры с автографом К. Г. Э. Мосандера хранится в коллекции Выборгского объединенного музея-заповедника. Инв. № ВЗ КП-11483. — Режим доступа: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=14514521 (дата обращения: 12.12.2018).

[6] Перевод брошюры со шведского языка был выполнен по заданию Выборгского объединенного музея-заповедника аспиранткой кафедры Скандинавской и нидерландской филологии СПбГУ Н. А. Асеевой в 2017 г. Машинописный перевод хранится в архиве музея-заповедника.

[7] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 1.

[8] *Ruuth J. W.* Viborgs stads historia. Vol. I. Helsingfors: Helsingfors centraltryckeri och bokbinderi, 1903. S. 235.

[9] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 2; *Meurman O.-I.* Viipurin kirkot // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. Osa 6. Helsinki, 1983. S. 98.

[10] *Швейцер Р.* Выборгские немцы // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. СПб., 2005. С. 99–116.

[11] Картины русской жизни. Столица и провинция первой половины XIX века глазами иностранцев. СПб., 2016. С. 90.

[12] Там же. С. 95.

[13] *Карл фон Гюнтцель* — в русской традиции Карл Христианович (Крестьянович) фон Гинцель (1741–1816), генерал-поручик, в 1785–1793 гг. правитель Выборгского наместничества (губернатор).

[14] MMA. Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23. V. 1; *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 2–3.

[15] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 14.

[16] Vyborg: stolica Staroj Finljandii… S. 92–93; *Meurman O.-I.* Viipurin kirkot… S. 99.

[17] *Йоханн Кристиан Брокманн* — в русской традиции Иоганн Брокман (1741–?), уроженец города Гюстров (Мекленбург, Германия), упоминается в качестве плотника в Ревеле (Таллинн), в 1784 г. принят в Ратушу Выборга в должности строительного мастера, с 1785 г. в должности губернского архитектора, проработал в этой должности не менее 20 лет. См.: *Meurman O.-I.* Viipurin arkkitehdit // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. Osa 2. Helsinki, 1977. S. 20–23.

[18] MMA. Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23. V. 5–9; *Mosander K. G.E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 3.

[19] В 1885 г. под руководством старшего архитектора Якоба Аренберга в соборе была произведена реконструкция, а в начале XX в. архитекторы Аллан Шульман и Георг Фразер произвели точные замеры всего здания. — *Viiste J. O. V.* Viihtyisä vanha Viipuri… S. 77.

[20] Примечательно, что при реставрации собора в 1978–1980 гг. на основе сравнительного анализа научным сотрудником Н. В. Мурашовой (Глинка) было установлено авторство Ю. М. Фельтена (1730–1801), в то время как сведения об участии петербургского архитектора в доработке чертежей И. Брокмана содержались в шведскоязычной брошюре К. Г. Э. Мосандера и финскоязычной статье О.-И. Меурмана. См.: *Мурашова Н. В.* Авторство установлено // Строительство и архитектура Ленинграда. 1978. № 2. С. 42–45; *Наумова А.* Творение Фельтена // Выборгский коммунист. № 100. 1981. С. 8; Vyborg: stolica Staroj Finljandii. Helsinki, 1993. S. 140.

[21] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 7; *Meurman O.-I.* Viipurin kirkot… S. 99–100.

[22] MMA. Viipurin kuvernementinhallituksen II arkisto, Viipurin kuvernementin piirustukset, Kartat ja piirustukset Viipurin kuvernementin piireistä, kaupungeista ja julkisista rakennuksista 1802–1803 (Ia:1) — Режим доступа: http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=1397166 (дата обращения: 20.12.2018).

[23] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 6.

[24] *Мартин Мартинссон Сутхофф* (1770–?) — родной брат генерал-майора Николая Ивановича Сутхоффа (Сутгофа).

[25] MMA. Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23. V. 21, 25. Протокол торгов на поставку кирпича на постройку новой лютеранской шведской и немецкой церкви от 15 ноября 1792 г.

[26] Протокол торгов на поставку камня на постройку новой лютеранской шведской и немецкой церкви от 15 ноября 1792 г.; MMA.Viipurin maistraatin arkisto, Hi Kirkkoja koskevat asiakirjat, Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23. V. 29, 31, 33. Контракт на поставку камня… от 15 декабря 1792 г.

[27] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 6; *Кепп Е. Е.* Выборг: Худож. достопримечательности… С. 66–67; MMA. Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23. V. 43–45. Письмо городскому главе Г. В. Ладо от Аугуста Хагельберга, 8 апреля 1793 г.

[28] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 6.

[29] *Ростверк* — верхняя часть свайного или столбчатого фундамента, распределяющая нагрузку от несущих элементов здания.

[30] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 7.

[31] Vyborg: stolica Staroj Finljandii… S. 131–132.

[32] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 8; MMA. Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23. V. 55. Обращение городского главы Г. В. Ладо к Комитету по строительству шведско-немецкого собора, 3 сентября 1793 г.

[33] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 7; MMA. Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23. V. 87. Записка Иоганна Брокмана. Выборг, 18 февраля 1794 г.

[34] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 7.

[35] MMA. Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23. V. 93, 95. Ведомость, сколько отпущено от вновь строящей немецкой кирки кирпича, 9 августа 1794 г.

[36] Ibid. Viipurin maistraatin arkisto. Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23.V. Рапорт Комитета в Выборгское наместничество от 26 января 1794 г.

[37] bid. Доношение Выборгского наместничества в Правительствующий Сенат от 27 января 1794 г.

[38] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 8; *Meurman O.-I.* Viipurin kirkot… S. 102.

[39] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 9; *Meurman O.-I.* Viipurin kirkot… S. 102; MMA. Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23. V. 105.

[40] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 10; MMA. Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23. V. 91.

[41] MMA. Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23. V. 139.

[42] *Mosander K. G.* E. Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 10; *Meurman O.-I.* Viipurin kirkot… S. 103; MMA. Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23. V. 141, 143.

[43] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 10.

[44] Ibid. S. 10; Meurman O.-I. Viipurin kirkot… S. 102–103.

[45] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 10; MMA. Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23. V. 213.

[46] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 12; MMA. Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23. V. 213.

[47] *Фабиан Готхард фон Штейнгель* — в русской традиции Фаддей Фёдорович Штейнгель, в момент возведения собора руководил топографической съемкой в Выборгской губернии, в 1798 г. пожалован в генерал-майоры.

[48] Выборгский искусствовед Е. Е. Кепп в своем путеводителе «Архитектурные памятники Выборга» в качестве скульптура упомянул И. Сучкова, но без ссылки на источник. См.: *Кепп Е. Е.* Архитектурные памятники Выборга XIII–XX вв… С. 131.

[49] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 11–12.

[50] Ibid. S. 14; *Meurman O.-I.* Viipurin kirkot… S. 103.

[51] *Mosander K. G. E.* Petri–Pauli kyrkan i Wiborg… S. 13; MMA. Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23. V. 331.

[52] MMA. Saksalais-ruotsalaisen kirkon rakennuskomitean asiakirjat d 23. V. 331.

ЛИТЕРАТУРА

Кепп Е. Е. Архитектурные памятники Выборга XIII–XX вв.: Путеводитель. Л.: Лениздат, 1977. 216 с.

Кепп Е. Е. Выборг: Художественные достопримечательности. Выборг: Фантакт, 1992. 199 с.

Картины русской жизни. Столица и провинция первой половины XIX века глазами иностранцев. СПб.: Крига, 2016. 443 с.

Крипатова Ю. И. Православные приходы Выборгской губернии в составе Великого Княжества Финляндского // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2009. № 10. С. 381–382.

Мурашова Н. В. Авторство установлено // Строительство и архитектура Ленинграда, 1978. № 2. С. 42–45.

Наумова А. Творение Фельтена // Выборгский коммунист. № 100. 1981. С. 8.

Швейцер Р. Выборгские немцы // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. СПб.: Росток, 2005. С. 99–116.

Meurman O.-I. Viipurin arkkitehdit // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. Osa 2. Helsinki: Viipurin suomalainen kirjallisuusseura, 1977. S. 1–204.

Meurman O.-I. Viipurin kirkot // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. Osa 6. Helsinki: Viipurin suomalainen kirjallisuusseura, 1983. S. 96–106.

Mosander K. G. E. Petri–Pauli kyrkan i Wiborg. Drag ur kyrkans historia. Helsingfors: Mercators tryckeri, 1923. 15 s.

Ruuth J. W. Viborgs stads historia. Helsingfors: Helsingfors centraltryckeri och bokbinderi, 1903. 1089 s.

Schweitzer R. Die Wiborger Deutschen. Helsinki: Saksalaisen kulttuurin edistämissäätiö, 1993. 102 s.

Viipuri: Vanhan Suomen pääkaupunki. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1993. 199 s.

Viiste J. O. V. Viihtyisä vanha Viipuri: kulttuurimuistojen, kuulujen puistojen, kauniiden tornien kaupunki. Porvoo: WSOY, 1943. 144 s.

Т. А. Шрадер

ИСТОРИЯ ШКОЛ ШВЕДСКОЙ И ФИНСКОЙ ЦЕРКВЕЙ СВ. ЕКАТЕРИНЫ И СВ. МАРИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (XIX в.)

История создания шведской школы в Санкт-Петербурге привлекала внимание российских и скандинавских ученых, изучавших вопросы культуры и образования шведов, проживавших в городе со времени его основания. В опубликованных за последнее время монографиях в Швеции и Финляндии существует достаточно интересный материал, отражающий развитие в российской столице начальных школ для детей из шведских и финских семей[1]. Как правило, исследования скандинавских специалистов основаны на материалах национальных архивов в Стокгольме и Хельсинки, а также периодической печати Швеции и Финляндии XIX — начала XX в.

Действительно, петербургские шведы на протяжении истории их пребывания в столице России четко объединялись вокруг церкви Св. Екатерины и именно она стала той основой на которой, собственно, и возникла шведская школа. История образования шведской школы в Петербурге начинается с 8 августа 1824 г., когда конвент при церкви Св. Екатерины направил прошение в Министерство народного образования России об учреждении при ней школы для обучения безденежных бедных малолетних детей. Школу предполагалось открыть в доме при церкви на Малой Конюшенной. А в прошении указывалось, что издержки на содержание помещений, их отопления, освещения, а также на прислугу, оплату работы учителей и все необходимые предметы для обучения, «как-то бумагу, перья, чернила, карандаши, книги, доски», должны быть оплачены конвентом[2]. Получив это прошение, министр народного образования А. С. Шишков переправил его в попечительство Санкт-Петербургского учебного округа, поскольку все образовательные учреждения при иностранных церквях были именно в его ведении[3]. После возникшей затем переписки с представителями шведской церкви на предмет того,

кто в школе будет учителями и под чьим присмотром эта школа будет работать[4], попечитель пришел к выводу, что нет никаких возражений, чтобы открыть такую школу. 12 сентября 1824 г. разрешение официально было получено. Но лишь с одним условием. Шведское церковное общество обязалась полностью исполнять предписываемые ему правила и не определять «в учителя» людей, которые не имели от правительства «дозволения» на обучение[5].

Таким образом школа при церкви Св. Екатерины была открыта. Она была первоначально предназначена только для мальчиков, которых было всего 20 человек. Они должны были пройти обучение Закону Божьему, первым четырем правилам арифметики, а также письму на немецком и русском языках. Школа была поставлена в одинаковые условия с прочими иноверческими училищами города[6].

Шли годы, школа разрасталась, увеличивались программы. В 1846 г. она перешла в ведение инспектора казенных училищ округа. Причем эта школа пользовалась определенной популярностью и к учебе в ее стенах явно проявляли некоторый интерес. В 1854 г. в школе было уже 4 класса. Там уже преподавали не только Закон Божий, православного и лютеранского исповедания, но и церковному пению. В школе обучали русскому, шведскому, немецкому, французскому и латинскому языкам, а также русской, всеобщей и естественной истории, географии, арифметике, геометрии, физике, чистописанию и рисованию. Кроме того, было создано особе отделение для девочек. Для них открыли 3 класса с такими же предметами, что и в мужской школе. Единственным исключением являлось то, что вместо латинского языка и геометрии в женском отделении существовали уроки рукоделия[7].

На 1 января 1853 г. в школе уже обучалось 157 мальчиков и 125 девочек. Таким образом, всего учащихся было 282 человека. Из них только 33 были дворянского сословия, а большинство учащихся по происхождению были из купцов и мещан — 222 человека. Также 27 школьников представляли семьи ремесленников и разночинцев. По вероисповеданиям практически все (215 ученика) являлись лютеранами, что было вполне естественно. Но в школе также еще проходили свое обучение 64 православных ученика и 3 представлявших Римско-католическую церковь[8].

В середине XIX в. в российских официальных документах эта школа стала называться уже финляндским училищем при евангелистическо-лютеранской церкви Св. Екатерины. Изменение этого названия, очевидно, было связано с тем, что это учебное заведение помимо дотации от шведского церковного прихода стало уже ежегодно получать из финляндской казны 857рублей 14 копеек серебром[9]. Причем по переписи от 10 декабря 1869 г. в Петербурге было зарегистрировано 28 лиц швед-

ской национальности, которые занимались воспитанием и образованием юношества[10].

Интересно отметить, что при финской церкви Св. Марии, которая располагалась рядом на улице Большая Конюшенная, тоже находилось училище, состоявшее из недельного отделения для юношей и девушек[11]. Причем в этом воскресном училище, рассчитанном на бедных финских ремесленников преподавание осуществлялось исключительно бесплатно и оно по своему учебному профилю относилось лишь к приходским учебным заведениям[12].

Надо сказать, что по курсу обучения, правилам порядку подчиненности все училища Петербурга при церквях иностранных исповеданий соответствовали трем разрядам российских казенных учебных заведений. Так, в I разряд, к которому относились гимназии, были включены некоторые иноверческие учебные заведения. В частности, такой разряд имело немецкое училище при церквях Св. Петра и Св. Анны. Во II разряд уже входили уездные училища. Причем среди иноверческих в этом разряде находилось и финляндское училище при Евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины, а также реформаторское училище и училище при римско-католической церкви Св. Екатерины. К III разряду относились все остальные учебные заведения, такие как, например, приходские училища.

Естественно, руководство шведским учебным заведением стремилось улучшить свое статусное положение. В этом плане там пытались вести переговоры с министром народного просвещения России. Но эффекта от этих действий было все же довольно мало[13]. Единственное, чего удалось в 1856 г. добиться, — это то, что разрешили шведскому училищу, даже, несмотря на его статус, приравненный к уездным училищам, иметь новую градацию[14]. Но всякое дальнейшее чинопроизводство после этого должно было проходить на общих основаниях уездных училищ Министерства народного просвещения. Чин предлагалось назначать сообразно числу классов и уроков для каждого учителя[15].

Далее, к концу XIX в., при шведской общине появилась еще одна, уже подготовительная, школа, которая размещалась на Выборгской стороне. Тогда в «центральной школе» в 4 классах обучалось в различные годы от 222 до 286 учеников, а число преподавателей колебалось с 11 до 4 учителей и 7 учительниц. В подготовительной же школе у 2 учительниц проходили обучение 63 ученика. По всем классам отводилось по 30 часов на религию и 45 часов на изучение шведского языка[16].

Тем не менее следует учитывать, что учителя школы при церкви Св. Екатерины могли финансово поощряться и со стороны других ведомств и фондов. Так, в 1893 г. по представлению евангелистско-лютеранской генеральной консистории Министерством внутренних дел была

удовлетворена просьба о назначении пенсии в 300 рублей учительнице Марии Раусси, прослужившей 31 год при церковной школе[17]. В 1908 г. Товарищество нефтяного производства «Братьев Нобель» пожертвовало госпоже Эдою Нобель 10 000 рублей с целью «учреждения фонда имени жервовательницы для производства из процентов с оного как единовременных, так и постоянных пособий учительницам при школах шведского прихода с соблюдением условий, изложенных в переводе на русский язык дарственном письме»[18].

В целом шведский приход был не из бедных. Об этом могут свидетельствовать представленные в 1903 г. в Министерство внутренних дел планы церковного совета по перестройке церковного дома, выходящего на Малую Конюшенную. В проект совета входила идея перестроить половину церковного дома, включая надворный флигель, а также надстроить выходящий на Малую Конюшенную еще один флигель в 5 или даже 6 этажей. Более того, планировалось выстроить во дворе церковного дома в виде отдельной пристройки зал, где могли бы для ежегодных базаров, концертов в пользу бедных сирот и т. п. собираться воспитанники шведского прихода. Совет в итоге, согласно смете, составленной архитектором Ф. Лидвалем, был готов израсходовать на эти цели 325 750 рублей[19].

На протяжении многих лет деятельностью шведских школ руководил пастор Каянус. Это был швед, приехавший в Петербург из Финляндии. Сама же община к 1903 г. состояла из 5801 прихожан, из которых 4901 человек были шведами финляндского происхождения и 800 — выходцами из самой Швеции. Кроме того, в общине было еще 35 немцев, а также 65 норвежцев и датчан[20].

Что же касается учебного процесса, то он менялся. Так, в 1880-е гг. преподавание в школе велось исключительно на шведском языке. Однако 18 марта 1892 г. было передано распоряжение Министерства народного просвещения, в котором приписывалось все учебные дисциплины, за исключением лютеранского вероисповедания, уже преподавать исключительно на русском языке[21]. В итоге в 1916 г. ректор школы Хюльден вынужден был признать, что многие его школьники уже плохо владели шведским языком[22]. В результате можно утверждать, что вначале XX в. шведская церковная школа уже явно не пользовалась прежней популярностью среди состоятельных петербургских шведов. Теперь они, как правило, давали свои детям широкое домашнее образование, и их направляли затем учиться преимущественно в немецкие школы. В итоге шведская школа стала основной прежде всего для детей, родители которых имели «средний достаток»[23].

С другой стороны, необходимо заметить, что сам приходской школьный совет состоял из весьма уважаемых и влиятельных людей. Это свиде-

тельствует о внимании шведской общины к своему учебному заведению. Так, в 1910 г. в состав совета входили, например, академик О. А. Баклунд (председатель), доктор медицины Е. А. Перре, магистр философии К. А. Лилиус, пастор Г. Г. Каянус[24].

Тем не менее положение самих учащихся или тех, кто заканчивал шведскую школу в Петербурге, оставалось далеко не блестящим. Об этом можно судить из прошения в адрес Министерства внутренних дел, которое туда поступило от пастора шведской церкви Г. Каянуса в феврале 1904 г. В нем содержалась просьба разрешить утвердить устав общества содействия религиозно-нравственного развития для молодых людей шведского церковного прихода. Пастер писал, что большинство молодых людей этого прихода принадлежат к малосостоятельному или даже неимущему населению столицы. Многие из них, указывал Каянус, вообще были лишены родительского дома. Он прямо отмечал, что часто после конфирмации и даже до нее молодые люди, начиная самостоятельную жизнь, явно продолжали нуждаться в нравственной поддержке. Поэтому предполагаемому обществу, которым должен был руководить комитет, состоявший из пастора прихода и преподавателей церковной школы, предлагалось продолжать заниматься духовным совершенствованием молодых прихожан, которое бы выражалось в чтении книг религиозного и общеобразовательного содержания, а также пении, гимнастике и рукоделии. Министерство внутренних дел России, естественно, утвердило данный устав, и общество приступило к своей работе 30 января 1905 г.[25]

В заключение можно сказать, что почти столетняя деятельность школы давала возможность детям прихожан, относящихся к различным слоям общества, получить образование на уровне уездного училища России, а может быть, даже и более широкое. В целом школа помогала петербургским шведам сохранять свою самобытность.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Hellsing S.* Svenska familjer i S: Petersburg // Sverige och Petersburg. Stockholm,1987. S. 98–99; *Engman M.* Peterburgska vägar. Abo, 1995, S.176–178; *Jangfeldt B.* Svenska vägar till St.Petersburg. Kapitel ur historien om svenskarna vid Nevas strander. Stockholm, 1998. S. 81–87; *Engman M.* Lejonet och Dubbelorden. Finlands imperiella decennier 1830–1890 // Svenska humanistiska forbundets skriftserie. 2000, N 113. S. 258–261; *Engman M.* Finnor, finländare och svenskar. Nationalskolor och mångspråkighet i Petersburg // Historisk Tidskrift for Finland. 1999, N 2. S. 168–205; *Hellsing S.* Svenskar I St. Petersburg. 1900–1917 // Uppsats før påbyggnads kurs. Institutet for Folklivsforskning, Stockholms, 1982. S. 13–14.

[2] Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. О. 20. Д. 324. Л. 1.

[3] Там же. л. 2.

[4] На запрос церковное общество ответило, что обучение Закону Божьему будет поручено адъюнкту пастора магистру Карлу Андерсу Винтеру, а арифметику и письмо на немецком и российском языках будет преподавать титулярный советник Даниил Гессе. Сама же школа будет находиться под присмотром и управлением церковного общества (РГИА. Ф. 733. О. 20. Д. 324. Л. Л. 3 об.).

[5] РГИА. Ф. 733. О. 20. Д. 324. Л. 5.

[6] *Воронов А.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского округа с 1829–1859. СПб., 1854. С. 259.

[7] Там же. С. 260.

[8] Там же. С. 261.

[9] Там же. С. 252.

[10] Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. Вып 1, III раздел. Образование. СПб., 1872.

[11] Образовано 25 мая 1820 г. В качестве воскресного училища существовало с 2 апреля 1839 г.

[12] Обучали там Закону Божьему, чтению и письму на финском языке и арифметике. В мужском недельном училище преподавали Закон Божий, русский, финский и немецкий языки, арифметику, основы геометрии, естествознание, историю, географию, церковное пение, чистописание, рисование. На женском отделении — Закон Божий, русский, финский и немецкий языки, арифметику, географию, чистописание, церковное пение, рукоделие (РГИА. Ф. 733. Оп. 26. Д. 287. Л. 1).

[13] В ноябре 1856 г. на имя министра народного просвещения, в частности, поступило прошение от статс-секретаря Великого княжества Финляндского графа Армфельдта, в котором он сообщал, что члены шведского церковного совета «встречают трудности» при замещении вакантных должностей в училище при церкви. Поэтому Армфельдт обратился с просьбой предоставить учителям те же «преимущества», какие имеют учебные заведения I разряда (РГИА. Ф. 733. Оп. 26. Д. 287. Л. 5 об–6). На этот запрос попечитель Санкт-Петербургского учебного округа ответил, что подобное обращение уже поступало как в 1853 г., так в 1854 г. и ответы на эти обращения были отрицательными. Учителям при иноверческих школах Св. Петра и Св. Анны предоставлены преимущества государственной службы в размере гимназических прав, а училище шведско-лютеранской церкви и реформаторское, которые в 1849 г. были уравнены с преимуществом ученических аттестатов с уездными училищами, имели курсы обучения обширнее уездных, но не получали от казны никакого денежного пособия по количеству учащихся — от 150 до 200 человек ежегодно. Эти училища, по мнению попечителя, существенно содействовали в распространении основательного образования и поэтому заслужили поощрения к дальнейшему существованию (РГИА. Ф. 733. Оп. 26. Д. 287. Л. 5 об–6).

[14] Директору или инспектору училища повелевалось присвоить по чинопроизводству IX класс, учителям наук и языков — XII класс, учителю рисования и чистописания — XIV класс с последующим повышением по прошествии четырёх лет. Единственному учителю, которому никаких прав не присваивалось, стал учитель искусств.

[15] РГИА. Ф. 733. Оп. 26. Д. 287. Л. 6 об.

[16] Там же. Ф. 828. Оп. 13. Д. 612. Л. 72 об.

[17] Там же. Ф. 821. Оп. 5. Д. 922. Л. 21.

[18] Там же. Л. 62.

[19] Там же. Л. 28, 28 об.

[20] Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 612. Л. 74.

[21] Иногородческие и иноверческие училища. Системный свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах колонистских, протестантских, католических, армянских, для раскольников и сектантов. СПб., 1903. С. 7.

[22] Однако при этом, вероятно, следует учитывать, что тогда среди обучающихся было лишь только 10 % этнических шведов, а многие дети, учившиеся там, были из финских семей и некоторые вообще понимали только по-русски.

[23] *Hellsing S.* Svenske familjer i St.Petersburg. S. 99.

[24] Весь Петербург. 1910.

[25] РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 246. Л. 1–19.

ЛИТЕРАТУРА

Барышников В. Н. Шведская колония в Санкт-Петербурге в период крушения Российской империи // Ежегодные российско-финляндские гуманитарные чтения. СПб., 1993. С. 28–29.

Возгрин В. Е. Национальная политика в Петербурге 1730-х гг. в записках датского пастора П. Хавена // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2007. № 8. С. 399–411.

Иванов М. В. Финский Евангелическо-лютеранский приход Святой Марии в Петербурге // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2005. № 6. С. 360–369.

Фруменкова Т. Г. Из жизни окружного надзирателя Финляндского округа Петербургского воспитательного дома И. Ф. Лашкейта (1820–1850-е гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2015. № 16. С. 224–234.

Фруменкова Т. Г. Русско-скандинавские контакты в истории воспитательных домов (вторая половина XVIII — начало XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2010. № 11. С. 301–310.

Фруменкова Т. Г. П. Г. Ганзен и его публикации по проблемам призрения детей-сирот и помощи бедным в странах Западной Европы и России (1892–1916) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2017, № 18 (1). С. 276–287.

Фруменкова Т. Г. Петербургские финны и столичный воспитательный дом (первая половина и середина XIX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2014, № 15. С. 232–243.

Шведы на берегах Невы. Стокгольм: Шведский институт, 1998. 301 с.

Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб.: Европейский Дом, 2005. 423 с.

Энгман М. Финны и шведы в Санкт-Петербурге в XIX — начале XX вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2004, № 5. С. 264–271.

Энгман М., Юнгар С. Переселенческое движение из Финляндии в Россию в 1809–1917 гг. // Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков. Россия и Финляндия 1700–1917. Л.: Наука, 1989. С. 115–138.

Янгфельт Б. Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм; СПб.: Шведский Институт; БЛИЦ, 2003. 459 с.

Hellsing S. Svenska familjer i S: Petersburg // Sverige och Petersburg. Stockholm: Almqwist & Wiksel International, 1987. S. 89–116.

Engman M. Peterburgska vägar. Abo: Schildts-Ostra Nylands tryckeri,1995. 178 s.

Jangfeldt B. Svenska vågar till St.Petersburg. Kapitel ur historien om svenskarna vid Nevas strander. Stockholm: Wahlstrom& Widstrand, 1998. 87 s.

Engman M. Lejonet och Dubbelornen. Finlands imperiella decennier 1830–1890 // Svenska humanistiska forbundets skriftserie. 2000. N 113. S.258–261.

Engman M. Finnor, finländare och svenskar. Nationalskolor och mångspråkighet i Petersburg // Historisk Tidskrift for Finland. 1999. N 2. S.168–205.

Hellsing S. Svenskar i St Petersburg. 1900–1917. Uppsats før påbyggnads kurs. Institutet for Folklivforskning. Stockholms Universitet. 1982. S. 13–14.

Е. А. Маркова

КОНТАКТЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ И КОРОЛЕВСКОЙ АКАДЕМИИ КОПЕНГАГЕНА ПО ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБУЧЕНИЯ ЖЕНЩИН В 1870-е гг.

Принято считать, что социальные модели образования в России были далеки от европейского демократизма и нуждались в коренных изменениях. Однако художественный профиль всегда отличался большей свободой, что подтверждает доступность высшего образования в этой сфере для женщин. В сравнении с европейскими державами не каждая страна могла позволить совместные занятия лиц обоего пола. Тем не менее отечественный подход, хоть и был консервативен, оставлял для женщины возможность поступать в Академию художеств, получать образование на равных условиях. Этим не мог похвастаться ни Париж, ни Копенгаген, ни Берлин.

В 1873 г. в художественные и учебные классы Академии к совместным занятиям с учениками были допущены женщины. К тому моменту особых условий для них не существовало, ведь их число было совсем небольшим. Тем не менее спустя три года в управлении назрел вопрос о создании отдельных классов[1]. Скорее всего, подобные корректировки было предложено ввести после письма из Датской королевской академии изящных искусств. Ее директор, Фердинанд Мельдаль, просил ответить на вопросы, связанные с обучением женщин, а также сообщить о мнении по данному вопросу. Благодаря ответу на это письмо мы можем представить общее настроение по отношению к женщинам в классах Академии, а также поднять фактический материал, связанный с их пребыванием там.

Прежде всего господина Мельдаля интересовало, существует ли в академии преподавание для женщин, если да, то совместное оно или раздельное, лица какого пола занимаются преподаванием и работают ли дамы с обнаженного натурщика. На данный запрос был написан подроб-

ный ответ: «На письмо Ваше, от 11 сего января, имею честь Вас, М[есье] Д[иректор], уведомить, что в Императорской С. Петербургской Академии Художественного воспитания до 300 человек, в том числе до 20 лиц женского пола, из них пять замужния; все эти женщины поступают в классы академии даже в натурные одновременно с воспитанниками и работают с ними, посещают все классы, даже и натурные, как рисовальный, так и этюдный. Женских натур в классах Академии нет, а таковые разрешаются только для конкурентов на золотые медали. В будущем на случай поступления лиц женского пола в большом числе, Академия для правильного за ними надзора, имеет в виду озаботится устройством при первой возможности особых классов для лиц женского пола.

Что касается до нравственной стороны этого вопроса, то, к сожалению, нужно признать совмещение занятия мужчин и женщин, по крайне мере неудобным: С. Петербургская Академия терпит этот порядок единственно потому, что не желает прервать художественное образование лиц женского пола уже вступивших в оную; но принимает меры для возможного сокращения числа лиц женского пола. Поэтому я полагал бы полезным и Вам, М.Д. воздержаться от этого опыта и если средства не позволяют, устроить отдельные классы для лиц женского пола, то лучше повременить допущение их к занятиям в Академии»[2].

Несмотря на негласное правило избегать приема женщин, допускать их лишь на вакантные места при условии недобора молодых людей, количество учениц в стенах Академии неизменно возрастало. Этот факт побуждал дирекцию к возможности создания отдельного женского класса. Попытка его устройства предполагала возложение затрат по обучению на самих студенток, которые должны были бы оплачивать содержание надзирательниц, натуры и профессоров. Была определена особая комиссия для рассмотрения данного вопроса, однако изменение уже существующего устройства не последовало.

Если же говорить о Копенгагенской академии, то допуск в ее стены дам лоббировал директор Мельдаль еще 1873 г., когда только приступил к своей должности. И хотя они были допущены в рисовальные классы, огромное количество ограничений и отсутствие минимальной подготовки (среднеспециальные школы) не позволило полноценно осуществить эту идею. В 1870–1880-е гг. под эгидой датского движения за права женщин назрел вопрос о создании училищ и частных школ, что повысило возможности женского художественного обучения, но фактически отодвинуло их прием в академию; считалось, что знаний этого этапа достаточно для девушек. Лишь в 1908 г. было принято решение о совместном обучении, исключение составлял натурный класс, в котором работа с обнаженной модели происходила раздельно, чтобы сохранить нравствен-

ный облик учеников. Объясняя столь затяжную реакцию на допуск обоих полов в стены Академии, управление ссылалось на опыт европейских стран, где официально художественное образование не было совместным (исключение составляли частные студии). Лишь в 1924 г., когда подобная система стала практически нецелесообразной, все аспекты раздельного обучения были отменены.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Как тогда отмечалось: «В начале, когда число женщин было невелико и когда, сравнительно, не могло быть соревнования при занятиях, ученицы не представляли особенной помехи как для учеников, так и для лиц, обязанных надзором за ними; но в настоящее время, как видно из принимаемого списка, число их дошло до 24; в классах голов — 7, фигур — 12, натурном — 5. Принимая в соображение тесноту классов и имея в виду, что при значительном числе лиц женского пола, вращающегося между учениками, во всех углах Академии, особенно по вечерам, надзор становится совершенно невозможен, было бы, кажется, удобнее и полезнее в настоящее время составить из них особое отделение, в которое, можно с уверенностью сказать, поступят еще многие желающие, когда узнают о совершенном отделении женских классов» (Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 789. Оп. 10. Д. 64. Л. 1.

[2] РГИА. Л. 7.

ЛИТЕРАТУРА

Боровская Е. А. Женское художественное образование в России: У истоков // Русское искусство. 2010. № 2. С. 124–129.

История Дании с древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1996. 503 с.

Кривдина О. А. Скульпторы — выпускники Королевской Академии художеств в Копенгагене и их работы в Санкт-Петербурге (вторая половина XVIII — начало XIX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2003. № 4. С. 336–346.

От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XX вв. СПб., 2016. 620 с.

Правила о приеме в Академисты. СПб.: Типография А. Ф. Маркса [18..] 3 с.

Фруменкова Т. Г. Русско-скандинавские контакты в истории воспитательных домов (вторая половина XVIII — начало XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2010, № 11. С. 301–310.

О. А. Кривдина

КАРТИНЫ ЭДВАРДА МУНКА В КУНСТХАУЗ ЦЮРИХА

Произведения знаменитого норвежского художника Эдварда Мунка являются достоянием Норвегии, уникальная коллекция его живописи и графики хранится в Национальном музее в Осло. В последние годы работы художника неоднократно экспонировались на выставках в Европе и США, привлекая к себе внимание как специалистов, так и широкого круга зрителей.

В 2016–2017 гг. в Кунстхаусе Цюриха была открыта выставка «Эдвард Мунк и семейство Эше». В данной статье внимание сосредоточено на обзоре коллекции живописных работ Мунка в Кунстхаусе, имеющем крупнейшее собрание картин художника за пределами Норвегии. Обратим внимание, что все картины входят в постоянную экспозицию цюрихского музея, доступную для обозрения. Зал с произведениями Мунка расположен в здании музея, построенного известным швейцарским архитектором Карлом Мозером в 1910 г., где живопись стилистически идеально соединилась с архитектурой своей эпохи.

Знакомство с представленными в экспозиции Кунстхауса портретами, жанровыми картинами и пейзажами Эдварда Мунка позволило не только оценить достоинство и значимость цюрихской коллекции, но и под новым аспектом взглянуть на творческий путь художника.

Эдвард Мунк (Edvard Munch 1863–1944) признан в художественном мире выдающимся художником, принесшим норвежскому искусству мировую славу.

Свое художественное образование Мунк начал приобретать в Христиании (с 1924 г. — Осло) в Королевской школе рисования (1881–1885), являлся учеником К. Крога. На талант Мунка одним из первых обратил внимание Ф. Таулов, предоставивший средства для поездки в Париж в 1885 г. Произведения импрессионистов способствовали формированию творческих поисков молодого художника, выработке манеры письма и цветовой гаммы. Картина «Больная девочка», поэтическое воспоми-

нание о сестре художника Софи, была написана сразу по возвращении из Парижа в 1886 г. В том же году работа экспонировалась на Осеннем салоне в Христиании.

Уже в 1889 г. в Христиании художник устраивает свою первую выставку, на которой было представлено 110 произведений. После выставки Мунк удостоен правительственной стипендии, давшей возможность жить и работать в Париже в течение 1889–1892 гг. В этот период он формирует свое мировоззрение, свое личное понимание значения художника: «Нужно, чтобы это были живые люди, которые дышат, чувствуют, страдают и любят. Я напишу ряд таких картин — люди поймут священную их суть и раскроют перед ними душу, будто в церкви»[1]. К этому времени, к 1889 г. относится картина «Музыка на Карл Иохан Штрассе», представленная в зале Мунка в Кунстхаусе Цюриха, для собрания которого была приобретена в 1941 г.

С 1892 по 1909 г. Мунк много путешествовал, посетил Италию, жил в Германии и Париже. 1892 г. ознаменован выставкой Мунка в Берлине, вызвавшей грандиозный скандал и ее закрытие. Многие искусствоведы считают, что благодаря этой экспозиции сформировался Берлинский Сецессион, участником которого был Мунк. В Париже в 1896 г. он познакомился с П. Гогеном, М. Дени, С. Малларме, занимался литографией, офортом и гравюрой на дереве.

В 1905 г. Мунк написал серию портретов семейства Эше. Два портрета главы семьи Герберта (в рост и поясной) и его супруги Ханни, портрет детей: девочки Эрдмут и мальчика Ханса — Герберта, изображенных в рост, и портрет Эрдмут. Портрет детей Эше экспонировался в 1912 г. в Кельнском музее на выставке «Зондербунда», т. е. «Общества друзей искусства и художников Западной Германии». Картины Мунка были размещены в отдельном зале. О выставке Мунк писал: «Здесь собраны все самые сумасшедшие картины Европы. На их фоне я кажусь лишь бледным классицистом»[2].

Ханни и Герберт Эше были предпринимателями, и как обеспеченные люди могли себе позволить в 1902 г. заказать строительство виллы бельгийскому архитектору Анри ван де Вельде (1863–1957). Именно на этой вилле были созданы портреты членов семьи Эше. Мунк на приглашение отозвался быстро: «Завтра в Хемнице. Мунк», — телеграфировал он 30 сентября 1905 г. Считается, что за четыре дня художник написал семь произведений: два портрета Герберта Эше, детский портрет, маленькую Эрдмут, вид на Хемниц с виллы, а также Ханни Эше и еще один портрет детей с гувернанткой, который был разрезан Мунком на две части: Эрдмут с куклой и Ганс-Герберт с гувернанткой.

Живопись Мунка, даже на примере одной коллекции, которой обладает Музей в Цюрихе, разнообразна по техническому выполнению,

но в приемах письма и выборе колорита видна рука одного мастера. «Больше, чем кто-либо другой, Мунк показал нам, что можно сделать при помощи красок и линий, что можно вложить в картину», — писал Стенерсен Рольф в своей книге «Искусство Мунка»[3]. Он же справедливо отмечал, что «насыщенность чувством и взволнованностью придала силу и величие искусству Эдварда Мунка»[4].

В 1908 г. Мунк серьезно болел и лечился в неврологической клинике в Копенгагене. В 1909 г. художник возвратился в Норвегию и приобрел дом на фьорде Осло, с 1916 г. он постоянно жил в Осло. В эти годы в Норвегии одна за другой триумфально проходят персональные выставки произведений Мунка. Художник был истинным патриотом своей страны, он трепетно сохранял первую статью в газете, изданной в 1905 г. в независимой Норвегии, отделившейся от Швеции[5]. Особое внимание обратим на такой факт в биографии Мунка: во время оккупации немецкой армией Норвегии художник отказался от предложения войти в состав Совета по искусству и не праздновал свое 80-летие.

Дважды в своем творчестве художник создает циклы картин под названием «Фриз Жизни». Так, в 1892 г. он объединил работы основной темой — любовь и смерть. В 1910 г. «Фриз Жизни» составляют декоративные композиции, заказанные Мунку для актового зала университета в Осло.

Исследуя творчество Мунка, многие искусствоведы делают вывод, что «он был символистом по духу и предшественником экспрессионизма по стилю… Его искусство сплошь состоит из символов и аллегорий, излюбленные темы — любовь и навязчивая мысль о смерти…»[6]. Безусловно, интересы художника были намного шире и не вписывались в рамки традиционного реалистического искусства и значительно обогатили представление об экспрессионизме.

Свои самые известные и значительные картины Мунк повторял, внося изменения в колористическое и композиционное решение. Полотно «Девушки на мосту», созданное в 1900–1901 гг. и хранящееся в Осло в Национальной галерее, он вторично написал до 1903 г. Эта картина была приобретена М. А. Морозовым и находится в коллекции Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве под названием «Белая ночь»[7].

Известно, что художник создал два экземпляра картины «Крик», написанная в 1893 г. работа находится в Национальной галерее Осло. До недавнего времени второй вариант этого произведения Мунка экспонировался в Осло в Музее Эдварда Мунка, откуда был похищен вместе с картиной «Мадонна» 21 августа 2004 г., и оба произведения Мунка пока не найдены. В 1892 г. Эдвард Мунк писал в своем дневнике: «Я гулял

по тропинке с двумя друзьями, садилось солнце. Я почувствовал дыхание меланхолии. Неожиданно небеса стали кроваво-красными. Я остановился и прислонился к парапету, смертельно уставший, я смотрел на пламеневшие облака, нависшие как кровь и меч над темно-синим фьордом и городом. Мои друзья пошли дальше, а я стоял и трепетал от волнения и чувствовал, как сильный, невероятный крик разносится по природе»[8].

Представленные в музее Цюриха пейзажи относятся к разным периодам творчества художника, но все они пронизаны исключительным чувством связи с природой, где ощущается ее мощь и непосредственное присутствие человека. Большинство портретных работ производят впечатление незавершенности, этюдности, так характерных для творческой манеры Мунка, применявшего минимум выразительных средств.

Выдающемуся норвежскому художнику посвящено большое количество публикаций, изданных на разных языках. Особую ценность имеет труд, вышедший в свет в 1956 г. в Мюнхене, где были опубликованы письма и документы Мунка[9]. В 2015 г. в серии «Лучшие современные художники» издан альбом о Мунке, в 2018 г. вышло в свет еще одно издание «Мунк. Мастера рисунка и живописи». Что является весьма примечательным, обе публикации были изданы в Москве.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кассу Ж.* Энциклопедия символизма: Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка. М., 1999. С. 124.

[2] Мунк // Мастера рисунка и живописи. М., 2018. С. 23. Дано воспр. фотографии зала Мунка на выставке «Зондербунда» в 1912 г. в Кельнском музее.

[3] *Стенерсен Р.* Искусство Мунка // biography.wikireaading.ru

[4] Там же.

[5] *Цагарелли И.* Искусство Норвегии // Всеобщая история искусств. Т. VI. Кн. I М., 1965. С. 290.

[6] *Кассу Ж.* Энциклопедия символизма. С. 126.

[7] Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Каталог картинной галереи. Живопись. Скульптура. Миниатюра. М., 1986. с. 127. При сравнении картин «Девушки на мосту» (Национальная галерея, Осло) и «Белая ночь» (ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва) обращают на себя внимание внесенные художником незначительные изменения. В московском варианте нет слева в воде четкого отражения дома, который имеет другой рисунок, нет изображения золотого диска луны над домом. Изменено очертание фигур, у центральной фигуры — одна коса, в варианте в Осло — их две. У третьей девушки (в Осло) — одна коса, в «Белой ночи» у этой девушки — две косы. Имеются и другие отличия этих работ.

[8] Данный текст Мунка печатают и в стихотворной форме. См.: Первый рейтинг 20 главных событий и тем 2004 года // Альманах издательского дома «Коммерсантъ». 2005. № 01 [03]. С. 218.

[9] Edvard Munch. Selbstbildnisse und Dokumente. Munich, 1956.

ЛИТЕРАТУРА

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Каталог картинной галереи. Живопись. Скульптура. Миниатюра. М.: Изобразительное искусство, 1986. 319 с.

Кассу Ж. Энциклопедия символизма: Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка. М.: Республика, 1999. 432 с.

Кириленко И. В., Пааскари Т. В. Норвежский импрессионизм в творчестве художника Франца Таулова // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2009. № 10. С. 377–380.

Кириленко И. В., Папаскири Т. В. Норвежский художник Эдвард Мунк // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2006. № 7. С. 371–374.

Королева С. А. Эдвард Мунк // Лучшие современные художники. Т. 6. М.: ИД «Комсомольская правда», 2015. 72 с.

Мунк // Мастера рисунка и живописи. М.: ООО «Сентауриа Рус», 2018. 96 с.

Цагарелли И. Искусство Норвегии // Всеобщая история искусств. Т. VI. Кн. I. М.: Искусство, 1965. 189–290 с.

В. И. Мусаев

НЕУДАВШИЙСЯ ПРОЕКТ: ПОПЫТКА ОБЪЕДИНЕНИЯ ФИНЛЯНДСКОЙ И ЭСТОНСКОЙ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ (НАЧ. 1920-х гг.)

После оформления государственной независимости в 1917–1919 гг. бывших окраин Российской империи руководящие лица ряда епархий Русской православной церкви на этих территориях начали проявлять инициативу, направленную на изменение канонического положения своих церковных структур. Такого рода тенденции были характерны, в частности, для Финляндской православной епархии и эстонской части бывшей Рижской епархии. Эстонская и Финляндская церкви в мае 1920 г. и в январе 1921 г. соответственно получили от Московской патриархии права автономии[1]. Получение автономии, однако, «национально» ориентированные силы в руководстве обеих церквей считали лишь первым шагом на пути достижения далеко идущих целей: в их дальнейшие планы входило каноническое обособление от Русской православной церкви и обретение автокефалии.

Следует отметить, что этническое родство и культурная близость эстонцев и финнов играли свою роль в том числе и в конфессиональных вопросах. На чрезвычайном епархиальном Соборе в Выборге в июне 1919 г., на котором было принято решение об автокефалии Финляндской православной церкви, была также высказана идея объединения православных церквей Финляндии, Эстонии и Карелии. Каждая часть этого церковного сообщества стала бы автономной церковной организацией, а общее руководство автокефальной церковью должно было осуществлять «высшее церковное правительство», составленное из представителей всех ее автономных частей[2]. Соответствующее стремление наблюдалось и со стороны Эстонской православной церкви. Епархиальный совет Эстонской церкви 23 июля 1919 г. отправил министерству просвещения и церковных дел Финляндии послание с приложенной к нему копией

протокола упомянутого собрания эстонских православных приходов, проведенного в марте 1919 г., в котором было записано решение об отделении от Русской церкви. В том же послании было написано о желании объединиться с Финляндской епархией в единую автокефальную церковь[3].

Среди эстонских официальных лиц идею церковного объединения поддерживали, в частности, премьер-министр Константин Пятс (православный по вероисповеданию) и эстонский посланник в Хельсинки, а позднее в Лондоне доктор Оскар Каллас[4]. Стремление к объединению с «братскими церквами» наблюдалось и в российской Карелии. Об этом говорит, в частности, решение ориентировавшегося на Финляндию «Временного правительства Беломорской Карелии» весной 1920 г. об отделении карельских приходов от Русской православной церкви и их объединении с православными церквами Финляндии и Эстонии[5]. Естественно, это решение осталось на бумаге, так как для его практической реализации, в силу политических условий, не имелось каких-либо реальных возможностей. Тем более что Ухта, в которой находилось вышеупомянутое правительство, в мае 1920 г. была занята «красными», а само правительство было вынуждено эвакуироваться в Финляндию и прекратило свое существование.

В начале сентября 1919 г. в Таллинн прибыли, в качестве делегатов Финляндского православного церковного управления, настоятель хельсинкского православного прихода протоиерей Николай Васильев и секретарь управления Кусти Репо. Взаимопонимание на начавшихся переговорах было без труда достигнуто. Эстонские представители были не против того, чтобы центральный орган управления будущей единой церкви находился в Финляндии и чтобы финляндский архиерей стал ее главой[6].

В 1921 г. руководство Эстонской церкви выступило с инициативой проведения объединенного собора духовенства трех автономных православных церквей — Финляндской, Эстонской и Латвийской. Правящие архиереи Финляндской и Латвийской церквей, архиепископы Серафим (Лукьянов) и Иоанн (Поммер) эту идею, однако, не поддержали. Архиепископ Серафим, который не разделял автокефалистские устремления части иереев своей церкви, в письме архиепископу Иоанну от 25 октября 1921 г. выражал свое недоумение по поводу замысла созыва собора: «Из послания Эстонской Церкви не совсем ясно, какая истинная цель проектируемых Соборов… Что касается получения права от Московского Патриарха хиротонисать архиереев в прибалтийские Церкви, то это практически теперь отпало, так как с Москвой сношения возможны и из Латвии, и из Эстонии, и из Финляндии. И дать такое право без раз-

решения Собора Патриарх едва ли согласится, так как это право равняется дарованию трем прибалтийским Церквам прав автокефалии, так как Патриарх и Высшее церковное управление не имеют на это права. Что касается других вопросов, какие можно было бы решать на Соборах трех автономных Церквей, то из послания не видно, каковы они»[7].

В начале мая 1922 г. эстонский Синод предложил начать 16-го числа того же месяца в Хельсинки работу собрания, в котором приняли бы участие архиереи трех церквей и по одному представителю от духовенства и мирян. С эстонской стороны должны были участвовать архиепископ Александр (Паулус), избранный правящим архиереем Эстонской церкви на церковном съезде духовенства и выборных мирян в сентябре 1920 г., заместитель председателя Синода Эстонской церкви протоиерей Николай Пятс (брат К. Пятса) и директор гимназии Николай Канн, с финляндской — архиепископ Серафим, протоиерей Сергей Солнцев и К. Репо. Когда, однако, стало известно, что Латвийский архиепископ Иоанн не прибудет в Хельсинки, от участия в предполагаемом собрании отказался архиепископ Серафим. Протоиерей Н. Пятс всё же приехал в Хельсинки, где пробыл с 18 по 23 мая и вел переговоры с С. Солнцевым, К. Репо и секретарем финляндского Министерства просвещения А. Инкиненом, в обязанности которого входило представлять дела ФПЦ правительству.

В дальнейшем вопрос об объединении начал, однако, заходить в тупик. Эстонцы стали выражать сомнение в ведущей роли Финляндской церкви, более скромной по численности паствы. Кроме того, они считали, что главным архиереем — митрополитом — должен стать старший епископ. Ввиду вероятного увольнения от должности архиепископа Серафима (которое действительно произошло в конце следующего года) таковым теперь становился бы архиепископ Александр[8]. Финляндцы, в свою очередь, не были довольны встречными условиями эстонской стороны. Сохранение суверенитета Советской России над Восточной Карелией делало невозможным присоединение карельских приходов.

В итоге замысел церковного триединства не был реализован. Тесные связи между православными церквами Финляндии и Эстонии, однако, сохранялись и в дальнейшем. Можно предположить, что отголоском идеи финляндско-эстонского церковного объединения было приглашение эстонского священника Германа Аава на должность викарного епископа Карельского Финляндской православной церкви. Соответствующее решение было принято Собором Финляндской церкви в июне 1922 г. Герман Аав, уроженец острова Муху (Моон), с начала 1910-х гг. возглавлял один из приходов на острове Сааремаа (Эзель) и состоял попечителем благочиннического округа. В 1917 г. он избирался депутатом на церковный

собор в Юрьеве[9]. В ноябре 1922 г. Синод Эстонской церкви предложил Г. Ааву, имевшему тогда сан протоиерея, должность викарного епископа на Сааремаа и Муху, однако он предпочел принять предложение из Финляндии. Заняв должность викарного епископа Карельского, преосвященный Герман активно поддерживал преобразования внутри ФПЦ, инициированные «национально» ориентированными церковными деятелями. После отстранения от должности в конце 1923 г. архиепископа Серафима, выступавшего против разрыва Финляндской церкви с Московской патриархией и внутренних реформистских преобразований, епископ Герман фактически стал руководить всей Финляндской церковью.

С 1925 г., когда он был возведен в сан архиепископа, его положение как главы ФПЦ было узаконено. Во время календарного конфликта в Финляндской церкви он активно способствовал подавлению сопротивления «старостильников». Позднее архиепископу Герману пришлось заниматься нелегким делом налаживания жизни Православной церкви в Финляндии после эвакуации, вызванной событиями «зимней» войны 1939–1940 гг. Во главе Финляндской церкви архиепископ Герман оставался до своей смерти в 1961 г.[10]

В июне 1922 г. Собор Финляндской православной церкви принял решение об обращении к патриарху Константинопольскому Мелетию IV о принятии ФПЦ в его юрисдикцию[11]. Несколько позже, в сентябре того же года, состоялся Собор Эстонской церкви. На заседании 23 сентября Собор принял решение об обращении к Константинопольскому патриарху на тот же предмет[12]. В конце июня 1923 г. Эстонский архиепископ Александр в Берлине присоединился к делегации Финляндской церкви, в которую входили протоиереи Сергей Солнцев и Герман Аав и сенатор Э. Н. Сетяля, и вместе они отправились в Константинополь. 2 июля делегация прибыла в Константинополь и 3 и 4 июля была принята Вселенским патриархом. Архиепископ Александр, ссылаясь на постановления собраний ЭПЦ 1920 и 1922 гг., просил патриарха признать и благословить автокефалию Эстонской церкви и заручиться соответствующим согласием других восточных патриархов[13]. Схожий смысл имело обращение финляндских членов делегации.

Патриарх Мелетий заявил делегатам в ответ, что автокефалия Финляндской и Эстонской церквам дарована быть не может, но возможно предоставление им широкой автономии[14]. Основным формальным доводом в пользу того, что Финляндская и Эстонская церкви не могли получить полной автокефалии, служило, видимо, то обстоятельство, что они не соответствовали критериям, необходимым для получения этого статуса, таким как наличие не менее трех епископов и достаточное количество пастырей и паствы. Кроме того, среди митрополитов

в Синоде Вселенского патриархата действовало неписаное соглашение, что никакие новые автокефальные церкви не могут быть провозглашены до проведения Всеправославного собора, который планировалось созвать в 1925 г., на 1600-летнюю годовщину Первого Вселенского собора в Никее[15]. 6 июля был подписан томос патриарха Константинопольского о предоставлении Финляндской церкви автономии в юрисдикции Вселенского патриархата, и на следующий день это решение было официально объявлено на заседании Священного синода[16].

7 июля соответствующий томос — о принятии Эстонской церкви в юрисдикцию Константинопольского патриархата в качестве отдельного автономного церковного округа «Эстонская Православная Митрополия» — был вручен патриархом архиепископу Таллиннскому и Эстонскому Александру. При принятии Эстонской церкви в юрисдикцию Константинопольского патриархата архиепископ Александр был возведен патриархом Мелетием в сан митрополита[17]. Таким образом, и в этом деле Финская и Эстонская церкви действовали рука об руку.

В 1920–1930-е гг. Финляндская и Эстонская, а также Латвийская церкви активно общались между собой, поскольку финляндский опыт по созданию национальной церкви воспринимался как перспективный. В 1927 г. архиепископ Финляндский Герман (Аав) возглавил первую поездку с научными целями в Таллинн. Позднее обмен церковными делегациями между Финляндской и Прибалтийскими церквами стал регулярным. Митрополит Таллиннский Александр приезжал с официальными визитами в Финляндию в 1926 и 1930 гг. В 1936 г. Финляндскую церковь с визитом посетил митрополит Рижский и всея Латвии Августин (Петерсон), что должно было свидетельствовать об «одинаковом каноническом положении» Православных церквей в Финляндии, Эстонии и Латвии. В том же году архиепископ Герман был приглашен Латвийской церковью для участия в хиротонии протоиерея Иакова Карпа в Рижском соборе на кафедру викарного епископа Елгавского. В октябре 1937 г. по приглашению Эстонской церкви архиепископ Герман участвовал в хиротонии протоиерея Павла Дмитровского во епископа Нарвского и Изборского. В 1938 г. он принимал участие в хиротонии второго викария Латвийской церкви, преосвященного Александра, епископа Ерсикского[18].

В августе 1937 г. архиепископ Герман организовал собрание епископов Финляндской, Эстонской и Латвийской церквей для обмена опытом решения церковных вопросов. В Сортавалу по приглашению Германа прибыли митрополит Таллиннский Александр, митрополит Рижский Августин, епископ Печерский Николай, епископ Выборгский Александр (Карпин) и епископ Елгавский Иаков. Повестка дня встречи православных иерархов включала развитие межцерковных связей, календарную

проблему, унификацию богослужения, в частности введение общенародного пения, экономическое положение клириков и приходов, создание общего высшего богословского учебного заведения. Излагавший соображения по последнему вопросу секретарь Финляндского церковного управления Ю. Сомер предлагал организовать такое заведение в виде факультета или отдельной высшей школы, расходы на которую распределялись бы между всеми государствами-участниками. Располагаться такое заведение могло бы на Валааме или в Тарту. Вторая встреча иерархов, проходившая 23–25 сентября 1938 г. на территории Эстонской Республики, в Печорах, была посвящена главным образом вопросам участия трех церквей в экуменическом движении. В частности, поднимался вопрос о делегировании представителя на всемирную конференцию христианских церквей. Следующее епископское собрание, намеченное на 1939 г. в Риге, из-за начавшейся мировой войны пришлось отменить[19]. Православная церковь на территории независимой Литвы и ее предстоятель митрополит Елевферий (Богоявленский), сохранившие верность Московской патриархии, оставались в стороне от этих контактов.

Граждане Эстонии были одной из самых больших групп иностранцев, посещавших Валаамский Спасо-Преображенский монастырь, находившийся в то время на территории Финляндии. В 1930 г. Валаам посетила группа эстонских священников и светских лиц во главе с митрополитом Александром, прибывшая для участия в церковном соборе в Сортавале. Заметная активизация эстонского туризма и паломничества на Валаам наблюдалась во второй половине 1930 г. Пик пришелся на 1939 г., когда из Эстонии приехали четыре эстонские группы общим числом в 331 человек[20]. Алексий Ридигер, будущий Патриарх Московский и всея Руси, еще в детском возрасте дважды, в 1938 и 1939 гг., приезжал на Валаам как паломник вместе со своим отцом Михаилом Александровичем (их семья тогда проживала в эмиграции в Эстонии). Юный Алексий встречался с духовником монастыря иеросхимонахом Ефремом (Хробостовым) и монахом Иувианом (Красноперовым), автором монастырской «Летописи о Великой войне и последующих событиях», с которым у него завязалась переписка[21].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губанин. М., 1994. С. 173.

[2] ЛОГАВ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

[3] *Purmonen V*. Suomen ortodoksisen kirkon tie autonomiaan // Ortodoksia. 37. 1987. S. 33.

[4] *Setälä U. V. J.* Viron apostolisen oikeauskoisen kirkon syntyvaiheita // Ortodoksia. 13. 1962. S. 59.

[5] *Дубровская Е. Ю.* Общественная жизнь карельского населения Олонецкой и Архангельской губерний в годы российской революции и гражданской войны (1917–1920) // Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 148.

[6] *Setälä U. V. J.* Viron apostolisen oikeauskoisen kirkon syntyvaiheita. S. 61.

[7] Православие в Эстонии: Исследования и документы в двух томах. Т. 2. Документы. М., 2010. С. 39.

[8] *Setälä U. V. J.* Viron apostolisen oikeauskoisen kirkon syntyvaiheita. S. 63–64.

[9] *Purmonen V.* Arkkipiispa Hermanin elämä. Ortodoksisen kirkon vaiheita Virossa ja Suomessa. Kuopio, 1986. S. 29.

[10] Ibid. S. 59–72; *Кырлежев А.* Архиепископ Герман — предстоятель Финляндской Православной Церкви (1924–1960) // Журнал Московской Патриархии. 1990. № 4. С. 56–58.

[11] *Мусаев В. И.* Между Западом и Востоком. Православие в автономной и независимой Финляндии (1890-е — 1930-е гг.). СПб., 2014. С. 398–399.

[12] *Буевский А.* Патриарх Константинопольский Мелетий IV и Русская Православная Церковь (1923–1924 гг.) // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 3. С. 35.

[13] Православие в Эстонии: Исследования и документы. Т. 2. С. 41.

[14] См.: *Скурат К. Е.* История Поместных Православных Церквей. Т. 1. М., 1994. С. 21.

[15] *Rimestad S.* The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia. Frankfurt am Main, 2012. P. 92.

[16] *Мусаев В. И.* Между Западом и Востоком. С. 404–405.

[17] Православие в Эстонии: Исследования и документы. Т. 2. С. 42–44.

[18] *Koukkunen H.* Tuiskua ja tyventä. Suomen ortodoksinen kirkko 1918–1978. Heinävesi, 1982. S. 44.

[19] *Purmonen V.* Arkkipiispa Hermanin elämä. Ortodoksisen kirkon vaiheita Virossa ja Suomessa. S. 69–72.

[20] *Kilpeläinen H.* Valamo — karjalaisten luostari? Luostarin ja yhteiskunnan interaktio maailmansotien välisenä aikana. Helsinki, 2000. S. 419–420.

[21] *Алексий II, Патриарх Московский и Всея Руси.* Воспоминания о посещении Спасо-Преображенского Валаамского монастыря в 1938 и 1939 годах // Старый Валаам. Воспоминания о монастыре 1914–1943 гг. СПб., 2006. С. 26–28.

ЛИТЕРАТУРА

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губанин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского ин-та Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1994. 1063 с.

Алексий II, Патриарх Московский и Всея Руси. Воспоминания о посещении Спасо-Преображенского Валаамского монастыря в 1938 и 1939 годах // Старый Валаам. Воспоминания о монастыре 1914–1943 гг. СПб., 2006. С. 24–30.

Буевский А. Патриарх Константинопольский Мелетий IV и Русская Православная Церковь (1923–1924 гг.) // Журнал Московской Патриархии. 1953. № 3. С. 28–42.

Дубровская Е. Ю. Общественная жизнь карельского населения Олонецкой и Архангельской губерний в годы российской революции и гражданской войны (1917–1920) // Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза. М.: СП «Мысль», 2005. С. 156–172.

Кырлежев А. Архиепископ Герман — предстоятель Финляндской Православной Церкви (1924–1960) // Журнал Московской Патриархии. 1990. № 4. С. 55–59.

Крипатова Ю. И. Православные приходы Выборгской губернии в составе Великого Княжества Финляндского // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2009. № 10. С. 348–352.

Мусаев В. И. Архиепископ Серафим (Лукьянов) — последний архиерей Финляндской епархии Русской православной церкви // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. № 17 (1). С. 245–254.

Мусаев В. И. Коневский монастырь — православный центр в финляндской Карелии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2013, № 14. С. 335–346.

Мусаев В. И. Между Западом и Востоком. Православие в автономной и независимой Финляндии (1890-е — 1930-е гг.). СПб.: Изд-во СПб. Политехнич. ун-та, 2014. 534 с.

Мусаев В. И. Первый православный финляндский архиепископ Антоний (Вадковский): штрихи к биографии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2014. № 15. С. 44–55.

Мусаев В. И. Предыстория календарного конфликта в Финляндской православной церкви // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2017. № 18 (1–2). С. 186–201.

Нетужилов К. Е. К проблеме распространения влияния православной церкви в Финляндии в конце XIX — начале XX вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2002. № 3. С. 215–218.

От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XX вв. СПб., 2016. 620 с.

Православие в Эстонии: Исследования и документы в двух томах. Т. 2. Документы. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. 655 с.

Kilpeläinen H. Valamo — karjalaisten luostari? Luostarin ja yhteiskunnan interaktio maailmansotien välisenä aikana. Helsinki: SKS, 2000. 524 s.

Koukkunen H. Tuiskua ja tyventä. Suomen ortodoksinen kirkko 1918–1978. Heinävesi: Uuden Valamon kustantamo, 1982. 315 s.

Purmonen V. Arkkipiispa Hermanin elämä. Ortodoksisen kirkon vaiheita Virossa ja Suomessa. Kuopio: Ortodoksisten pappien liitto, 1986. 199 s.

Purmonen V. Suomen ortodoksisen kirkon tie autonomiaan // Ortodoksia. 37. 1987. S. 28–43.

Rimestad S. The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia. Frankfurt am Main: Lang, 2012. 333 p.

Setälä U. V. J. Viron apostolisen oikeauskoisen kirkon syntyvaiheita // Ortodoksia. 13. 1962. S. 54–70.

РЕЗЮМЕ / ABSTRACT

Бажанов Д. А. Взаимоотношения органов революционной власти на кораблях Балтийского флота весной 1917 г. (по материалам визита А. Ф. Керенского в Гельсингфорс 9 мая 1917 г.)

В статье рассматриваются обстоятельства визита А. Ф. Керенского в Гельсингфорс в мае 1917 г. в контексте взаимоотношений между органами революционной власти. Обстоятельства встречи министра в столице Финляндии были обусловлены, по мнению автора, началом борьбы за влияние на матросские массы между Гельсингфорсским советом и Центральным комитетом Балтийского флота. В результате делается вывод о частичном успехе радикально настроенных депутатов ЦКБФ. В то же время добиться значительных результатов им не удалось из-за авторитета А. Ф. Керенского. Одновременно это вызвало начало раскола в самом Центробалте.

Bazhanov D. A. Relationships of the revolutionary authorities on the ships of the Baltic Fleet in the spring of 1917 (the materials of A. F. Kerensky's visit to Helsingfors on May 9, 1917)

The proposed article reconstructs the circumstances of the visit of A. F. Kerensky to Helsingfors in May 1917 in the context of the relationship between the bodies of revolutionary power. The author considers the beginning of the struggle for influence on the sailor masses between the Helsingfors Council and the Central Committee of the Baltic Fleet was the main factor the situation around the minister's arrival at the capital of Finland. As a result, the conclusion about the partial success of the Central Committee of the Baltic Fleet radical deputies is made by the researcher. At the same time, they failed to achieve significant results due to the authority of A. F. Kerensky. Besides, this caused the beginning of a split in the Tsentrobalt itself.

Ключевые слова: Балтийский флот, Центробалт, А. Ф. Керенский, Гельсингфорсский совет, военные моряки, 1917 г.

Keywords: 1917, the Baltic Fleet, Helsingfors Soviet, A. F. Kerensky, Navy sailors, Tsentrobalt.

Барышников В. Н. «Скандинавский сборник» и особенности изучения в СССР истории стран Северной Европы (1950–1960 гг.)

Успехи в СССР в изучении истории стран Северной Европы стали наблюдаться лишь середины XX в. Советские исследователи тогда продолжили изучение «истории народных масс, широких общественных движений» в Скандинавских странах. Одновременно тогда историки стали стремиться к изучению «мирных периодов в истории» стран Северной Европы. Причем наиболее полно подобные тенденции можно заметить на примере изменения подходов к дальнейшему изучению истории Финляндии. Войны между СССР и Финляндией те-

перь стремились «забыть». Все проблемы в советско-финляндских отношениях видели из-за отрицательного влияния Запада на Финляндию.

Проследить данную тенденцию можно на примере материалов, публиковавшихся в первом и единственным в СССР периодическом издании, посвященном вопросам исследования истории стран Северной Европы, — «Скандинавском сборнике». Он издавался в Таллинне с 1956 г., а готовили его в Тартуском университете. Сборник должен был объединить всех исследователей в СССР, которые занимались изучением историей стран Северной Европы, содействуя «развитию и укреплению дружественных связей между народами Советского Союза и его ближайшими соседями на северо-западе». Кроме того, выход этого сборника, очевидно, должен был подчеркнуть новую роль, которую стал играть в Балтийском регионе СССР.

Но претензии Тартуского университета стать неким координатором исследовательской деятельности всех советских историков, изучавших страны Северной Европы, оказались нереальными. В новых обстоятельствах только Москва могла реально превратиться в «главный» центр по изучению истории стран Северной Европы.

Тем не менее за время существования «Скандинавского сборника» (1956–1990), на его страницах было опубликовано свыше 300 работ советских авторов. В данном отношении значение сборника как центра по объединению всех тех, кто занимался иузучением Скандинавских стран и Финляндии, сохранялось.

Baryshnikov V. N. «The Scandinavian Scriptures» and features of historical study of the Countries of Northern Europe in the USSR (1950–1960)

Successes the historical study of the Countries of Northern Europe in the USSR began to be observed only in the mid-twentieth century. Soviet researchers then continued to study the «history of the masses, the broad social movements» from the Scandinavian countries. At the same time, then historians began to strive to study the «peaceful periods in the history» of the Nordic countries. Moreover, such tendencies can be seen most fully by the example of a change to the further study of the history of Finland. The wars between the USSR and Finland now sought to «forget». All problems in the Soviet-Finnish relations were seen due to the negative influence of the West on Finland.

This trend can be traced by the example of materials published in the first and only periodical in the USSR devoted to the issues of the study of the history of the Nordic countries — the «The Scandinavian Scriptures». It has been published in Tallinn since 1956, and It had to prepare at the University of Tartu. «The Scriptures» was supposed to unite all researchers in the USSR who were studying the history of the Nordic countries, contributing to the «development and strengthening of friendly relations between the peoples of the Soviet Union and nearest neighbors in the north-west». In addition, the release of this «Scriptures», obviously, was to emphasize the new role of the USSR that began to play in the Baltic region.

But the claims of the University of Tartu to become a coordinator for the research activities of all Soviet historians who studied the Countries of Northern Europe turned out to be unrealistic. In the new position of the USSR, only Moscow could really become the “main” center for the study of the history of the Nordic countries.

Nevertheless, during the existence of «The Scandinavian Scriptures» (1956–1990), over 300 works of Soviet authors were published on its pages. In this respect, the role of «The Scriptures», as the center of the association of researchers, remained.

Ключевые слова: «Скандинавский сборник», В. В. Похлебкин, И. П. Шпаскольский, А. С. Кан, историография, изучение Скандинавских стран и Финляндии в СССР, 1950–1960-е гг.

Keywords: «The Scandinavian Scriptures», V. V. Pokhdebkin, I. P. Shpaskolsky, A. S. Kan, historiography, study of Scandinavian countries and Finland in the USSR, 1950–1960s.

Базарова Т. А. Военные действия в Шведской Померании и русско-турецкие мирные переговоры 1711–1713 гг.

Пребывание Карла XII на территории Османской империи (1709–1714) связало между собой события на севере и юге Европы и сыграло решающую роль в обострении русско-турецких отношений. Проблема влияния военных действий в Померании на ход русско-турецких мирных переговоров еще до конца не исследована. Как правило, военные действия в Померании историки рассматривают в контексте обширного польского вопроса или проблемы возвращения Карла XII на родину. Включение в Прутский (1711) и Константинопольский (1712) договоры запрета царской армии проходить через польские земли условия в первую очередь было связано с намерением Высокой Порты уменьшить русское влияние в Польше и организовать возвращение Карла XII в Шведскую Померанию через земли Речи Посполитой. Петр I не выполнил обязательство, которое не давало ему возможность оперативно доставить армию к театру военных действий в Померании и наладить ее снабжение. Марш русской армии через Польшу привел к объявлению султаном войны России (31 октября 1712). Высадка в Штральзунде армии Магнуса Стенбока и победа под Гадебушем (декабрь 1712) не вызвали антирусской военной активности Османской империи. 13 июня 1713 г. был заключен Адрианопольский мир. Впервые в пункте о запрете пребывания русских войск в Польше упоминалась Померания. Высокая Порта согласилась на проход русских войск после окончания померанской кампании 1713 г. близ берега Балтийского мора. В 1715 г. русская армия снова прошла в Померанию через Польшу. Однако занятая войной с Венецианской республикой Высокая Порта не пошла на разрыв мирного договора.

Bazarova Tatiana Anatolievna. Military actions in Swedish Pomerania and Russian-Turkish peace talks in 1711–1713

The stay of Charles XII on the territory of the Ottoman Empire (1709–1714) connected events in the north and south of Europe and played a decisive role in the aggravation of Russian-Turkish relations. The problem of the influence of military operations in Pomerania on the course of the Russian-Turkish peace negotiations has not yet been fully investigated. As a rule, historians consider military actions in Pomerania in the context of the extensive Polish question or the problem of the return of Charles XII to his homeland. Inclusion to Treaty of Prut (1711) and to Treaty of Constantinople (1712) ban on passing of the tsarist army's through Polish lands was primarily due to the intention of the Sublime Porte to reduce Russian influence in Poland and to organize the return of Charles XII to Swedish Pomerania through the lands of Rzeczpospolita.

Peter I did not fulfill the obligation, which did not allow him to quickly deliver the army to the theater of military operations in Pomerania and to adjust its supply. The march of the Russian army through Poland led to the declaration of war against Russia by the Sultan (October 31, 1712). The landing of Magnus Stenbock's army in Stralsund and the victory at Gadebush (December 1712) did not provoke anti-Russian military activity of the Ottoman Empire. On June 13, 1713, the peace of Adrianople was concluded. For the first time, Pomerania was mentioned in the paragraph on the prohibition of the stay of Russian troops in Poland. Sublime Porte agreed to the passage of Russian troops after the end of the Pomeranian campaign of 1713 near the Baltic Sea coast. In 1715, the Russian army again went to Pomerania through Poland. However, the Sublime Porte was busy with the war with the Republic of Venice and did not break the peace treaty.

Ключевые слова: русско-турецкие отношения, мирные переговоры, Петр I, Шафиров, Карл XII, Шведская Померания.

Keywords: Russian-Turkish relations, peace negotiations, Peter I, Shafirov, Karl XII, Swedish Pomerania.

Возгрин В. Е. Исторические традиции Харальда Йерне и «вейбуллианцев» в XIX–XX вв.

В статье освещается история возникновения на рубеже XIX–XX вв. и развития в перв. пол. XX в. двух направлений шведского историописания. Первая из них связана с именем Harald Hjärne, вторая — братьев Weibullians. Между этими традициями существовало известное разногласие как в теоретическом, так и практическом плане. Главным образом оно состояло в различном подходе к использованию источников. Члены обоих научных направлений высоко их ценили. Едины они были и в стремлении к научной объективности. Их расхождение заключалось в иной области. Если «вейбуллианцы» в своем возрождении прошлого не отступали от источников ни на шаг, то Х. Йерне и его последователи шли своим, не менее продуктивным путем. Они нередко пренебрегали опорой на источники. Вместо этого они синтезировали уже имевшиеся, проверенные научные результаты, имея целью создание новых, более общих заключений. Таким путем им удавалось преодолеть сложившиеся стереотипы и основать совершенно новые линии в объяснении исторического развития общества. Причем как в Швеции, так и в России, а также в ряде стран Восточной Европы. В частности, Х. Йерне и его ученики совершенно по-иному интерпретировали роль в шведской истории Карла XII. То есть не как короля-авантюриста и бездарного политика, а как последовательного и целеустремленного защитника отечества, сторонника строгого соблюдения международного права. Противостояние упомянутых группировок, часто преувеличиваемое, просуществовало до Второй мировой войны. В 1940-х гг. оно стерлось с тем, чтобы вновь актуализироваться в конце 1950–1960-х гг. В особенности ярко реанимация старого противостояния проявилась в дискуссии шведских ученых во время Исторического конгресса, имевшего место в финском городе Турку в 1957 г.

Vozgrin V. E. Historical traditions of Harald Hjärne and the "Weibullians" in the 19th and 20th centuries

The article highlights the history of the emergence and development of two directions of Swedish historiography at the turn of the 19th — 20th centuries. The first of these is associated with the name of Harald Hjärne, the second with the Weibull brothers. Between these traditions, there was a certain disagreement both in theoretical and practical terms. Mainly, it consisted of a different approach to the use of sources. Members of both scientific fields highly appreciated them. They were united in the pursuit of scientific objectivity. Their divergence was in a different area. If the "Weibullians" in their revival of the past did not retreat from the sources by a single step, then H. Hjärne and his followers went their own, no less productive way. They often neglected reliance on sources. Instead, they synthesized the already existing, proven scientific results, with the goal of creating new, more general conclusions. In this way they managed to overcome the stereotypes that had been formed and to set up entirely new lines in explaining the historical development of society. The confrontation of these groups, often exaggerated, lasted until the Second World War. In the 1940's it ended in order to become actualized again in the late 1950's and 1960's. The resuscitation of the old confrontation was particularly vividly manifested in the discussions of Swedish scientists during the Historical Congress that took place in the Finnish city of Turku in 1957.

Ключевые слова: Харальд Йерне, Лауритц Вейбулл, Курт Вейбулл, Скандия, Исторический журнал, Упсала, Лунд, Гётеборг.

Keywords: Harald Hjärne, Lauritz Weibull, Curt Weibull, Scandia, Historical Journal, Uppsala, Lund, Gothenburg.

Гехт А. Б. К. А. Валленберг. Жизнь и деятельность шведского банкира

Статья посвящена основным этапам биографии Кнута Агатона Валленберга — крупнейшего шведского предпринимателя и финансиста конца XIX — первой четверти XX в., оставившего значительный след в экономической и со-

циально-политической истории Швеции за счет активного участия в развитии финансового сектора страны и ее индустриализации. К. А. Валленберг стал наследником и продолжателем дела А. О. Валленберга, основателя «Стокгольмс Эншильда банкен», долгое время фактически определявшего экономическое развитие не только Швеции, но и в целом Скандинавского региона. Именно ему довелось стать министром иностранных дел Швеции в годы Первой мировой войны, во многом определяя внешнеполитический курс этой страны. Фактически К. А. Валленберг является человеком, благодаря которому масштабная империя семьи Валленберг начала принимать свои современные формы, и в наши дни сохраняя свое значение как в Швеции, так и во многих странах за её пределами.

Gekht A. B. K. A. Wallenberg. A Swedish banker's life and career

The article deals with the main aspects of Knut Agathon Wallenberg's biography. He was the greatest Swedish businessman and a financier at the edge of the XIX–XX centuries. He left a significant mark in the economic and socio-political history of Sweden through active participation in development of this country's financial sector and its industrialization, too. K. A. Wallenberg became an heir of André Oscar Wallenberg, "Stockholms of Enskilda Banken"'s founder. For a long time this bank played the main role in economic development of not Sweden only, but the whole Nordic region. It was K. A. Wallenberg who took the chair of Sweden's Minister for Foreign Affairs during the I World war and was in charge of forming its foreign policy. Under his leadership the Wallenberg family's empire started to shape in its modern form. It still takes its place in Sweden and many other countries even nowadays.

Ключевые слова: Кнут Агатон Валленберг, «Стокгольмс Эншильда банкен», Швеция.

Keywords: Knut Agathon Wallenberg, "Stockholms of Enskilda Banken", Sweden.

Геуст К.-Ф. Финские авиаторы в ВВС России — российские авиаторы в ВВС Финляндии (некоторые заметки о ранней истории авиации в Финляндии)

Несколько финнов (В. Миккола, В. Нюкянен, А. Паюнен и другие) во время Первой мировой войны поступили на службу в Императорские ВВС России. На галицком направлении В. Нюкянен одержал одну воздушную победу. В. Миккола командовал авиационным подразделением, а затем руководил немецкой авиационной станцией. После русской революции он вернулся в Финляндию и служил в ВВС Финляндии. Миккола стал финским летчиком № 1. Во время гражданской войны в Финляндии, в феврале 1918 г., он совершил дерзкую попытку вывести из Хельсинки сенатора (позднее президента) П. Е. Свинхуфвуд в Ваасу. Миккола трагически погиб 7 сентября 1920 г. во время перелета из Италии в Финляндию.

В апреле 1918 г. несколько офицеров российских ВВС вылетели из Петрограда в Финляндию. Они приземлились в Антрее на Карельском перешейке. Их завербовал А. Крашенинин из Выборга. Летом—осенью 1918 г. рядо российских офицеров служил под финскими именами в ВВС Финляндии. Спустя двадцать лет капитан А. Крашенинин (Торикка), заплатил за эту свою деятельность высокую цену. После «зимней войны» он был арестован советскими пограничниками и казнен в феврале 1941 г. В феврале 2000 г. Торикка был посмертно реабилитирован.

Geust C.-F. Finnish aviators in the Imperial Russian Air Force — Russian aviators in the Finnish Air Force (Some notes on early aviation history in Finland)

A number of Finns (Väinö Mikkola, Walfrid Nykänen, Arvi Pajunen and others) entered service in the Imperial Russian Air Force during World War I. Walfrid Nykänen scored one air victory on the Galician front. Väinö Mikkola commanded the aviation unit onboard aircraft carrier Orlitsa, and later commanded Hermanni aviation station near Helsinki. After the Russian revolution the Finns returned to Finland and served in the

Finnish Air Force. Mikkola became Finland´s Military Pilot No.1. In February 1918 he performed a daring attempt to evacuate Senator (later President) P. E. Svinhufvud from Helsinki to Vaasa during the Finnish Civil war. Mikkola was tragically killed 7 September 1920 during a ferry flight from Italy to Finland 7 September 1920 Since Mikkola´s fatal accident all Finnish pilots fatally perished and killed in action are remembered.

In April 1918 several Russian air force officers flew from Petrograd to Finland and landed in Antrea on the Karelian isthmus. They had been recruited by Aleksandr Krasheninin from Vyborg Suojeluskunta. The Russians served were given Finnish cover names and served summer-autumn 1918 in the Finnish Air Force. Some twenty years later the recruiter, Captain Aleksandr Krasheninin-Torikka paid a high price for his activities. After the Winter war, he was captured by Soviet border-guards and executed in February 1941 Torikka was posthumously rehabilitated in February 2000.

Ключевые слова: история авиации, финские летчики, российские летчики, российско-финляндские отношения.

Keywords: Aviation history, Finnish pilots, Russian pilots, Finnish-Russian relations.

Дубровская Е. Ю. Российские военные и горожане Гельсингфорса в обстановке радикальных перемен весны—лета 1917 г.

При изучении отношений между российскими военнослужащими и гражданским населением финляндской столицы обращают на себя внимание взаимные представления, контакты и противоречия, миф военных, столкнувшийся с мифом жителей бывшего Великого княжества в период российской революции 1917 г. Эта проблематика тесно связана с исследованием вопросов политической культуры, военной антропологии, влияния военного фактора на жизнь населения «своей» / «чужой» территории, какой воспринималась Финляндия в Российской империи.

Весной — летом 1917 г. политический переворот воспринимался российскими солдатами и матросами как ритуально-праздничное действо, в которое включалось городское пространство Гельсингфорса (Хельсинки). Трансформация старого в новое коснулась самого консервативного из ритуалов, похорон «жертв революции» в Гельсингфорсе 17 марта. Культ героев, ставших жертвами репрессий самодержавной власти, напоминал об истории революционного движения в финляндских войсках и его связях с протестными действиями финнов.

Dubrovskaja E. Yr. Russian Servicemen and Townspeople of Helsinki in Situation of Radical Changes in Spring — Summer 1917

Study of relations between Russian servicemen and civil population of the capital of Finland deals with mutual notions, contacts and contradictions, as well as the servicemen's myth opposing the myth common to dwellers of the former Grand Duchy of Finland during the Russian Revolution 1917. These problems are closely connected with research of the political culture, military anthropology and influence of military factor on the life of "own"/"alien" territory according to widespread perception of Finland in the Russian Empire.

In spring — summer 1917 Russian soldiers and sailors took the political upheaval for a kind of ritual-festival act, which spread over the urban space of Helsingfors (Helsinki). Transformation of the "old" into the "new" concerns the most conservative ritual, the funerals of the "revolution victims" in Helsingfors on the 17th of March. Cult of the Heroes, the victims of the autocratic power's repression, brought the servicemen back to the history of revolutionary movement in the Russian army and fleet located in Finland and reminded about it's ties with the protest activity of the Finns.

Ключевые слова: Первая мировая война, революция 1917 г., российские военнослужащие, Финляндия, Гельсингфорс (Helsinki), горожане.

Keywords: World War I, Russian Revolution 1917, Russian servicemen, Finland, Helsingfors (Helsinki), townspeople.

Ивлева С. Е. Петербургский типограф Георгий Гогенфельден (1828–1908). Материалы к биографии

Георгий Васильевич Гогенфельден (1828–1908) внес значительный вклад в развитие русской ксилографии, выполнял граверные работы для петербургских журналов и альманахов, участвовал в оформлении самых известных иллюстрированных изданий 1840–1860-х гг. в России. В 1860-е, 1870-е гг. Гогенфельден был владельцем собственного печатного заведения, под маркой которого вышло более 100 книг: художественная литература, иллюстрированные издания для детей, словари, справочники, каталоги. В статье рассматривается деятельность Георгия Гогенфельдена как типографа и издателя.

Ivleva S. E. St. Petersburg printer George Hohenfelden (1828–1908). Biography materials

Georgy Vasiljevich Hohenfelden (1828–1908) has payed a notable contribution to the development of Russian woodcutting. He was busy with the engraving works for St. Petersburg magazines and almanacs, participated in the decoration of the most famous illustrated editions of 1840–1860-ies in Russia. In 1860-ies, 1870-ies Hohenfelden was the owner of the personal printing house, which issued more than 100 books: fiction, illustrated editions for children, dictionaries, directories, catalogues. The article deals with George Hohenfelden activities as a printer and publisher.

Ключевые слова: типография, книга, гравюра, иллюстрация.

Keywords: typography, book, engraving, illustration.

Козлов Д. Ю. «Шведская авантюра» адмирала Н. О. фон Эссена (июль 1914 г.) в свете новых источников

Статья посвящена одному из сюжетов начального периода Первой мировой войны — походу русского Балтийского флота для упреждения «шведской угрозы», грозившему вовлечением Швеции в войну и вовремя отмененному русским верховным командованием. Автор подводит итоги освоения этой темы российской историографией и намечает некоторые перспективы дальнейших исследований, вводя в оборот новые документы из собраний российских и зарубежных архивов.

Kozlov Denis Yu. Admiral Nikolas O. von Essen's «Swedish adventure» in the light of new sources

The article is devoted to one of the plots of the initial period of the First World War — the campaign of the Russian Baltic Fleet to preempt the «Swedish threat» that threatened the involvement of Sweden in the war and abolished in time by the Russian supreme command. The author summarizes the study of this topic in Russian historiography and outlines some prospects for further research, introducing new documents from collections of Russian and foreign archives.

Ключевые слова: Первая мировая война, август 1914 г., Швеция, русский Балтийский флот, адмирал Н. О. фон Эссен.

Keywords: First World War, August 1914, Sweden, Russian Baltic Fleet, Admiral Nikolas O. von Essen.

Котельников К. Д. Побег из Советской России в Финляндию в воспоминаниях русских эмигрантов первой «волны»

В статье рассматриваются воспоминаниях русских эмигрантов первой «волны», бежавших из Советской России в Финляндию в годы Гражданской войны. Беженцами становились прежде всего жители Петрограда, переживавшего кризис снабжения. Опасности перехода границы и высокая стоимость услуг контрабандистов делали путь эмиграции через Финляндию малопривлекательным. Русофобия финских пограничников и общества в целом обусловили отток из этой страны тех русских беженцев, которые туда добрались.

Kotelnikov K. D. Escape from Soviet Russia to Finland in the memories of Russian emigrants of the first "wave"

The article analyzes the memoirs of Russian emigrants of the first "wave" who fled from Soviet Russia to Finland during the Civil war 1918–1921. Refugees were primarily residents of Petrograd, which was a city experiencing a supply crisis. The dangers of border crossing and the high cost of smugglers made emigration through Finland unattractive. The experience of Finnish border crossing memoirists remember as traumatic and involuntary. Russian refugees in Finland weren't welcomed and found themselves in a new danger: russophobia of the Finnish border guards and of the Finnish society in general led to the outflow of the country of those Russian refugees who got there.

Ключевые слова: русская эмиграция, советско-финские отношения, советско-финская граница, Гражданская война, Петроград.

Keywords: Russian emigration, Soviet-Finnish relations, Soviet-Finnish border, Civil war, Petrograd.

Кривдина О. А. Картины Эдварда Мунка в Кунстхаусе Цюриха

Эдвард Мунк (Edvard Munch 1863–1944) признан в художественном мире выдающимся художником, принесшим норвежскому искусству мировую славу. В данной статье внимание сосредоточено на обзоре коллекции живописных работ Мунка в Кунстхаусе Цюриха, имеющем крупнейшее собрание картин художника за пределами Норвегии. Обратим внимание, что все картины входят в постоянную экспозицию цюрихского музея, доступную для обозрения. Зал с живописными произведениями Мунка расположен в здании музея, построенного известным швейцарским архитектором Карлом Мозером в 1910 г., где стилистически идеально соединились с архитектурой своей эпохи.

Знакомство с представленными в экспозиции Кунстхауса портретами, жанровыми картинами и пейзажами Эдварда Мунка позволило не только оценить достоинство и значимость цюрихской коллекции, но и под новым аспектом взглянуть на творческий путь художника.

Krivdina O. A. Edvard Munch pictures in Kunsthaus Zurich

Edvard Munch (1863–1944) is recognized at the artistic world as the prominent figure, which has brought the Norwegian art the international fame. The following article deals with the review of Munch pictorial collection at the Kunsthaus Zurich, this museum owns the largest picture collection of Munch besides Norway. It is worth to underline that all the pictures are included into the permanent exposition of Kunsthaus Zurich, and can be easily observed. The hall which contains Munch paintings is located at the museum building, built by the well-known Swiss architect Karl Moser in 1910, thus the pictures are stylistically ideally connected with the architecture of the same age.

The meeting with the exposed at the Kunsthaus portraits, genre paintings and landscapes made by Much has given the opportunity not only to appreciate the merits and value of Zurich collection, but also to view Much creativity from another, new angle.

Ключевые слова: живопись, художник, коллекция, Цюрих, норвежский.

Keywords: painting, painter, collection, Zurich, Norwegian.

Лобанова Д. Р. Восприятие событий гражданской войны в Финляндии Великобританией (по материалам ежедневной газеты «Таймс»)

Мировая общественность всегда пристально следила за военными конфликтами. Ее взор был направлен и на Первую мировую войну. В СМИ всех стран мира подробно отслеживался ход военных событий и мирных переговоров. Поскольку Финляндия обрела свою независимость в последний период войны, к этому событию также было привлечено внимание периодических изданий. Все

страны мира стали публиковать статьи в передовых газетах об обретении Финляндией независимости, а в дальнейшем и о кровопролитных событиях гражданской войны. Британская пресса в первых своих статьях придерживалась явно положительного и одобряющего мнения в отношении развернувшихся на территории Финляндии событий. Однако в процессе развития военных событий и после вступления в войну Германии взгляд на ситуацию начинает меняться.

Lobanova D. R. Perception of the events of the civil war in Finland by the UK (based on the materials of the daily newspaper «The Times»)

The world community has always closely followed the military conflicts. Her gaze was also directed at the First World War. The media of all countries of the world tracked the course of military events and peace negotiations in detail. Since Finland gained its independence in the last period of the war, the attention of periodicals was also attracted to this event. All countries of the world began to publish articles in the leading newspapers about the independence of Finland, and in the future about the bloody events of the civil war. The British press in its first articles adhered to a clearly positive and approving opinion regarding the events unfolding in Finland. However, in the course of the development of military events and after the entry of Germany into the war, the outlook on the situation begins to change.

Ключевые слова: гражданская война в Финляндии, английская пресса, Таймс.

Keywords: Finnish Civil War, English press, The Times.

Маркова Е. А. «Контакты Императорской петербургской академии художеств и Королевской академии Копенгагена по проблеме художественного обучения женщин в 1870-е годы»

В работе проанализирована проблема художественного обучения женщин в России и Дании, которая назрела во второй половине XIX в. Переписка руководства двух академий, хранящаяся в Российском государственном историческом архиве, позволила изучить аспекты и трудности, вставшие в тот период времени при создании совместных и раздельных классов. Путем сравнения двух систем отмечается моральная и историческая сторона женского движения в сфере изобразительного искусства.

Markova E. A. «Connections of Saint-Petersburg's Imperial Academy of arts with Copenhagen's Royal Academy of Fine Arts on the problem of women's art education in the 1870s»

In this research was analyzed problem of women's art education in Russia and Denmark which was actual in the second half of the 19th century. Correspondence of the direction of two academies which stored in the Russian State Historical Archive allowed to study aspects and difficulties that arose during that period when creating joint and separate art classes. So the moral and historical side of the women's movement in the field of visual arts is noted by comparing the two systems.

Ключевые слова: женское искусство, художественное образование, Императорская академия художеств, Датская королевская академия изящных искусств.

Keywords: Women's art, art education, The Imperial Academy of Arts, The Royal Danish Academy of Fine Arts.

Мельнов А. В. Строительство шведско-немецкого собора Петра и Павла в Выборге

Статья посвящена истории взаимоотношения четырех языковых общностей Выборга при строительстве шведско-немецкого собора Свв. Петра и Павла. Впервые в отечественной историографии приводится анализ документов Комитета по строительству собора, сохранившихся в Провинциальном архиве горо-

да Миккели, частично опубликованных в 1923 г. в брошюре настоятеля собора К. Г. Э Мосандера. Впервые на русском языке дается полный обзор процесса возведения здания храма. В отечественной историографии важное место занимает лишь факт участия петербургского архитектора Ю. М. Фельтена в изменении проекта собора, в то время как в настоящей статье описывается роль каждого участника процесса, чьи имена отразились в документах. Анализ документов Комитета по строительству собора позволяет воспроизвести особенности взаимоотношений городской элиты с представителями российской государственной власти.

Melnov A. V. The building construction of swedish-german Saints Peter and Paul Lutheran Church in Vyborg

This article is devoted to relationships of four linguistic community of Vyborg in the time of building of the swedish-german Saints Peter and Paul Lutheran Church. For the first time in the Russian historiography is analysis the documents by Committee of building the church from the National of Archives in Mikkeli. The parts of documents was published by priest K. G. E. Mosander in 1923. For the first time was made history of building the church in russian. In Russian historiography is famous fact of participation of architect Yury Felten from Saint-Petersburg, who was reshaped the project. Much attention is given to contribution of ever persons whose name is saving in documents. The analysis the documents by Committee of building the church are reconstruct to relationships Vyborgs elite with Russian government.

Ключевые слова: собор Петра и Павла в Выборге, шведско-немецкий лютеранский приход Выборга, К. Г. Э. Мосандер, Ю. М. Фельтен, И. Брокман, строительная история.

Keywords: Saints Peter and Paul Lutheran Church; Swedish-german Lutheran parish in Vyborg, K. G. E. Mosander, Y. Felten, J. Brockmann.

Михайловская А. А. Исторические предпосылки зарождения прогерманизма в Швеции

В статье ставится задача рассмотреть и проанализировать предпосылки зарождения и становления прогерманизма в Швеции. В результате анализа раскрывается степень распространенности прогерманских идей в Швеции с начала правления короля Оскара II до начала Первой мировой войны. А также дается анализ и оценка деятельности короля и его сторонников в вопросах развития прогерманизма в государстве. В дополнение, исследование включается в себя анализ «шведского взгляда» на Россию в рамках приближающейся Первой мировой войны, где Швеция стояла на распутье в вопросах нейтралитета.

Mikhailovskaia A. A. The historical background of the emergence of a Pro-Germanism in Sweden

The goal of the article is the consideration and analysis of the background of the emergence of a Pro-Germanism in Sweden. A measure of the distribution of pro-German ideas in Sweden since the reign of King Oscar II until the beginning of The First World War is revealed as result of a review. The review analyses and provides an assessment of the activity of King and his supporters in matters of development of Pro-Germanism in a State. In addition, the research includes an analysis of "Swedish view" on Russia within the oncoming First World War in which Sweden was at a crossroads in matters of the neutrality.

Ключевые слова: история Швеции, прогерманизм в Швеции, прогерманизм, Оскар II, русофобия, шведский нейтралитет.

Keywords: History of Sweden, Pro-Gemanism in Sweden, Pro-Germanism, Oscar II, Russophobia, Swedish neutrality.

Мусаев В. И. Неудавшийся проект: попытка объединения Финляндской и Эстонской православных церквей (нач. 1920-х гг.)

После оформления государственной независимости Финляндии и Эстонии «национально» ориентированные силы в руководстве православных церковных структур обеих стран начали проявлять намерение к каноническому обособлению от Русской православной церкви и обретению автокефалии. Этническое родство и культурная близость эстонцев и финнов играли свою роль в том числе и в конфессиональных вопросах. На рубеже 1910–1920-х гг. обсуждался вопрос о создании объединенной автокефальной православной финляндско-эстонской церкви. В силу ряда объективных и субъективных причин этот проект не был реализован. Однако и в последующий период Финляндская и Эстонская православные церкви действовали во многом солидарно и поддерживали между собой тесные связи в самых разных сферах.

Musaev V. I. Unsuccessful project: Attempt of Unification of the Finnish and the Estonian Orthodox Churches

The article deals with the ecclesiastic ties between the Finnish and Estonian Orthodox Churches. After Finland and Estonia acquired their statehood, "nationally" oriented persons in the leading structures of both churches began to display intention to canonical isolation from the Russian Orthodox Church and reaching autocephaly. Ethnic kinship and cultural proximity of the Estonians and the Finns played their part also in confessional matters. On the turn of the nineteen tens and twenties discussion of the issue of creating united autocephalic Finnish-Estonian Orthodox church was in progress. In virtue of some objective and subjective circumstances, this project was not implemented. Further on as well, however, the Finnish and the Estonian Orthodox Churches acted largely jointly and kept up close ties in various fields.

Ключевые слова: Православная церковь, Финляндия, Эстония, автокефалия, церковная автономия.

Keywords: Orthodox Church, Finland, Estonia, autocephaly, church autonomy.

Петров П. В. Отечественная историография советско-финляндской войны за последние двадцать лет (1999–2018)

В 1999 г. отечественная историческая наука отмечала важный юбилей — 60-летие начала советско-финляндской войны. Это событие также совпало с проведением первой международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», которая в дальнейшем активно занималась данной проблематикой. За прошедшие с того момента 20 лет российская историческая наука обогатилась большим количеством исследований и документальных публикаций по истории советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Научными учреждениями и государственными архивами проделана огромная работа по выявлению и публикации источников по истории войны, осуществлены крупные исследовательские проекты. В данном обзоре рассмотрены все книги, посвященные разнообразным аспектам этой войны, — научные монографии, коллективные труды, сборники статей, документов, материалов конференций, справочники, альбомы и иллюстрированные издания. В результате, благодаря вышедшим трудам, многие из научных проблем, связанных с историей «зимней войны», уже успешно решены отечественными историками.

Petrov P. V. Domestic historiography of the Soviet-Finnish war in the last twenty years (1999–2018)

In 1999, domestic historical science celebrated an important anniversary — the 60th anniversary of the beginning of the Soviet-Finnish war. This event also coincided with the holding of the first international scientific conference "St. Petersburg and the countries of Northern Europe", which was later actively engaged in this issue. Over

the past 20 years since then, Russian historical science has been enriched with a large amount of research and documentary publications on the history of the Soviet-Finnish war of 1939–1940. Scientific institutions and state archives have done a great job in identifying and publishing sources on the history of war, and large research projects have been carried out. This review covers all the books on various aspects of this war — scientific monographs, collective works, collections of articles, documents, conference materials, reference books, albums, and illustrated publications. As a result, thanks to the published works, many of the scientific problems associated with the history of the "winter war" have already been successfully solved by Russian historians.

Ключевые слова: советско-финляндская война, монография, автор, сборник документов, архив, составитель, библиография.

Keywords: Soviet-Finnish war, monograph, author, collection of documents, archive, compiler, bibliography.

Родин Д. В. Советский Союз и проект «Северного Локарно» Рафаэля Эриха

На протяжении 1920-х гг. в Прибалтийских странах была достаточно популярна идея «Балтийского блока», способного гарантировать местным странам безопасность и территориальную целостность. Форма такого объединения мыслилась по-разному: от военно-политического блока во главе с Польшей до системы гарантийных пактов, аналогичных Локарнским соглашениям. Идею подобной системы в ноябре 1925 г. озвучил финский представитель в Лиге Наций Р. Эрих, однако она так и не была воплощена в жизнь. Одной из главных причин отказа от проекта, озвученного Р. Эрихом, стала позиция Советского Союза, опасавшегося, что предполагаемая система пактов будет иметь антисоветскую направленность. Инициированная советским правительством газетная кампания, направленная против предложений Р. Эриха, и выступления советских дипломатов против идеи «Северного Локарно» повлияли на позицию Скандинавских стран, и без того видевших в озвученном проекте попытку нарушения их нейтралитета. В результате инициатива финского дипломата провалилась, однако ее духовным наследием стали проекты «Восточного Локарно», разрабатывавшиеся дипломатами разных стран во второй половине 1920-х гг.

Rodin D. V. Soviet Union and the "Northern Locarno" project of Rafael Erich

All throughout the 1920's Baltic countries were harbouring an idea of the Baltic block that would grant security and territorial integrity to the countries of the region. The concrete ideas for the execution of this agreement differed from a military-political block led by Poland to a system of guarantee pacts analogous to the Locarno agreements. The idea for such a system was vocalized by the Finnish attorney in the League of Nations R. Erich in 1925, yet it was never brought to life. The position of USSR towards the issue became one of the primary reasons to withhold the proposed system as the Soviet Union felt endangered by the pact`s supposed anti-Soviet agenda. A newspaper campaign against Erich`s program initiated by the Soviet government along with a number of public speeches against the idea of «Northern Locarno» made by Soviet diplomats influenced the position of Scandinavian countries that had already seen the project as an attempt to violate their neutrality. As a result, the initiative of the Finnish attorney failed, yet influenced the future projects of the «Eastern Locarno» developed by a group of diplomats in the second half of the 1920's.

Ключевые слова: Локарнская конференция, внешняя политика Финляндии, Советский Союз, Лига Наций, Прибалтика, Скандинавия, гарантийный пакт.

Keywords: Locarno conference, Finnish foreign policy, Soviet Union, League of Nations, Baltic states, Scandinavia, guarantee pact.

Славнитский Н. Р. О комплектовании и снабжении российских войск в Финляндии в середине 1710-х годов

В статье затронут вопрос о том, каким образом осуществлялось снабжение и комплектование российских войск, находившихся на территории Финляндии. Эти части в то время являлись основной ударной силой в боевых действиях против Швеции, поэтому их снабжение относилось к числу первоочередных задач, однако это оказалось на практике непростым делом. Причинами этого стали как отдаленность корпуса от основных баз снабжения, так и то, что снабжение полков осуществлялось от разных ведомств.

Slavnitsky N. R. On the acquisition and supply of Russian troops in Finland in the mid 1710-s

The article touched upon the question of how the supply and acquisition of the Russian troops that were located in Finland was carried out. At that time, these units were the main striking force in the hostilities against Sweden; therefore, their supply was among the top priorities, but this turned out to be difficult in practice. The reasons for this were both the remoteness of the corps from the main supply bases, and the fact that the regiments were supplied from different departments — naval, artillery, the Senate, and the commandants of St. Petersburg and Vyborg were guarding the traffic.

Ключевые слова: Северная война, Финляндия, Ф. М. Апраксин, рекрутские наборы.

Keywords: Northern War, Finland, F. M. Apraksin, recruitment kits.

Фруменкова Т. Г. П. Г. Ганзен и его социальная работа в русской деревне в 1899 г.

Статья посвящена истории первого социального опыта в России П. Г. Ганзена, датчанина по происхождению, российского подданного в 1887–1917 гг., переводчика на русский язык произведений Х. К. Андерсена и сочинений других скандинавских писателей. В 1890-е гг. он совершил ряд поездок за границу, изучил основные принципы и организацию системы призрения детей и помощи бедным в Скандинавских государствах и других странах Западной Европы, опубликовал несколько книг по этим проблемам. В 1899 г. в качестве уполномоченного Комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах он занимался оказанием трудовой помощи пострадавшим от голода крестьянам Поволжья, был директором летних детских яслей-приютов в Малмыжском уезде Вятской губернии и рассказал о своей работе в книге «Опыт оздоровления деревни».

Frumenkova T. G. P. G. Hansen and his social work in the Russian village in 1899

The article is devoted to the history of the first social experience in Russia of P. G. Hansen, a Dane by origin, a Russian citizen in 1887–1917, a translator into Russian of the works of H. K. Andersen and works of other Scandinavian writers. In the 1890s, he made a number of trips abroad, studied the basic principles and organization of the system of care for children and assistance to the poor in the Scandinavian States and other countries of Western Europe and published several books on these problems. In 1899, as an authorized Committee of guardianship of the houses of diligence and work houses, he was engaged in providing labor assistance to the victims of hunger peasants of the Volga Region, was the Director of summer nurseries-shelters in Malmyzhsky district of Vyatka province and reported on his work in the book called “Experience of improvement of the village”.

Ключевые слова: датчанин, Россия, российская деревня, крестьяне, пострадавшие от голода, трудовая помощь, крестьянские дети, детские ясли-приюты.

Keywords: Danish, Russia, Russian village, the peasants suffered from hunger, labor assistance, peasant children, nursery-shelters.

Чепель А. И. «У него там знакомцы и племя есть»: роль личных связей в разведывательной деятельности в шведско-русском приграничье в первые годы после Столбовского мира

После подписания Столбовского мирного договора Россия и Швеция стремились к сотрудничеству в военно-политической и экономической сферах. Тем не менее напряженность в межгосударственных отношениях сохранялась. Поэтому страны вынуждены были уделять пристальное внимание положению на общей границе. Одной из причин сохранения напряженности было то обстоятельство, что Россия отдала в пользу Швеции часть русских северо-западных территорий вместе с населением. Эта вынужденная мера только усиливала взаимную подозрительность.

Для надежной защиты границы с помощью военной силы у Швеции и России не хватало ресурсов, поэтому обеими странами активно велась разведывательная деятельность, игравшая существенную роль в организации обороны границы. Достоверная информация из-за рубежа способствовала своевременному реагированию на опасность. В XVII в. шпионаж считался важным способом получения информации. В шпионаже подозревали всех, кто прибывал из-за границы.

Для сбора информации использовались родственные, религиозные и деловые контакты приграничного населения. В новых условиях не было необходимости создавать за рубежом «агентурную сеть», потому что она уже существовала. Теперь приграничные власти выбирали в качестве шпионов тех, кто имел родственников, друзей, деловых партнеров по другую сторону границы. Лазутчикам, находившимся в привычном окружении, меньше приходилось опасаться разоблачения.

Chepel' A. I. «He has acquaintances and a kin there»: the role of personal connections in intelligence activities in the Swedish-Russian borde area in the first yearsafter the Stolbov peace treaty

After signing the Stolbov peace treaty Russia and Sweden sought to cooperate in the military-political and economic spheres. However, tensions in international relations remained. Therefore, countries were forced to pay close attention to the situation on the common border. One reason for the persistence of tensions was the fact that Russia had given in favor of the Swedish part of the Russian Northwest Territories, together with the population. This measure only increased mutual suspicion.

For reliable protection of borders by military force in Sweden and Russia did not have enough resources, so the two countries conducted reconnaissance. Reconnaissance activities plead a significant role in organizing the defense of the border. Reliable information from abroad contributed to timely respond to the danger. In the XVII century the espionage was considered an important way of getting information. In espionage suspected everyone who arrived from abroad.

To collect the information used by kinship, religious and business contacts of the border population. In the new conditions there was no need to create overseas «spy network» because it already existed. Now the border authorities picked spies who had relatives, friends, and business partners on the other side of the border. Scouts, who was in familiar surroundings, had less to fear of exposure.

Ключевые слова: шведско-русское приграничье, Столбовский мирный договор, шпионаж, Русско-шведская война 1656–1658 гг.

Keywords: Swedish-Russian border region, the Stolbov peace treaty, espionage, the Russian-Swedish War of 1656–1658 years.

Шрадер Т. А. История школ Шведской и Финской церквей Св. Екатерины и Св. Марии в Санкт-Петербурге (XIX век)

В статье на базе материалов, хранящихся в архивах Санкт-Петербурга, и научных публикаций, изданных в Швеции и Санкт-Петербурге, автор даёт картину системы образования в школах и училищах при церквях Св. Екатерины и Св. Марии, которые являлись приходами шведских и финских граждан, проживавших в Санкт-Петербурге в XIX в. Шведам и финнам удалось сохранить в этот период самобытность и язык в многонациональном Петербурге.

В 1824 г. на основании прошения Конвента шведской церкви Св. Екатерины была учреждена школа для обучения малолетних детей бедных родителей. В школе в первые годы обучалось 20 мальчиков. Школа была поставлена в одинаковые условия с другими иноверческими школами города. Постепенно число учащихся увеличивалось. Расширялась программа обучения. В 1853 г. в школе обучалось 157 мальчиков и 125 девочек из различных сословий столицы. В 1869 г. в Петербурге в учебном процессе участвовало 28 учителей шведской национальности.

При финской церкви Св. Марии в 1820г было открыто недельное отделение для мальчиков и девочек, в 1839 г. — воскресное училище для детей из семей ремесленников.

В конце XIX в. открыта школа на Выборгской стороне Петербурга для 280 учеников, преподавателей было 11 человек. На протяжении долгих лет руководителем школ был пастор Каянус, швед из Финляндии.

Почти столетняя деятельность школ давала возможность детям шведских и финских граждан, а также русским и немецким детям, тоже учившимся в этих школах в столице России, получить образование на уровне уездных училищ России.

Shrader T. A. The History of the Schools of Swedish Church St.Catherina and Finnish Church St.Maria in St.Petersburg (XIX century)

In this paper on the base of materials of archives in St.Petersburg and scientific publications from Sweden and Russia is given the picture of education system in schools belonged to churches St.Catherine and St.Maria in XIX century. The Swedish and Finnish citizens in St.Petersburg in XIX century were the members of the parish of these churches and it managed them to keep the originality of culture and languages The schools for Swedish and Finnish children in St.Petersburg helped to do it.

In 1824 was a petition of the Convention of the Swedish church and it was grounded the first school for 20 boys from poor families. The position of this one was like the other schools for pupils of different nations in St. Petersburg. Year after Year it were more pupils. Programs became more variety. In 1853 in the Swedish school were 157 boys and 125 girls, in 1869 it were 28 Swedish teaches. In 1820 was grounded a school of the St.Maria church for boys and girls, in 1839- the Sunday school for children from handicrafts families. In the last years of the XIX century was grounded a school for 280 pupils and 11 teaches in the Viborg part of the town. The leader of the schools was the pastor Cajanus, the Swedish from Finland.

The 100 years history of the Swedish and Finnish schools gave the possibility for Swedish, Finnish and Russian, German children who were the pupils of these schools too, to get the education at the level of district schools in Russia.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, шведская и финская церкви, школы.

Keywords: St.Petersburg, Swedish and Finnish churches, schools.

СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 15–20 НОМЕРАХ ЖУРНАЛА «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ» (2015–2019 гг.)

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

Бажанов Д. А. Взаимоотношения органов революционной власти на кораблях Балтийского флота весной 1917 г. /по материалам визита А. Ф. Керенского в Гельсингфорс 9 мая 1917 г./ (2019, № 20 /2/)

Базарова Т. А. «За кивиковою станицею лесами и болотами…»: Первый русский комендант Выборга Г. П. Чернышев и борьба с «кивиками» (2015, № 16)

Балаценко Ю. Д. И. Е. Репин и творческое сообщество независимой Финляндии (2017, № 18/1–2/)

Балаценко Ю. Д. Интеграция И. Е. Репина и его семьи в общество Финляндии 20-х годов XX века и попытки «вернуть» художника в СССР (2015, № 16)

Балаценко Ю. Д. Как и почему И. И. Бродский уговаривал И. Е. Репина переехать из Финляндии в СССР (2016, № 17/1/)

Балаценко Ю. Д. Судьба внуков И. Е. Репина Гая и Дия после 1917 г. (2019, № 20 /1/)

Барышников В. Н. Латышский большевик И. Т. Смилга и его роль в революции и гражданской войне в Финляндии (2019, № 20 /1/)

Барышников В. Н. Почему в 1946 г. К. Г. Э. Маннергейм не был осужден как «главный военный преступник»? (2017, № 18/1–2/)

Геуст К.-Ф. Finnish aviators in the Imperial Russian Air Force — Russian aviators in the Finnish Air Force /Some notes on early aviation history in Finland/ (2019, № 20 /2/)

Гехт А. Б. К. А. Валленберг. Жизнь и деятельность шведского банкира (2019, № 20 /2/)

Гехт А. Б., Цверианашвили И. А. Ханс Кристиан Эрстед: вехи биографии и научной деятельности (2018, № 19/1/)

Дмитриева Н. В. Исландский ученый Финн Магнусен (1781–1847) — корреспондент российского дипломата П. А. Николаи (1777–1866), на материалах архива усадьбы Монрепо (2016, № 17/2/)

Жаров Б. С. Датский юрист Хермод Ланнунг — свидетель революционных событий 1917 года в Петрограде (2018, № 19/2/)

Жаров Б. С. Иван Оттонович Паллизен (Hans Jessen Pallisen, 1815–1881) — генеральный консул Дании в Санкт-Петербурге (2016, № 17/1/)

Ивлева С. Е. Гравер-иллюстратор Лаврентий Серяков (1824–1881) и Константин Клодт. Ученик и учитель (2018, № 19/1/)

Ивлева С. Е. Петербургский типограф Георгий Гогенфельден (1828–1908): Материалы к биографии (2019, № 20 /2/)

Кангаспуро Л. В. Братья Яков и Константин Гроты. Деятельность на благо России и Финляндии (2017, № 18/1–2/)

Кангаспуро Л. В. Творцы тюремных реформ — Н. С. Таганцев и А. Грутенфельт (2016, № 17/1/)

Коваленко Г. М. Свен Бэльтер в Санкт-Петербурге. 1744–1745 (2015, № 16)

Коваленко Г. М. Советская Россия 1920-х гг. глазами Туре Арне (2016, № 17/1/)

Кривдина О. А. Потомок датчан — выпускник Петербургской Академии художеств В. Г. Шварц (1838–1869): Формирование таланта (2016, № 17/1/)

Кривдина О. А. Ученик и учитель: Бертель Торвальдсен и Борис Орловский (2018, № 19/1/)

Мельнов А. В. Лоренц Кристофер Стобеус — начальник Выборгской фортификационной команды 1702–1710 гг. (2018, № 19/1/)

Михалкова Т. К. Выдающийся филолог-скандинавист М. И. Стеблин-Каменский в блокадном Ленинграде (2017, № 18/1–2/)

Мошник Ю. И. Война в присутствии высоких гостей: деятельность командующего Выборгским окружным военным управлением Арно Туурна в 1941–1943 гг. (2016, № 17/2/)

Мусаев В. И. Политическая активность русской эмиграции в Финляндии в 1920–1930-е гг. (2018, № 19/1/)

Партала М. А. Г. А. Кьяндский — офицер Финляндского радиотелеграфного дивизиона: портрет «в интерьере эпохи». /По материалам из фондов Мемориального музея А. С. Попова/ (2019, № 20 /1/)

Пермякова А. А. Аврора Шернваль: Места памяти в Финляндии и Петербурге (2016, № 17/1/)

Полевая А. А. Личность Видкуна Квислинга в контексте борьбы в оккупированной Норвегии. Роль психологического портрета в его деятельности и политике (2016, № 17/2/)

Родин Д. В. Советский Союз и проект «Северного Локарно» Рафаэля Эриха (2019, № 20 /2/)

Садомцева А. Р. А. Линдгрен и вторжение Германии в Скандинавию (2016, № 17/2/)

Сычев В. И. Маркиз Иван Иванович де Траверсе в Роченсальме (Котка) в 1796–1801 гг. (2016, № 17/2/)

Фруменкова Т. Г. П. Г. Ганзен и его социальная работа в русской деревне в 1899 г. (2019, № 20 /2/)

Шкваров А. Г. Евреи и мусульмане в русской армии и флоте в Великом Княжестве Финляндском в XIX в. (2016, № 17/2/)

Яковлева Т. М. Ида Аалберг в Петербурге (2016, № 17/1/)

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Бажанов Д. А. Гражданская война в Финляндии и русские военные моряки: реакция, участие, мотивы (на материалах экипажей кораблей Гельсингфорсской военно-морской базы) (2015, № 16)

Базарова Т. А. «Долгая дорога домой»: Возвращение русских военнопленных в 1710 г. (2017, № 18/1–2/)

Базарова Т. А. Военные действия в Шведской Померании и русско-турецкие мирные переговоры 1711–1713 гг. (2019, № 20 /2/)

Базарова Т. А. Русско-шведское дипломатическое противостояние в Стамбуле в начале XVIII в. (2016, № 17/1/)

Барышников В. Н. Бомбардировка советской авиацией Хельсинки в феврале 1944 г.: особенности и значение (2016, № 17/1/)

Барышников В. Н. К вопросу об объективности выхода Финляндии из Второй мировой войны на стороне Германии в 1944 г.: экономический аспект (2015, № 16)

Барышников В. Н. Роль финской военной разведки в сражении за Выборг в августе 1941 г. (2016, № 17/2/)

Бочков Е. А. Особенности организации тылового обеспечения действующей Красной армии в советско-финляндской войне (1939–1940 гг.) (2019, № 20 /1/)

Василик В. В. Св. князь Александр Невский и Финляндия (Поход 1256 года, его причины, характер и результаты) (2018, № 19/2/)

Веригин С. Г. Советские военнопленные в финских концлагерях на оккупированной территории Медвежьегорского района Карелии в 1941–1944 гг. (2016, № 17/2/)

Возгрин В. Е. Выборг и Нарва как ключевые центры Шведской колониальной империи (2018, № 19/2/)

Возгрин В. Е. Закат Датской колониальной империи (2018, № 19/1/)

Возгрин В. Е. Почему Речь Посполитая не стала (великой) балтийской державой? (2016, № 17/1/)

Востров А. В. «Ключ от Стокгольма»: Аландские острова в период русско-шведских войн 1700–1809 гг. (2018, № 19/1/)

Востров А. В. Финляндская железная дорога в 1870–1917 гг. как нереализованный фактор сближения двух столиц (2016, № 17/2/)

Гехт А. Б. Военная помощь Финляндии со стороны Швеции в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. (2016, № 17/1/)

Гуляев Д. А. Советская дипломатия и деятельность Коминтерна в Швеции в контексте борьбы коалиции Союзников и Германии за влияние в Северной Европе 1939–1943 гг. (2016, № 17/2/)

Дубровская Е. Ю. Российские военные и горожане Гельсингфорса в обстановке радикальных перемен весны-лета 1917 г. (2019, № 20 /2/)

Журавлев Д. А., Панов Р. А. Роль медицинских и научных учреждений Ленинграда в организации лечения обморожений в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. (2017, № 18/1–2/)

Иванников Н. С. Критика партии «Шведские демократы» по социально-политическим пунктам программы на современном этапе (2018, № 19/1/)

Иванников Н. С. Позиция Швеции по отношению к Аландскому сепаратизму 1917–1921 гг. (2016, № 17/1/)

Ильченко П. А. Истоки формирования т. н. «шведской модели» в экономической политике государства в 1920–1930-х гг. (2016, № 17/2/)

Козлов Д. Ю. «Шведская авантюра» адмирала Н.О. фон Эссена (июль 1914 г.) в свете новых источников (2019, №20 /2/)

Козлов Д. Ю. «Шведский фактор» в планах применения Российского флота накануне Первой мировой войны /1907–1914/ (2019, № 20 /1/)

Корчагин О. В. Третьи пехотные финские командные курсы в Петрограде (2019, № 20 /1/)

Лобанова Д. Р. Социальные последствия гражданской войны в Финляндии (2015, № 16)

Мельнов А. В. Шведский гарнизон Выборга в осаде 1710 года (2016, № 17/1/)

Михайловская А. А. Исторические предпосылки зарождения прогерманизма в Швеции (2019, № 20 /2/)

Михайловская А. А. Шведский «активизм» в начале Первой мировой войны (2018, № 19/1/)

Мошник Ю. И. «Эшелоны направлять в Выборг». Гарнизон Выборгской крепости в декабре 1917 — январе 1918 гг. (2018, № 19/2/)

Мусаев В. И. «Соплеменная» эмиграция и «работа с соплеменниками» («heimotyö»): ингерманландский и восточно-карельский фактор в политике межвоенной Финляндии (2018, № 19/2/)

Мусаев В. И. Проблема репатриации беженцев в советско-финляндских отношениях после заключения Тартуского мира (2016, № 17/2/)

Партала М. А. История участия 12-го лыжного батальона в «зимней войне» в литературных источниках (2018, № 19/2/)

Петров П. В. Ленинградская промышленность в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.: создание новых образцов вооружения и техники (2016, № 17/2/)

Постников А. Г. Применение артиллерии особой мощности на Карельском перешейке зимой 1939–1940 гг. и летом 1944 гг. (2016, № 17/2/)

Садомцева А. Р. Шведско-американские отношения сквозь призму «финского вопроса» (22.06.1941 г. — лето 1943 г.). (2018, № 19/1/)

Славнитский Н. Р. Финские рабочие в народническом движении (2018, № 19/2/)

Славнитский Н. Р. О комплектовании и снабжении российских войск в Финляндии в середине 1710-х гг. (2019, № 20 /2/)

Славнитский Н. Р. Обеспечение обороны Санкт-Петербурга во время операции в Финляндии в 1713 г. (2018, № 19/1/)

Славнитский Н. Р. Разведка в годы Северной войны: мероприятия по сбору сведений о противнике в период обороны северо-западных рубежей России в 1708 г. (2015, № 16)

Славнитский Н. Р. Ремонтные работы в Санкт-Петербургской и Выборгской крепостях в годы Семилетней войны (2017, № 18/1–2/)

Славнитский Н. Р. Тактика действий российских и шведских войск в Ингрии и Финляндии в годы Северной войны: борьба за переправы (2016, № 17/1/)

Смолин А. В. Проблемы демаркации русско-финской морской границы в 1918 г. (2018, № 19/2/)

Смолин А. В. Советско-финские переговоры в Тарту. Первый этап 12 июня — 14 июля 1920 г. (2019, № 20 /1/)

Терашкевич А. С. Русские в гражданской войне в Финляндии (2016, № 17/2/)

Чепель А. И. «У него там знакомцы и племя есть»: роль личных связей в разведывательной деятельности в шведско-русском приграничье в первые годы после Столбовского мира (2019, № 20 /2/)

Чепель А. И. Преступные сообщества в шведско-русском приграничье в первые годы после Столбовского мира (2017, № 18/1–2/)

Чепель А. И. Шведско-русское приграничье после Столбовского мира: оправдание и самооправдание перебежчиков (2016, № 17/1/)

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Бажанов Д. А. Продовольственное снабжение русских военных моряков в Финляндии в годы Первой мировой войны (август 1914 — январь 1917 гг.) (2016, № 17/2/)

Бажанов Д. А. Русская морская контрразведка в Финляндии в марте — октябре 1917 г.: организация и структура (2016, № 17/1/)

Бажанов Д. А. Февральская революция в Гельсингфорсе: столица Финляндии 3–5 марта 1917 г. (2018, № 19/1/)

Востров А. В. Аландский вопрос и его трансформация в период 1809–1917 годов (2018, № 19/2/)

Гребенщикова Г. А. Военное противостояние России и Швеции под Выборгом в 1790 г. (2018, № 19/1/)

Гребенщикова Г. А. Военно-морские силы России и Швеции накануне Русско-шведской войны 1788–1790 гг. (2016, № 17/1/)

Гребенщикова Г. А. Некоторые аспекты развития кораблестроения на Балтике в конце XVIII — начале XIX века (2018, № 19/2/)

Кобчиков Е. Ю. Художник А. П. Боголюбов и облик кронштадтских фортов в Крымскую (Восточную) войну 1853–1855 гг. (2015, № 16)

Лебедев А. А. Балтийский корабельный флот начала XIX в. в свете нового архивного источника (2016, № 17/1/)

Лебедев А. А. Гангутская кампания Балтийского парусного флота 1743 г. в свете новых материалов (2015, № 16)

Лебедев А. А. Красногорское сражение 23–24 мая 1790 г. в свете новых данных (2016, № 17/2/)

Лебедев А. А. Малоизвестные подробности Кольбергских экспедиций Балтийского флота 1760 и 1761 гг. (2017, № 18/1–2/)

Лебедев А. А. Об одном достижении России в годы Северной войны и его последствиях (2018, № 19/1/)

Лебедев А. А. Свет и тени крейсерских действий русского флота в русско-шведской войне 1788—1790 гг. (2018, № 19/2/)

Николаев Н. И. Проблема датских проливов в военно-морском планировании Великобритании и России накануне и в годы Первой мировой войны (2018, № 19/2/)

Партала М. А. «Осведомительное бюро» контр-адмирала А. И. Непенина: к истории Временного оперативного отделения при начальнике Службы связи Балтийского моря (1915–1917) (2015, № 16)

Партала М. А. Наградные документы офицеров и нижних чинов Русского флота (1914–1917) как важный источник по истории отечественной военно-морской радиоразведки (2016, № 17/1/)

Партала М. А. Радиоразведка Русского флота на Балтийском море (1914–1917): новые материалы к биографиям офицеров (2018, № 19/1/)

Партала М. А. Радиоразведка Русского флота на Балтийском море (1914–1917): современная историография и перспективы исследования (2017, № 18/1–2/)

Петров П. В. Боевые действия в Петергофе и Стрельне в сентябре — октябре 1941 года (2018, № 19/1/)

Петров П. В. К вопросу о потерях Советского Военно-Морского Флота в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. (2015, № 16)

Петров П. В. Политические настроения и дисциплина на Краснознаменном Балтийском флоте в конце 1930-х — начале 1941 г. (2016, № 17/1/)

Петров П. В. Создание военно-морских баз и береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота в Выборгском заливе и Бьёркском архипелаге весной 1940 — весной 1941 гг. (2019, № 20 /1/)

Петров П. В. Финские военнопленные на Балтике в период «зимней войны» 1939–1940 гг. (2017, № 18/1–2/)

Самыловская Е. А. Участие Саввы Владиславича Рагузинского в карьере флотоводца Матия Змаевича в России (2015, № 16)

Церианашвили И. А. Вклад Швеции в создание Юго-Западных очистных сооружений в Санкт-Петербурге (2016, № 17/1/)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

Арзамасцева Е. Н. Визуальный образ российской власти в финляндской печати начала XX века (на примере карикатур из журнала «Kurikka») (2015, № 16)

Арзамасцева Е. Н. Российская власть в финляндской политической периодической печати начала XX века (2016, № 17/2/)

Базарова Т. А., Проскурякова М. Е. «Топографическое описание Выборгского наместничества» (1786) из собрания Воронцовых (2018, № 19/1/)

Барышников В. Н. «Скандинавский сборник» и особенности изучения в СССР истории стран Северной Европы (1950–1960 гг.) (2019, № 20 /2/)

Барышников В. Н. К вопросу о роли и значении дореволюционной российской историографии в изучении стран Северной Европы и формировании современной скандинавистики (2018, № 19/1/)

Барышников В. Н. Проблема изучения в СССР в 1920–1930-е гг. истории революции и гражданской войны в Финляндии (2018, № 19/2/)

Белкина Н. В. Слова как зеркало эпохи (на примере финских и русских неологизмов 2013 г.) (2015, № 16)

Васара В.-Т. «Какую Финляндию мы должны создать?» Несколько взглядов на будущее молодой республики в 1918 г. (2016, № 17/2/)

Васара В.-Т. Советская Карелия глазами участников «карельских походов» 1918–1922 гг. (2018, № 19/2/)

Возгрин В. Е. Альма Сёдеръельм, историк из Выборга — от апологии революции до участия в белом движении (2019, № 20 /1/)

Возгрин В. Е. Исторические традиции Харанда Йерне и «вейбуллианцев» в XIX–XX вв. (2019, № 20 /2/)

Возгрин В. Е. Современная историография датской колониальной империи (2017, № 18/1–2/)

Возгрин В. Е. Средневековые litterati и illitterati в скандинавской и иных культурах (2018, № 19/1/)

Возгрин В. Е. Становление датской конституции: социально-психологический фактор (2015, № 16)

Возгрин В. Е. Сходство и различия скандинавской и романо-германской историографии Средневековья (2016, № 17/2/)

Гехт А. Б. Мемуары У. Ашберга «En vandrande jude från Glasbruksgatan» как источник изучения внешнеэкономических связей большевиков. 1917–1924 гг. (2017, № 18/1–2/)

Дубинко-Гуща Е. О. Зарубежная историография внешней политики Дании в 1970–1980-е гг. (2015, № 16)

Ефимов М. В., Литвиненко К. Д. К вопросу о формировании представления о Выборге как «старинном русском городе» (2016, № 17/2/)

Жаров Б. С. Видные деятели датской культуры на берегах Фонтанки (2017, № 18/1–2/)

Жаров Б. С. Скандинавские словари профессора В. Ф. Максимова (2015, № 16)

Журавлев Д. А. Больницы и клиники научно-исследовательских институтов Ленинграда в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. (2016, № 17/1/)

Ивлева С. Е. Иллюстрированные издания о Скандинавии в собрании библиотеки Лейб-гвардии Измайловского полка (2016, № 17/1/)

Козлов Н. О. Отражение Шлезвиг-Гольштейнского кризиса 1863–1864 гг. на страницах российских и английских газет: разница восприятия (2016, № 17/2/)

Козлов Н. О. Шлезвиг-Гольштейнский вопрос в трудах российских историков второй половины XIX столетия (2018, № 19/1/)

Котельников К. Д. Побег из Советской России в Финляндию в воспоминаниях русских эмигрантов первой «волны» (2019 /2/)

Лобанова Д. Р. Восприятие событий гражданской войны в Финляндии Великобританией (по материалам ежедневной газеты «Таймс») (2019, № 20 /2/)

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии 1918 г. в работах деятелей финского коммунистического движения (1920–1-я половина 1940-х гг.) (2016, № 17/1/)

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии 1918 г. на страницах современных финских газет (2017, № 18/1–2/)

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии в финской историографии в первой половине XX-го века (2018, № 19/2/)

Лобанова Д. Р. Новый подход финских исследователей к изучению гражданской войны в Финляндии во второй половине XX века (2019, № 20 /1/)

Лобанова Д. Р. Особенности современного изучения гражданской войны в Финляндии 1918 г. (2016, № 17/2/)

Лобанова Д. Р. Современные отечественные исследования о проблеме независимости и гражданской войне в Финляндии (2018, № 19/1/)

Мошник Ю. И. «Дайте нам короля». Дискуссия о форме правления в выборгской прессе 1918 г. (2019, № 20 /1/)

Наземцева Е. Н. Российская послереволюционная эмиграция в Финляндии в советско-финляндских отношениях 1920-е гг. (по документам Архива внешней политики РФ) (2019, № 20 /1/)

Николаев Н. И. Советско-финляндские переговоры в Раяйоки в 1920 г. на страницах газет «Правда» и «Известия» (2019, № 20 /1/)

Петров П. В. Документы об участии Финляндии в событиях революции и Гражданской войны в России в фондах ЦГАИПД СПб (2018, № 19/2/)

Петров П. В. Отечественная историография советско-финляндской войны за последние 20 лет (1999–2018) (2019, № 20 /2/)

Петрова А. А. Великое княжество Финляндское в составе Российской империи в восприятии испанских дипломатов второй половины XIX в. (2018, № 19/1/)

Пилипчук И. В. Комплект чертежей Выборгской крепости Л. К. Стобеуса от 18.03.1703 года как основа для реконструкции внешнего вида городских укреплений Выборга в XV–XVII вв. (2018, № 19/2/)

Решетникова М. А., Чихачев А. Ю. Безопасность Балтийского региона в стратегических документах прибрежных государств (2016, № 17/1/)

Шкваров А. Г. Крепость Вильманстранд и ее гарнизон в 1750–1850-х гг.: по материалам Национального архива Финляндии (2019, № 20 /1/)

Шкваров А. Г. Новые источники по истории Северной войны из Государственного архива Швеции (2016, № 17/1/)

Шкваров А. Г. Русский гарнизон Фридрихсгама в 1750–1850-х гг.: По материалам Национального архива Финляндии (2018, № 19/2/)

Шрадер Т. А. Вилли Брандт о Норвегии в годы Второй мировой войны (2017, № 18/1–2/)

Шрадер Т. А. Из истории русско-скандинавских отношений в конце XIX–начале XX веков (вопрос исследования северных районов Европы) (2015, № 16)

Шрадер Т. А. Труды скандинавских ученых в изданиях Академии наук России (XVIII — начало XIX в.) (2016, № 17/1/)

Шрадер Т. А. Этнография городской жизни в Скандинавских странах (XIX — начало XX веков) (2018, № 19/2/)

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Балаценко Ю. Д. Судьба усадьбы И. Е. Репина «Пенаты» до, во время и после Второй мировой войны (2015, № 16)

Бородина Т. П. Первое участие Финляндии на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. в Москве (2016, № 17/2/)

Векшин А. П. Природные ландшафты окрестностей Выборгской губернии Великого княжества Финляндского и Санкт-Петербургской губернии на фотографиях С. М. Прокудина-Горского (2018, № 19/1/)

Востров А. В. Шведский и русский языки в Финляндии в XIX веке. Проблемы отношений двух административных языков Великого княжества (2016, № 17/1/)

Востров А. В. Языковая ситуация в Финляндии в 1899–1918 гг.: финский, шведский и русский языки на рубеже эпох (2017, № 18/1–2/)

Гурова Е. А. Датские свадебные традиции (2015, № 16)

Жаров Б. С. Первый словарь финского языка и государственный канцлер Николай Петрович Румянцев (2016, № 17/2/)

Жаров Б. С. Петербургский турист в Скандинавии сто лет назад (2018, № 19/1/)

Жирнова А. С., Мельнов А. В. Петровская гора в Выборге как памятное место русской истории города: до и после 1917 г. (2018, № 19/2/)

Кокин В. Л. Поэт Илья Авраменко на финском фронте (2016, № 17/2/)

Костылев Ю. С. Языковые средства создания образа финна в текстах советской центральной печати периода финской оккупации Карелии 1941–1944 гг. (2016, № 17/2/)

Кривдина О. А. Картины Эдварда Мунка в Кунстхауз Цюриха (2019, № 20 /2/)

Кустов В. М. «Русская Финляндия»: встреча культур между Западом и Востоком (2016, № 17/2/)

Маркова Е. А. Контакты Императорской петербургской академии художеств и Королевской академии Копенгагена по проблеме художественного обучения женщин в 1870-е гг. (2019 /2/)

Мартынова А. Г. Выражение тоски о потерянном городе в ностальгических работах выборгских финских художников эвакко (1939–1944) (2019, № 20 /1/)

Мельнов А. В. Городской герб Выборга в контексте средневековой геральдики стран Северной Европы (2019, № 20 /1/)

Мельнов А. В. Строительство шведско-немецкого собора Петра и Павла в Выборге (2019, № 20 /2/)

Метелкин Е. Н. Монеты и медали шверинского мюнцкабинета как нумизматические источники по истории Балтийского региона (2019, № 20 /1/)

Мусаев В. И. Неудавшийся проект: попытка объединения Финляндской и Эстонской православных церквей (нач. 1920-х гг.) (2019, № 20 /2/)

Мусаев В. И. Предыстория календарного конфликта в Финляндской православной церкви (2017, № 18/1–2/)

Мусаев В. И. Архиепископ Серафим (Лукьянов) — последний архиерей Финляндской епархии Русской православной церкви (2016, № 17/1/)

Мусаев В. И. Распространение свободно-церковного движения в Восточной Финляндии в конце XIX — начале XX вв. (2015, № 16)

Мусаев В. И. Финско-протестантская экспансия в православной Карелии в начале XX в. (2019, № 20 /1/)

Партала М. А. «Записки сапера» Бориса Лихарева как документальное повествование о боевых действиях 155 стрелковой дивизии на карельском направлении (1939–1940) (2016, № 17/2/)

Суворова Л. В. О художественном образовании в Великом княжестве Финляндском во 2-й половине XIX века (2016, № 17/1/)

Суворова Л. В. Организация художественного образования в Великом княжестве Финляндском во II половине XIX века (2015, № 16)

Сутягина Л. Э. К вопросу сохранения национальной идентичности. Элементы шведского народного костюма в коллекции МАЭ РАН (2018, № 19/1/)

Фруменкова Т. Г. П. Г. Ганзен и проект преобразования воспитательных домов (1905–1917 гг.) (2017, № 18/1–2/)

Фруменкова Т. Г. Из жизни окружного надзирателя Финляндского округа Петербургского воспитательного дома И. Ф. Лашкейта (1820–1850-е гг.). (2015, № 16)

Фруменкова Т. Г. К истории Мариинского отделения «императорской санатории» в Великом княжестве Финляндском (начало XX в.) (2016, № 17/1/)

Фруменкова Т. Г. П. Г. Ганзен и его публикации по проблемам призрения детей-сирот и помощи бедным в странах Западной Европы и России (1892–1916) (2018, № 19/1/)

Хуциева В. В. Система коммерческих учебных заведений в Санкт-Петербурге и Финляндии в конце XIX в.: общее и различное в перспективах развития (2018, № 19/1/)

Шкаровский М. В. Русская Никольская община Хельсинки в XX веке (2016, № 17/1/)

Шкаровский М. В. Русская община Покрова Пресвятой Богородицы в Хельсинки в XX в. (2015, № 16)

Шрадер Т. А. История школ Шведской и Финской церквей Св. Екатерины и Св. Марии в Санкт-Петербурге (XIX век) (2019, № 20 /2/)

Шувалова А. Н. Метрические книги православных церквей Старой Финляндии середины XVIII века как исторический источник (2018, № 19/2/)

Шувалова А. Н. Ученые Финляндии в Олонецкой губернии во второй половине XIX — начале XX в. (2018, № 19/1/)

Шувалова А. Н. Церковь во имя Рождества Христова в Выборге в середине XVIII столетия (2019, № 20 /1/)

Яковлев О. А. Законопроект Министерства народного просвещения «О мерах к расширению познаний финского и шведского языков среди русской учащейся молодежи» в III Государственной Думе Российской империи (2016, № 17/1/)

ARTICLES PUBLISHED IN XV–XX VOLUMES «SAINT PETERSBURG AND NORTHEN EUROPEAN COUNTRIES» (2015–2019)

PEOPLE AND EVENTS THROUGH THE PRISM OF HISTORY

Balatsenko Yu. D. How and why I. I. Brodsky has been persuading I. E. Repin to move from Finland to the USSR (2016, № 17/1/)

Balatsenko Yu. D. I. E. Repin in independent Finland (2017, № 18/1–2/)

Balacenko Jr. D. The fate of I. E. Repin's grandsons Gaj and Dij after 1917 (2019, № 20 /1/)

Baryshnikov V. N. The Latvian Bolshevik Smilga I. T. and his role in the Revolution and the Civil War in Finland (2019, № 20 /1/)

Baryshnikov V. N. Why C. G. E. Mannerheim, being a major war criminal was not convicted by the Finnish court in 1946? (2017, № 18/1–2/)

Bazhanov D. A. Relationships of the revolutionary authorities on the ships of the Baltic Fleet in the spring of 1917 (the materials of A. F. Kerensky's visit to Helsingfors on May 9, 1917) (2019, № 20 /2/)

Dmitreeva N. V. The Icelandic scholar Finn Magnusen as correspondent of the Russian diplomat P. A. Nicolay (2016, № 17/2/)

Frumenkova T. G. P. G. Hansen and his social work in the Russian village in 1899 (2019, № 20 /2/)

Gekht A. B. K. A. Wallenberg. A Swedish banker's life and career (2019, № 20 /2/)

Gekht A. B., Tsverianashvili I. A. Hans Christian Oersted: landmarks of biography and scientific research (2018, № 19/1/)

Geust C.-F. Finnish aviators in the Imperial Russian Air Force — Russian aviators in the Finnish Air Force /Some notes on early aviation history in Finland/ (2019, № 20 /2/)

Ivleva S. E. Engraver-illustrator Lavrentyi Seryakov and Konstantin Klodt. Pupil and master (2018, № 19/1/)

Ivleva S. E. St. Petersburg printer George Hohenfelden (1828–1908). Biography materials (2019, № 20 /2/)

Jakovleva T. M. Ida Aalberg in St.Petersburg (2016, № 17/1/)

Kangaspuro L. V. Brothers Yakov and Constantin Grot`s. The activities for the benefit of Russia and Finland (2017, № 18/1–2/)

Kangaspuro L. V. Creators of prison reform. N. S. Tagantsev and A. Grotenfelt (2016, № 17/1/)

Kovalenko G. M. Soviet Russia of the 1920th years Toure Arne's eyes (2016, № 17/1/)

Krivdina O. A. The pupil and the master. Boris Orlovskyi and Bertel Thorvaldsen (2018, № 19/1/)

Krivdina O. A. Danish by origin; the graduate of St. Petersburg Art Academy, painter V. G. Shwartz (1838–1869): Forming of the talent (2016, № 17/1/)

Melnov A. V. Lorentz Kristoffer Stobeus — chief of the Vyborg fortification company 1702–1710 (2018, № 19/1/)

Mikhalkova T. K. The activity of M. I. Steblin-Kamensky, a prominent figure in Scandinavian studies, during the siege of Leningrad (2017, № 18/1–2/)

Moshnik Y. I. The war in the presence of VIPs: towards the biography of Aarno Tuurna, the commander of Vyborg military administration in 1941–1943 (2016, № 17/2/)

Musaev V. I. Political Activities of the Russian Emigration in Finland in the 1920s and 1930s. (2018, № 19/1/)

Partala M. A. G. A. Kyandsky, an officer of Finland Wireless Telegraphy Division: a portrait «against the background of the epoch». (Adapted from documents provided by the Memorial Museum of A. S. Popov) (2019, № 20 /1/)

Permjakova A. A. Aurora Stjernvall: Places of memory in Finland and St. Petersburg (2016, № 17/1/)

Polevaja A. A. Vidkun Quislin's personality in the context of the struggle in the occupied Norway. The role of psychological portrait in his policy and activities (2016, № 17/2/)

Rodin D. V. Soviet Union and the "Northern Locarno" project of Rafael Erich (2019 /2/)

Shkvarov A. G. Jews and Muslims in Russian Army and Navy in the Grand Duchy of Finland in the XIXth century (2016, № 17/2/)

Sychev V. I. Marquis Ivan Ivanovich de Traversay in Ruotsinsalmi (Kotka) in 1796–1801(2016, № 17/2/)

Zharov B. S. Danish lawyer Hermod Lannung, a witness of the revolutionary events of 1917 in Petrograd (2018, № 19/2/)

Zharov B. S. Ivan Ottonovich Pallisen (Hans Jessen Pallisen, 1815–1881) — general consul of Denmark in Saint Petersburg (2016, № 17/1/)

ECONOMICS, WAR AND POLITICS

Baryshnikov V. N. Soviet bombing Helsinki in February 1944: characteristics and signifi cance (2016, № 17/1/)

Baryshnikov V. N. The role of the Finnish military intelligence in the battle for the Vyborg in August 1941 (2016, № 17/2/)

Bazarova T. A. «Long Way Home»: Return of Russian prisoners of war to the homeland in 1710 (2017, № 18/1–2/)

Bazarova T. A. Military actions in Swedish Pomerania and Russian-Turkish peace talks in 1711–1713 (2019, № 20 /2/)

Bazarova T. A. Russian-Swedish diplomatic confrontation in Istanbul at the beginning of the 18th century (2016, № 17/1/)

Bochkov E. A. Features of the logistics organization of the Red Army troops during the Soviet Finnish War (1939–1940) (2019, № 20 /1/)

Chepel' A. I. Swedish-Russian Border Area aft er Stolbovo: Justifi cation and Self-justifi cation Defectors (2016, № 17/1/)

Chepel' A. I. The criminal communities in the Swedish-Russian border area in the first years after the Stolbov peace treaty (2017, № 18/1–2/)

Chepel' A. I. «He has acquaintances and a kin there»: the role of personal connections in intelligence activities in the Swedish-Russian borde area in the first yearsafter the Stolbov peace treaty (2019, № 20 /2/)

Dubrovskaja E. Yr. Russian Servicemen and Townspeople of Helsinki in Situation of Radical Changes in Spring — Summer 1917 (2019, № 20 /2/)

Gekht A. B. The supplies of military equipment from Sweden to Finland during the Soviet-Finnish War of 1939–1940 (2016, № 17/1/)

Guljaev D. A. Soviet diplomacy and the Comintern activities in Sweden in the context of struggle for influence in Northern Europe between the Allies Coalition and Germany during 1939–1943 (2016, № 17/2/)

Ilchenko P. A. The origins of the formation of the so-called «Swedish model» in the state's economic policy between 1920 and 1930 years (2016, № 17/2/)

Ivannikov N. S. Sweden's attitude towards the Aisland's separatism during 1917–1921 (2016, № 17/1/)

Ivannikov N. S. Criticism over sociopolitical paragraphs of «Swedish Democrats» party on the program in modern times (2018, № 19/1/)

Korchagin O. V. The Third Finnish Officer Course of the Infantry in Petrograd (2019, № 20 /1/)

Kozlov D. Y. Admiral Nikolas O. von Essen's «Swedish adventure» in the light of new sources (2019, № 20 /2/)

Kozlov D. Yr. «Swedish factor» in the operational plans of the Russian Baltic Fleet on the eve of the First World War (1907–1914) (2019, № 20 /1/)

Melnov A. V. The Swedish garrison of Vyborg in the siege of 1710 (2016, № 17/1/)

Mikhailovskaia A. A. Swedish «activism» at the beginning of the First World War (2018, № 19/1/)

Mikhailovskaia A. A. The historical background of the emergence of a Pro-Germanism in Sweden (2019, № 20 /2/)

Moshnik Y. I. «Send echelons to Vyborg». Vyborg garrison in December 1917 — January 1918 (2018, № 19/2/)

Musaev V. I. «Co-tribal» Emigration and «Work with the Co-tribesmen» («heimotyö»): Ingrian and East-Karelian Factor in the Policies of Interwar Finland (2018, № 19/2/)

Musaev V. I. Problem of Repatriation of the Refugees in the Soviet-Finnish Relations after the Conclusion of the Tartu Peace Treaty (2016, № 17/2/)

Partala M. A. The history of the 12th ski battalion in the «winter war» in the literary sources (2018, № 19/2/)

Petrov P. V. Industry of Leningrad during the Soviet-Finnish War 1939–1940: the creation of new types of weapons and equipment (2016, № 17/2/)

Postnikov A. G. The use of a special power of Artillery on the Karelian Isthmus in winter 1939–1940 and summer 1944 (2016, № 17/2/)

Sadomceva A. R. Swedish-American relations through the prism of the «Finnish question» during the Second World War (22.06.1941–19.09.1944) (2018, № 19/1/)

Slavnitsky N. R. Finnish workers in the Narodnik movement (2018, № 19/2/)

Slavnitsky N. R. On the acquisition and supply of Russian troops in Finland in the mid 1710-s. (2019, № 20 /2/)

Slavnitsky N. R. Provision of defense of St. Petersburg during the operation in Finland in 1712. (2018, № 19/1/)

Slavnitsky N. R. Repair work in St. Petersburg and Vyborg Castle during the Seven Years' War (2017, № 18/1–2/)

Slavnitsky N. R. The tactics of the Russian and Swedish forces in England and Finland during the Great Northern War: Th e Struggle for the crossing (2016, № 17/1/)

Smolin A. V. The problems of demarcation of the Russian-Finnish maritime border in 1918 (2018, № 19/2/)

Smolin A. V. The talks between Soviet Russia and Finland in Tartu. First period 12 June — 14 July 1920 year (2019, № 20 /1/)

Terashkevich A. S. Russians in the Finnish Civil War (2016, № 17/2/)

Vasilik V. V. St. Prince Alexander Nevsky and Finland FINLAND (Warfare of 1256, its reasons, character and results) (2018, № 19/2/)

Verigin S. G. Soviet prisoners in the Finnish concentration camps on the occupied territory of the Medvezhjegorsk region of Karelia in 1941–1944 (2016, № 17/2/)

Vostrov A. V. «The key to Stockholm»: Aland Islands during Russo-Swedish Wars from 1700 to 1809 (2018, № 19/1/)

Vostrov A. V. The Finland railway in 1870–1917 as a missed factor of two capitals rapprochement (2016, № 17/2/)

Vozgrin V. E. Decline of the Danish Colonial Empire (2018, № 19/1/)

Vozgrin V. Je. Vyborg and Narva as key centers of the Swedish colonial empire (2018, № 19/2/)

Vozgrin V. Je. Why did not the Polish-Lithuanian Commonwealth become a great Baltic power? (2016, № 17/1/)

Zhuravlev D. A., Panov R. A. The role of medical and scientific institutions in the Leningrad to organize of treatment of frostbite during the Soviet-Finnish War (2017, № 18/1–2/)

THE BALTIC SEA: COOPERATION AND CONFRONTATION

Bazhanov D. A. Russian naval counterintelligence services in Finland in March-October 1917: organization and structure (2016, № 17/1/)

Bazhanov D. A. The February Revolution in Helsingfors: the capital of Finland March 3–5. 1917 (2018, № 19/1/)

Bazhanov D. A. The Food Supply of the Russian Navy Sailors in Finland in the Period of World War I (August 1914 — January 1917) (2016, № 17/2/)

Grebenshchikova G. A. Naval Forces of Russia and Sweden befor the War of 1788–1790 (2016, № 17/1/)

Grebenshchikova G. A. Russia and Sweden military confrontation off Viborg in 1790 (2018, № 19/1/)

Grebenshchikova G. A. Some aspects of Baltic Sea shipbuilding at the end of XVIII — beginning of XIX cent (2018, № 19/2/)

Lebedev A. A. About one achievement of Russia in the great Northern war and its consequences (2018, № 19/1/)

Lebedev A. A. Battle of Krasnaya Gorka (Battle of Kronstadt, May 23–24, 1790) in light of new information (2016, № 17/2/)

Lebedev A. A. Lights and shadows cruising the actions of the Russian fleet in the Russo-Swedish war of 1788–1790 (2018, № 19/2/)

Lebedev A. A. Little-known details of the Kolberg expeditions Baltic Fleet 1760–1761 years (2017, № 18/1–2/)

Lebedev A. A. The Baltic Fleet beginning of XIX century in the light of new archival sources (2016, № 17/1/)

Nikolaev N. I. The problem of the Danish straits in the naval planning of the UK and Russia before and during the First World war (2018, № 19/2/)

Partala M. A. Award documents of offi cers and enlisted men of the Russian Navy (1914–1917), as an important source on the history of Russian naval radio intelligence (2016, № 17/1/)

Partala M. A. Radio intelligence of the Russian fleet on the Baltic Sea (1914–1917): new data for the biographies of officers (2018, № 19/1/)

Partala M. A. Radio intelligence of the Russian fleet on the Baltic Sea (1914–1917): modern historiography and perspectives of research (2017, № 18/1–2/)

Petrov P. V. Combat actions of the Soviet troops in Peterhof and Strelna in September-October 1941 (2018, № 19/1/)

Petrov P. V. Creation of naval bases and coastal defenses of the Red Banner Baltic Fleet in the Vyborg Gulf and the Björkö archipelago in the spring of 1940 — spring of 1941 (2019, № 20 /1/)

Petrov P. V. Finnish prisoners of war in the Baltic Sea during the «Winter War» of 1939–1940 (2017, № 18/1–2/)

Petrov P. V. Political moods and discipline of the Red Banner Baltic Fleet in late 1930 — early 1941 (2016, № 17/1/)

Tcverianashvili I. A. The Swedish contribution to the construction of The South-West waste-water treatment plant is Saint-Petersburg (2016, № 17/1/)

Vostrov A. V. Aland question and its transformation between 1809 and 1917 (2018, № 19/2/)

HISTORICAL SOURCES, OPINIONS AND ESTIMATIONS

Arzamastseva E. N. Russian authorities in Finnish political periodicals of the beginning of XX century (2016, № 17/2/)

Baryshnikov V. N. «The Scandinavian Scriptures» and features of historical study of the Countries of Northern Europe in the USSR (1950–1960) (2019, № 20 /2/)

Baryshnikov V. N. The problem of research in the USSR in the 1920s-1930s the history of the Revolution and Civil War in Finland (2018, № 19/2/)

Baryshnikov V. N. The role of prerevolutionary Russian historiography of Northern Europe for the formation of modern historical views about the Scandinavian countries and Finland (2018, № 19/1/)

Bazarova T. A., Proskuryakova M. E. The Topographical Description of the Vyborg Vicegerency (1786) from the Collection of Vorontsov (2018, № 19/1/)

Efimov M. V., Litvinenko K. D. On the formation of the conception of Vyborg as «the ancient Russian town» (2016, № 17/2/)

Gekht A. B. Olof Aschberg's memoirs «En vandrande jude från Glasbruksgatan» as a source of the Bolsheviks' external economic relations' history 1917–1924 (2017, № 18/1–2/)

Ivleva S. E. Illustrated Editions on Scandinavia in the Collections of the Life Guards Izmailovsky Regiment Library (2016, № 17/1/)

Kotelnikov K. D. Escape from Soviet Russia to Finland in the memories of Russian emigrants of the first "*wave*" (2019, № 20 /2/)

Kozlov N. O. Reflection of Schleswig-Holstein crisis of 1863–1864 on pages of the Russian and English newspapers: difference of perception (2016, № 17/2/)

Kozlov N. O. Analysis of the nineteenth-century Russian research literature devoted to the Schleswig-Holstein problem (2018, № 19/1/)

Lobanova D. R. Finnish Civil War of 1918 in the writings of members Finnish communist movement (1920 — the fi rst half of the 1940s.) (2016, № 17/1/)

Lobanova D. R. Modern domestic research on the issue of independence and the civil war in Finland (2018, № 19/1/)

Lobanova D. R. Perception of the events of the civil war in Finland by the UK (based on the materials of the daily newspaper «The Times») (2019, № 20 /2/)

Lobanova D. R. The Civil War in 1918 in Finland on the pages of the Finnish contemporary newspapers (2017, № 18/1–2/)

Lobanova D. R. The Civil War in Finland in the Finnish Historiography in the First Half of the XXth Century (2018, № 19/2/)

Lobanova D. R. The new approach of Finnish researchers to study the Civil War in Finland in the second half of XX century (2019, № 20 /1/)

Moshnik J. I. «Give us a king». The discussion on the form of government in Vyborg press in 1918 (2019, № 20 /1/)

Nazemtseva N. E. Russian military emigrants in Finland in the Soviet-Finnish relations 1920s (on documents of the Archive of the Russian Federation's Foreign Policy (2019, № 20 /1/)

Nikolaev N. I. Soviet-Finnish negotiations in Rajajoki (April 1920) in the pages of «Izvestia» and «Pravda» (2019, № 20 /1/)

Petrov P. V. Documents on Finland's participation in the events of the revolution and the Civil War in Russia in the funds of the Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (2018, № 19/2/)

Petrov P. V. Domestic historiography of the Soviet-Finnish war in the last twenty years (1999–2018) (2019, № 20 /2/)

Petrova A. A. The Grand Duchy of Finland as a Part of the Russian Empire in the Perception of Spanish Diplomats in the Second Half of the 19th Century (2018, № 19/1/)

Pylypchuk I. Vik. Set of drawings Vyborg Castle L. C. Stobeusa of 17 (18) in March 1703 as a basis for the reconstruction of the appearance of the city fortifications of Vyborg in the XV–XVII centuries (2018, № 19/2/)

Reshetnikov M. A., Chikhachev A. Y. Baltic security in strategic concepts of maritime nations (2016, № 17/1/)

Shkvarov A. G. Fortress Wilmanstrand and its garrison in 1750–1850: documents from the National Archive of Finland (2019, № 20 /1/)

Shkvarov A. G. The new sources of the Great Northern War from the National Archives of Sweden (2016, № 17/1/)

Shkvarov A. G. The Russian garrison of Fredrikshamn in 1750–1850: documents from the National archive of Finland (2018, № 19/2/)

Shrader T. A. Ethnogphy of townlife in Scandinavian countries /XIX-beginning of XX centuries/

Shrader T. A. Scientific works of Scandinavian scholars in publications of the Russian Academy of Sciences (XVIII–XIX centuries) (2016, № 17/1/)

Shrader T. A. Willy Brandt about Norway during the Second World War (2017, № 18/1–2/)

Vasara V.-T. Soviet Karelia Through the Eyes of the Participants of the «Kinship Wars» in 1918–1922 (2018, № 19/2/)

Vasara V.-T. «What Kind of Finland We Need to Create?» Few Views on the Future of the Young Republic in 1918 (2016, № 17/2/)

Vozgrin V. E. Alma Söderjelm, a historian from Vyborg — From the apology of the revolution to participation in the White movement (2019, № 20 /1/)

Vozgrin V. E. Historical traditions of Harald Hjärne and the "Weibullians" in the 19th and 20th centuries (2019, № 20 /2/)

Vozgrin V. E. Similarities and Differences between the Nordic and the Roman-Germanic Historiography of the Middle Ages (2016, № 17/2/)

Vozgrin V. Je. Medieval *Litterati* and *illetterati* in Scandinavian and other cultures (2018, № 19/1/)

Vozgrin V. Je. Modern historiography of the Danish colonial empire (2017, № 18/1–2/)

Zharov B. S. The prominent persons of Danish culture in the palace in Fontanka embankment (2017, № 18/1–2/)

Zhuravlev D. A. Hospitals and Medical Research Institutions of Leningrad during Soviet-Finnish war of 1939–1940 (2016, № 17/1/)

SCIENCE, CULTURE AND RELIGION

Borodina T. P. The first part of Finland at the National Art and Industrial Exhibition 1882 in Moscow (2016, № 17/2/)

Frumenkova T. G. P. G. Hansen and his publications on the problems of care of orphans and helping the poor in Western Europe (1892–1916) (2018, № 19/1/)

Frumenkova T. G. The history of the Mariinsky branch of the «Emperor's sanatorium» in the Grand Duchy of Finland (the end of XIX — beginning of XX century) (2016, № 17/1/)

Khutsieva V. V. The System of Commercial Education in St. Petersburg and Finland at the end of the XIX century: the same and different aspects in development prospects (2018, № 19/1/)

Kokin V. L. Poet Ilya Avramenko at the Finnish front (2016, № 17/2/)

Kostylev Y. C. Language means of creation of the image of the Finn in the texts of the Soviet central press period Finnish Karelia occupation in 1941–1944 (2016, № 17/2/)

Krivdina O. A. Edvard Munch pictures in Kunsthaus Zurich (2019, № 20 /2/)

Kustov V. V. «Russian Finland»: the meeting of cultures between East and West (2016, № 17/2/)

Markova E. A. Connections of Saint-Petersburg's Imperial Academy of arts with Copenhagen's Royal Academy of Fine Arts on the problem of women's art education in the 1870s (2019, № 20 /2/)

Martynova A. G. The expression of longing for the lost city in the nostalgic works of Vyborg Finnish evakko artists (1939–1944) (2019, № 20 /1/)

Melnov A. V. The building construction of swedish-german Saints Peter and Paul Lutheran Church in Vyborg (2019, № 20 /2/)

Melnov A. V. Town's coat of arms of Vyborg in the context of medieval heraldry of the North countries (2019, № 20 /1/)

Metelkin E. N. Coins and Medals of the Schwerin Münzcabinet as Numismatic Sources of History of the Baltic Region (2019, № 20 /1/)

Musaev V. I. Unsuccessful project: Attempt of Unification of the Finnish and the Estonian Orthodox Churches (2019, № 20 /2/)

Musaev V. I. Archbishop Seraphim (Lukyanov): The Last Bishop of the Finnish Diocese of the Russian Orthodox Church (2016, № 17/1/)

Musaev V. I. Finnish-Lutheran Expansion in Orthodox Karelia in the Early 20th century (2019, № 20 /1/)

Musaev V. I. Prehistory of the Calendar Conflict within the Finnish Orthodox Church (2017, № 18/1–2/)

Partala M. A. «Notes of a sapper» by Boris Likharev as a documentary testimony about the combat operations of the 155th Infantry Division at the Karelian direction (1939–1940) (2016, № 17/2/)

Shkarovskii M. V. The Russian Church in the name of St. Nicholas the Wonderworker in Helsinki (2016, № 17/1/)

Shrader T. A. The History of the Schools of Swedish Church St.Catherina and Finnish Church St.Maria in St.Petersburg (XIX century) (2019, № 20 /2/)

Shuvalova A. N. Church of the Nativity in Vyborg in the middle of the 18th century (2019, № 20 /1/)

Shuvalova A. N. Registers of births of orthodox churches of Old Finland middle of the 18th century as historical source (2018, № 19/2/)

Shuvalova A. N. Scientists of Finland in the Olonets province in the second half of the XIX — the beginning of the XX centuries (2018, № 19/1/)

Sutyagina L. E. To the question of preserving national identity. Elements of the Swedish folk costume in the collection of the MAE RAS (2018, № 19/1/)

Suvorova L. V. The artistic education at the Grand Duchy of Finland in the second half of the XIX century (2016, № 17/1/)

Vekshin A. P. Natural landscapes of the vicinities of the Viipuri Province in the composition of the Grand Duchy of Finland and Saint-Petersburg Governorate on the photographs of S. M. Prokudin-Gorskii (2018, № 19/1/)

Vostrov A. E. Swedish and Russian Languages in Finland in the 19th Century: Issues of Relations of Two Administrative Languages of the Grand Duchy (2016, № 17/1/)

Vostrov A. Language Situation in Finland from 1899 to 1917: the Finnish, Swedish and Russian Languges at the turn of the century (2017, № 18/1–2/)

Yakovlev O. A. Bill of the Ministry of Public Education «On the measures for expanding training of Finnish and Sweedish languages among Russian young students» in the III State Duma of the Russian Empire (2016, № 17/1/)

Zharov B. C. The first Dictionary of Finnish and Imperial Chancellor Nikolay P. Rumyancev (2016, № 17/2/)

Zharov B. S. Petersburg tourist in Scandinavia one hundred years ago (2018, № 19/1/)

Zhirnova A. S., Melnov A. V. Petrovskaya cliff in Vyborg as a historic site of Russian town history: before and after 1917 (2018, № 19/2/)

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Базарова Татьяна Анатольевна, к. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, tbazarova@yandex.ru

Бажанов Дмитрий Александрович, к. и. н., доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, dbazhanov@herzen.spb.ru

Барышников Владимир Николаевич, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

Возгрин Валерий Евгеньевич, д. и. н., профессор Института истории СПбГУ, valerijvozgrin@mail.ru, v.vozgrin@spbu.ru

Гехт Антон Борисович, к. и. н., доцент Санкт-Петербургского университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, a.geht@yandex.ru

Дубровская Елена Юрьевна, к. и.н., Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, ldubrovskaya@inbox.ru

Ивлева Светлана Евгеньевна, Государственный Русский музей, ivlevasv@yandex.ru

Козлов Денис Юрьевич, д. и.н., Институт российской истории РАН, kozloff_d@mail.ru

Котельников Константин Дмитриевич, Санкт-Петербургский государственный университет, kotelnikowk@mail.ru

Кривдина Ольга Алексеевна, к. и. н, профессор Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при РАХ, olgakrivdina@yandex.ru

Лобанова Дарья Ростиславовна, Санкт-Петербургский государственный университет, d.lobanova@spbu.ru

Маркова Екатерина Александровна, Государственный Русский музей, cinomanca@rambler.ru

Мельнов Алексей Витальевич, к. и. н., Выборгский объединенный музей-заповедник, alexmelnov@yandex.ru

Михайловская Анастасия Александровна, Санкт-Петербургский государственный университет, anmikh191196@yandex.ru

Мусаев Вадим Ибргимович, д. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, vmusaev62@mail.ru

Петров Павел Владимирович, д. и. н., Государственный музей-заповедник «Петергоф», kbf1939@rambler.ru

Родин Денис Валерьевич, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, enigma9307@mail.ru

Славнитский Николай Равильевич, к. и. н., Государственный музей истории Санкт-Петербурга, slavnitski@bk.ru

Фруменкова Татьяна Георгиевна, к. и. н., доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, frumentat@yandex.ru

Чепель Александр Иванович, к. и. н., доцент Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, achepel@mail.ru.

Шрадер Татьяна Алексеевна, к. и. н., Музей антропологии и этнографии РАН, tatyana.schrader@gmail.com

Baryshnikov Vladimir N., PhD (History), professor of Saint Petersburg State University. vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

Bazarova Tatiana A., PhD (History), Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science, tbazarova@yandex.ru

Bazhanov Dmitriy A. PhD (History), associated professor The Herzen State Pedagogical University of Russia, dbazhanov@herzen.spb.ru

Chepel' Alexander I., PhD (History), associated Professor of the State Marine Technical University of St.Petersburg, achepel@mail.ru

Frumenkova Tanjana G., PhD (History), associated professor The Herzen State Pedagogical University of Russia, frumentat@yandex.ru

Gekht Anton B., PhD (History), associate Professor of The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, a.geht@yandex.ru

Dubrovskaja Elena Yr. PhD (History), of the Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre, RAS, ldubrovskaya@inbox.ru

Ivleva Svetlana E., The State Russian museum, ivlevasv@yandex.ru

Kotelnikov Konstantin Dmitrievich, St-Petersburg State University. kotelnikowk@mail.ru

Kozlov Denis Yr. PhD (History), institute of the Russian history of the Russian Academy of sciences, kozloff_d@mail.ru

Krivdina Olga A. PhD (art critic), professor at the Russian Art Department of the Repin State Academic Institute of Painting, olgakrivdina@yandex.ru

Lobanova Darja R., Saint Petersburg State University, d.lobanova@spbu.ru

Markova Ekaterina A., The State Russian museum cinomanca@rambler.ru

Melnov Alexey V., PhD (History), Vyborg's associated heritage museum alexmelnov@yandex.ru

Mikhailovskaia Anastasija A., Saint Petersburg State University, anmikh191196@yandex.ru

Musaev Vadim I., PhD (History), the St.-Petersburg institute of a history of the Russian Academy of sciences. vmusaev62@mail.ru

Petrov Pavel V., PhD (History), The State museum-reserve «Peterhof», kbf1939@rambler.ru

Rodin Dmitriy V. Lomonosov Moscow State University, enigma9307@mail.ru

Shrader Tatjana Al. PhD (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, tatyana.schrader@gmail.com

Slavnitsky Nikolai R., PhD (History), State Museum of History of St. Petersburg, slavnitski@bk.ru

Vozgrin Valeriy Je., PhD (History), professor of Saint Petersburg State University, vozgrin60@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

С. Е. Ивлева
Петербургский типограф Георгий Гогенфельден (1828–1908). Материалы к биографии 9

Т. Г. Фруменкова
П. Г. Ганзен и его социальная работа в русской деревне в 1899 г. 15

Д. А. Бажанов
Взаимоотношения органов революционной власти на кораблях Балтийского флота весной 1917 г. (по материалам визита А. Ф. Керенского в Гельсингфорс 9 мая 1917 г.) 24

К.-Ф. Геуст
Finnish aviators in the Imperial Russian Air Force — Russian aviators in the Finnish Air Force (Some notes on early aviation history in Finland) .. 35

Д. В. Родин
Советский Союз и проект «Северного Локарно» Рафаэля Эриха 43

А. Б. Гехт
К. А. Валленберг. Жизнь и деятельность шведского банкира 53

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

А. И. Чепель
«У него там знакомцы и племя есть»: роль личных связей в разведывательной деятельности в шведско-русском приграничье в первые годы после Столбовского мира 62

Н. Р. Славнитский
О комплектовании и снабжении российских войск в Финляндии в середине 1710-х гг. 70

Т. А. Базарова
Военные действия в Шведской Померании
и русско-турецкие мирные переговоры 1711–1713 гг. 76

А. А. Михайловская
Исторические предпосылки зарождения прогерманизма в Швеции 94

Д. Ю. Козлов
«Шведская авантюра» адмирала Н. О. фон Эссена (июль 1914 г.)
в свете новых источников 102

Е. Ю. Дубровская
Российские военные и горожане Гельсингфорса
в обстановке радикальных перемен весны—лета 1917 г. 128

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

В. Е. Возгрин
Исторические традиции Харанда Йерне
и «вейбуллианцев» в XIX–XX вв. 136

Д. Р. Лобанова
Восприятие событий гражданской войны в Финляндии
Великобританией (по материалам ежедневной газеты «Таймс») 152

К. Д. Котельников
Побег из Советской России в Финляндию
в воспоминаниях русских эмигрантов первой волны 166

В. Н. Барышников
«Скандинавский сборник» и особенности изучения в СССР
истории стран Северной Европы (1950–1960 гг.) 177

П. В. Петров
Отечественная историография советско-финляндской войны
за последние 20 лет (1999–2018) 191

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

А. В. Мельнов
Строительство шведско-немецкого собора Петра и Павла в Выборге ... 214

Т. А. Шрадер
История школ шведской и финской церквей
Св. Екатерины и Св. Марии в Санкт-Петербурге (XIX в.) 225

Е. А. Маркова
Контакты Императорской петербургской академии художеств
и Королевской академии Копенгагена по проблеме
художественного обучения женщин в 1870-е гг. 233

О. А. Кривдина
Картины Эдварда Мунка в Кунстхауз Цюриха 236

В. И. Мусаев
Неудавшийся проект: попытка объединения Финляндской и Эстонской православных церквей (нач. 1920-х гг.) 241

РЕЗЮМЕ 249

Статьи, опубликованные в 15–20 номерах журнала «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (2015–2019 гг.) 264

Articles published in XV–XX volumes «Saint Petersburg and Northen European Countries» (2015–2019) 276

Краткие сведения об авторах 286

CONTENTS

PREFACE.....7

PEOPLE AND EVENTS THROUGH THE PRISM OF HISTORY

S. E. Ivleva
St. Petersburg printer George Hohenfelden (1828-1908).
Biography materials.....9

T. G. Frumenkova
P. G. Hansen and his social work in the Russian village in 1899.....15

D. A. Bazhanov
Relationships of the revolutionary authorities on the ships
of the Baltic Fleet in the spring of 1917
(the materials of A. F. Kerensky's visit to Helsingfors on May 9, 1917).....24

C.-F. Geust
Finnish aviators in the Imperial Russian Air Force — Russian aviators
in the Finnish Air Force (Some notes on early aviation history in Finland) 35

D. V. Rodin
Soviet Union and the "Northern Locarno" project of Rafael Erich 43

A. B. Gekht
K. A. Wallenberg. A Swedish banker's life and career 53

ECONOMICS, WAR AND POLITICS

A. I. Chepel'
«He has acquaintances and a kin there»: the role of personal connections
in intelligence activities in the Swedish-Russian borde area
in the first yearsafter the Stolbov peace treaty 62

N. R. Slavnitsky
On the acquisition and supply of Russian troops in Finland
in the mid 1710-s.....70

T. A. Bazarova
Military actions in Swedish Pomerania
and Russian-Turkish peace talks in 1711–1713.....76

A. A. Mikhailovskaia
The historical background of the emergence
of a Pro-Germanism in Sweden.....94

D. Y. Kozlov
Admiral Nikolas O. von Essen's «Swedish adventure»
in the light of new sources.....102

E. Yr. Dubrovskaja
Russian Servicemen and Townspeople of Helsinki in Situation
of Radical Changes in Spring — Summer 1917.....128

HISTORICAL SOURCES, OPINIONS AND ESTIMATIONS

V. E. Vozgrin
Historical traditions of Harald Hjärne
and the "Weibullians" in the 19th and 20th centuries.....136

D. R. Lobanova
Perception of the events of the civil war in Finland by the UK
(based on the materials of the daily newspaper «The Times»).....152

K. D. Kotelnikov
Escape from Soviet Russia to Finland
in the memories of Russian emigrants of the first "wave".....166

V. N. Baryshnikov
«The Scandinavian Scriptures» and features of historical study
of the Countries of Northern Europe in the USSR (1950–1960).....177

P. V. Petrov
Domestic historiography of the Soviet-Finnish war
in the last twenty years (1999-2018).....191

SCIENCE, CULTURE AND RELIGION

A. V. Melnov
The building construction of swedish-german
Saints Peter and Paul Lutheran Church in Vyborg.....214

T. A. Shrader
The History of the Schools of Swedish Church St.Catherina
and Finnish Church St.Maria in St.Petersburg (XIX century).....225

E. A. Markova
Connections of Saint-Petersburg's Imperial Academy of arts
with Copenhagen's Royal Academy of Fine Arts
on the problem of women's art education in the 1870s.....233

O. A. Krivdina
Edvard Munch pictures in Kunsthaus Zurich.....236

V. I. Musaev
Unsuccessful project: Attempt of Unification of the Finnish and the Estonian Orthodox Churches 241

ABSTRACT 249

ARTICLES PUBLISHED IN XV–XX VOLUMES «SAINT PETERSBURG AND NORTHEN EUROPEAN COUNTRIES» (2015–2019) 276

INFORMATION ABOUT AUTHORS 286

Санкт-Петербург и страны Северной Европы
2019. Вып. 20 (2)
Материалы Двадцатой ежегодной научной конференции (24–25 апреля 2018 г.)

ISSN 2411-8796

Директор издательства *А. А. Галат*
Корректор *А. А. Борисенкова*
Верстка *В. А. Смолянинов*
Художник *О. Д. Курта*

Подписано в печать 12.02.2019
Формат 60×88 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная
Усл. печ. л. 18. Тираж 200 экз. Заказ № 211

Издательство РХГА
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15
Тел.: (812) 310-79-29, +7 (981) 699-65-65;
E-mail: rhgapublisher@gmail.com
http://irhga.ru

Отпечатано в типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 199